

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛЕИСТИКА

Николай МЕРПЕРТ

ОЧЕРКИ АРХЕОЛОГИИ БИБЛЕЙСКИХ СТРАН

Николай МЕРПЕРТ

**ОЧЕРКИ
АРХЕОЛОГИИ
БИБЛЕЙСКИХ
СТРАН**

СОВРЕМЕННАЯ
БИБЛЕИСТИКА

Николай МЕРПЕРТ

**ОЧЕРКИ
АРХЕОЛОГИИ
БИБЛЕЙСКИХ
СТРАН**

БИБЛЕЙСКО-БОГОСЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ
СВЯТОГО АПОСТОЛА АНДРЕЯ

МОСКВА

Николай Яковлевич Мерперт

**ОЧЕРКИ АРХЕОЛОГИИ
БИБЛЕЙСКИХ СТРАН**

Литературный редактор *Ламара Пичхадзе*

Корректор *Тамара Горячева*

Оформление и верстка *Михаил Щербов*

Книга посвящена основным результатам археологических исследований в Палестине и смежных ей областях. Последовательно рассматривается история этих исследований, их главные достижения и соотношение с письменными источниками, прежде всего со Священным Писанием. Книга носит характер очерков, поскольку автор касается ключевых проблем полуторавекового изучения памятников Палестины. Подчеркивается огромная информативность раскопок в Палестине для всех периодов ее развития от древнейшего каменного века до падения Раздельных царств и вавилонского пленения. В ряде случаев автор останавливается на общих вопросах истории Святой земли, характере исторического процесса на этой важнейшей территории и сопоставлении археологических заключений с библейскими текстами. Автор стоит на точке зрения реальности основных исторических информации Библии и наличия глубоких корней ее мифологии.

ОТ АВТОРА

Настоящая книга не претендует на исследовательский характер. Это прежде всего курс лекций, читанных в Библейско-богословском институте святого апостола Андрея в 1997 г. Цель его — дать слушателям самое элементарное представление о библейской археологии, о целенаправленном изучении памятников, связанных со Священным Писанием, прежде всего с Ветхим Заветом, начиная с корней его мифологии и вплоть до исторического, событийного, культурного его контекста. При этом необходимо иметь в виду ряд специфических обстоятельств, касающихся этой отрасли археологической науки и осведомленности русскоязычного читателя о ее развитии и достижениях.

Само понятие библейской археологии возникло полтора столетия назад, когда появились первые научные исследования древностей Святой земли и первые попытки корреляции их с текстами Священного Писания. Уже в этот период ее формирования самую активную и плодотворную роль играли русские церковные и научные деятели — подлинники подвижники изучения палестинских древностей. Первым из них должен быть назван возглавивший в 1865 г. Русскую духовную миссию в Палестине архимандрит Антонин. Наряду с активной церковной, просветительской, гуманитарной деятельностью этот замечательный человек провел хорошо продуманные археологические исследования в Иерусалиме, сделав ряд серьезных и правильно идентифицированных открытий (вторая обводная стена, построенная Неемией в 445 г. до Р. Х., Судные врата со знаменитым порогом на Крестном пути, руины базилики Константина и пр.). Раскопки архимандрита Антонина не только не уступали по научному уровню первым исследованиям Иерусалима западными — прежде всего английскими — археологами, но и превосходили их. Начиная с 1875 г. появляются и обобщающие монографии профессора Киевской духовной академии А. А. Олесницкого, посвященные палестинским древностям различных периодов — от мегалитов до ветхозаветного храма. Далее — в последние годы XIX и первое десятилетие XX в. — в разработку проблем библейской археологии вклю-

числились такие колоссы русской исторической науки, как академики М. В. Никольский, Б. А. Тураев, Н. П. Кондаков, П. К. Коковцов, наконец, крупнейший историк уходящего века академик М. И. Ростовцев. Труды их оперативно публиковались в «Православном Палестинском сборнике», «Сообщениях Императорского Православного Палестинского общества» и других изданиях. Перед первой мировой войной увидели свет превосходная обобщающая статья Б. А. Тураева «Библейская археология» (переизданная в 1991 г. в первом томе сборника «Христианство») и книга под тем же названием профессора И. Г. Троицкого (СПб., 1913). Быстро и успешно складывалась русская школа данной отрасли как библиистики, так и археологической науки. Но этот плодотворный процесс был пресечен последующими трагическими событиями. После 1917 г. по понятным причинам участие отечественных специалистов в развитии библейской археологии было исключено (естественно, я не принимаю во внимание тенденциозные атеистические сочинения типа книги И. А. Кривелева «Раскопки в библейских странах»).

Между тем раскопочная и теоретическая деятельность западных, а позднее и израильских археологов привела к ряду крупнейших открытий, многократно обогативших основной фонд источников библейской археологии и обусловивших как пересмотр многих прежних ее заключений, так и разработку новых весьма значимых проблем. К сожалению, регулярной информации об этих открытиях русскоязычные читатели, в том числе и учащиеся богословских учебных заведений, не получали: в лучшем случае публиковались разрозненные сведения об отдельных библейских городах, причем в основном в переводных популярных изданиях (типа книги Э. Церена «Библейские холмы»). Сводные работы по библейской археологии не переводились, не было и подробных их русскоязычных рефератов. Для массового читателя они фактически оставались недоступными, тогда как за рубежом, особенно во второй половине XX в., появилось значительное число соответствующих работ, достаточно полно и объективно отражающих современное состояние библейской археологии. Среди них выделяю монографии Райта (G. E. Wright; 1957), Олбрайта (W. F. Albright; 1960), Кеньон (K. M. Kenyon; 1979), Мури (P. R. S. Moorey; 1981, 1991), Мазара (A. Mazar; 1990). Материалы этих авторов, как и ряд их интерпретаций, оценок и исторических заключений использованы мной при подготовке данного учебного пособия. В наибольшей мере это касается последнего из названных ав-

торов: мной приняты, в частности, его общая схема подачи материала, периодизация и хронология, основанные на исторических датах и данных радиоуглеродного анализа в их некалиброванном значении. В этом плане определенные разделы настоящей книги носят компилятивный характер, что представляется мне совершенно естественным.

В этой же связи отмечу, что сам я никогда не вел раскопки в Палестине. Но более четверти века участия в полевых археологических исследованиях в смежных регионах Ближнего Востока — Сирии, Месопотамии, Египте — позволили мне взять на себя смелость предпринять опыт подготовки этого учебного пособия.

Постижение истории и его основные источники

Постижение истории, раскрытие и осмысление многотрудного пути рода человеческого с его взлетами и падениями, великими свершениями и беспощадным разрушительством, высокими прозрениями и глубочайшими заблуждениями — неотъемлемая часть и важнейшее условие культурного, и прежде всего духовного, развития. Абсолютно необходимо оно и при изучении богословия, требующего истинного проникновения во все дела человеческие, оценки их позитивных и трагических уроков, а главное — проникновения в духовную сферу человеческого существования — самую сложную и тонкую и все эти дела определяющую. Естественно, особое внимание должно быть здесь уделено истории тех стран и народов, с которыми непосредственно связаны Священное Писание, его сложение и события, им отраженные, а также его восприятие и воздействие на судьбы мира и человечества.

Источники познания истории многообразны. Но основных их видов два. Первый — письменные свидетельства — от мельчайших заметок, долговых расписок, торговых подсчетов и частных писем до государственных актов, хроник, деклараций, эпитафий, философских, религиозных, литературных и специально исторических сочинений самых разных эпох. Значение этого вида источников огромно и комментариев не требует. Для нескольких тысячелетий истории он является основным. Но нельзя забывать, что письменность появилась, согласно полученным наукой до сего времени данным, не более 5–5 с половиной тысяч лет назад и то первоначально лишь на очень ограниченных территориях. А существование человеческого рода на земле, как показывают открытия последних десятилетий, исчисляются уже миллионами лет. Подчеркну в этой связи, что наше понятие о времени и масштабах его единиц несопоставимо с соответствующими дефинициями Библии, касающимися космогенеза и антропогенеза. И говорить здесь о каких-либо противоречиях абсолютно неправомерно. Миллионы лет человеческого бытия до появления древнейшей письменности — доказанная реальность. Изучение этой бесконечно долгой и насыщенной важнейшими событиями (многие из которых отражены в Библии) эпохи возможно лишь

при использовании второго вида исторических источников — непосредственных свидетельств жизнедеятельности человека. Целый ряд основных направлений последней: взаимоотношения с природой, расселение и адаптация в различных ландшафтно-климатических зонах, жизнеобеспечение и самые различные формы производства, мировосприятие и верования, формирование социальных структур, появление и развитие искусства, образование этнокультурных общностей, контакты и взаимодействие между последними и многие другие оставляют следы на земле и в ее недрах, а иногда и на дне морей и рек. Следы эти носят самый разнообразный характер. Но в целом они составляют как бы гигантскую историческую книгу — книгу Земли. Поиски этих следов, расшифровка и истолкование их, превращение в подлинный исторический источник — задача археологии. Ее развитие — основной путь расширения географических, хронологических, проблемных границ исторического познания в аспекте дописьменного периода. Но в значительной мере археологические источники сохраняют свое значение и после возникновения письменности. Хорошо известно, что письменные источники отражали лишь весьма ограниченный круг исторических событий и далеко не всегда отличались объективностью. Сочетание же их с археологическими свидетельствами, их взаимная корреляция решительно способствуют расширению спектра изучения конкретных эпох и его объективизации. Весьма значительны возможности и перспективы подобного сочетания и в изучении наиболее сложных и глубинных явлений духовной культуры, определяющих (наряду с факторами материальными и экологическими) весь ход развития человечества.

Археология библейских стран и ее хронологические рамки

Все изложенное относится и к археологии библейских стран, основную задачу и специфику которой составляет воссоздание и анализ исторических реалий, нашедших отражение в Библии и, что наиболее важно, сохранивших определенную роль в самом ее сложении, в мировосприятии, духовных свершениях и исторических судьбах ее творцов. Географические рамки библейской археологии включают все территории, охваченные библейскими текстами — то есть фактически всю ближневосточную ойкумену: Восточное Средиземноморье в полном его объеме — от Северной Сирии до Си-

ная — и всю Месопотамию вплоть до Ура на Нижнем Евфрате. При этом совершенно естественно особое внимание к Палестине, где фокусируются главные библейские события. Хронологически археология библейских стран охватывает как время самих этих событий и отражения их в Библии, так и ряд предшествующих периодов развития Ближнего Востока, и прежде всего Палестины. Именно в эти периоды, начиная с глубочайшей древности, уходят корни библейской мифологии, библейского мировоззрения, библейских исторических оценок, библейской духовности. Только широкая историческая перспектива позволяет приблизиться к пониманию судеб народов библейских стран, специфики их культуры, их взаимодействия, их роли в духовном и материальном развитии человечества в его долгом и трудном пути к прозрению, единобожию, наконец к свету христианства.

Поэтому нижняя хронологическая граница археологии библейских стран уходит в глубочайшую древность, когда более миллиарда лет до наших дней на Ближнем Востоке появились далекие предки человека, а далее — свыше 100 тыс. лет до наших дней — и сам *Homo sapiens* — человек разумный. И здесь неизбежно перед нами встает вопрос о происхождении самого рода человеческого. Хорошо известно, сколь он сложен и противоречив. В полной мере касается это и эволюционной его версии. Но можно ли говорить о принципиальной ее несовместимости с библейским учением, а далее и христианским осмыслением начала нашего рода?

Вопрос этот мудро и взвешенно рассмотрен протоиереем Александром Менем. Им четко и убедительно прослежено, как от яростного отрицания христианские мыслители, в том числе и богословы, стали переходить к обсуждению возможности естественного происхождения человеческого существа. «Некоторые защитники буквального понимания Библии, — пишет о. Александр, — хотели во что бы то ни стало считать «прах земной» Книги Бытия обязательно глиной. Но более разумные признали, что, говоря словами А. Н. Толстого, «штамп на глине не знатнее орангутанга» (Мень, 1991, т. I, с. 201).

Постепенно стали понимать, что произошло недоразумение. «Убеждение, что человек имеет такое же естественное происхождение, как и остальные существа, так же не может быть во вред религии, как учение о вращении Земли» (Клаач Г. Происхождение человеческого рода, 1922, с. 364). Приводя эту цитату, о. Александр подкрепля-

ет ее данными исследований ряда других крупных биологов (Э. Васмана, А. Вейсмана, Ф. Вуд Джонса, Г. Осборна, Ф. Вайденайха, Р. Брума), предложивших различные гипотезы решения проблемы биологического предка человека, но согласных в главном — в том, что «библейское учение не исключает эволюционного происхождения человеческого тела». И далее пишет: «В результате проблемой антропологии стали заниматься многие христианские ученые. Среди них первое место занимают Анри Брейль, Гуго Обермайер и Пьер Тейяр де Шарден. Церковная точка зрения на этот вопрос нашла отражение в энциклике папы Пия XII «*Humani generis*» — «О роде человеческом», в которой говорится, что Церковь рекомендует изучать эволюционную теорию «в той мере, в какой исследования говорят о происхождении человеческого тела (разрядка А. Меня) из уже существующей живой материи, но придерживаться того, что души непосредственно созданы Богом» (Там же).

Весьма интересны приводимые о. Александром данные, согласно которым уже с начала XIX в. в русской христианской мысли известно подобное понимание библейского сказания. Он ссылается на недвусмысленные высказывания митрополита Филарета (1816), св. Серафима Саровского, во второй половине века епископа Феофана, и прямым продолжением такого понимания библейского текста звучат собственные слова о. Александра: «...по своему физическому строению человек — дитя земли, сын природы. Начиная со своего эмбриогенеза он несет в себе явные следы животного происхождения... Однако самый решающий момент в превращении животного в человека лежит за пределами антропологии и биологии... «Прах земной» (как называет Библия психофизическое естество человека) сделался носителем «души живой»» (Быт 2:7) (см. Там же, с. 101–102).

При таком соотношении христианской и научной мысли предельное внимание к становлению физиологического, природного феномена человека, к развитию особенностей его деятельности и образа жизни совершенно естественно и необходимо.

Непрестанно возрастающие археологические свидетельства Палестины и Сирии, а также смежных с ними территорий чрезвычайно значительны для разработки этой проблемы. С документированными ими этапами развития древнейшего человека и его культуры неразрывно связаны как специфика дальнейших судеб Сиро-Палестинского региона, так и корни библейской мифологии,

библейских представлений о древности, создании мира, начале человеческой истории.

Следующий принципиально важный рубеж в развитии региона определяется появлением здесь в X тыс. до Р. Х. древнейших на Ближнем Востоке оседлых долговременных поселений с зачатками регулярного сбора и использования злаков и наиболее ранними попытками приручения животных. Это позволяет говорить о первых предпосылках сложения производящих форм экономики, и прежде всего земледелия и скотоводства. Последние же обусловили все основные дальнейшие свершения: возникновение культа плодородия, формирование земледельческих и скотоводческих групп, их взаимодействие и противостояние, становление городов, первых государственных образований, цивилизации, древних этнических общностей. Поэтапный обзор этого развития и документации его археологическими источниками охватывает не менее 10 тыс. лет.

Верхняя же хронологическая граница обзора определена серединой I тыс. до Р. Х. — Вавилонским пленением и последовавшими за ним резкими сдвигами в исторических судьбах Палестины, ознаменовавшими фактический конец ветхозаветной истории.

Историческая и географическая специфика Палестины

При всей своей исторической, культурной и религиозной специфике Палестина всегда оставалась неотъемлемой частью ближневосточной ойкумены — одного из древнейших и наиболее ярких культурных очагов Старого Света. Формирование и функционирование этого очага происходили при постоянных связях и многообразном взаимодействии основных его регионов — Месопотамии, Восточного Средиземноморья, Анатолии, Египта. В этом сложном процессе Палестине принадлежала особая роль. Она располагалась на перекрещении основных путей, связующих все указанные регионы, тысячами являлась ареной борьбы за контроль над этими путями. В то же время она подвергалась как позитивным, так и негативным воздействиям со стороны древнейших племенных групп, а далее и государственных образований Нильской долины, междуречья Тигра и Евфрата и Анатолии, особенно южных и юго-восточных ее регионов, то воспринимая и используя их культурные достижения, то оказываясь объектом их экспансии. За пределами же этих регионов, непосредственно к востоку от Палестины, располагалось плато Ара-

вийской пустыни — гигантского резервуара кочевых скотоводов, опустошительные вторжения которых охватывали и Палестину. Но прибрежное положение последней определяло еще одно направление связей, также не всегда мирных и позитивных, но еще более усиливавших многообразие и контрастность процесса исторического и культурного развития рассматриваемого региона. Это уже не континентальные, а морские связи с различными, иногда достаточно далекими областями Средиземноморья, повлиявшие на взаимодействие населения Палестины не только с азиатскими, но и с европейскими этнокультурными группами.

Все это в значительной мере способствовало преданию связаным с Палестиной культурным феноменам и событиям характера определенной «всеобщности», обуславливая их воздействие на исторические, духовные, политические, культурные судьбы гигантских территорий, огромных многоликих человеческих масс и даже всего человечества. Конечно, отмеченный выше узел многообразных и предельно активных, контрастных и динамичных связей не может претендовать на объяснение этого феномена, лежащего, скорее всего, за пределами возможностей человеческого постижения. Но созданию среды, в которой этот феномен был претворен, он, несомненно, способствовал.

Многообразием и контрастностью отличаются и естественные характеристики Палестины. Составляя единый географический регион с Сирией, она делится на четыре последовательные пояса:

- 1) прибрежная долина — основной путь север — юг;
- 2) центральная зона, проходящая меридианально от Ливана через Галилею и горы Самарии и Иудеи, спускаясь далее к плоскогорью Негева;
- 3) долина Иордана, идущая от Тивериадского озера к Мертвому морю и далее к югу продолжающаяся по Вади Араба вплоть до Акабского залива Красного моря;
- 4) восточная зона, спускающаяся через горные области Гилид и Моав к Эдомской пустыне, тогда как с востока к ней непосредственно подступает Аравийская пустыня.

Ландшафт разнообразен — от всхолмлений и горных массивов, вершины которых подолгу сохраняют снежный покров, до долин, расположенных иногда заметно ниже уровня моря (долина Иордана у Мертвого моря — на 43 м), от живописных и плодородных речных долин (подобных замечательной долине Эздраэлона) до пустыни.

Контрастны и климат, и растительный покров, и природные богатства различных районов этой совсем небольшой страны. Это с предельной выразительностью отражено в Библии, где наряду с землей, «текущей медом и млеком», упоминаются странствия «по пустыне, по земле пустой и необитаемой, по земле сухой, по земле тени смертной, по которой никто не ходил и где не обитал человек» (Иер 2:6).

Эти контрасты, как и природные катаклизмы — засухи, штормы, суховеи (Ос 13:15; Ин 4:8), резко нарушавшие благоприятные в целом условия человеческого существования в Палестине, не могли не воздействовать на мировосприятие ее населения, на формирование его верований, традиций, мифологии, что, в свою очередь, не могло не отразиться как на создании, так и на восприятии библейских текстов.

О характере археологических памятников Палестины *

Отмеченные выше многообразие и контрастность естественных и исторических характеристик Палестины предопределили и такой же характер сформировавшихся на ее территории культурных феноменов, нашедших отражение в археологических памятниках. Последние столь же многообразны и во времени и в пространстве. Уже в раннем каменном веке в одних случаях их отличает длительное гомогенное развитие, в других — заметная изменчивость, взаимодействие различных индустриальных традиций, сосуществование поселков в пещерах, гротах, на открытых участках. В последующие эпохи контрастность различий сочетается с выработкой ряда достаточно прочных стереотипов. Наиболее специфично здесь формирование теллей — многослойных и чрезвычайно долговременных поселений, базировавшихся прежде всего на сложившейся земледельческой экономике. При наличии достаточно плодородных и быстро восстанавливающихся от истощения почв, постоянных источников их увлажнения, удобного для обороны расположения и разветвленных путей связей с местонахождениями необходимых ресурсов такие многослойные поселения могли существовать на одном месте тысячелетиями. Остатки поселков наслаивались один на другой иногда последовательно, что отражало гомогенность развития, иногда с краткими или длительными разрывами, знаменовавшими природ-

* Естественно, имеются в виду памятники рассматриваемых в настоящей книге периодов — от каменного века до середины I тыс. до Р. Х.

ные или исторические катаклизмы: сейсмические и климатические сдвиги, войны, миграции, перегруппировку или значительную смену населения. Остатки каждого поселка составляли слой, группа отмеченных гомогенным развитием слоев — исторический период, сумма таких групп отражала уже эпоху и в определенных случаях позволяла судить о ключевых моментах истории памятника. Поэтому информативность теллей исключительно велика: они являются решающими эталонами и для установления относительной хронологии памятников и для исторической интерпретации их материалов.

Но лишь немногие области ойкумены обладают указанной выше суммой условий образования теллей. Прежде всего здесь должен быть назван Ближний Восток. А внутри него одни из наиболее значительных их концентраций локализуются в прибрежных, межгорных и речных долинах Палестины. Именно на теллях найдено большинство доэллинистических городов, начиная с древнейших из них, возникших в раннем бронзовом веке. Высота теллей в отдельных случаях превышает 20 м, площадь колеблется в среднем от 2,8 до 8 га, хотя известны как совсем небольшие холмы (0,8 га), так и телли-гиганты, подобные Телль Асору (80 га). Они включают до 20 слоев. Средние хронологические рамки существования теллей определены А. Мазаром от 1 тыс. до 2 тыс. лет (Mazar, 1990, p. 9), но есть среди них и подлинные «долгожители»: так Телль эс-Султан, увенчанный по сей день существующим Иерихоном, был впервые заселен более 11 тыс. лет назад.

Подчеркну также, что наряду с огромной своей информативностью телли являются особо сложными объектами исследования ввиду неизбежных в ходе их существования деформации поверхностей, заполнения депрессий, сооружения подпорных стен, фундаментов массивных конструкций, водопроводов и дренажных каналов, колодцев и ям-хранилищ, а также ввиду специфики застройки отдельных районов поселений, несовпадения длительности периодов функционирования конкретных построек, расположения синхронных строений на разных уровнях, а иногда и на разных искусственных террасах, неравного числа слоев на конкретных участках поселений и т.д. Более того, иногда характер слоев и даже самый их порядок деформируются в результате механических процессов, обусловленных огромной тяжестью теллей. Поэтому археологу приходится решать здесь подлинные ребусы, развязывать сложнейшие стратиграфические узлы. Но при успешном совершении этих акций

он оказывается вознагражден сторицей: перед ним раскрывается подлинная огромная книга Земли, в должной последовательности отражающая события, нередко задолго предшествующие появлению письменности.

Но помимо теллей в земле Палестины сохраняются многие тысячи прочих поселений, не столь долговременных, отличающихся по размерам, характеру построек, функциональной направленности, хозяйству, культурным традициям. Они крайне важны для определения специфики заселения региона в конкретные исторические периоды и в различных экологических условиях, отмеченных выше, — от земледельческих поселков, прибрежной и речных долин с сырцовыми наземными домами до карстовых пещер и базальтовых домов горных областей, наконец, подземных жилищ и шахт древних рудокопов. Если телли крайне важны для разработки проблемы формирования городов, появившихся в Палестине во второй половине III тыс. до Р. Х., то однослойные поселки, часто в сочетании с теллями, позволяют исследовать общую структуру заселения региона с определением поселенческих систем и иерархии поселений, что крайне важно для социально-экономических характеристик конкретных периодов истории Палестины.

Особую группу памятников составляют медные рудники — одни из древнейших в Старом Свете и документирующие особую роль Святой земли в возникновении металлургии — еще одном важнейшем феномене человеческого развития. В этом аспекте Палестина обладает уникальными памятниками, характеризующими как последовательные этапы добычи и обработки руды, так и быт самих рудокопов.

Следующим важнейшим видом археологических источников, особенно для суждения об идеологии, мировосприятии и духовной культуре, являются погребальные памятники. Они также известны ныне во все периоды древнейшей истории Палестины начиная со среднего каменного века и отличаются поразительным многообразием и чрезвычайно высокой информативностью. В последующие же периоды фиксируются самые различные формы и обряда и ритуала — от обычных трупоположений в вытянутых ямах до резко скорченных скелетов или вторичных захоронений расчлененных костей в наземных (дольмены, каменные ящики и кольца (кромлехи), купольные гробницы) и подземных (катакомбы) сооружениях или же в глиняных вместилищах — оссуариях в виде домов или кувшинов, гладких или покрытых росписью. Часть погребений безынвентарна,

другая же сопровождается заупокойными дарами, иногда достаточно богатыми и информативными.

Наряду с отмеченными основными видами археологических памятников в отдельных районах Палестины встречены и памятники глубоко специфические. Примером их могут служить найденные в пустынных районах, где основной отраслью хозяйства долгое время оставалась охота, специальные устройства для ее загонной формы. Они представляют собой воронкообразные ловушки с каменными стенами. Узкий участок «воронки» был предназначен для отстрела загнанных в ловушки животных, прежде всего газелей.

К числу экстраординарных объектов должны быть причислены и отдельно стоящие святилища и единичные каменные зооморфные изображения — своеобразные свидетельства пустынного искусства.

Наконец, важнейшим, но, к сожалению, предельно редким видом находок в неиссякаемой археологической целине Святой земли являются древнейшие надписи по камню и глине, начиная со знаменитого Гезерского календаря (X в. до Р. Х.) и стелы Меши (IX в. до Р. Х.). Но этот вид в равной мере может быть отнесен как к археологическим, так и к письменным свидетельствам.

ИЗ ИСТОРИИ ПОЗНАНИЯ ДРЕВНОСТЕЙ ПАЛЕСТИНЫ И СМЕЖНЫХ РЕГИОНОВ

Начало регулярных и исторически целенаправленных обследований палестинских, и прежде всего библейских, древностей обычно (и не без основания) связывают с серединой XIX в., ознаменовавшейся идентификацией древних — ветхозаветных — городов американцами Робинсоном (E. Robinson) и Смитом (E. Smit), французом Клермоном-Ганно (Ch. Clermont-Ganneau), открывшим также ряд замечательных эпиграфических и прочих древнееврейских памятников, англичанами Тоблером (T. Tobler), составившим первый удовлетворительный план Иерусалима, Кондером (C. Conder) и Китченером (H. N. Kitchener) и др. Заметными научно-организационными вехами стали созданные в 1865 г. Британский фонд исследования Палестины, в 1870 г. — Американское общество исследователей Палестины, в 1878 г. — Германское Палестинское общество, в 1882 г. — Русское Императорское Православное Палестинское общество. Собственно с этого действительно начинается развитие библейской археологии как науки. Но предпосылки ее, истоки познания древностей Святой земли уходят в гораздо более далекие времена.

Крупнейший русский исследователь Древнего Востока академик Б. А. Тураев еще в начале века писал: «Интерес к местностям и другим немым свидетелям библейских событий, столь естественный и у иудеев и у древних христиан, засвидетельствован еще в римское время. Не только в Святой земле, но и за пределами ее путешественникам показывали связанные с библейскими повествованиями примечательности, например, в Вавилоне и ров лвиный, и речь халдейскую, и башню смещения языков... Торжество христианства в Империи дало новый импульс этому интересу... Появляются труды церковных писателей, справедливо считающиеся предшественниками исследований по библейской археологии и являющиеся теперь для нее источниками. Таковы... книга Евсевия Кесарийского об именах местностей, встречающихся в Священном Писании, труды Епифания о библейской метрологии. В средние века отсутствует научное отношение к Святой земле, но существует монашеская и палом-

ническая традиция о положении святых мест... Лишь с началом филологического и исторического изучения Библии в эпоху Ренессанса проявляется научный интерес к библейским древностям» (Тураев, 1993, с. 211).

Впрочем, характеристика отношения к ним в средние века может быть ныне несколько смягчена: интерес к ним не иссякал и тогда, а справедливо отмеченная монашеская и паломническая традиция в ряде случаев обуславливала специальные путешествия с поисками, осмотром и описанием библейских древностей, с первыми попытками их идентификации, иногда достаточно успешными. Последние можно считать далекими предпосылками весьма важного и впоследствии чрезвычайно плодотворного направления библейской археологии.

Так уже в XII в. испанский раввин Бенджамин из Тедела, путешествуя по Месопотамии, правильно идентифицировал Ниневию и искал Вавилонскую башню к югу от Багдада. После Крестовых походов поток описаний, касающихся прежде всего Палестины и выполненных европейскими путешественниками, заметно усиливается (швед Феликс Шмид — XV в., немец Л. Раухвольф, фламандец И. Зуаларт и голландец Иоанн Коотвик — XVI в. и др.). Римлянин Пьетро делла Валле, объездивший библейские страны в начале XVII в., описал ряд археологических памятников и впервые обратил внимание на неизвестную ранее Европе письменность — клинопись. XVII век ознаменован уже первыми опытами научного подхода к древностям как Палестины (голландец А. Роланд), так и Месопотамии (датчанин Карстен Нибур): ими производились не только целенаправленный сбор источников, но и попытки критического их анализа.

В целом же весь этот период может считаться первым этапом познания библейских стран. Он характеризуется поисками, осмотром и описанием памятников Месопотамии и Сиро-Палестинского региона, в отдельных случаях идентификацией городов, сбором и иногда систематизацией коллекций (для Месопотамии прежде всего К. Д. Рич). К этому же этапу могут быть отнесены большие и плодотворные работы французских ученых и художников во время наполеоновской авантюры 1798–1801 гг. в Египте. Но их материалы выходят за географические рамки настоящего курса.

Решающее значение для перехода ко второму этапу познания древностей и формирования археологии Ближнего Востока, в том числе и библейских стран, как науки, имела расшифровка египетской иероглифики Ж. Ф. Шамплионом (1822) и клинописи Ирана

Рис. 1.1. Э. Робинсон

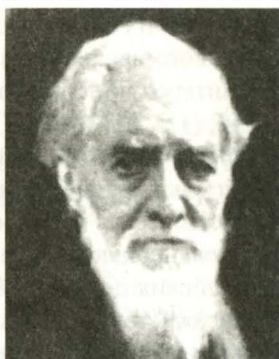

Рис. 1.3. Ф. Петри

Рис. 1.2. Ш. Клермон-Ганно

Рис. 1.4. Ф. Блисс

и Месопотамии Г. Ф. Гротенфендом (1802), Э. Бюрнуэром и К. Лассеном (1836), Г. Роулинсоном (1857) и др. Она создала возможность сопряжения материальных свидетельств с письменными и первых опытов их идентификации и датировки.

Второй этап охватил большую часть XIX в. В Палестине первым значительным его достижением явилось уже упоминавшееся выше обследование Эдвардом Робинсоном (рис. 1.1) и Эли Смитом библейских памятников Палестины в 1838 и

1852 гг. Официально целью их была проверка монастырских преданий о святых местах. Эта работа американских ученых, охватившая вначале Южную Иудею, а далее и всю страну, придала систематический и подлинно научный характер идентификации библейских городов и прочих памятников. Она знаменовала формирование этого важнейшего направления, далекие предпосылки которого в средневековье упоминались выше. Классик библейской археологии В. Олбрайт назвал подвижническую деятельность Э. Робинсона «истинной революцией в ходе исследований Палестины» (Albright, 1960, р. 26). В процессе обследования были произведены топографические съемки ряда ключевых участков, установлены точные пространственные соотношения между поселениями, осмотрены стены Иерусалима (Robinson, 1841). Начиная с 1868 г. работы огромного значения

проводит французский исследователь Ш. Клермон-Ганно (рис. 1.2), который, помимо идентификации ряда библейских и более поздних объектов, сделал важнейшие открытия в области палестинской эпиграфики. Особую известность приобрела найденная им превосходно выполненная каменная стела с надписью, прославляющей победу над Израилем упоминаемого в Библии (2 Цар 3:4) царя Моавы по имени Меша после падения династии Омри (около 825 г. до Р. Х.). Он же нашел запретительную надпись во дворе храма и значительное число прочих ценнейших материалов. Фактически им инициировались поиски и исследования древнейших еврейских надписей, к сожалению, весьма немногочисленных.

Одновременно поиски и идентификация древних памятников были распространены на Западную Палестину англичанами К. Р. Кондером и Г. Г. Китченером (впоследствии лордом и военным министром Великобритании). Они также привели к ряду серьезных открытий, но по точности идентификаций и общей результативности заметно уступали замечательным исследованиям Э. Робинсона.

Начались и первые целенаправленные и достаточно масштабные раскопки палестинских памятников. Вначале, с 1850 г., подобные попытки, сделанные Ф. де Солси (F. de Saulcy), были предельно отрицательно оценены В. Олбрайтом: «...его (Ф. де Солси. — Н. М.) действия превышали знания, а тщеславие — и то и другое» (Albright, 1960, р. 26). В 1967 г. английский офицер Ч. Уорден начал широкие раскопки в Иерусалиме и Иерихоне. Но методическая беспомощность, отсутствие принципов и эталонов хронологизации конкретных слоев, построек и групп массового материала, прежде всего керамики, привели, по словам того же В. Олбрайта, к неудовлетворительным результатам: храмовые приношения времени Ирода Великого (I в.) были приписаны Соломону (X в. до Р. Х.), а крепость Маккавеев Телль эль-Фул (II в. до Р. Х.) отнесена к периоду Крестовых походов.

Но в конце прошлого века — в 1890 г. — положение резко изменилось. Был совершен подлинный прорыв в создании научной методики полевой археологии. Он связан с именем крупнейшего английского археолога Флиндерса Петри (Petrie; рис. 1.3), постигшего, по словам А. Мазара, специфику многослойных поселений (теллей) и значение керамики для определения относительной хронологии (Mazar, 1990, р. 11). Основываясь на опыте блестящих исследований материалов Древнего Египта, Ф. Петри впервые выработал метод

систематизации всех видов находок, и прежде всего определения комплексов керамики, соответствующих конкретным периодам в истории городов и прочих поселений (Petrie, 1931). Таким образом, самый массовый материал был превращен в важнейший хронологический показатель. Метод блестяще себя оправдал в ходе раскопок, осуществленных его автором, а далее американским археологом Блиссом (F. J. Bliss; рис. 1.4) в Юго-Западной Палестине, на Телль эль-Хеси. Он же обусловил заметное совершенствование раскопок ирландца Макалистера (R. A. S. Macalister), совместно с Блиссом, в долине Сефила (холмистая Иудея). Особую известность получили широкие и проведенные на высоком научном уровне раскопки Р. Макалистера в Гезере (1902–1909), трехтомный отчет о которых, несмотря на ошибочность отдельных хронологических заключений (Albright, 1960, p. 31), явился весьма весомым вкладом в разработку основных вопросов истории древних городов Палестины. Выработанные Ф. Петри и его выдающимися последователями методики и стали поворотным пунктом в исследовании палестинских городов и в развитии библейской археологии в целом. Они воздействовали (хотя и не в равной мере) на научный уровень раскопок англичанина Мэкензи (D. Mackenzie) в Вефсамисе (1911–1912), американцев Райзнера (G. A. Reisner) и Фишера (C. S. Fisher) в Самарии (1908 г. — следующая ступень в совершенствовании исследовательской методики), немцев Шумахера (G. Schumacher) и Ватцингера (C. Watzinger) в Мегиддо (1903–1905), австрийца Зеллина (E. Sellina) в Таанахе (1902–1904), его же совместно с К. Ватцингером в Иерихоне (1907–1908). Две экспедиции работали в городе Давида в Иерусалиме; одну возглавлял Вилл (R. Weill), вторую — Паркер (M. B. Parker) с помощью одного из основателей систематических исследований Палестины — ученого-доминиканца о. Винсента (Pere H. Vincent).

Следует особо отметить значительную роль, которую с самого начала этого этапа археологических исследований Палестины играли Русское Императорское Православное Палестинское общество, основанное в 1882 г., и функционировавшая уже с 1849 г. Русская духовная миссия в Палестине (Архимандрит Августин (Никитин), 1998). Уже в 1859 г. на приобретенных русским консулом в Иерусалиме В. И. Дорогобужинным участках земли были произведены пробные раскопки, засвидетельствовавшие остатки древних стен и византийских арок. Далее здесь работали западные ученые: англича-

нин К. Вильсон, французы М. Вогюз и знаменитый Ш. Клермон-Ганно. Однако открытые ими архитектурные фрагменты сколько-нибудь удовлетворительной идентификации не получили. И первые подлинно научные исследования этих участков Иерусалима, давшие весьма существенные результаты и явившиеся весомым вкладом в процесс формирования библейской археологии, должны быть связаны с русскими исследователями, возглавлявшимися замечательным церковным, научным и обществен-

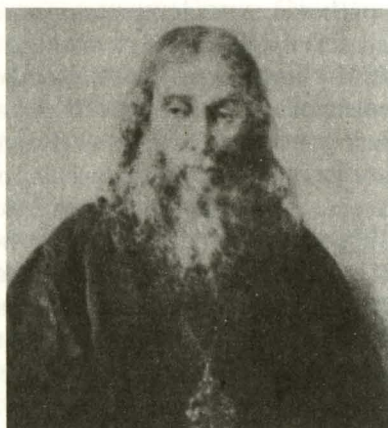

Рис. 1.5. Архимандрит Антонин

ным деятелем архимандритом Антонином (Капустиным) (рис. 1.5) (Дмитриевский, 1904; Керн, 1998). В 1883 г. он с помощью архитектора и археолога Конрада Шика произвел на достаточно высоком для того периода методическом уровне раскопки, приведшие к ряду важнейших и правильно идентифицированных открытий в областях как ветхозаветной, так и раннехристианской археологии (Архимандрит Антонин, 1884). К первой принадлежит обнаружение так называемой второй обводной иерусалимской стены, возведенной при Неемии в 445 г. до Р. Х. (Неем 2). Определение хода этой стены имело принципиальное значение для решения спорного вопроса о местоположении Голгофы. А открытый в стене порог шедших за город Судных врат свидетельствует «о нахождении здесь укрепленных ворот, через которые могла проходить конечная часть Крестного пути» (Хитрово, 1885, с. 42). Следует отметить, что полемика, возникшая по поводу идентификации архимандритом Антонином этих важнейших открытий, завершилась полным их подтверждением (Архимандрит Августин (Никитин), 1998, с. 110–111).

Для раннехристианской археологии Иерусалима достаточно значительно открытие архимандритом Антонином руин базилики Константина Великого с пристройками византийской эпохи. Должна быть отмечена и упоминавшаяся уже активнейшая деятельность профессора А. А. Олесницкого, чьи аналитические монографии были посвящены палестинским памятникам самых различных периодов — от мегалитов (1895) до ветхозаветного храма (1889).

Широкие исследования раннехристианских древностей производились в 1891–1892 гг. экспедицией Н. П. Кондакова (при участии Я. И. Смирнова, А. А. Олесницкого и др.), инициированной Императорским Православным Палестинским обществом и Русской духовной миссией в Палестине (Кондаков, 1904). В 1898 г. археологические изыскания русских ученых распространились на Заиорданье, далее же на Тивериаду (Ростовцев, 1913) и Синай (Март, 1908). В 1901–1902 гг. при Обществе по инициативе и под руководством П. К. Коковцова состоялось совещание специалистов по археологии Палестины и сопредельных стран, посвященное вопросам расширения исследовательской деятельности, и прежде всего активизации археологических изысканий русских ученых. Одновременно значительную деятельность развернул Императорский археологический институт в Константинополе...

Таким образом, уже на втором этапе рассматриваемого процесса ученые ряда стран, включая Россию, внесли свой вклад в формирование библейской археологии. Но следует признать, что в области полевой археологии доминанта принадлежала тогда Месопотамии, где последовательно были открыты две великие древние цивилизации: с 40-х г. XIX в. начались широкие раскопки городов позднеассирийского периода конца II — первой половины I тыс. до Р. Х., а с 70-х гг. — еще более ранних, шумерских — III тыс. до Р. Х. К концу века раскопки охватили значительные территории Междуречья и приняли огромные размеры (Parrot, 1946; Lloyd, 1984).

Последние особенно характерны для финала второго этапа, длившегося с конца XIX в. до первой мировой войны. В Палестине эти годы отмечены разномасштабными раскопками как израильских и иудейских, так и более ранних городов и некрополей. Самые значительные из них уже были отмечены выше. Среди библейских памятников Месопотамии, исследованных на этом этапе, в первую очередь должны быть указаны беспримерные по размаху восемнадцатилетние раскопки Вавилона Робертом Кольдевейем (1899–1917), позволившие воссоздать историческую топографию, общую планировку, фортификации, дворцовые, храмовые, жилые комплексы этого крупнейшего города древней Месопотамии (Koldewey, 1925). Широко развернулись полевые исследования и целого ряда других городов Двуречья — шумерских, аккадских, ассирийских (Гирсу, Урук, Ниппур, Нимруд, Ниневия). Весьма совершенная методика была выработана Андре (W. Andrae) в ходе раскопок одной из ассирийских столиц — города Ашшур.

Важные открытия были сделаны на территории Сирии. Среди них выделю многолетние исследования Вулли (L. Woolley) замечательного памятника Телль Атчана за рекой Оронтом, идентифицированного как древний город Алалах. Его 17 строительных уровней охватывали ряд периодов от IV до конца II тыс. до Р.Х., отражая как оригинальность местного развития, так и перекрещивающиеся воздействия Месопотамии с востока и Эгейи с запада.

Особо следует отметить, что на втором этапе впервые было обращено серьезное внимание на памятники древнейших периодов развития Месопотамии и Сиро-Палестинского региона, предшествовавших и городам, и появлению письменности и исторически известным народам Ближнего Востока. Начало этому важнейшему направлению исследований положили находки Герцфельда (E. Herzfeld) в Самарре на Тигре и фон Оппенгейма (M. von Oppenheim) на Телль Халафе в Северо-Восточной Сирии. Но основные разработки этой проблематики еще лишь предстояли на последующих этапах.

Третий этап археологических исследований Сиро-Палестинского региона и Месопотамии охватил двадцатилетие между двумя мировыми войнами. Он ознаменован дальнейшей систематизацией работ в обоих регионах, ростом их масштаба и методического уровня и, главное, резким расширением их хронологического диапазона. В Палестине наряду с продолжением исследований традиционных уже объектов — Иерусалима (Сукеник (E. L. Sukenik), Кроуфут (J. W. Crowfoot), Макалистер), Иерихона (Гарстанг (I. Garstang), Самари (Кроуфут), Мегиддо (Фишер, Ги (P. L. O. Guy), Лауд (G. Loud) — проводит раскопки ряда городов и поселков на южном плоскогорье вернувшийся в этот регион после тридцатилетнего перерыва Ф. Петри. «Его стратиграфические наблюдения и типологический подход к изучению находок легли в основу дальнейшего методического прогресса» (Mazar, 1990, p. 13). Применение этих методов обусловило чрезвычайно высокий уровень раскопок Лахиша учениками Петри, выдающимися археологами Старки (J. L. Starkey), павшим в 1938 г. от руки убийцы (рис. 1.6), и Туфнелл (O. Tufnell). На столь же высоком уровне проведены Фишером и другими многолетние исследования Беф-Шана.

Особо должна быть выделена начавшаяся в эти годы деятельность замечательного американского ученого В. Олбрайта (рис. 1.7), который по праву может считаться классиком библейской археологии. В

Рис. 1.6. Д. Л. Старки

**Рис. 1.7.
В. Ф. Олбрайт**

Рис. 1.8. Н. Глюк

Рис. 1.9. К. Кенъон

дены раскопки целой серии важнейших памятников (Дебира, Вефиля, Беф-Цура, Телль Бейт Мирсима, Вефсамиса, Телль эн-Насбеа и др.). При этом он положил начало исследованию малых городов и сельских поселений, значительно расширив информативность археологических материалов для освещения библейско-исторических сюжетов. Инициированные им раскопки и разведки (последним он придавал особое значение) распространились и на Заиорданье, примером чему могут служить блестящие исследования в районе Акабы его ученика Глюка (N. Glueck; рис. 1.8).

На том же третьем этапе началось регулярное исследование памятников дописьменных эпох — городов и некрополей бронзового века, интереснейших поселений и многообразных некрополей каменно-медной эпохи — энеолита (Маллон (A. Mallon), Коппель R. Koepfel), первых оседлых поселков с искусственными жилищами и сложнейших по своему ритуалу погребений мезолитического пе-

равной мере крупнейший археолог и лингвисто-семитолог, он внес неоценимый вклад в полевые исследования древнейших городов Палестины и в историческую интерпретацию их материалов, в лингвистическое определение ряда групп населения этого сложнейшего ареала, вплоть до расшифровки новых языков (Running L. and Freedman D. N., 1975). За несколько десятилетий его работы в Святой земле им и представителями созданной им школы были прове-

риода (Гаррод (D. Garrod), Невиль (P. Neville), наконец, стоянок палеолита, слои которых содержали важнейшие для науки остатки предков человека (Тарвиль-Петри (F. Tarwill-Petre).

Достаточно плодотворны были на третьем этапе и работы в Сирии, где проводились исследования самых разных периодов, начиная с палеолита. Среди них отметим поразительно информативные слои III–II тыс. до Р. Х. города Мари на Евфрате (Парро (A. Parrot), многослойные поселения V–II тыс. до Р. Х. Телль Брак и Чагар-Базар в Хабурском треугольнике (оба — Маллован (M. Mallowan) и многие другие.

Особое значение имеют предпринятые в этот период многолетние раскопки многослойного памятника Рас-Шамра в прибрежной зоне Сирии (Шеффер (C. Schaeffer). Жизнь на нем началась еще в докерамическом неолите, возобновилась в энеолите, особенно же важны слои середины — третьей четверти II тыс. до Р. Х., принадлежащие аморитскому городу Угариту. Они дали древнейшие в мире образцы алфавитного письма и ценнейшую информацию о составе и уровне развития населения Сиро-Палестинского региона в эту эпоху.

В Месопотамии этот период ознаменовался исследованиями городов и некрополей самых различных периодов, в том числе древнейших во всем Ближневосточном регионе памятников, документирующих первые шаги самого процесса урбанизации. Это прежде всего Урук (Йордан (I. Jordan), Нольдке (A. Noldke), Хайнрих (E. Heinrich), Ленцен (H. Lenzen), основной слой которого относится к IV–III тыс. до Р. Х., Ур (Вулли), Шуруппака (Смит), Киша (Маккей (E. Mackay), Лангдон (S. Langdon), Вателин (L. C. Watelin), Мари (Парро), Гирсу (Генуйяк (H. De Genouillac) и многие другие. И тогда же начались уже регулярные и целенаправленные исследования дошумерских памятников, прежде всего относящихся к раннеземледельческим культурам V–IV тыс. до Р. Х. — халафской и убейдской. Определено место этих культур в общей схеме развития древней Месопотамии. В создании этой схемы значительную роль сыграл 27-метровый зондаж М. Маллована на холме Куинджик в Ниневии, осветивший последовательность почти непрерывных слоев от VI до первой половины I тыс. до Р. Х.

И в Палестине и в Месопотамии археологические исследования развивались ретроспективно, вскрывая все более древние культурные пласты. Особенно четко и плодотворно это проявляется на настоящем — четвертом этапе, начавшемся еще в ходе второй мировой

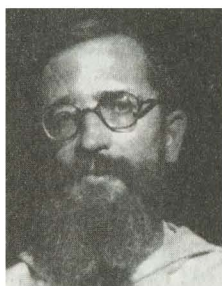

Рис. 1.10.
Ролонд де Во

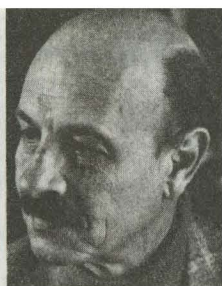

Рис. 1.11.
Й. Ядин

Рис. 1.12.
В. Мазар

Рис. 1.13.
Й. Ахарони

войны и длящемся поныне. Дальнейшее резкое повышение активности, масштаба и качественного уровня работ привело в обоих регионах к принципиально важным открытиям, значительно изменившим и обогатившим общие представления о ходе культурного развития.

В самой Палестине образование государства Израиль решительно способствовало систематичности и размаху археологических исследований, охвативших фактически всю страну. Продолжающаяся активная деятельность таких корифеев библейской археологии, как В. Олбрайт, К. Кеньон (рис. 1.9), де Во (R. De Vaux; рис. 1.10), в значительной мере обусловила формирование

собственной научной школы и создание большой группы высококвалифицированных специалистов, таких как Ядин (Y. Yadin; рис. 1.11), Мазар (B. Mazar; рис. 1.12), Ахарони (Y. Aharoni; рис. 1.13), Авигад (N. Avigad; рис. 1.14) и многие другие. Сочетание активности зарубежных экспедиций с подготовкой национальных кадров характерно и для Сирии, Ливана, Иордании, Ирака. Все это определило особую результативность археологических исследований Ближнего Востока на этом этапе, включая, естественно, и библейскую археологию.

Палеолит Сиро-Палестинского региона представлен ныне замечательными памятниками всех его периодов, начиная с древнейшего. Резко возросло и число находок останков людей этих периодов. Есть все основания говорить об особо значительной роли региона в самом процессе создания первоначальной ойкумены (Невиль, Бар-Иосиф (O. Bar-Yosef), Перро (J. Perrot), Стекелис (M. Stekelis); в Сирии: Перве (M. Perves), Ван Лир (W. J. Van Lier), Кларк (J. D. Clark),

Тенсорер (J. M. Le Tensorer), Шрёдер (B. Schroeder), Мухесен (S. Muhesen), Аказав (T. Akazawa), Кондо (O. Kondo), Солецкий (R. S. Solecki) и др.). Открытая ранее мезолитическая натуфийская культура (Garrod, Bate, 1937; Garrod, 1957) в свете новых исследований (Ж. Перро (рис. 1.15), Ковэн, Бар-Иосиф и др.) предстала как важнейший этап на пути к оседлости, усложнению хозяйства, формированию «протодеревень», новой культовой символике. Важнейшие памятники, документирующие этот процесс, открыты как в самой Палестине (Айн-Маллаха, Нахал Орен, Хайоним, Эль Вад, Кармел, Рош Зин, Рош Хореша), так и в Сирии (Мюрейбит, Абу-Хурейра, Эль Коум).

Сам же переход к прочной оседлости и производящей экономике с предельной яркостью освещен замечательными открытиями К. Кенъон в Иерихоне (Kenyon, 1957, 1979). Принципиально усовершенствовав метод стратиграфической фиксации, исследовательница обосновала наличие здесь огромных слоев абсолютно неизвестной ранее науке эпохи (IX–VII тыс. до Р. Х.), знаменовавшей подлинный рывок в истории человеческой культуры. Эпоха эта получила наименование «докерамического неолита». Дальнейшие исследования привели к открытию целого пласта памятников, отмеченных уже безусловным наличием земледелия, неожиданными сложностью и совершенством каменного строительства (особенно фортификационного), развитыми культовыми феноменами, поразительными произведениями искусства. Они охватывают значительную территорию Сиро-Палестинского региона, Иордании, Северной Месопотамии, предгорий Загроса, Южной Анатолии (Mellaart, 1975, pp. 29–129).

Из ближайших аналогов Иерихону отмечу Айн-Гхасал и Бейсамун в Палестине (Ferembach et Lechevallier, 1973) и Тель Рамад в Сирии близ Дамаска (Contenson, 1971), Бейду в Иордании. Огромные новые материалы позволили определить дальнейшие этапы развития этих регионов, прежде всего Сиро-Палестинского и Северо-Месопотамского, от все более совершенствовавшихся раннеземледельческих культур VII — первой половины IV тыс. до Р. Х. до сложения городов и преддверия цивилизации в конце того же тысячелетия. Весьма значительный вклад в соответствующие исследования внесла Российская экспедиция, раскопки которой в Ираке и Сирии, длящиеся уже четверть века, охватили памятники последовательных периодов с начала VII до середины III тыс. до Р. Х. (Мунчаев, Мерперт, 1981; Бадер, 1989; Munchaev, Merpert, 1997). Ряд важных открытий сделан экспе-

Рис. 1.14.
Н. Авигад

Рис. 1.15.
Ж. Перро

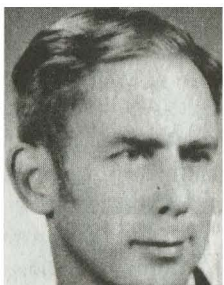

Рис. 1.16.
П. Лэпп

Рис. 1.17.
Е. Л. Сукеник

дициями различных стран (Англии, Германии, Нидерландов, Израиля, Франции, США, Японии, Польши, Бельгии и др.) в самой Палестине, на Среднем Евфрате, на Хабуре и Балихе, на Тигре и Диале. Особо должно быть выделено эпохальное открытие итальянской экспедицией в районе Алеппо (Северо-Западная Сирия) города-государства Эбла, существовавшего во второй половине III тыс. до Р. Х., обладавшего своим языком («эблаит») и своей цивилизацией, повлиявшей на всю культурную историю Сиро-Палестинского региона, в том числе и на истоки библейской мифологии (Mathiae, 1989).

Не останавливаясь на прочих многочисленных современ-

ных открытиях в пределах рассматриваемых территорий, отмечу, что, несмотря на подчеркнутое расширение проблематики и хронологических рамок исследований, собственно библейским сюжетам и объектам закономерно уделяется особое внимание. Именно на этом этапе проведены и ведутся наиболее значительные и результативные раскопки Иерусалима, Асора, Лахиша, Арада, Мегиддо, Самарии, Гезера, Телль эль-Фары, Гая, Сихема, Гиввефона и др. Специальному изучению подверглись рудники Тимны (Ротенберг (B. Rothenberg) и энеолитические памятники гхассульского типа (Хеннесси (J. V. Hennessy)). Возобновились раскопки столь прославленного уже Иерихона. Резко активизировались исследования на территории Иордании, осуществлявшиеся как западными экспедициями, так и иорданскими учеными. Они охватили целый ряд последовательных периодов древнейшей истории, начиная с впервые открытого здесь палеолита и вплоть до памятников Эдома и Моава. Особо следует отметить раскопки иорданского аналога Иерихона — поселения докера-

мического неолита Бейды (Kirkbride, 1966, 1968), возобновление чрезвычайно плодотворных исследований памятников энеолита гхассульского типа, включая и сам Телейлат-Гхассул (Хеннеси), работы на гигантском некрополе IV тыс. до Р. Х. Баб Эд-Дра и связанном с ним поселении (Лэпп (P. Lapp; рис. 1.16), Раст (W. E. Rast), Шауб (R. T. Schaub), наконец, раскопки целой серии поселений и городов, в том числе моавитского Дивона.

Завершая этот краткий и далеко не полный обзор некоторых факторов развития и достижений библейской археологии, не могу не отметить наиболее значительного из последних — открытия в 1947–1965 гг. знаменитых ныне рукописей Мертвого моря, — сокрытых в пещерах Кумранского массива документов колоссальной научной ценности. Их свыше 40 тыс. — от мелких и мельчайших фрагментов до громадных свитков. Они представляют собой остатки почти 600 книг. Тексты нанесены на кожу, пергамент, папирус, медь, составлены на восьми языках и диалектах и охватывают огромный промежуток времени от III в. до Р. Х. до VIII в. Столь же широк и тематический их диапазон, но наибольшее значение имеют они для познания духовной жизни Святой земли накануне пришествия Спасителя. Анализ этих бесценных находок надолго приковал к себе внимание богословов, лингвистов, историков, археологов, филологов. Уже ныне результаты его чрезвычайно плодотворны, а перспективы бескрайни (Амусин, 1960). Но проблематика эта лежит за хронологическими и тематическими рамками настоящей книги.

ЗАСЕЛЕНИЕ СИРО-ПАЛЕСТИНСКОГО РЕГИОНА ЧЕЛОВЕКОМ. ПАЛЕОЛИТ

Появление в Сиро-Палестинском регионе наших далеких предков уходит в глубочайшую древность и может быть с уверенностью связано с расселением их из восточноафриканской прародины и формированием первоначальной ойкумены. Наиболее ранние для Ближнего Востока безусловные свидетельства этого основополагающего процесса прослежены в целом ряде районов данного ареала, как географически схожих, подобно долинам средиземноморского побережья, Иордана и Оронта, так и заметно различных, таких как горные массивы и межгорные долины Палестины, с одной стороны, и центральные районы Сирийской пустыни — с другой. Многие из этих свидетельств уникальны. Огромная же их концентрация позволяет говорить об особой роли Сиро-Палестинского региона в самом процессе становления рода человеческого, в выделении его из животного мира, в его первых творческих проявлениях и духовных поисках.

Но прежде чем переходить к характеристике ключевых для всего Ближнего Востока памятников палеолита (древнего каменного века) этих районов, коротко остановлюсь на условиях появления здесь их создателей.

При всей дискуссионности проблемы первоначальных центров антропогенеза большинство ученых склоняется ныне к локализации их в Восточной Африке. Здесь, в первую очередь в областях так называемого Олдувейского разлома, сосредоточены древнейшие из известных науке антропологических свидетельств указанного процесса и археологических памятников, его документирующих. Среди последних — сейчас уже достаточно многочисленных — особенно информативны такие местонахождения, как Олдувей и Коби Фор, возраст которых исчисляется в 2,6–1,9 млн. лет. Они отмечены безусловными следами деятельности отдаленнейших предков человека: здесь зафиксированы целые серии примитивных, но типологически уже разнообразных орудий, следы охотничьих стойбищ, свидетельства массовой добычи крупных животных. Олдувейский разлом отмечен рядом специфических для указанного периода показателей — геоморфологических, ландшафтных, климатических, фаунистических.

тических, флористических и прочих, так или иначе связанных с процессом антропогенеза и обуславливавшими его факторами. Вместе с тем и сам разлом и ряд названных показателей распространялись и к северу — за пределы Африканского континента, захватывая прежде всего Аравийский полуостров и Восточное Средиземноморье, включавшее Палестину, юго-западную часть Сирии, Ливан, Южную Турцию. И на эти области, пусть в ослабленном, менее стабильном виде влияли условия, особо благоприятные для жизни теплолюбивых животных (Коробков, 1978, с. 9–24). Эти регионы не подвергались, подобно Европе и Северной Азии, оледенениям большого масштаба, времени которых в Восточном Средиземноморье соответствовали плювиальные («дождевые») периоды, отмеченные возросшей увлажненностью и относительным понижением температуры без тотальных перемен в растительном и животном мире, характерных для северных территорий. Два миллиона лет назад, до начала ледникового периода на севере, в Восточном Средиземноморье господствовала теплолюбивая — так называемая виллафранкская фауна, включавшая таких животных, как трогонтериевый слон, этрусский носорог, гиппопотам, жираф, кабан, древний бык, древняя лошадь, антилопа и крокодил (Массон, 1986, с. 11). Рельеф был низким и относительно ровным. Ландшафт по берегам многочисленных проток был близок саванне. Вся сумма условий была близка восточноафриканской. И совершенно закономерно, что уже в этот период могло начаться распространение древнейших предков человека из Африки в указанный регион, предполагаемое на основании находок в соответствующих геологических слоях в районе Вифлеема галек со следами преднамеренных расколов.

Далее, около полутора миллиона лет назад, активные тектонические процессы заметно изменили рельеф Восточного Средиземноморья. Они продолжались на протяжении всего ледникового периода на северных территориях. Поднялся ряд значительных горных массивов, тогда как разделявшие их долины опускались все глубже, — иногда ниже уровня моря. Горообразование и активная эрозия обусловили появление многочисленных пещер — потенциальных жилищ древнего человека. Граница вечных снегов и льдов в плювиальные периоды снижалась, несколько падала и температура, но, как уже отмечалось выше, не вызывая резких изменений природной среды. Еще 700–600 тыс. лет назад на Ближнем Востоке сохранялись животные виллафранкской фауны (слоны, гиппопотамы, носо-

роги, жирафы, верблюды), что создавало особо благоприятные условия для активизации расселения древних предков человека (архантропов). Если о его начале в предшествующий период можно говорить лишь предположительно, то теперь оно уже документируется рядом ярких и весьма информативных памятников. Вернусь к краткой их характеристике.

В рифтовой долине Иордана и Мертвого моря, в 3 км к югу от Тивериадского озера, исследовано замечательное местонахождение Убейдия. В нем представлены слои древнейшего палеолита, охватывающие огромный хронологический период. Начало его уходит вглубь за пределы 1 миллиона лет до нас. Продолжается же период, документированный материалами Убейдии, до 700 тыс. лет до наших дней. Памятник представляет собой последовательность слоев в толще холма того же названия. Общая толща этих слоев превышает 15 м (Bar-Yosef, Tchernov, 1972). Они не составляют единого массива и распределены по ряду местонахождений, включенных в единую геологическую формацию, перекрытую базальтами и как бы запечатанную ими.

Возраст базальтов — 640–680 тыс. лет. Значит, верхний хронологический предел предшествующей им формации и включенных в нее археологических слоев — около 700 тыс. лет до наших дней. Этому вполне соответствует глубокий архаизм каменных орудий Убейдии, сопоставимых по морфологическим показателям с поздними слоями Олдувья, что прежде всего касается наиболее ранних из 14 археологических комплексов, выделенных в слоях всех местонахождений памятника. Для самых стратиграфически ранних комплексов характерны орудия из оббитых галек и яд-

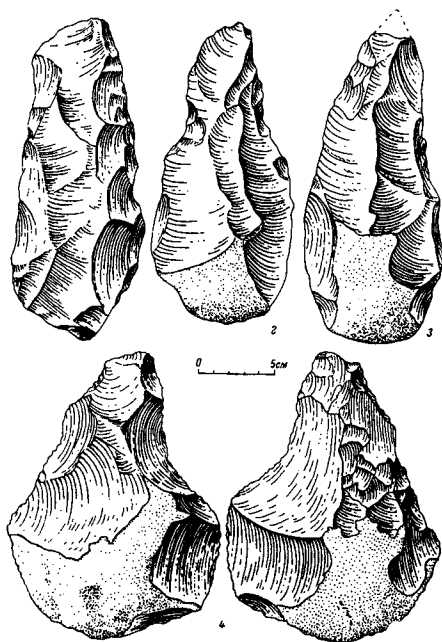

Рис. 2.1. Орудия нижнего палеолита Палестины. Убейдия (по Штекелису)

рищ (сфероиды, нуклевидные изделия; рис. 2.1–2.2), а также отщепы. Такие же характерные для ряда периодов палеолита формы, как двусторонне обработанные ручные рубила (бифасы) и топоры-кирки еще не появились, они представлены лишь в последующих комплексах, где в целом возрастают как репертуар форм, так и вариативность их сочетаний. Более того, находки из 14 археологических комплексов, выделенных в единой последовательности слоев Убейдии, сгруппированы в четыре типологически различные индустрии, каждую из которых отличает специфика пропорций орудий разных типов. В одних группах, как уже указывалось, рубила и топоры-кирки полностью отсутствуют, господствуют же отщепы и орудия из них, в других большинство составляют галечные орудия при небольшом числе топоров-кирок, но без рубил, в третьих обильно представлены как последние две формы, так и сфероиды при незначительном числе орудий на отщепах, в четвертых последних много, топоры-кирки и рубила немногочисленны, сфероидов нет совсем. Предложено несколько объяснений этих отличий: от существования генетически различных групп населения — с традицией рубил (бифасов) и без нее — до хронологической разницы между комплексами или функциональной спецификой отдельных поселений (Bar-Yosef, 1975; Корбков, 1978, с. 31).

Уже это многообразие орудийного репертуара свидетельствует о прогрессивном развитии оставивших Убейдию охотничьих групп. Отмечается также прекрасное знание ими камня и использование определенных его видов для изготовления орудий различного назначения. При этом за некото-

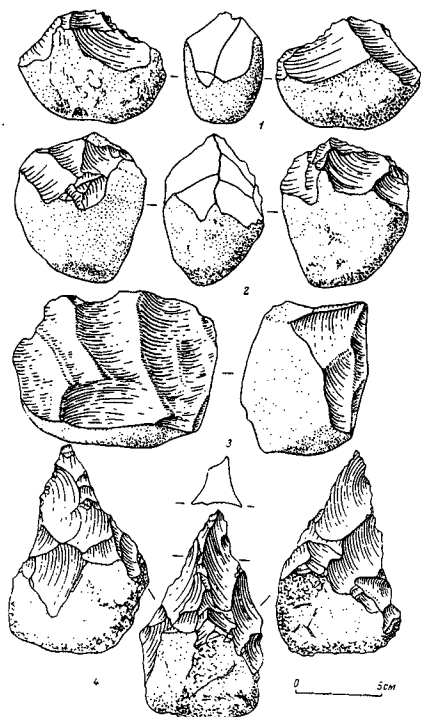

Рис. 2.2. Орудия нижнего палеолита Палестины

рыми видами приходилось отправляться в достаточно отдаленные места (Массон, 1986, с. 12).

Выше неоднократно подчеркивалась связь наиболее ранних комплексов Убейдии с поздним этапом олдувейской культуры и с восточноафриканским импульсом. Но и сама Убейдия и подобные ей памятники явились важнейшим импульсом возникновения и развития восточносредиземноморского варианта огромной раннепалеолитической культуры, распространившейся на целый ряд регионов Старого Света и получившей наименование ашельской. И хронологически эти памятники охватывают как финал олдувея, так и ранний ашель (рис. 2.3)*.

Как по общей своей ситуации, так и по значению для рассматриваемой тематики близко описанному памятнику раннеашельское поселение Латамна, открытое в Сирии, в верхней части долины Оронта (Clark, 1967, 1969). Остатки его концентрируются на участке грубо эллипсоидной формы длиной 19 м, шириной 12 м и площадью 228 кв. м, занимающем небольшое возвышение близ одного из рукавов (или стариц) Оронта. Участок был окружен группами крупных блоков известняка, несомненно, принесенных преднамеренно и ограждавших его. Это скорее всего жилой комплекс, своего рода искусственное жилище, хотя и не перекрытое. Оно могло служить базовым лагерем охотников и функционировало очень недолго, не более 1–2 сезонов. Показательны характер и распределение по площади находок. Крупные орудия — прежде всего бифасы — сконцентрированы в нескольких скоплениях, мелкие распространены по всей площади. Количественное соотношение между ними и отсутствие отходов производства доказывают, что бифасы изготовлены не на поселении, а принесены извне. Это, в свою очередь, позволило предполагать наличие у ашельского населения специализированных комплексов различного назначения, таких как охотничьи лагеря, мастерские для изготовления орудий, бытовые участки и пр. (Коробков, 1978, с. 104). С этим согласуется и состояние фаунистического материала: кости животных (гиппопотама, лани, газели, лошади и др.) немногочисленны и сильно раздроблены: разделка туш происходила, очевидно, вне лагеря, непосредственно на месте самой охоты.

* Скорее всего, именно к последнему должны быть отнесены два фрагмента крышки человеческого черепа из Убейдии, не получившие, к сожалению, точной стратиграфической привязки.

Каменный инвентарь поселения представлен наряду с примитивно заостренными гальками более совершенными двусторонне обработанными ручными рубилами — многофункциональными орудиями для пиления, резания, скобления, рубки, а также топорами-кирками, зубчатыми резцами. Некоторые специфические формы рубил находят аналогии в Северной Африке — но уже в типично ашельских слоях. Немало сходных форм и с Убейдией (топоры-кирки и др.), что позволяет включить Латамну в общий круг раннего ашеля Средиземноморского региона. При этом Латамна заметно моложе Убейдии, что, при сохранении и развитии характерных черт в типологии орудий не противоречит отнесению обоих памятников к этому кругу.

В процессе формирования последнего ученые различают два компонента, связанных с двумя группами населения. Одна группа — местная, позднеолдудейская по культуре, постепенно развивавшаяся и лишь осваивавшая производство ранее неизвестного ей орудия: бифаса с рабочими краями по длинной оси заготовки. Другая группа, тоже близкая по происхождению к позднему олдувею, но развивавшаяся более быстрыми темпами, появляется в Убейдии внезапно, в уже сложив-

шемся виде и зная производство бифасов. Генетически же эту группу связывают в большей мере не столько с Восточной, сколько с Северной Африкой. Появление этой группы и сочетание ее инноваций с индустрией местных коллективов обусловило развитие убейдийско-латамнской традиции ашеля, эволюционировавшей в Ближневосточном регионе несколько сотен тысяч лет (Коробков, 1978, с. 256 сл.).

Непрестанно возрастающее число ашельских памятников начиная с наиболее ранних и расширение

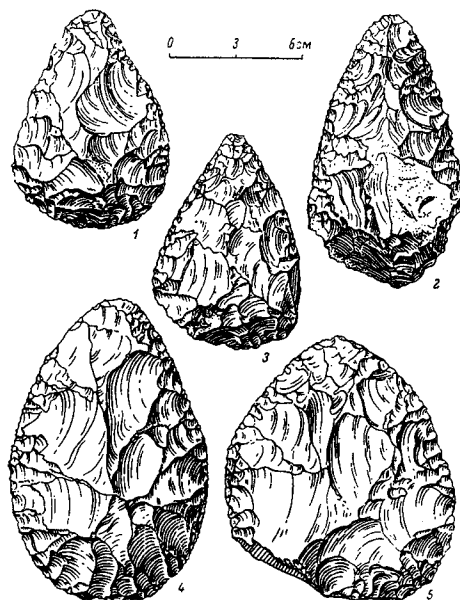

Рис. 2.3. Орудия нижнего палеолита Палестины. Пещера Табун (по Гарроду)

их ареала свидетельствуют о весьма значительном масштабе заселения региона. Как отмечалось выше, ему, безусловно, принадлежала особая роль в формировании древнейшей ойкумены, что подтверждается огромной концентрацией здесь как археологических, так и палеоантропологических свидетельств. Уже древнейшие ашельские стоябища с позднеолдувейскими материалами, удаленными от нас более чем на 1 миллион лет, известны ныне не только на основных путях, связующих Восточное Средиземноморье с Северной Африкой — в Приморской долине (Бордт Киннерит в Ливане, Хиллале в Сирии), долинах Иордана (Убейдия) и Оронта («параашель» Шарии и Эр Растана между Хомсом и Хамой), но и значительно восточнее — на севере Сирийской пустыни (Эль Коум) и в среднем течении Евфрата.

Особое значение имеют здесь исследования в районе Эль Коума. В южной его части найдены предельно примитивные, грубо оббитые кварцитовые орудия, предшествовавшие ашелю и позволяющие говорить о сохранявшей олдувейские традиции «галечной культуре». Ашель же представлен с самого его начала, отмеченного выше, вплоть до пережиточной его стадии (≈ 180 тыс. лет до наших дней). Всего здесь зафиксировано 26 памятников ашельской эпохи. Из них особо информативным явилось исследованное в последние годы французскими, сирийскими и швейцарскими археологами местонахождение Надауйе Айн Аскар (Nadaouiye Aïn Askar (Le Tensorer et Muhesen, 1997)). По ряду показателей оно является эталонным для всей огромной ближневосточной ашельской эпохи (кроме, может быть, самого начального ее периода, представленного в другом местонахождении этого же района — Мейра (Meihra)). Основным археологическим ее показателем являются бифасы — каменные клиновидные, миндалевидные, овальные, округлые и пр. универсальные орудия, двусторонне обработанные с помощью каменного же отбойника.

В Надауйе наличие стабильных водных источников и обильных выходов высококачественного кремня привлекало к себе древнейшего человека на протяжении свыше 400 тыс. лет. Здесь представлено 25 слоев его стоянок ашельской эпохи. Каждый из них связан с относительно коротким стабильным периодом: охотничьи группы приходили и уходили, следы их пребывания ограничивались каменными орудиями, отходами их производства, костями животных (диких экзотических, верблюдов, быков, газелей, носорогов и пр.). Слои сепаратны, но в целом они составляют весьма значительную толщу, превышаю-

щую 20 м. Слои позволили проследить эволюцию жизни, и прежде всего производственных традиций, в ашельскую эпоху, выделив пять ее фаз, охватывающих — вслед за ранним — средний и поздний ашель. Зафиксированы развитие традиционных и выработка новых технологических приемов. При производстве бифасов наряду с каменными отбойниками очень рано стали применяться деревянные и роговые отжимники, позволявшие снимать с поверхности тонкие сколы и придавать ее обработке высокое совершенство, а всему оружию — идеально симметричную форму. В этой связи исследователями этого замечательного памятника предложена весьма смелая гипотеза, согласно которой в производстве бифасов можно видеть глубинное сочетание прагматического, функционального начала с эстетическим, духовным (Le Tensoger et Muhesen, 1997, р. 44–45). Именно последнее вызывало интуитивное, не обусловленное функциональной необходимостью стремление к симметрии и тщательности обработки орудия. Более того, человек при производстве основного полифункционального орудия бессознательно антропоморфизировал изделие, придавал ему некоторые параметры собственного облика — контуры существа вертикального и симметричного. В этом плане, по мнению указанных исследователей, здесь можно говорить уже о зачатках искусства, но еще не искусства передачи определенного метафизического выражения, а лишь бессознательного отражения потребности в эстетизме моделируемого объекта.

Конечно, пока это лишь гипотеза, но гипотеза, касающаяся духовного компонента в производственной деятельности древнейших предков человека, что делает ее достаточно перспективной. И следует особо подчеркнуть, что имеются в виду прежде всего ранние этапы развития ашеля: сколь это ни парадоксально, но на позднем этапе бифасы из Надауе представлены значительно более грубыми формами. Последнее свидетельствует о неравенстве развития конкретных коллективов, объединенных единой ашельской производственной традицией, но воплощавших ее на различном технологическом (а возможно, и духовном) уровне. Как уже отмечалось выше, слои, оставленные ими в Надауе, сепаратны и отражают не единую линию эволюции, а прежде всего специфику развития таких коллективов, сменявших один другой в этом благодатном районе.

С ранним этапом ашеля связывается и уникальная палеоантропологическая находка, сделанная в слое Надауе, датируемом 450–500 тыс. лет до нас. Это большой фрагмент черепа, лежавший in

situ, в слос, чрезвычайно насыщенном костями газели и антилопы, совместно с бифасами и отходами их производства. По ряду основных показателей находка может быть отнесена к группе *Homo erectus*, весьма архаичной и распространенной как в Африке, так и в Юго-Восточной Азии (питекантроп). Значение этой находки трудно переоценить: впервые на Ближнем Востоке кость предка человека столь глубокой древности найдена в безусловной стратиграфической ситуации и столь же четком археологическом контексте. Тем самым верифицированы и некоторые предшествующие палеоантропологические находки, представленные весьма архаичными формами (фрагменты черепов того же *Homo erectus* из Хазории в долине Эздразлона в Северной Палестине, уже упоминавшиеся фрагменты из Убейдии и др.), но не имевшие ни подобного контекста, ни стратиграфических показателей.

В целом же еще раз подчеркну, что, несмотря на олдувейские показатели, ашель явился временем подлинного заселения Сиро-Палестинского региона. Среди памятников этой бесконечно долгой эпохи выделяется ряд групп, обладающих уже определенным своеобразием и связанных с различными ландшафтными зонами (в Палестине рифтовая долина реки Иордан и Мертвого моря, горный район, прибрежная зона; в Сирии — западные районы, долина Оронта, Пальмирский оазис и др.) и конкретными районами внутри них (Коробков, 1978). Естественно, культура эволюционировала, основные, традиционные ее особенности развивались, другие же возникали заново на среднем и позднем этапах ашееля. Наконец, появлялись и полностью новые группы иного происхождения. Главным показателем этих изменений оставались репертуар каменных и кремневых орудий и технология их производства. Они же определяли и специфику отдельных групп. Здесь обращают на себя внимание комплексы так называемого ябрудийского типа.

Они сформировались на базе одной из групп позднего ашееля, что прослежено ныне на материалах Надауйе. Но в отличие от основной ашельской традиции число бифасов в них резко падает. Основными же формами становятся орудия на массивных отщепах, прежде всего скребки, иногда искривленные, с характерной ретушью, названной *scalariformes*. 350 тыс. лет назад такая индустрия, получившая наименование от пещеры Ябруд, исследованной в 80 км к северу от Дамаска, стала распространяться в Сирии, Палестине, Ливане, сосуществуя с поздним ашеелем и перемежаясь с

ним, что привело к созданию гибридных — ашело-ябрудийских — комплексов. В них известны и палеоантропологические находки, такие как весьма архаичный «Галилейский череп» из пещеры Зуттиех (Turville-Petre, 1927; Keith, 1931).

Следующим шагом в переходе к пластинчатой технике обработки кремня явилась так называемая хуммалийская индустрия, последовавшая непосредственно за ябрудийской и развивавшаяся с 250 тыс. до 170 тыс. лет до нас (Le Tensorer et Muhesen, 1997, с. 17). Она представлена прежде всего длинными узкими пластинами и остроконечниками, скальывавшимися с кремневых ядрищ. Рабочие края пластин заострялись тонкой и искусной ретушью. Так изготавливались ножи, скребки, резцы, сверла и прочие орудия, репертуар которых заметно возрос. И эта индустрия, впервые зафиксированная в том же оазисе Эль Коум в Сирии, распространилась от Средиземноморья до Ирака. Она явилась важным звеном эволюции, приведшей к возникновению прогрессивной техники Леваллуа, при которой обрабатывалось со всех сторон и само ядрище (нуклеус), что заметно повышало совершенство и рабочие качества скальывавшихся с него пластин. Но эта техника развилась в основном уже в среднем палеолите.

Возвращаясь же к прогрессивным изменениям ашельской эпохи, отмечу, что они отнюдь не ограничивались технологией обработки кремня. Со среднего ашеля началось заселение пещер и гротов. Многократно повторявшееся, приводившее к появлению в одних и тех же пещерах самых различных человеческих групп, оно обуславливало накопление в них огромного числа наслоений, общая толща которых достигала, например, в пещере Умм Катафа в Иудейской пустыне 12 м, а в пещере Табун в системе хребта Кармел — 24 м. Если на архаических ступенях ашеля не зафиксировано никаких следов обустройства жилого пространства, то в Латамне оно четко представлено в виде каменного ограждения, что уже отмечалось выше. Возникает целый ряд типов стоянок (в пещерах, гротах, на открытых пространствах у водных источников и др.) различной длительности существования, различного назначения (базовые, временные). На финальном этапе эпохи появляются очаги: ранее предполагается знакомство с огнем при отсутствии навыков его получения.

Резюмируя все это, можно лишь повторить, что Сиро-Палестинскому региону принадлежала особо значительная роль в формировании и распространении самых далеких наших предков. Почти миллионный период раннего (нижнего) палеолита он оставался бе-

зусловным центром всей Ближневосточной ойкумены. Показать это и было целью настоящей главы. Поэтому на последующих этапах развития палеолита Сиро-Палестины я остановлюсь лишь предельно кратко.

Можно уверенно говорить о ключевой роли этого региона и для следующей длительной эпохи — среднего палеолита. Согласно последним исследованиям, она длилась с 170 тыс. до 45 тыс. лет до наших дней (Le Tensorer et Muhesen, p. 18). Эпоха эта получила условное наименование мустьерской (по первым находкам в Лс Мустье во Франции), хотя охватывала она огромные территории Африки, Азии и Европы и представлена целым рядом своеобразных археологических общностей. Объединяющим фактором, как и в предшествующую эпоху, стали новая технология производства кремневых и прочих каменных орудий и появление новых, более совершенных и дифференцированных их форм (рис. 2.4). Получила высокое развитие и широкое распространение уже упоминавшаяся техника Ле-валлуа (в силу этого в рассматриваемом регионе эпоху именуют ле-валлуазско-мустьерской), уходящая корнями в финальный апсель.

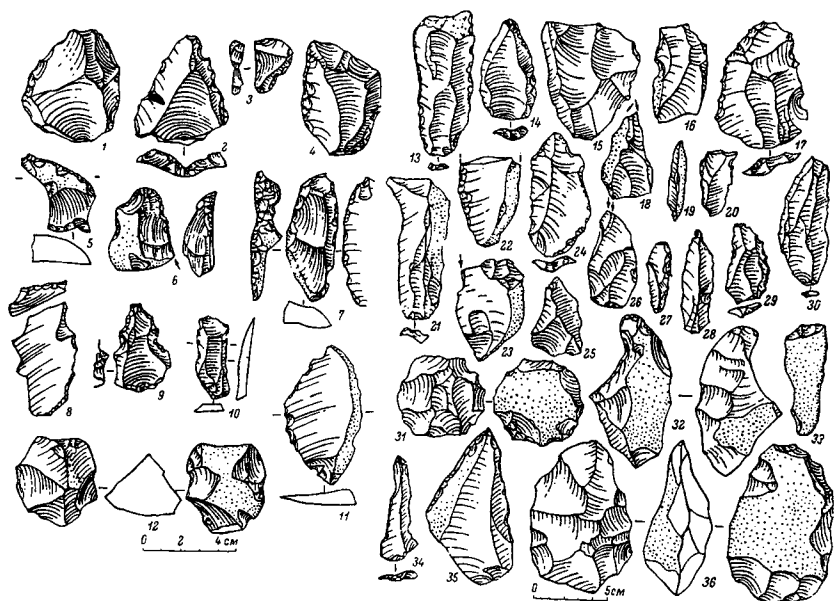

Рис. 2.4. Орудия среднего палеолита Палестины (по Олами и Ронену)

Она заметно усовершенствовалась. С дисковидных, двусторонне обработанных нуклеусов скалывались теперь отщепы правильных форм, позволявшие при дальнейшей обработке получать самые разнообразные орудия, репертуар которых резко возрос: насчитывается до 60 их разновидностей. Наиболее характерны многообразные скребки и остроконечники (рис. 2.5). Часть последних могла употребляться в качестве наконечников копий и дротиков. С охотой были связаны и многие скребки: ими обрабатывали шкуры убитых животных. Для разделки туш и древообделочных работ предназначались многочисленные ножи, резцы, зубчатые орудия, пластины, наконец, бифасы, по очертаниям напоминающие ашельские рубила, но выполненные в технике Леваллуа, небольших размеров, с ретушью по рабочим краям. Все более четко выделяются локальные варианты леваллуазско-мустьерской культуры, свидетельствуя о выработке различными группами населения собственных традиций, определявших специфику как производственных приемов, так и репертуара форм каменных орудий.

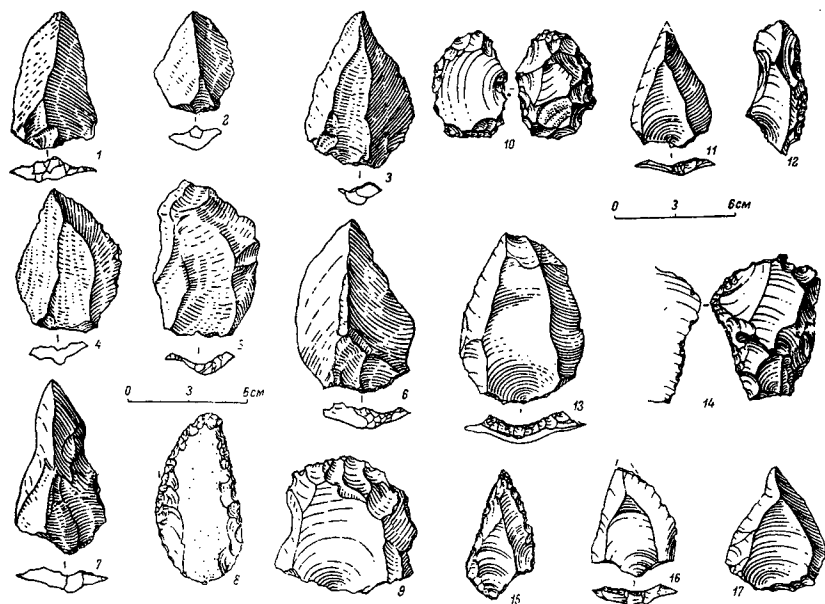

Рис. 2.5. Орудия среднего палеолита Палестины (по Невиллю и Вандермееру)

В эту эпоху прогрессирует обустройство жилого пространства: значительно четче выделяются жилища, очаги, ограды и пр. Сосуществуют оба вида стоянок — открытые, где можно уже предполагать наличие легких искусственных жилищ, и пещерные. При этом заселение пещер активизируется. Слои внутри них лучше сохраняются, достигают весьма значительных размеров и отличаются особой информативностью. Крайне важны здесь относительно многочисленные останки самих людей, найденные как внутри пещер — в пределах стоянок, — так и на специальных участках перед ними, что позволяет говорить о древнейших в человеческой истории некрополях. Наиболее значительны в этом аспекте находки пещерных стоянок Кафзех близ Назарета (Neuville, 1951; Vandermeersch, 1972; Коробков, 1978, с. 67–73), Табун и Схул в горном массиве Кармел (Garrod, Bate, 1937; Коробков, 1978, с. 47–61). Прежде всего отмечу, что эти находки, как и материалы ряда прочих местонахождений Палестины и Сирии, документируют смену архантропов (*Homo erectus*) палеоантропами (неандертальцами), знаменовавшими более высокую ступень развития наших далеких предков. Ряд морфологических показателей позволяет говорить о том, что развитие это в значительной мере касалось мозга — тех частей его, с которыми связаны трудовая деятельность, устная речь, абстрактное мышление (Массон, 1986, с. 15). Это находится в прямой связи с отмеченным выше прогрессом в трудовой деятельности палеоантропов, в первую очередь в технике производства каменных орудий, в обустройстве поселков, в организации охоты, получившей специализированный характер у различных групп, в выработке у последних локального своеобразия материальной культуры. Последнее все более возрастало, обусловив выделение не менее семи локальных вариантов леваллуазско-мустьерской культуры.

Но еще более важны свидетельства прогресса духовного. Выше уже отмечено появление древнейших некрополей, расположенных вплотную к стоянкам, в пределах которых также встречены человеческие останки. Преднамеренность захоронений в обоих случаях безусловна. Это четко документируется наличием могильных ям и, главное, выработкой обрядовых и ритуальных элементов, варьирующихся у конкретных групп. Так, некрополь из восьми захоронений открыт при входе в грот Кафзех. Они совершены в ямах, стенки одной из них укреплены каменными плитами; в другом случае плита перекрывала ступни самого погребенного. Скелеты лежали в скорченной позе на правом боку лицом к входу в грот. В двух случаях за-

фиксированы парные захоронения женщины и ребенка, пол под которыми был намеренно выровнен. При крупном и массивном мужском скелете найдены известняковый блок со следами использования, кусочки красной охры и два кремневых орудия. В погребении десятилетнего ребенка поверх скрещенных на груди рук были положены часть черепа газели с рогами, кость лани, яйцо страуса (возможно, печеное) и кусочки красной охры, десятки тысячелетий сопровождавшей погребения, символизируя огонь, кровь, очищение, возрождение. И. И. Коробков имел все основания писать: «Все это говорит в пользу того, что обитатели Кафзеха пытались уже как-то осмыслить уход в небытие отдельных членов группы. А это — явное свидетельство существования у мустьерских обитателей Ближнего Востока интенсивной духовной жизни и хорошо развитой способности абстрагироваться и осмыслять происшедшее, возможности эстетического восприятия внешнего мира» (1978, с. 72). Последнее автор справедливо связывает с открытым в Северном Ираке погребением неандертальца, останки которого были покрыты цветами.

Значительное число палеоантропологических останков обнаружено в пещерах Табун и Схул — только в последнем найдено 10 полных или почти полных скелетов и 10 отдельных человеческих костей и их обломков. Они располагались и при выходе из пещеры, и в глубине ее, в различных слоях, что обуславливает как антропологические, так и обрядовые различия между погребениями. Целый ряд скелетов и отдельных костей отмечен заметными, иногда контрастирующими морфологическими особенностями. Скелеты лежали в могильных ямах и без них — на поверхности или в естественных углублениях, вытянуто на спине или скорченно на боку, один раз — на коленях. Они связаны с различными комплексами кремневых орудий. Но преднамеренность захоронений при выработанных уже ритуалах и здесь безусловна. То же следует сказать и о человеческих останках из Табуна, прежде всего о полностью сохранившемся здесь скелете женщины (Коробков, 1978, с. 57). Вообще же табунская группа костных остатков более единообразна, чем в Схуле: она свидетельствует об очень длительном гомогенном развитии населения пещеры.

В целом И. И. Коробков приходит к выводу «о периодическом посещении района Кармела разными группами палеолитического населения Сирии и Палестины. Скорее всего, это было связано с миграцией фауны, так как в периоды регрессии и трансгрессии моря равнина перед пещерами Кармела представляла собой совершенно

различные ландшафтные зоны» (Там же). И в ряде групп, а вполне возможно, и во всех этих группах уже фиксируются преднамеренные захоронения и связанные с ними обряды и ритуалы, что свидетельствует о явном прогрессе духовной культуры и развитии достаточно сложных идеологических представлений.

И еще одно важное заключение, обусловленное палеоантропологическими находками среднего палеолита Палестины и Сирии. Находки эти не единообразны. Морфологические показатели, характерные для неандертальца, выражены у них отнюдь не в равной мере. Некоторые же скелеты и в Кафзехе и в Схуле вообще ближе не к неандертальцу, а к человеку современного типа (*Homo sapiens*). Появление такого «сapiентного» населения некоторые исследователи связывают с распространением леваллуазской техники, что подтверждается и сирийскими материалами (Le Tensorer et Muhesen, 1997, p. 17).

В целом же население Сиро-Палестинского региона в мустьерскую эпоху не однородно и не едино в генетическом аспекте. Локальные его группы специфичны и по морфологическим, и по обрядовым, и по культурным признакам. «Вместе с тем нет жесткой связи между морфологической развитостью отдельных типов неандертальцев и совершенством изготавливавшихся ими орудий. Нередко консервативные приемы обработки камня отмечаются даже у групп людей, ближе стоящих к современному человеку, чем к собственно неандертальцу» (Массон, 1986, с. 15).

К концу среднего палеолита наши древнейшие предки прошли бесконечно длительный путь про-

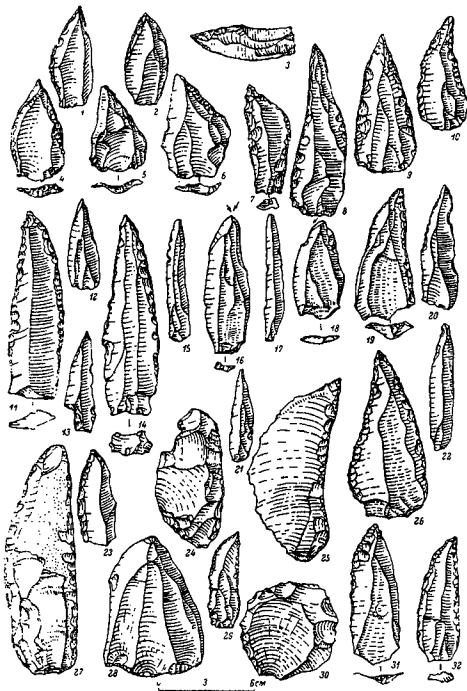

Рис. 2.6. Орудия переходного этапа от среднего к верхнему палеолиту (по Невиллю)

грессивного развития. Это коснулось и самой человеческой природы, и производственной деятельности (рис. 2.6, 2.7), и духовной жизни. Еще более многообразные и сложные формы процесс развития принял в эпоху верхнего палеолита, длившуюся с 45 тыс. до 14 тыс. лет до наших дней. Прежде всего ее ознаменовало завершение формирования человека современного типа — неантропа (*Homo sapiens*), сменившего неандертальцев по всему региону. В сфере производства орудий отмечается значительный прогресс. Исходным для него становится обработанный призматический нуклеус, с которого скалывались узкие пластины с острыми прямыми краями. Фактически это уже были готовые орудия. Но для дальнейшего совершенствования изделий стала применяться так называемая отжимная ретушь, производимая палочкой или костью и отличавшаяся высокой эффективностью. Так, в частности, обрабатывались наконечники метательного оружия — копий и дротиков. Широкое распространение получают вкладышевые орудия: составленные из отдельных кремневых пластин лезвия вставлялись в роговую, деревянную или глиняную основу. Усложнение хозяйства и новые технические возможности вызвали резкий рост специализации орудий: только из кремня их изготавливается свыше 100 видов. Многообразные скребки и резцы включали теперь значительное число специальных орудий для обработки дерева и кости. Появляются первые микролиты — миниатюрные пластины геометрических — прямоугольных, косоугольных, трапецевидных, а позднее и сегментовидных — форм. Вначале — на среднем этапе эпохи — они единичны, далее количество их быстро возрастает. Пред-

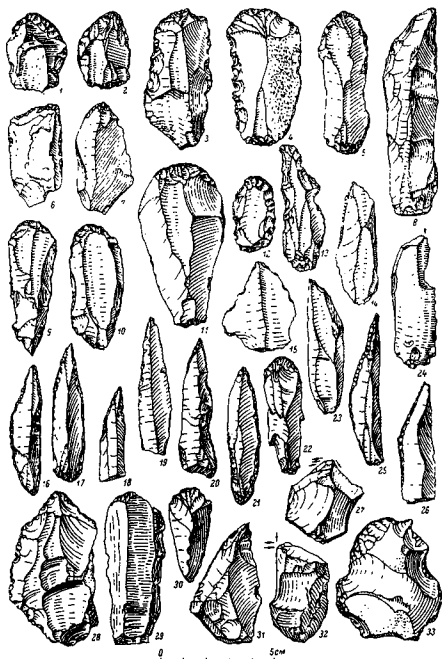

Рис. 2.7. Орудия верхнего палеолита Палестины (по Невиллю)

назначались же они для составных лезвий как метательного оружия, так и ножей, в том числе жатвенных.

Наряду с общими эпохальными показателями и выделением ряда ступеней их эволюции фиксируется еще большее, чем в предшествующую эпоху, число локальных индустрий, их сочетаний, гибридных форм. Это документирует многообразие путей развития верхнепалеолитических культур Сиро-Палестинского региона и различие самих исходных компонентов их формирования. Если в начале эпохи в ряде локальных комплексов сохраняются reminiscences мустьерских традиций, например в пещере Эль Вад (Garrod, Bate, 1937) слой F, то на последующих фазах развития их полностью сменяют различные формы собственно верхнепалеолитической индустрии, часть из которых кратко упомянута выше. Для средних и поздних фаз эпохи особенно характерны комплексы пещеры Кебара в ущелье Мугарет эль-Вад (Garrod, 1954; Stekelis, 1942). Они и целый ряд подобных им памятников дали основание для выделения кебаранской культуры финала верхнего палеолита, относящейся к XX–XIII тыс. до наших дней и отмеченной весьма серьезными сдвигами как в каменной индустрии, так и в общей системе хозяйства и образе жизни населения региона.

Особо следует подчеркнуть, что среди главных факторов, определивших эти сдвиги, наряду со всесторонним развитием человеческих коллективов, должны быть названы существенные климатические изменения. Основной тенденцией природных условий периода кебаранской культуры было потепление и повлажнение, хотя временами она и нарушалась рецидивами холода и сухости. Тенденция эта обусловила расширение зоны дубово-фисташковой лесостепи, чему сопутствовало распространение съедобных растений, прежде всего диких злаков и зернобобовых в Сиро-Палестинском регионе на лесостепных участках равнин, в долинах и на невысоких всхолмлениях (Шнирельман, 1989, с. 35).

Таков был природный фон развития кебаранской культуры. Охота и собирательство сохраняли ведущую роль в экономике ее создателей. Но и роль растительной пищи в их рационе заметно возрастала, а собирательство соответственно принимало специализированный, целенаправленный характер. Резко сократилось число пещерных стоянок. Поселения располагались теперь на открытых местах. Они оставлены малочисленными группами, занимают 15–25 кв. м и в большинстве случаев носят кратковременный харак-

тер: основная часть населения сохраняла бродячий образ жизни. Но в отдельных случаях размеры стоянок значительно больше — до 400 кв. м — и долговременнее. Последнее документируется наличием искусственных жилищ — полуземлянок овальной или круглой формы со стенами, укрепленными известняковыми блоками. Они открыты на ряде разновременных кебаранских стоянок вблизи Тивериадского озера (Эйн Гев и др.) и знаменуют начало древнейшего домостроительства и «формирование сезонного хозяйственного цикла, в течение которого люди часть времени проводили на стационарных стоянках, куда они из года в год регулярно возвращались» (Шнирельман, 1989, с. 36). Это, очевидно, было обусловлено сезонами сбора и обработки диких съедобных растений, особое внимание к которым документировано резко возрастающим числом микролитических вкладышей (Bar-Yosef, 1975; Martin, Bar-Yosef, 1979; Массон, 1986, с. 20) и появлением древнейших на Ближнем Востоке жатвенных ножей, базальтовых пестов и ступ для растирания.

Распространившись на позднем своем этапе по всему Сиро-Палестинскому региону, кебаранская культура явилась далеким предвестником принципиальных сдвигов в образе жизни (начиная с оседлости) и стратегии добывания пищи, связанных уже с последующими эпохами мезолита и раннего неолита.

ДРЕВНЕЙШИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ ПАЛЕСТИНЫ. ФЕНОМЕН ИЕРИХОНА

Святой земле принадлежит особая роль как в духовной жизни человеческого рода, так и в материальных и культурных свершениях на самых различных — но всегда ключевых — этапах его древнейшей истории. Один из них охватил, согласно данным радиоуглеродного анализа (в некалиброванном их значении), XI–IX тыс. до Р. Х. и был ознаменован крупнейшими сдвигами во всех областях человеческого существования. После сотен тысячелетий безраздельного господства так называемой присваивающей экономики — охоты, собирательства и рыболовства, то есть использования даров природы и полной от них зависимости, человек перешел к экономике производящей — земледелию и скотоводству, принципиально изменившим все формы его жизни, его мировосприятие, возможности и потребности, перспективы и направления развития. Процесс этот, получивший в науке наименование «неолитической революции», возник в ряде самостоятельных первичных центров и обусловлен целым комплексом взаимосвязанных явлений духовного и материального порядка, явившихся результатом многотысячелетнего человеческого опыта, накопленного на многотрудном пути предшествующего развития. Сами же эти центры могли сложиться лишь в областях естественного распространения диких предков растений (прежде всего злаковых) и животных, доместигированных человеком в ходе отмеченного процесса. Число первичных центров крайне ограничено. Впервые выделивший их великий русский биолог академик Н. И. Вавилов в пределах как Старого, так и Нового Света обосновал наличие семи центров (Вавилов, 1967): средиземноморского, югозападноазиатского, южноазиатского, восточноазиатского, эфиопского, центральноамериканского и андийского. В последующие десятилетия всесторонний анализ огромных новых материалов подтвердил основные положения учения Вавилова, внося в него некоторые коррективы (Шнирельман, 1989).

Один из наиболее значительных, а хронологически и наиболее ранних земледельческих очагов возник на грани средиземноморского и югозападноазиатского вавиловских центров. Он охватил пред-

горные районы Ближнего Востока, от северных пределов пустыни Негев в Юго-Восточном Средиземноморье до Южной Турции на севере, Загросского горного массива, востока Месопотамии и долин Юго-Западного Ирана на востоке. Эта причудливо изогнутая, как бы серпообразная зона, отмеченная значительной концентрацией некоторых видов диких пшеницы и ячменя, получила наименование «плодородного полумесяца». Палестина полностью входила в его состав. Более того, она, как и прилегающие к ней районы Сирии, по ряду важнейших показателей опережала прочие области «полумесяца». Именно здесь еще накануне domestikации злаков и первых опытов приручения животных появились древнейшие в Леванте оседлые поселения. Здесь получила развитие традиция домостроительства, зачатки которой мы отмечаем в предшествующей главе для верхнепалеолитической кебаранской культуры. Здесь фиксируются далекие предпосылки формирования специфического комплекса орудий, предназначенных для сбора и обработки съедобных растений. Палеоботанические находки позволяют говорить о регулярных сборах последних, прежде всего диких злаков, которые занимали уже заметное место в системе питания населения Сиро-Палестинского региона. Здесь появляются определенные свидетельства развития и духовной жизни, культов, религиозных представлений.

Наиболее четкое представление об этих прогрессивных сдвигах дает натуфийская археологическая культура, сложившаяся в мезолите (среднем каменном веке) — в XIII тыс. до Р. Х. — и развивавшаяся до начала неолита (позднего каменного века) — X тыс. до Р. Х. (Garrod, 1931; Neuville, 1951). Широко распространившись, особенно на позднем своем этапе, она охватила значительную территорию от Среднего Ливана на севере до Хелуана (Египет) на юге, средиземноморского побережья на западе, Заиордания и Среднего Евфрата на востоке. Объединенным рядом общих признаков, памятники ее представлены как остатками поселков, так и погребениями, составлявшими иногда целые некрополи.

Поселения делятся на пещерные, продолжавшие древнейшую традицию (Мугарет эль-Вад, Мугарет Кабара и др. — главным образом в горном массиве Кармел) (рис. 3.1), и открытые, ставшие уже достаточно многочисленными. В наиболее долговременных пещерных стоянках наличие последовательных уровней полов и эволюция форм орудий позволяют выделить ранние и поздние слои, соответствующие различным этапам развития культуры. Открытые стоянки мно-

гообразны, они отличаются размерами, толщиной и информативностью слоев, длительностью заселения, организацией жилого пространства. Они колеблются от небольших сезонных стоянок до крупных долговременных поселений площадью 3 тыс. и более кв. м (Mellaart, 1975, р. 46). Последние состояли из круглых и овальных полуземлянок с укрепленной каменными плитами подземной частью и столбовой конструкцией на поверхности земли. Конструкция, оплетенная ветвями и обмазанная глиной, поддерживала камышовую кровлю. На позднем этапе строились и полностью наземные дома тех же форм и конструкции: с каменными, обмазанными глиной стенами, камышовой, также обмазанной глиной кровлей, крепящими ее столбами, а иногда и каменной вымосткой пола (рис. 3.2). На полах расчищены открытые очаги. Это уже хорошо выработанная форма искусственных жилищ. Подобные дома в ряде случаев составляли значительные группы, включавшие десятки и даже сотни построек. Виднейший французский специалист по ранним ступеням развития Ближнего Востока Ж. Ковэн видит в них зародышевую форму деревни (Cauvin, 1996, р. 34). И самые ранние из таких «деревень» открыты в долине Иордана (Айн-Маллаха, Эйнан), в прибрежной Палестине (Эль Вад, Нахал Орен, Хайоним, Кармел), в Северном Негеве (Рош Зин, Рош Хореша), в Заиорданье (Бейда), севернее — на Среднем Евфрате

Рис. 3.1. Натуфийская культура. Пещеры горы Кармел

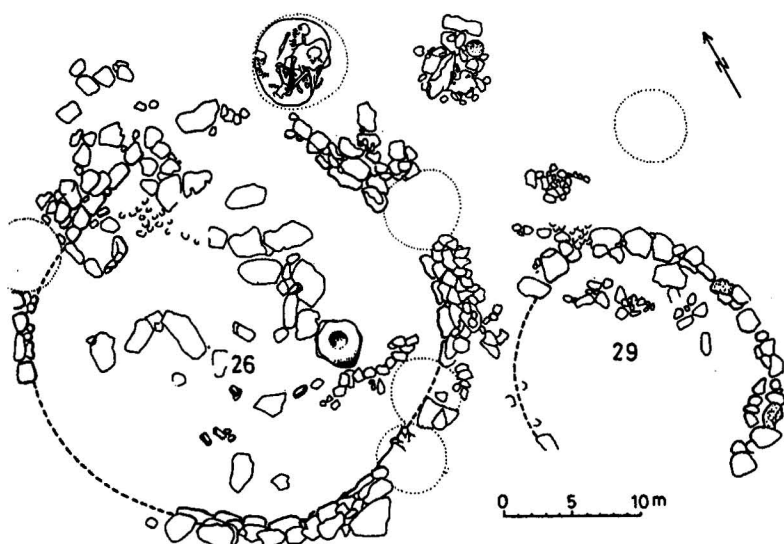

Рис. 3.2. Натуфийская культура. Искусственные жилища

(Мюрейбит). В отдельных случаях искусственные жилища сочетались с естественными гrotами (Бейда в Иордании). В Эйнане число домов превышало 50, стены полуземлянок сохранились на 1,2 м, а население приближалось к 300 жителям.

Погребения натуфийцев совершались в самих поселках: в пещерах или под ними, под полами домов или рядом с ними. Древнейшие могилы коллективные, с резко скорченными костяками, более поздние — индивидуальные и костяки менее скорченны. Степень богатства сопутствующего инвентаря позволяет уже говорить об отражении социальных различий погребенных. В коллективных погребениях обычно один из костяков сопровождается богатым набором украшений (браслетов, подвесок, ожерелий, диадем из раковин, кости (рис. 3.3), зубов животных), что заметно выделяет его из числа прочих. Особое внимание уделяется черепам: в ряде случаев они отчленяются, хоронятся отдельно, украшаются сложными диадемами из веерообразных многорядных групп раковин *Dentalia* (рис. 3.4). Это наиболее древнее проявление почитания черепов, связанного, очевидно, с культом предков и зафиксированного на целом ряде последующих этапов культурной истории Сиро-Палестинского региона. Некоторые виды раковин привезены за сотни ки-

лометров, документируя наличие и активность далеких контактов натуфийцев. Погребения сопровождались уже достаточно сложными ритуальными действиями: в Мугарет эль-Вад с группой погребений связаны специальная стена, каменные вымостки, ряд бассейнов. В Акр эль-Ахмаре погребальная яма оштукатурена, а на перекрытии сооружен круг из камней.

Кремневая индустрия натуфийцев микролитическая. Наиболее характерны сегментовидные вкладыши: возможно, из них составлялись наконечники тростниковых стрел, что документирует появление лука. Распространены различные сверла и, главное, многочисленные лезвия-вкладыши для жатвенных ножей или серпов, вставлявшиеся в роговые, костяные или деревянные основы (рис. 3.5). Последние — особенно костяные и роговые — тщательно обрабатывались, иногда концы их рукоятей украшались резными головками животных, главным образом оленят (рис. 3.6: 1–3, 5). Назначение таких орудий дискуссионно. В ряде случаев доказано (по следам сработанности на лезвиях), что ими срезали тростник для циновок, корзин и строительства. Но есть и экземпляры, которыми срезали злаки, что также доказано соответствующими следами. При этом следует подчеркнуть, что дикие злаки, распространение которых в Сиро-Палестинском регионе уже отмечалось выше, с помощью подобных серпов собирать нельзя: колос их слишком ломок, а зерно рассыпалось бы в процессе жатвы. Эти признаки заметно меняются в процессе культивации. Поэтому высказывались предположения, что именно с первыми опытами земледельческой практики можно связывать некоторые экземпляры указанных орудий. Это подкреплялось и эволюцией жатвенных ножей — от прямых к изогнутым, а также наличием среди каменных орудий мотыжек для разрыхления земли, пес-

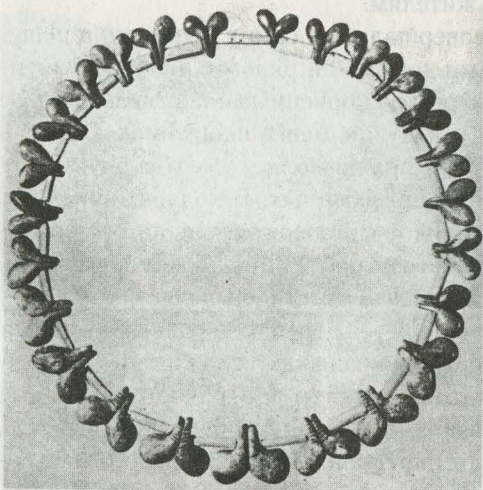

Рис. 3.3. Диадема из двойных костяных подвесок из натуфийского погребения

тов, ступ, терочников.

Очень соблазнительно связать подобные изделия с выработкой первых, еще очень далеких, предпосылок создания земледельческих орудий. Но значение их не следует преувеличивать. Хозяйство жителей натуфийских поселков оставалось присваивающим: никаких признаков ни доместицированных растений, ни прирученных животных пока нет. Основным объектом охоты была газель, попытки приручения которой не привели к сколько-ни-

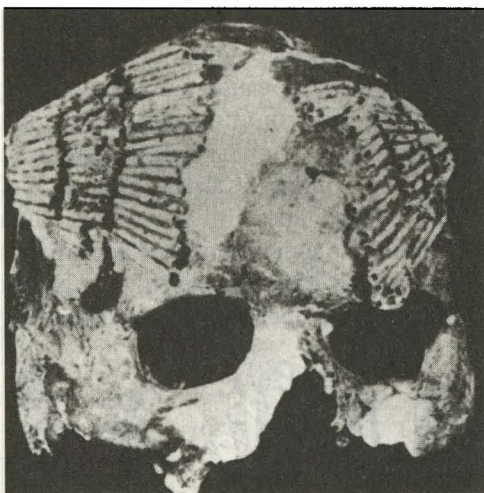

Рис. 3.4. Череп из натуфийского погребения, украшенный раковинами *Dentalia*

будь значительным результатам и в более поздние периоды. Ж. Ковэн отмечает, что «собирательство злаков» не может считаться определяющим признаком натуфийской культуры. Ее экономика характеризуется «широким спектром» использования природных ресурсов. Состав последних изменчив: он колебался в зависимости от климатических, ландшафтных, температурных, водных условий. Соответственно, в питании человека на разных этапах доминировали различные виды диких растений и животных. И те, которые впоследствии были доместицированы, количественно отнюдь не превосходят прочие, а часто и значительно им уступают. Нет оснований говорить и о «типично земледельческом» характере орудийного комплекса натуфийцев. Как уже отмечалось, фиксированы лишь далекие его предпосылки. Первоначальное назначение ряда орудий этого комплекса не связано с земледелием. Так называемые каменные мотыги после изучения следов их использования оказались орудиями деревообработки, серпами жали не только злаковые, более того, — не только съедобные растения, но и тростник для циновок, корзин и строительства, на растиральных досках и в ступах могли дробиться вообще не только пищевые продукты, но и различные материалы, например известняковые породы и красители (охра).

Ж. Ковэн видит значение и оригинальность натуфийского феномена прежде всего в тенденции образования оседлых поселков, пра-

деревень, что, по его словам, явилось важной стадией на пути человека к все более прочным группировкам. Последние же предполагают совершенствование социальной структуры, способствовавшее в дальнейшем принципиальным экономическим, социальным, мировоззренческим и культурным сдвигам, знаменовавшим «неолитическую революцию» (Cauvin, 1994, p. 37–39).

Но в то же время нельзя и недооценивать свидетельства о несомненном, а в ряде случаев и достаточно регулярном использовании создателями натуфийской культуры диких злаков. Пусть это были лишь далекие предпосылки начала их культивации, как отмеченные

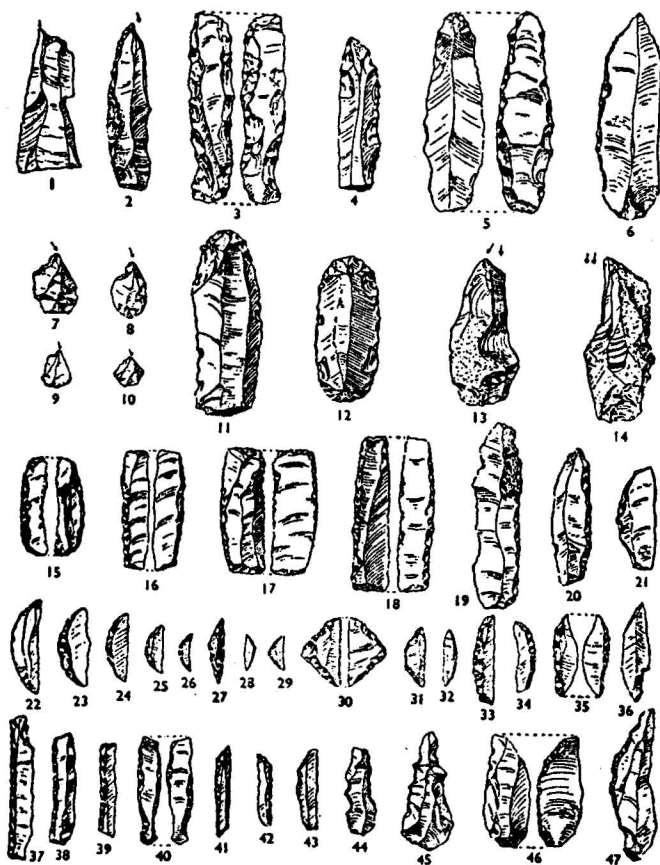

Рис. 3.5. Натуфийская культура. Кремневые орудия (по Олбрайту)

натуфийские орудия — отдаленные предшественники специализированного земледельческого орудейного комплекса. Игнорировать это абсолютно неправомерно. Здесь чрезвычайно важен самый факт все возрастающего интереса человека к зерну, длительного накопления опыта наблюдений за ним, использования его и, я бы сказал, общения с ним. Последствия их были весьма многообразны и отнюдь

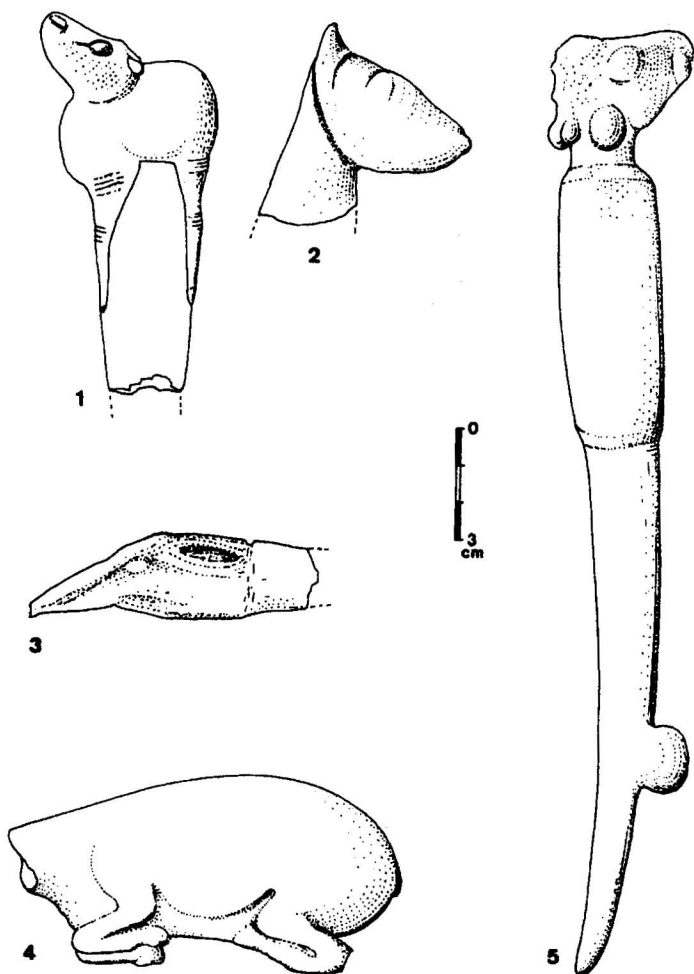

Рис. 3.6. Натуфийская культура. Роговые рукоятки жертвенных ножей (1, 2, 3, 5) и каменная статуэтка (4) (по Ковэну)

не ограничивались прагматическим характером. Правда, и он был достаточно существен и, безусловно, лег в основу выработки методов культивации. И до ее начала в районах «плодородного полумесяца» весьма значительная продуктивность сбора диких злаков в строго фиксированные сезоны доказана серией специальных экспериментов (Harlan, 1967). Не менее важны последствия «общения» со злаками в духовной, мировоззренческой, религиозной сфере. Ныне известны многочисленные и весьма яркие свидетельства роли зерна и связанных с его обработкой орудий в культовых действиях натуфийцев, в их обрядовой символике (Зубов, 1997, с. 100–101). Специальные зерновые ямы найдены в натуфийском святилище Иерихона вместе со ступками и пестами. В одном из домов натуфийского же поселения Эйнан зернотерки и песты воспроизводили контур человеческой фигуры. Неоднократно подобные орудия, как и само зерно, оказывались связанными с погребальными ритуалами. Исследователи подчеркивают, что все подобные находки сделаны в слоях, предшествовавших культивации и началу регулярного земледелия. Наличие же их в святилищах и на местах ритуальных действий обусловило выдвижение А. Б. Зубовым гипотезы, согласно которой не изменения в основе экономической системы привели к переменам в духовной среде, сознании и мировосприятии людей, а, напротив, сакральный фактор, ритуальное взаимодействие человека с растительным миром и новый характер его осмысления в значительной мере определили принципиальные изменения в хозяйстве и саму его стратегию. «Люди стали использовать зерно в религиозных обрядах за одно, а то и за два тысячелетия до начала регулярного земледелия, — пишет А. Б. Зубов, — и практически одновременно с фиксируемым археологически сбором дикорастущих злаков. Складывается впечатление, что зерно, мука, выпечной хлеб сначала были элементами ритуала и постепенно проникли в профанную, обыденную сферу жизни» (Там же). И далее: «Зерно... очень емкий символ смерти и воскресения, возрождения. Падая в землю, умирая и разлагаясь в ней, оно дает росток, колос и множество новых семян. Древние могли усмотреть в этом и индивидуальную победу над смертью и родовое ее преодоление. Человек умирает, но он оставляет потомков, род, которые после него будут жить на земле, и он, умерший, будет жить в них, как в колосе пшеницы живет то зернышко, из которого пророс колос... Собирая дикорастущие злаки, растирая их зерна в муку, выпекая хлеба и вкушая их, наши древние предки соединяли себя с

«родом отцов своих» и их, «отцов», с собой, через стихию все принимающей и все возрождающей земли» (Там же).

Эта оригинальная и интересная гипотеза, безусловно, заслуживает внимания наряду с развивавшимися ранее альтернативными построениями, в которых во главу угла ставились открытия в области технологии и общественно-экономические инновации, получавшие отражение в системе религиозных смыслов и ценностей. А. Б. Зубов приводит здесь слова Мирчи Элиаде о необходимости учета религиозного «эха» значительнейших открытий неолита, в том числе и земледелия (Там же; Eliade, 1978, p. 40–41). Соотношение этих в известной мере противостоящих, но в то же время единопонравленных теорий требует дальнейшего изучения с накоплением и анализом новых свидетельств. Плодотворность такой разработки не вызывает сомнения. Что же касается автора этих строк, то он, резервируя пока заключение о первоначальном импульсе, ограничится здесь утверждением о неразрывности и взаимостимуляции обоих факторов — духовного и материального. Это в полной мере относится и к предыстории, и к самому ходу «неолитической революции»: земледельческая практика и земледельческая идеология возникали и развивались в постоянной взаимосвязи — нога в ногу. Что же касается Палестины, то особое богатство ее дикими злаками обусловило весьма раннее возникновение обоих факторов и прочно отложилось в памяти поколений. «Ибо Господь, Бог твой, — читаем мы в Библии, — ведет тебя в землю, в которой без скудости будешь есть хлеб твой и ни в чем не будешь иметь недостатка...» (Втор 8:7, 9).

Весьма характерно, что одновременно с началом регулярных сборов дикорастущих злаков и наблюдений человека над их особенностями началось сложение культа женского божества, богини-матери, «той, которая рождает плоды земли». Этот специфически земледельческий культ проходит через верования и идеологию развитых оседлых древнейших обществ на протяжении тысячелетий. Его отражением явились и египетская Изида, и малоазийская Кибела, и Деметра в Элладе, и карфагенская Танит, и сидонская Астарта и многие другие (Мень, 1991, II, с. 20). Корни же его уходят в позднюю фазу натуфийской культуры, выделенную Ж. Ковэном в особый хайонимский период (Cauvin, 1994, p. 41). Считая этот период еще доземледельческим, он вместе с тем связывает с ним так называемую революцию символов: смену зооморфизма, доминировавшего в предшествующем, в том числе и в ранненатуфийском, искус-

стве, антропоморфизмом, и прежде всего галечными, а далее и глиняными женскими изображениями с подчеркнутыми признаками пола. Такие статуэтки известны в ряде районов натуфийского ареала: в Прибрежной долине (Нахал Орен), в долине Иордана (Эйн Хиям), на Среднем Евфрате (Мюрейбит). Находки их документируют зарождение отмеченного культа, господствовавшего в Сиро-Палестинском регионе вплоть до возникновения мужского монотеизма Израиля (Sauvin, 1996) (рис. 3.7–3.8). Они быстро распространяются (во многих случаях сочетаясь с изображениями бовидов), вырабатываются определенные их стереотипы. Преобладая в новой складывающейся культовой системе, они по смысловой нагрузке резко отличны от «палеолитических венер» — изображений прародительниц рода, хорошо известных уже в евразийском верхнем палеолите. Последние были связаны с родовыми представлениями о своем (и только своем) продолжении и умножении. Ныне же речь идет уже о «всеобщности» идеи, объединяющей начала плодородия, материнства, бессмертия, власти над животным миром (характерны в этом аспекте найденные в несколько более поздних памятниках изображения женщины на троне, поддерживаемом леопардами).

Появились и постройки специального, скорее всего культового, назначения. Так, в поселке Рош Зин одно крупное здание явно выделялось и размерами, и необычностью интерьера: внутри него найдены монолитная известняковая колонна, ритуальный тайник и скорлупа страусовых яиц с процарапанными узорами. И здесь колонна может рассматриваться как древнейшее свидетельство культа камней, игравшего столь значительную роль в духовной жизни Ближнего Востока на протяжении многих тысячелетий.

Материалы натуфийских памятников дают основание говорить о заметных сдвигах и в организации самих человеческих коллективов, в их социальной структуре. Появляются крупные, связанные близкородственными отношениями общины, а внутри них — определенная социальная дифференциация. Это подчеркивается и спецификой планировки поселков с тесно стоящими, даже сочлененными домами, и выделением культовых сооружений, и особенностями погребений (Wright, 1978; Шнирельман, 1989, с. 43).

Еще раз подчеркну, что в рассматриваемую эпоху важнейших изменений в человеческой истории, в эпоху формирования древнейших ее культурных очагов, Палестине и всему Сиро-Палестинскому региону принадлежит особая роль и в экономическом, и в социаль-

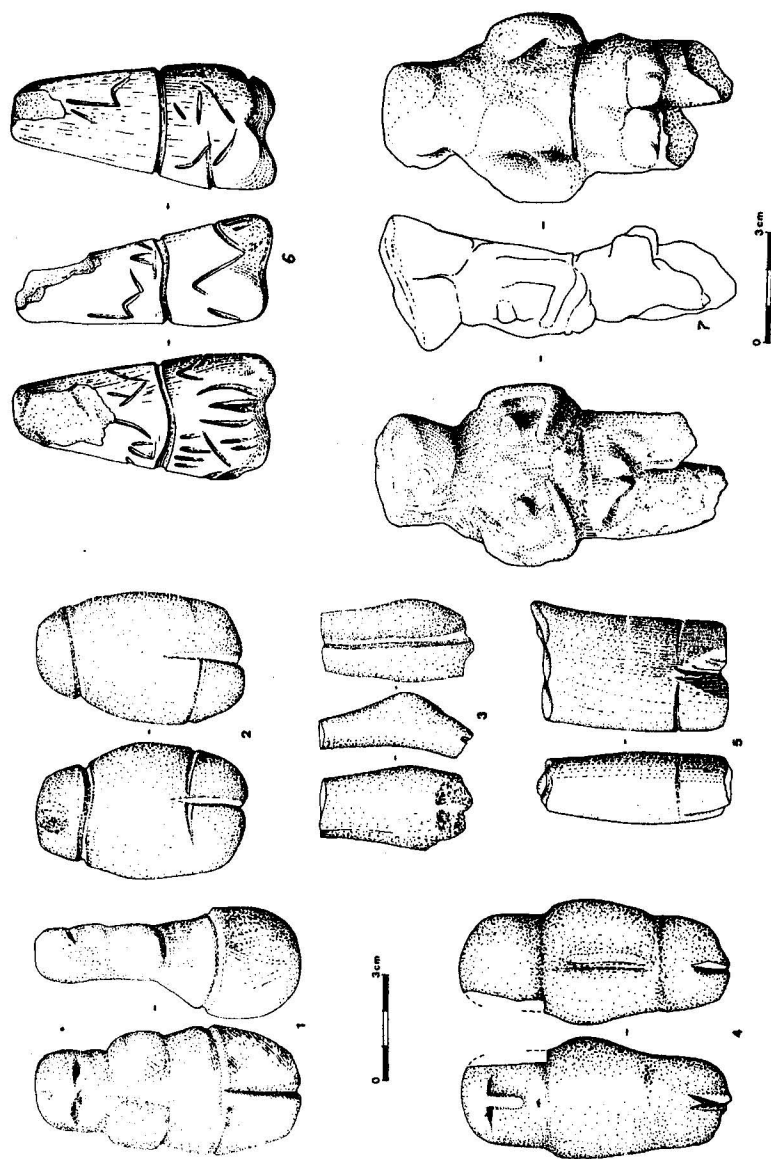

Рис. 3.7. Древнейшие каменные женские культовые статуэтки Сиро-Палестинского региона (по Ковзну)

ном, и в духовном развитии. Значение этого фактора в древнейшей истории человечества трудно переоценить. Вместе с аналогичными сдвигами в смежных, экологически близких областях Ближнего Востока он оказал решающее воздействие на исторические и культурные судьбы огромных территорий и целого ряда последующих эпох.

Вопрос о приоритете духовных или материальных импульсов рассматриваемых процессов остается остро дискуссионным. Вполне вероятно, что конкретные составлявшие их феномены (оседлость, домостроительство, добыча средств существования, репертуар орудий и эволюция технологии, искусство и религиозные представления) развивались своими путями еще в доземледельческий период, не меняя общей стратегии присваивающей экономики (Cauvin, 1978). И только их «воссоединение», создание единой взаимообусловленной

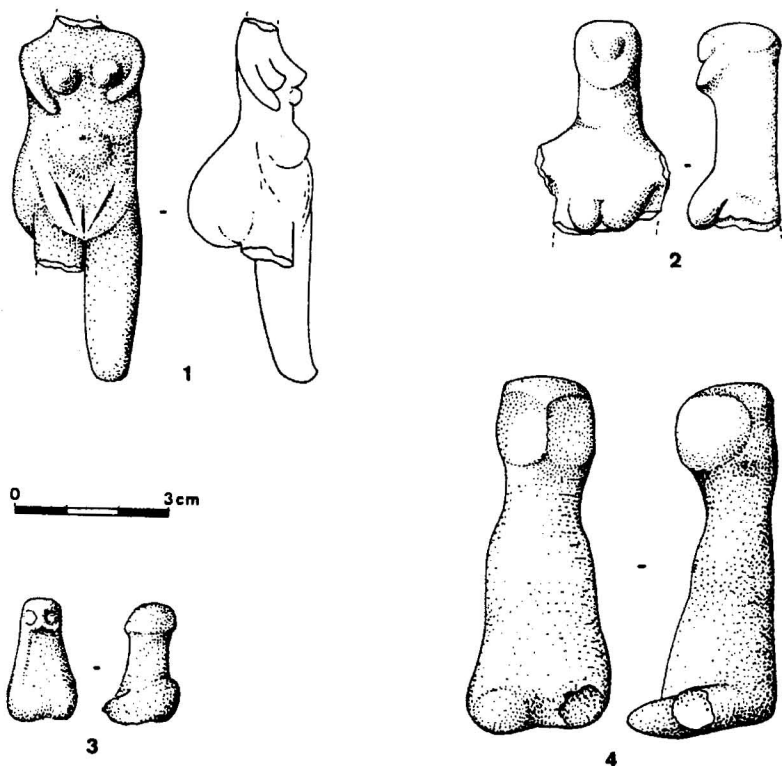

Рис. 3.8. Древнейшие культовые статуэтки Сиро-Палестинского региона (по Ковзну)

системы знаменовало «неолитическую революцию»: переход к производящим формам хозяйства — прежде всего к земледелию, коренным образом изменившим как названную стратегию, так и все стороны и условия человеческой жизни. Здесь нет возможности развернуть и детально обосновать этот тезис. Ограничусь лишь его постулированием. И отмечу, что ряд ученых сопоставляли «неолитическую революцию» по ее воздействию на историю с самим фактом выделения человека из животного мира (Ламберг-Карловский, Саблов, 1992). Последствия ее были воистину революционны, резко изменив и формы, и содержание, и темпы всего дальнейшего развития. И, быть может, наиболее показательным и ярким свидетельством этого явился поселок, неожиданно монументальные остатки которого открыты в глубинных слоях огромного холма Телль эс-Султан в правобережье Иордана (рис. 3.9).

Площадь этого холма 4,05 га, а высота 21,5 м. Вся толща состоит из остатков поселений и некрополей самых различных эпох. Наличие непересыхающих источников обусловило возможность парази-

Рис. 3.9. Телль эс-Султан. Аэрофотосъемка (по Кеньон)

Рис. 3.10. Большая каменная башня докерамического Иерихона А (по Кеньон)

тельно длительного и практически непрерывного заселения холма. Во второй половине II тыс. до Р. Х. здесь был сильно укрепленный ханаанейский город Иерихон («благоухание, город Луны»), павший после семидневной осады под ударами воинов Иисуса Навина, от криков которых рухнули городские стены (Нав 6:1–19). Потом город неоднократно возрождался и разрушался вновь, дожив под своим именем до наших дней. Условно оно переносится и на предшествующие библейскому Иерихону города и поселки, остатки которых образовали Телль эс-Султан.

Особая перспективность исследования этого памятника стала ясна после первых же раскопок его австро-германской экспедицией Е. Зеллина и К. Ватцингера в 1907–1909 гг.* Далее его изучение вели английские археологи. В 1930–1936 гг. Д. Гарстанг впервые до-

* Надо отметить, что задолго до этого, в 60-х гг. XIX в., попытку раскопок Иерихона предпринял английский офицер Ч. Уоррен. Он даже опустил до глубины 8 м, но разобраться в разрезанных слоях не смог.

стиг древнейших слоев холма. Самые же результативные исследования, превратившие Иерихон в одно из значительнейших археологических открытий XX в., были проведены в 1952–1958 гг. К. Кенъон.

В основании холма открыто стоявшее у источника прямоугольное сооружение 6,5×3,5 м, огражденное стенами из камней и столбов. Платформа, составлявшая его основание, тщательно очищена. Вертикальные отверстия в камнях предназначались, очевидно, для высоких шестов, может быть, для крепления флагов или каких-то символов. Предполагается, что сооружение исполняло функции святилища. Материал же внутри него типично натуфийский, относящийся к XI–X тыс. до Р. Х. Если начинать историю Иерихона с этого святилища, то общая ее длительность превысит 11 тыс. лет... Хронологически близок святилищу почти четырехметровый слой со следами легких хижин, в котором исследовательница видит остатки

сезонных лагерей бродячих охотников. Они также сохраняли натуфийские производственные традиции, прежде всего в кремневом инвентаре. К. Кенъон именует этот слой протонеолитическим. Выше же картина резко и неожиданно меняется. Следы хижин были перекрыты огромным слоем с остатками весьма совершенных каменных и глиняных сооружений. Исследовательница отнесла их к финальному периоду каменного века — неолиту. Раньше основным критерием начала неолита считалось появление керамики — обожженных глиняных сосудов. В

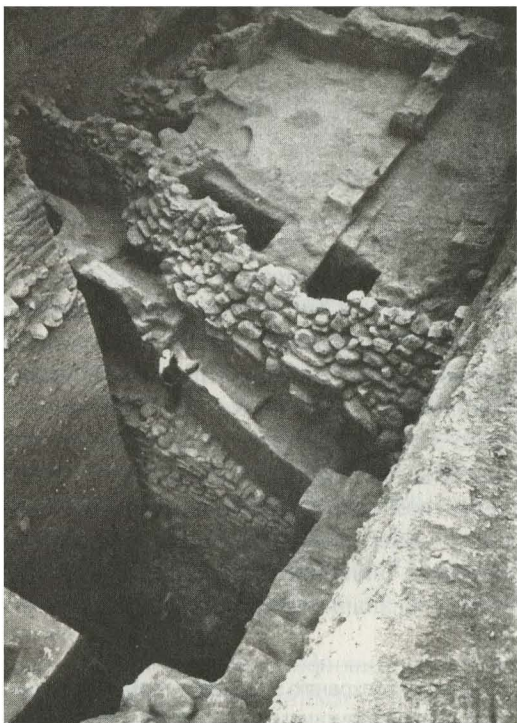

Рис. 3.11. Иерихон. Стена фазы А, перекрывающая стеной и прямоугольным домом фазы В (по Кенъон)

рассматриваемом слое Иерихона их еще не было. К. Кеньон предложила для него и подобных слоев смежных районов (Нахал Орен, Гильгул и др.) новый термин — «докерамический неолит»*, а основание для этого видела в резком изменении характера поселка, обусловленном формированием земледельческого хозяйства и соответствующими принципиальными сдвигами в культуре и социальных характеристиках человеческих коллективов. Внутри этого вновь выделенного феномена ею были определены два значительных этапа: докерамический неолит А — Prepottery neolithic A (PPNA) и докерамический неолит В — Prepottery neolithic B (PPNB). Мощность соответствующего слоя в Иерихоне беспрецедентна: свыше 10 м, из них 6 м относятся к этапу А, 3–4 м — к этапу В (рис. 3.10–3.11). В целом оба они охватывают период протяженностью свыше 2 тысячелетий. Первый датируется ныне 8500–7500 гг. до Р. Х., второй — 7500–6000 гг. до Р. Х. (я принимаю здесь даты, предложенные А. Мазаром и основанные на результатах радиоуглеродного анализа в некалиброванном их значении).

Площадь поселения этой эпохи превышала 2,5 га, что составляет значительную часть всей площади основания холма. Население его К. Кеньон исчисляла в 2 тыс. человек. А. Мазар пересмотрел эту цифру, уменьшив ее вдвое, что представляется более реальным (Mazar, 1990, p. 40).

Обращусь к описанию поселка фазы А. Круглые и овальные дома его диаметром 4–6 м имели полы с каменным основанием и плотной глиняной обмазкой, каменные же или кирпичные стены (кирпичи ручной лепки, плосковыпуклые, подобные булкам) и плоское или купольное перекрытие из камыша, покрытого слоем глины (рис. 3.12). В некоторые дома вели специальные деревянные лестницы. Уже это резко контрастирует с предшествующим домостроительством натуфийских и хайонимских поселений. Но главное, поселок обнесен мощной стеной толщиной свыше 2 м, сложенной из крупных блоков дикого камня и на отдельных участках сохранившейся на значительную высоту. С внутренней стороны к стене при-

* Я условно сохраняю здесь этот термин, поскольку он известен по многочисленным предшествующим публикациям, касающимся данной проблематики. Хотя более нейтральным и корректным представлялся бы применяемый некоторыми учеными термин «ранний» (или «архаический») неолит, ибо на некоторых однокультурных с Иерихоном поселениях найдены необожженные глиняные сосуды.

строена каменная башня высотой до 8 м, также сложенная из необработанных крупных камней (рис. 3.13). Крутая лестница из 22 ступеней вела к ее вершине. Весьма монументальный характер имели и каменные хранилища, в одном из которых сохранилось обугленное зерно. Эти конструкции в высоту превышали 3 м. И стена, и башня, и прочие постройки неоднократно перестраивались, что позволило выделить в слое несколько фаз. На первой фазе сохранившаяся высота стены была 3,66 м, на третьей — 7,62 м. На второй фазе

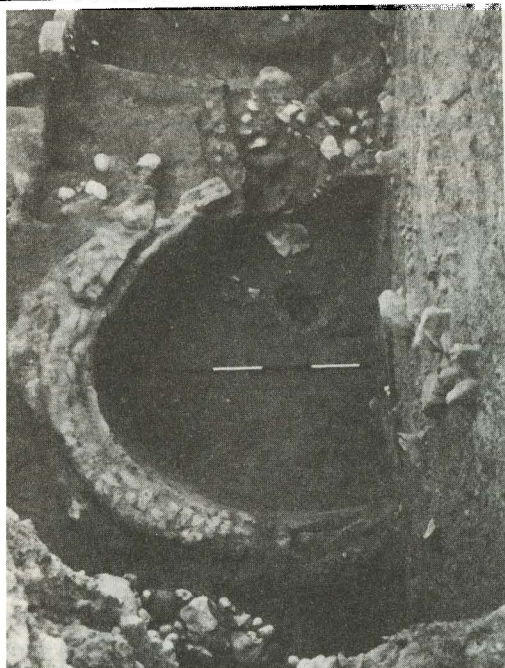

Рис. 3.12. Круглый дом докерамического неолита фазы А (по Кеньон)

перед стеной в скале вырублен ров шириной 8,25 и глубиной 2,75 м. Диаметр башни на третьей фазе достиг 9 м. «Стена и башня Иерихона — наиболее поразительное открытие для периода, когда никакая общественная архитектура вообще не была известна» (Mazar, 1990, р. 41). Вопрос о функциях этих огромных сооружений дискуссионен. К. Кеньон не сомневалась в их оборонительном характере, а сам поселок считала древнейшим в мире городом. Но другие ученые видят в башне культовое сооружение или наблюдательный пункт, а в стенах — крепление склонов холма, преграду для оползней, наводнений, грязевых потоков и т. п. (Шнирельман, 1989, с. 46; Bar-Yosef, 1986; Aurenche, 1981, Mazar, 1990, р. 41).

Особую позицию в вопросе о массивных фортификациях докерамического Иерихона (как PPNA, так и PPNB) занимает крупный немецкий исследователь Р. Хахманн (R. Nachmann; 1989). Заново проанализировав стратиграфические и планиграфические данные раскопок К. Кеньон, положенные в основу ее периодизации и отнесения

строительных остатков к определенным хронологическим этапам, он представил абсолютно новую интерпретацию их, оспорив не только фортификационную функцию ряда стен, но и саму принадлежность их периоду докерамического неолита. Это, однако, не коснулось башни, и при подобном пересмотре сохранившей свою чрезвычайно раннюю хронологическую позицию. Р. Хахманн осторожно пишет о

вероятности культового ее предназначения.

Результаты отмеченного пересмотра и заключения его автора, бесспорно, требуют пристального внимания. Но в той же мере они требуют дальнейших подтверждений и пока остаются дискуссионными. Наличие же свидетельств монументального строительства в слоях докерамического неолита как самого Иерихона, так и его аналогов (Рас-Шамры в Сирии, Бейды в Иордании, Телль Магзалии в Северо-Восточном Ираке и др.), остается безусловным. В силу этого в настоящем разделе я сохраняю интерпретацию первооткрывательницы докерамического Иерихона, не исключая возможности определенных корректив ее в будущем.

Но при любом решении вопроса о стенах и их характере не подлежит сомнению огромный рывок в утверждении оседлого образа жизни и в строительном искусстве (ведь массивные конструкции этого этапа на 5 тысячелетий

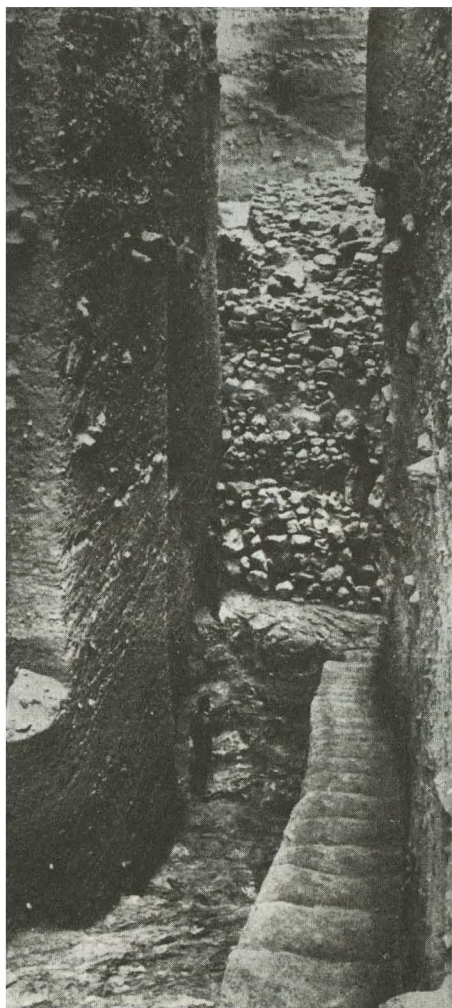

Рис. 3.13. Слой докерамического неолита. Башня и стены (по Кеньон)

предшествуют египетским пирамидам). И наиболее вероятный фактор, обусловивший такой рывок, — формирование и развитие земледелия. У натуфийцев можно было предполагать самые зачатки его. В Иерихоне же PPNA засвидетельствовано наличие культивированной эммеровой пшеницы, пшеницы-однозернянки, пленчатого ячменя, чечевицы, овощей. Доля земледелия в общей системе хозяйства стала уже весьма значительной, если не преобладающей. Допускается даже ирригационный характер земледелия с сооружением первых в истории каналов от ближайших водных источников (как часто в связи с Иерихоном приходится употреблять слова «первый» и «древнейший»!). Соответственно в каменном инвентаре распространяются орудия, связанные с различными сельскохозяйственными операциями, прежде всего с жатвой и обработкой растительных продуктов — серпы и жатвенные ножи (рис. 3.14), базальтовые и известняковые ступы, зернотерки, песты и др. (вместе с тем следует подчеркнуть, что в прочем инвентаре сохраняются некоторые натуфийские реминисценции). Очень характерно обилие лезвий для серпов из вулканического стекла-обсидиана. Этот твердый, дающий ровные ножевидные сколы материал весьма рентабелен в земледельческой практике, он не уступает кремню и даже превосходит его. Но ближайшие его источники (в Восточной Анатолии) более чем на 700 км удалены от Иерихона. И потребность в нем в связи с развитием земледелия стимулировала либо специальные экспедиции в район этих источников, либо установление регулярных контактов с группами-посредниками, контролировавшими обсидиановые пути. А осуществление подобных акций возможно только при уже достаточно высоком развитии общества.

Погребения совершались внутри поселка, некоторые из них — в вышедших из употребления массивных постройках, скорее всего зернохранилищах (Mellaart, 1975, p. 49). Прочие располагались под полами домов или на открытых участках. Костяки скорчены. В конце этапа появляется экстраординарный ритуал: черепа без нижней челюсти отделялись от остального скелета и группами сохранялись в домах. В этом можно видеть одно из выражений культа предков, получившее поразительное продолжение на следующем этапе. Но об этом несколько позже.

Характеризуя поселение этого этапа в целом, А. Мазар пишет: «Массивные конструкции свидетельствуют о существовании социальной организации и центральной власти, способных впервые в че-

ловческой истории принять необходимые меры и найти рабочую силу для подобных строительных операций. Технический уровень, планирование и строительное искусство в Иерихоне должны были быть лишь немногим ниже, чем значительно позже, в бронзовом веке. Иерихон должен рассматриваться как большая деревня или община городского типа, отражающая революционные изменения в социальной организации и технических познаниях» (Mazar, 1990, p. 42). Более категоричен Д. Меллаарт. «Иерихон, — утверждает он, — заслуживает наименование «древнейшего города мира», и легенда о иерихонских стенах могла возникнуть значительно раньше Иисуса Навина!» (Mellaart, 1975, p. 50).

Определение Иерихона как города дискуссионно (хотя и не исключено). А вот мысль о причастности его и подобных и одновременных ему памятников к корням библейской мифологии представляется интересной и перспективной. Создание этого поразительного для своего времени поселка и сокрушение как его стен, так и его самого, ознаменовавшее конец рассматриваемого этапа, могли глубоко укорениться в памяти поколений и лечь в основу легенд об уничтожении провинившихся перед Господом городов.

Еще раз подчеркну, что при всей своей уникальности слой этапа А докерамического Иерихона не единичен. Он явился эталонным памятником обширной системы, знаменовавшей завершение «неолитической революции» и воплотившей в себе ее результаты. Как уже отмечалось, система эта охватила Палестину (помимо Иерихона — Нахал Орен, Айн-Маллаха, Эйн Хиям, Гильгул и др.), Иорданию (Бейда), Сирию (Мюрейбит, Телль Асвад, Телль Коум), Загрос (Гандж-Дарс, Джармо, Али-Кош и др.), юго-восточную Турцию (Чайюню Тепеси и др.). Все они сыграли решающую роль на финальной ступени «неолитической революции». Но Иерихон остается Иерихоном: ни один из названных памятников не может сравниться с ним ни по монументальности строительства, ни по полноте и неожиданности всего комплекса открытий, сделанных при его раскопках.

При этом напомним, что мы рассмотрели пока лишь свидетельства слоя этапа А докерамического Иерихона. За ним последовал этап В, не менее насыщенный и интересный, озаглавленный как развитием традиций своего предшественника, так и рядом значительных и ярких культурных инноваций. Поскольку поселок этапа А был разрушен стихийным бедствием или вражеским нашествием, К. Кеньон предполагала здесь период запустения и смену населения за счет

продвинувшийся с севера новой группы. Но дальнейшие исследования сделали более вероятной гипотезу о генетической связи между этапами при восприятии на этапе В заметных северных воздействий.

Во всяком случае, во второй половине VIII тыс. до Р. Х. поселок был отстроен заново. Начался второй этап докерамического неолита, длившийся до конца VII тыс. до Р. Х.

Культурные отличия от поселка первого этапа с наибольшей четкостью проявились в архитектуре. Округлые дома были сменены прямоугольными. Их хорошо выработанные — вплоть до деталей — формы свидетельствуют о полностью установившейся традиции, которая имела уже определенную предшествующую историю, протекавшую вне Иерихона. Постройки достаточно сложны и технически совершенны. Стены из кирпичей ручной лепки, отличающихся от плосковыпуклых кирпичей первого этапа. Теперь они сигарообразны, на поверхности их пальцем мастера нанесен продольный ряд вписанных углов («елочка»), способствующий скреплению кирпичей. Большие прямоугольные (с округленными углами) комнаты имели широкие, иногда фланкированные столбами двери. Полы покрывались плетеными циновками. В специальных обмазанных глиной углублениях находились очаги, стены массивны и обмазаны известью. Техника добычи извести путем обжига известняка в глубоких ямах, выложенных камнями, при достаточно высокой температуре (750–850°C) была выработана еще на первом этапе. Теперь известь стала широко применяться для обмазки как стен, так и полов. Часто к ней примешивались красящие вещества, придававшие обмазке красноватый или кремовый оттенок. Постройки многокамерные: большие жилые комнаты, иногда с нишами для сна, фланкировались маленькими подсобными — складскими, производственными, кухонными — помещениями. Впрочем, кухни могли находиться и в открытых дворах, по сторонам которых группировались постройки. На полах таких дворов зафиксированы большие слои древесного угля. Налажено было и хранение дождевой воды в расположенных вдоль стен специальных бассейнах с обмазанными стенами. Из домашней утвари сохранились искусно сделанные (вплоть до полировки) каменные сосуды, в основном из белого известняка. Предполагается наличие также деревянных и кожаных сосудов, но прямых их свидетельств нет. В других поселениях, близких по времени и облику культуры, есть и керамические сосуды, но они не обожжены, а лишь высушены на солнце, поэтому сохрани-

лись только единичные экземпляры, опаленные при больших пожарах. В Иерихоне их нет. Орудия кремневые и сланцевые, наиболее распространены пластины-лезвия разных размеров, большинство их — для составных серпов; достаточно многочисленны также сверла, скребки для обработки шкур, черешковые наконечники стрел (рис. 3.14), превосходно выполненные с помощью отжимной ретуши. В отличие от первого этапа становятся лишь единичными находки крупных орудий (топоров, тесел и пр.) для рубки и обработки дерева, которое продолжает применяться в строительстве, но весьма скупо. Некоторые исследователи видят в этом свидетельство обезлесения долины Иордана.

Прогресс в области земледелия выражен с предельной четкостью. Число связанных с ним орудий резко возрастает. Вырабатываются их стереотипы. Для обработки почвы применялись палки-копалки с

каменными утяжелителями: просверленными и надетыми на палку дисками. Лезвия серпов — как и на первом этапе — составные, роговые же основы их изогнуты. Зернотерки подчетырехугольные с широкой закраиной по трем сторонам и уплощенной выемкой с четвертой. Наиболее же показательно многообразие и обилие зерен. На этом этапе начали выращивать лен. Основные же пищевые культуры — пшеница-однозернянка, эммеровая пшеница, твердая, культурный ячмень, иногда с признаками гибридизации с местным диким, конские бобы, чечевица, горох, вика, нут. Твердая пшеница выведена уже искусственно. Однозернянка в отличие от эммеровой

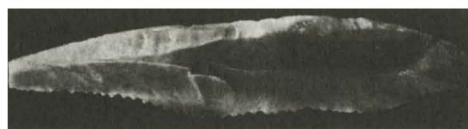
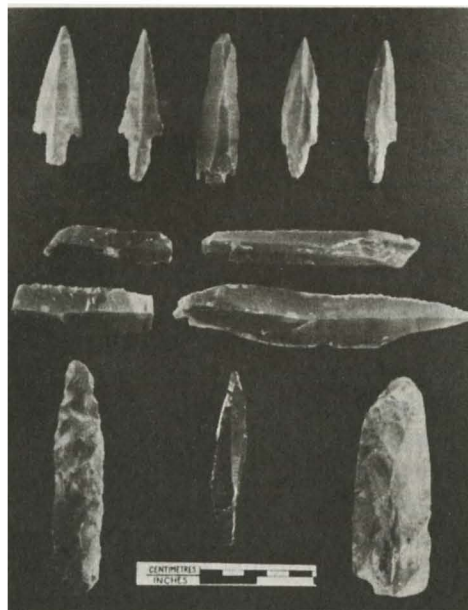

Рис. 3.14. Кремневые и обсидиановые орудия докерамического Иерихона

пшеницы не имеет в Палестине диких предков: они известны в Анатолии и Северной Сирии, что наряду с новой архитектурной традицией свидетельствует о доминанте северных воздействий при формировании культуры второго этапа.

Очень важны первые безусловные свидетельства приручения животных. Резко изменилось соотношение костей различных их видов, прежде всего за счет многократного (по сравнению с ранним этапом) возрастания числа костей коз и овец: они составили около половины общего количества костных остатков. Это позволяет предполагать начавшееся уже разведение этих животных, а следовательно, и первые шаги их приручения, еще не приведшие к морфологическим изменениям, характерным для полностью одомашненных видов. К концу этапа подобный же процесс мог коснуться свиней, а позже и коров.

Для экономики в целом характерны самообеспечивающее земледелие и начало domestikации животных при сохранении значительной роли охоты. Происходит дальнейшая активизация связей, в том числе и далеких. При производстве лезвий серпов все более широко используется анатолийский обсидиан, а среди украшений встречены и бирюза из Синая, и средиземноморские раковины, и другие доставленные издалека предметы роскоши.

Чрезвычайно важны и наиболее трудны для интерпретации находки, освещающие духовную жизнь создателей поселения. Часть их безусловно связана с поклонением сверхъестественным силам, от которых зависели основные виды хозяйства, обеспечивавшие благосостояние этой явно процветающей общины. Как вотивные пожертвования могут рассматриваться многочисленные глиняные статуэтки животных, значительно реже — людей: в целом эта традиция и в Палестине и на Ближнем Востоке получит в дальнейшем широкое распространение и очень длительное развитие. Для земледельческого круга характерны глиняные женские статуэтки — изображения богини-матери (рис. 3.15, а). Истоки этого культа, как показано выше, констатированы уже в поздненатуфийских (хайонимских) памятниках X — начала IX тыс. до Р. Х. Теперь вырабатывается и определенная схема таких статуэток — с руками, поддерживающими груди (символ плодородия). Этой схеме также предстоит существование на протяжении нескольких тысячелетий культурного развития на рассматриваемой и на смежных с ней территориях.

С культовыми акциями связаны и домашние святилища: специальные ниши в стенах с помещенными в них каменными пьедеста-

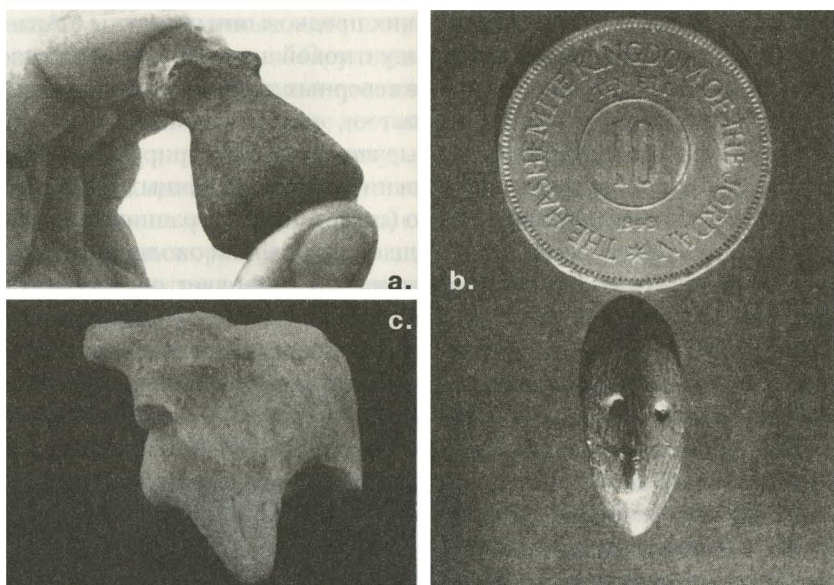

Рис. 3.15. Иерихон. Докерамический неолит В: а. женская глиняная статуэтка; б. костяная личина; с. глиняная фигурка животного

лами, на которые водружались необработанные, а иногда и обработанные камни, служившие предметами поклонения и, очевидно, символизирующие божество. В Иерихоне такой камень, стоявший в нише торцевой стены большого прямоугольного помещения, имел форму колонки высотой 40 и диаметром 16 см (рис. 3.16). В Бейде (Иордания) необработанная глыба песчаника находилась в центральном нефе трехчастной постройки, расположенной вблизи поселения. А. Б. Зубов рассматривает обе конструкции как древнейшие храмы (Зубов, 1997, с. 100), а в связи с поклонением камням приводит библейское повествование об Иакове, поставившем камень на месте, где видел во сне лестницу, восходящую к Богу, «и возлил елей на верх его» (Быт 28:18) — то есть воздал ему почитание, приличное Богу (Там же, с. 120). «И эти находки, восходящие к началу VII тыс. до Р. Х., и это древнее предание говорят об одном — было время, когда человек ясно сознавал полную неподобность Бога ничему земному, ничему из сотворенного Им. Избегая какого-либо конкретного, «тварного» образа Творца, человек неолита предпочитал бесформенность камня всем формам мира» (Там же).

Рис. 3.16. Иерихон. Докерамический неолит В:
а. святилище с культовым камнем в стенной
нише; б. культовый камень

Интерпретация отмеченных построек Бейды и Иерихона как храмов представляется вероятной, тем более, что в последнем открыта еще одна необычная постройка с большим центральным помещением ($6,08 \times 3,66$ м), внутри которой находился хорошо оформленный и тщательно оштукатуренный бассейн, а у обоих концов — пристройки с округленными стенами. И здесь предполагается ритуальный характер сооружения.

В погребальном обряде сохранились основные черты ритуала предшествующего этапа (рис. 3.17) (что, как и данные палеоантропологии, свидетельствует против гипотезы о смене населения и приходе с севера новой группы, принесшей культуру этапа В). Известный уже тогда обычай отделения черепов получает широкое распространение. Особый же интерес представляют найденные в ряде случаев черепа, которым с помощью глиняной или гипсовой

обмазки, а иногда и натуральной краски, придано подобие голов с моделировкой щек, бровей, губ, инкрустацией глаз морскими раковинами и имитацией волос битумом. Такие черепа с моделированными лицами встречены в Иерихоне впервые. Их там 11. Находка явилась подлинной сенсацией. Каждая голова индивидуальна. Некоторые лица выполнены с поразительным мастерством, удивляют своим реализмом, являясь истинными шедеврами невиданного ранее искусства VIII–VII тыс. до Р. Х. (рис. 3.18). Предполагается, что они носят портретный характер. Если так, то это древнейшие образцы портретного искусства в мире. В одном случае возможна имитация головного убора полосой темной краски.

Культовый характер этих замечательных находок не вызывает сомнений. По мнению А. Мазара, подобный обычай «должен отражать веру в продолжение жизни и, возможно, свидетельствует о культе предков и сохранении души в черепе» (Mazar, 1990, p. 47). Особого внимания заслуживает определенная унификация ритуалов, а следо-

вательно, и религиозных представлений на значительной территории. Подобные иерихонским черепа с моделированными лицами найдены в Айн-Гхасале (Заиорданье), Бейсамуне (север Иорданской долины), Телль Рамаде близ Дамаска (Ferembach and Lechevallier, 1973; Lechevallier, 1978; Contenson, 1971). Очевидно, подобный же характер имели и каменные маски, найденные в контексте изделий этапа В докерамического Иерихона в пещере Нахал Хемар (Bar-Yosef, 1985; Alon, Bar-Yosef, 1988) и к югу от Хеврона. Одна из них покрыта полосами красной и зеленой краски. А. Мазар и для

Рис. 3.17. Иерихон. Докерамический неолит В. Скорченные погребения без черепов

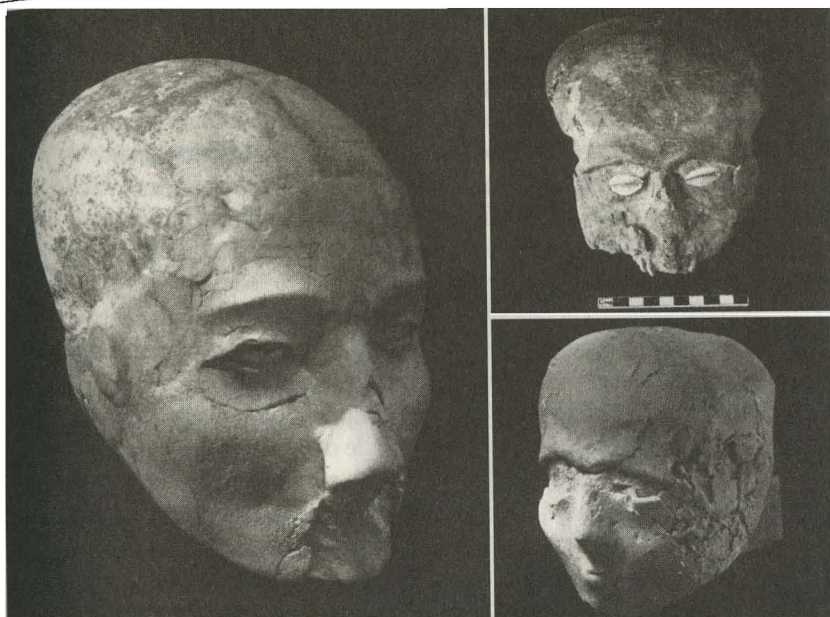

Рис. 3.18. Черепа с моделированными лицами

них предполагает связь с культом предков и роль «аксессуаров магических ритуалов шаманского типа» (Mazar, 1990, р. 48) (рис. 3.19).

Наконец, еще одно интереснейшее свидетельство сложных ритуалов и развитой духовной жизни создателей культуры рассматриваемого этапа. В самом Иерихоне еще во время раскопок Д. Гарстанга 1930—1936 гг. в докерамическом слое найдена целая группа из трех антропоморфных статуй (мужчины, женщины, ребенка), выполненных почти в натуральную величину из глины (или гипса) на камышовой основе. Все они, особенно головы, сильно уплощены. Волосы и борода мужчины отмечены красной краской, фигура же (как и у двух других статуй) несколько приплюснута (рис. 3.20). Свыше 50 подобных статуй найдены в Айн-Гхасале (Rollefson and Simons, 1985, р. 35–52).

«Обычай больших человеческих изображений в виде глиняных статуй, — пишет А. Мазар, — характерен для этого периода; здесь можно предполагать веру в создание человека из глины, идею, выраженную в Книге Бытия и нашедшую отражение в древних мифах шумеров и египтян» (Mazar, 1990, р. 47).

Еще несколько слов о черепах с моделированными лицами в Иерихоне. Хранились ли они в обычных домах или в специальных святилищах — установить не удалось: постройки, в которых они найдены, разрушены полностью. Здесь предполагается вражеское нашествие. Однако после него поселок этапа В был восстановлен. Только тогда была построена из огромных камней новая городская стена, перекрывшая стены этапа А. Она неоднократно перестраивалась и даже отодвигалась в наружную сторону в связи с расширением застройки поселения.

В целом можно с уверенностью утверждать, что крупнейшие сдвиги как в материальной, так и в духовной сфере ближневосточного, и прежде всего палестинского, докерамического неолита на первом этапе его развития были заметно расширены и преумножены на втором этапе. Сложились уже обе основные отрасли производящей экономики: наряду с земледелием началось развитие скотоводства. Новые, более прогрессивные формы обрело строительное искусство. То же документируется для многих ремесел, вплоть до зачатков металлургии и металлообработки. Укрепилась оседлость. Усложнилась

социальная структура коллективов. В духовной сфере все более выразительно проявляется тенденция к унификации культов и связанных с ними ритуальных акций, к обогащению и углублению мировосприятия, поклонению властвующим над человеком высшим силам.

На втором этапе территория рассматриваемого феномена превысила ареал первого этапа. Достаточно многочисленные уже поселки появились или продолжали существовать в районах Палестины — в прибрежной полосе (Иифтахель, Нахал Орен, Абу-Гхош), в долине Иордана (сам Иерихон, Манхатта, Бейсамун), Иудейской пустыне (Нахал Хемар), Негеве и по Вади Араба (Нахал Дившон, Нахал Иеарон, Нитсана). В Заиорданье находилось

Рис. 3.19. Каменная ритуальная маска периода докерамического неолита В. Пещера Хемар к югу от Хеврона (по Алону и Бар-Иосифу)

крупнейшее поселение этапа в Айн-Гхасал, там же исследовано интереснейшее укрепленное поселение Бейда (Kirkbride, 1966, 1968) с сочетанием круглых и прямоугольных домов. В Сирии также укрепленное докерамическое поселение Рас-Шамра располагалось на средиземноморском побережье, Телль Рамад — близ Дамаска, Мюрей-бит и др. — на Среднем Евфрате (Mellaart, 1975; Cauvin, 1978). Наконец, в Синджарской долине Северо-Западного Ирака замечательное поселение докерамического неолита В Телль Магзалия с восьмиметровым культурным слоем, массивной стеной и башней открыто и исследовано российскими археологами (Бадер, 1989).

Конец второго этапа, а вместе с тем и всего рассматриваемого феномена последовал за сильным упадком поселений во второй половине VII тыс. до Р. Х. Причины его неясны. Одни ученые склоняются к естественным причинам (природные сдвиги, иссушение климата), другие — к антропогенным (экстенсивная эксплуатация земельных участков, обезлесение). Полагаю, что должны учитываться и кризисные явления внутри человеческих коллективов, создавших культуру докерамического неолита Сиро-Палестинского региона. Обусловленный ею резкий рост народонаселения («демографический взрыв») превысил воз-

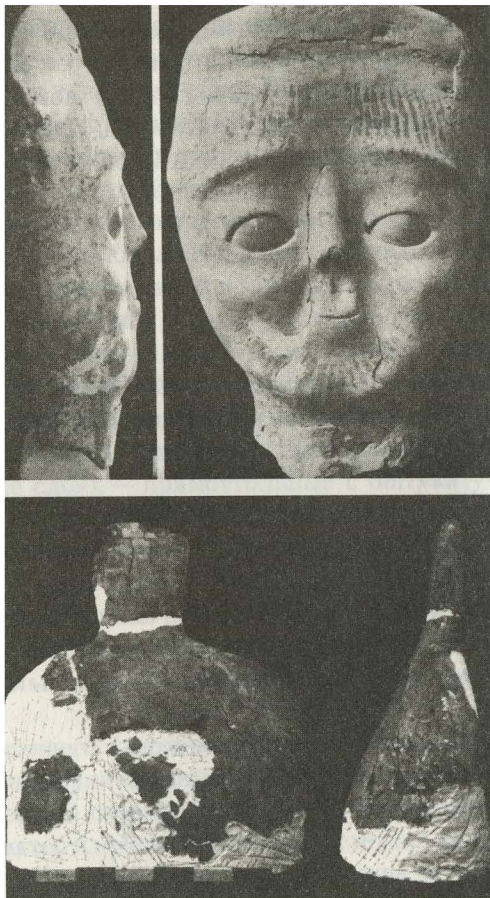

Рис. 3.20. Иерихон. Докерамический неолит В. Антропоморфная статуя в натуральную величину. Глина, камни

мжности как социальной организации, так и экономической структуры населения. Стали неизбежны их принципиальные изменения. Резко вырвавшиеся вперед, но все же отдельные, изолированные центры, базировавшиеся на производящих формах хозяйства, были сменены широким распространением этих форм по сплошным территориям речных долин, их массовым освоением. Формирование сотен деревень стало преобладающей формой развития. Исключительность сменилась «всеобщностью». Как всегда в таких случаях, культурный уровень резко понизился.

Но тот неизвестный ранее феномен, который условно именуется «докерамическим неолитом», сыграл в древнейшей истории человечества неопределимую роль. В известной мере он определил ее развитие на многие тысячелетия вперед. Далекое его отзвуки возможны в библейской мифологии. А Иерихон стал его символом.

КЕРАМИЧЕСКИЙ НЕОЛИТ

В предшествующей главе отмечено, что, согласно одной из версий, касающихся развития докерамического неолита Иерихона, второй его этап — PPNB — появился на стадии уже высоко развитой культуры, самые ранние ступени которой пройдены, как полагают, в более северных областях, прежде всего в прибрежной полосе Сирии, где та же культура зафиксирована в самом раннем слое поселения Рас-Шамра, окруженного, как и Иерихон, мощной стеной, и в ряде других пунктов (Телль Рамад, севернее — Эль Коум, на Среднем Евфрате — Мюрейбит и Абу-Хурейра и др.). Продвинувшись на юг, культура эта не только сменила культуру первого этапа, но и вступила во взаимодействие с ней. Поэтому наличие сколько-нибудь значительного хронологического разрыва между ними сомнительно. Разрыв, отмеченный исследователями Иерихона, мог быть спецификой данного конкретного памятника. А в замечательном поселении Бейда в Иордании у Вади Араба — к югу от Мертвого моря — фиксируется даже переход между культурами обоих этапов (Kirkbride, 1966; 1968). Шесть слоев Бейды относятся к VII тыс. до Р. Х. — с его начала до второй половины. Самые ранние дома — круглые, далее — переходного типа — прямоугольные с округленными углами, в верхних же слоях — прямоугольные с оштукатуренными полами. Нет резкого различия ни в орудиях, ни в утвари, хотя преобладают формы второго этапа, что и естественно: к его времени относится большая часть слоя. К. Кеньон допускает, что, когда продвинувшаяся с севера группа достигла Центральной Палестины, создатели культуры первого этапа отошли к югу, в дальнейшем же влияния пришельцев стали решающими или обе культуры смешались.

Поселки второго этапа раннего («докерамического») неолита в Иерихоне, а фактически и на прочих крупных поселениях, прекратили существование внезапно, что, очевидно, связано с очень значительным катаклизмом. Характер и причины его неясны: можно предполагать и охватившие значительные области сейсмические катастрофы, и внутренний социальный кризис, и перегруппировку населения, и серию вражеских нашествий. Во всяком случае, далее фиксируется явный и резкий культурный регресс, характерный для

позднего неолита Палестины, фундаментальные каменные сооружения сменяются примитивными жилищами — своего рода жилыми ямами с легкой наземной конструкцией из глины и мелких камней. Сооружения интерьера ограничиваются открытыми очагами. Поселки немногочисленны, кратковременны, остатки их соответственно однослойны и резко отличаются от теллей. Памятники с несколькими последовательными слоями единичны (Хурват Минхах). Предполагается даже длительный разрыв между «докерамическим» и «керамическим» неолитом — вплоть до тысячелетия, — но это маловероятно: в смежных областях Сирии последовательность между ними стратиграфически установлена на ряде многослойных поселений (Абу-Хурейре, Телль Букрасе, Телль Рамале).

Основным нововведением периода является распространение керамики в результате выработки технологии лепки и обжига глиняной посуды. Поэтому новый период условно именуется «керамическим неолитом» (я уже отмечал, что глиняные сосуды были и ранее, но необожженные).

В Иерихоне также представлен слой этого периода, хотя и не связанный с предшествующим. Он тоже делится К. Кеньон на два этапа — А и В. Следует отметить, что в развитии их проявляется очевидное отставание Палестины (доминировавшей, как мы видели, в предыдущий период) от Сирии. Там древнейшие обожженные сосуды, еще очень грубые и неорнаментированные, появились уже в середине VII тыс. до Р. Х. Они известны в поселках, генетически связанных с нижними слоями раннего неолита (Мюрсейбит). В Палестине же они встречаются с конца VII тыс. до Р. Х. в примитивных и резко отличающихся от более ранних поселений.

Сам же феномен появления керамики явился закономерным результатом уже очень длительного и многообразного использования человеком глины: от мелких поделок (включая фигурки животных) до обмазки полов, стен, вкопанных в землю вместилищ, наконец, поверхностей очагов, где воздействие огня на глину, превращение ее из мягкого в твердый материал познавалось непосредственно.

Отмеченные этапы выделены К. Кеньон уже по керамике, причем по наиболее общим технологическим и морфологическим ее показателям. В целом же, по справедливому замечанию А. Мазара, «с самого начала керамического производства каждая группа населения... вырабатывала свои предпочтительные формы и технику орнаментации. Однако между синхронными группами существовало значи-

тельное взаимодействие» (Mazar, 1990, p. 49). Последнее и обуславливало общие черты, позволяющие говорить об этапах.

Этап А керамического неолита датируется 6000–5000 гг. до Р. Х. В его керамике выделяются два вида — грубая кухонная и тонкая, украшенная. И та и другая ручной лепки и слабого обжига (рис. 4.1). Формы обоих близки и примитивны: плоскодонные чаши со слабо округлыми или прямыми расходящимися сторонами, кувшины с высоким прямым горлом и петлевидными ручками у основания, горшки с ручками-налепами. Глина грубая, с примесью рубленой соломы и песка. Тонкая посуда четко выделяется с самого начала. При тех же формах глина чище, а обжиг несколько выше. Основное же отличие в оформлении поверхности: она выглажена, покрыта кремовым ангобом, а поверх него — красным, нанесенным с разрывами, сохраняющими кремовый цвет и образующими негативный орнамент в виде шевронов и треугольников. Красные же участки залощены до глянца. Появилась и резная орнаментация («зигзаг», «елочка»).

Прочий инвентарь заметно отличается от изделий раннего неолита. Хорошо выработанные в последнем формы зернотерок, пестов, ступ, тонких каменных сосудов исчезают, сменяясь резко обедненными формами предельно грубых каменных сосудов — ступ. Значительно изменилась и кремневая индустрия. Вместо тонко заостренных лезвий составных серпов преобладают крупные лезвия с грубо зубренным рабочим краем.

Такие комплексы керамики и каменных изделий широко распространены во всей Палестине. В Ие-

Рис. 4.1. Иерихон. Керамический неолит этапа А. Образец сосудов (по Кеньон)

рихоне «жилые ямы» занимают весь холм. Чрезвычайно близкие памятники еще более многочисленны в Сирии, главным образом в центральных и западных ее районах (Рас-Шамра, Хама, Библ), в Верхнеевфратской долине и в долине Амука (Телль Джудейда).

Материалы сирийских и ливанских поселений достаточно выразительны. Они сконцентрированы в плодородных долинах и свидетельствуют о полном сложении уже земледельческо-скотоводческой экономики и активных контактах как со смежными, так и с далекими землями. Особо отметим основание в прибрежных районах поселений, игравших с очень раннего времени основную роль в морских связях региона.

Это прежде всего возникший в рассматриваемый период Библ. Выше уже отмечалось отсутствие в Сирии разрыва между «докерамическим» и «керамическим» неолитом. И возможно, именно под ее воздействием специфическая культура последнего распространилась на Палестину, охватив всю ее территорию от крайнего севера (Хайоним) до пустынного юга.

На севере Палестины ранний этап «керамического» неолита представлен ярмукской культурой (Stekelis, 1973).

Для нее характерны поселки типа Хурват Минхах (нижний слой) с жилищами в мелких ямах, подобными иерихонским, и керамикой, типичной для этапа А; то же следует сказать и о прочем инвентаре. Должен быть выделен особый тип глиняных женских статуэток с продолговатой заостренной головой и зернообразными глазами – безусловная реплика изображения богини-матери, культ которой фиксируется как задолго до керамического неолита (начиная с натуфийской культуры), так и на последующих его этапах.

Первый этап керамического (для Палестины позднего) неолита сменяется этапом В, развивавшимся с 5000 до 4300 г. до Р. Х. Вначале поселки его столь же примитивны, как и на этапе А, более того, «жилые ямы» последнего переиспользовались, реконструировалась лишь наземная их часть. Далее – в сменившей ярмукскую культуру культуре Вади Рубах в жилой архитектуре намечается некоторый прогресс: начали создаваться отдельные постройки с каменным основанием и стенами из сырцового кирпича ручной лепки (позднее сырцовые кирпичи стали формовать в деревянных формах). Планы построек различны: как округлые, так и прямоугольные. Лишь на самом позднем этапе вырабатывается стереотип прямоугольного дома с каменным основанием.

В Иерихоне, продолжающем оставаться ключевым памятником и на этом этапе, открыты и остатки каменной стены шириной 2–2,5 м, но окружала ли она весь поселок или ограждала отдельный участок — пока неясно.

В кремневом и каменном инвентаре доминируют земледельческие орудия: мотыги (ранее не представленные) и лезвия серпов, тогда как число наконечников стрел сокращается, что свидетельствует о уменьшении роли охоты.

Керамика значительно совершеннее предшествующей (рис. 4.2). Новая ее группа либо сменила последнюю, либо (что более вероятно) смешалась с ней. Глина заметно чище, примесь рубленой соломы сокращается, формовка сосудов искуснее, обжиг выше. Расширился репертуар форм. Особенно характерны плоскодонные горшки с округлым туловом и высоким раздутым горлом, подобные же горшки с горизонтальными, скошенно поставленными полукольцевидными ручками, широкие, четко профилированные открытые чаши, котловидные сосуды со стянутым горлом и вертикальной ручкой. На смену красно-кремовому лощеному ангобу приходит глубокий красный, коричневый, черный ангоб, иногда лощеный, иногда матовый. А наиболее характерным орнаментом становятся широкие, обрамленные желобами резные ленты, заполненные вертикально поставленными, вписанными углами (рис. «елочный орнамент», англ. «herringbone»). Часто эти ленты покрывались кремовым ангобом.

Такая керамика получила чрезвычайно высокое распространение. Она найдена в долине Иордана — по обе его стороны, — а также при слиянии его с Ярму-

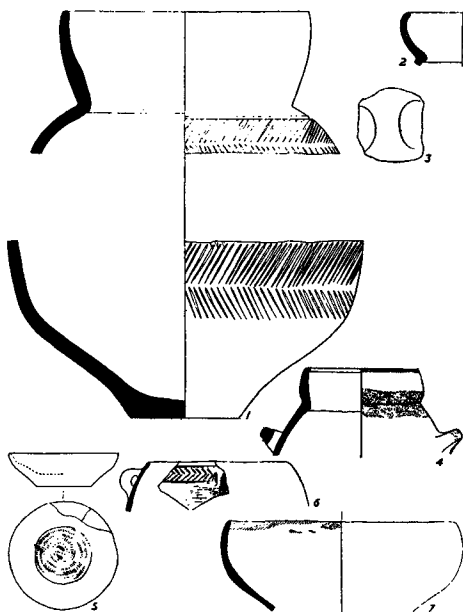

Рис. 4.2. Иерихон. Керамический неолит этапа В. Образец сосудов (по Кеньон)

ком, где встречены многочисленные крайне схематизированные антропоморфные фигурки из гальки — безусловно культовые изделия. Они свидетельствуют о все более укореняющемся представлении об антропоморфизме (а точнее — женском образе) предмета поклонения, — высшей силы, божества. Подчеркну еще раз, что зарождение этого образа отмечено в натуфийской культуре, продолжение — в раннем неолите Иерихона, дальнейшее развитие видим в керамическом неолите (рис. 4.3).

Керамика же с резной орнаментацией, идентичной описанной, — то есть с лентами, заполненными «елочкой», известна в ряде наиболее значительных поселений сирийско-ливанского побережья, прежде всего в Библе — древнейшем портовом центре, игравшем особую роль в торговых и культурных связях Сиро-Палестинского региона с Египтом, засвидетельствованных начиная с додинастической эпохи последнего — то есть с IV тыс. до Р. Х. К этому времени Библ был обнесен стеной и превратился в крупный торгово-ремесленный поселок, а далее и город (Dunand, 1937–1953).

В Библе нижние два его слоя А и В (VI–V тыс. до Р. Х.) содержат остатки четырехугольных домов с обмазанными глиной полами, но крайне примитивной конструкции — со стенами из нестойких материалов — ветвей и шкур. Керамика многообразна. Часть ее близка находкам керамического Иерихона В и культуры Вадии Рубах Палестины, другая представлена темнолощеными сосудами, характерными для более северных регионов Восточного Средиземноморья.

В целом и в Палестине, и в Сирии в VI тыс. до Р. Х. распространены небольшие оседлые, но крайне примитивные деревни со скромной земледельческой экономикой. По сравнению с предшествующей культурой ранненеолитических центров — Иерихона 1–2 этапов и его аналогов — они бедны и невыразитель-

Рис. 4.3. Глиняная женская статуэтка («богиня плодородия») из слоя VI–V тыс. до Р. Х. Мунхаты (по Мазару)

ны. Но вместе с тем земледелие перестало быть явлением экстраординарным, связанным со столь же экстраординарными центрами. Оно охватило уже огромные территории и массы людей. Прежде всего это относится к долинам великих рек — Тигра и Евфрата. Земледельческие культуры были распространены на них искусственно с реализацией гигантского их плодородия, ранее лишь потенциального. Процесс оседания на землю принял массовый характер. На место изолированных, резко выделявшихся по всем показателям центров, как бы отгородившихся своими стенами от остального, все еще бродячего охотничье-собирающего мира, пришло сплошное заселение значительных участков речных долин группами оседлых земледельцев. В долинах нет камня — его надо было доставлять издалека. Основной строительный материал здесь — глина, и это определило специфический облик долинных поселков.

Долины, с одной стороны, давали наибольший земледельческий прибавочный продукт, с другой — требовали все большей консолидации населения для создания ирригационных систем, контроля над ними и над губительными разливами рек. А это стимулировало усложнение социальной системы и прогрессирующей дифференциации общества. Необходимость в отсутствующих в долинах материалах — камне, дереве, позднее металлах и пр. предполагала контакты с близкими и далекими областями, обладавшими этими материалами, развитие торговли. Все это обусловило заметное ускорение темпа экономического, социального и культурного развития долин, которые чем далее, тем более стали опережать прочие области. В полной мере это опережение проявилось позднее, в процессе формирования городов и древнейших государственных образований во второй половине IV тыс. до Р. Х. Но уже в рассматриваемый поздненеолитический период (VI — начало V тыс. до Р. Х.) центр тяжести развития постоянно перемещается из предгорных районов Палестины, Иордании, Сирии, Загроса в долины Месопотамии, где формируются уже большие и последовательные раннеземледельческие общности, выраженные более четко, чем соответствующие культуры Палестины и в известной мере опережавшие их.

Так, для второй половины VII и начала VI тыс. до Р. Х. в Северо-Западном Ираке и Северо-Восточной Сирии выделен значительный пласт памятников типа Телль Сотто — Умм Дабагия. Это первая культура керамического неолита Месопотамии, и в этом плане она сопоставима с этапом А керамического неолита Иерихона. Но в ней

уже четко выработаны принципы специфически «долинной» глиняной архитектуры с прямоугольными одно-, двух- и многокомнатными домами. Стены их сложены из глиняных блоков, не следующих еще единому стереотипу. Полы и стены оштукатурены, а в отдельных случаях покрыты росписью с охотничьим сюжетом (Умм Дабагия). Внутри домов специальными перегородками выделены хозяйственные помещения (кладовые), там же находились открытые очаги, появившиеся уже освоенные круглые или прямоугольные печи и многочисленные ямы-хранилища с обмазанными глиной или гипсом стенами. Погребения совершались на территории поселков, под полами домов, часто в больших сосудах.

Керамика представлена сложившимся уже комплексом, включавшим целый ряд форм, различающихся по качеству глины, по технологии производства и по оформлению поверхности. Большие грубые сосуды биконической (ребристой) или сферической формы, вылепленные из плохо очищенной глины с обильной примесью рубленой соломы, предназначались для хранения воды и продуктов. Поверхность таких сосудов небрежно заглажена и иногда украшена шишечками и налепными рельефными фигурами людей, животных, змей, птиц. Столь же грубы овальные корыта, иногда с ребристым или покрытым круглыми ячейками дном: предполагается, что такие сосуды служили для очистки зерна от пленки, то есть были своеобразными веялками. Грубы и сосуды средних и малых размеров — плоско- и круглодонные миски, чаши, кубки. На позднем этапе жизни поселений ребристые формы сменяются сферическими, а рельефная орнаментация — простейшей росписью красной охрой в виде лент, треугольников или полной заливки поверхности.

Каменный инвентарь ограничивается ножевидными пластинами, лезвиями составных серпов, скребками, единичными наконечниками стрел, резцами, мелкими теслами и клиновидными плоскими каменными топориками, большими зернотерками, ступами, пестами. Продолжением затухающей древней традиции являются очень редкие, но превосходно выполненные каменные, прежде всего мраморные, сосуды. А среди украшений наряду с мраморными браслетами, подвесками (в том числе в виде фигурки барана), хрустальными, каменными, глиняными бусами найдены и бусы, свернутые из медного листа, предвосхищающие грядущую эру металлов. Особый интерес представляют глиняные сидячие женские фигурки: зародившийся еще в натуфийских памятниках мезолита Палестины и представленный да-

лее в ранних слоях Иерихона культ антропоморфного божества — богини-матери — укрепляется и охватывает все новые территории. Зерновые и костные остатки свидетельствуют о дальнейшем расширении спектра культивируемых растений (пшеница эммеровая, мягкая, карликовая, спельта, многорядный голозерный ячмень, овес, вика и пр.) и животных (овца, коза, бык, свинья). Безусловная доминанта производящих форм хозяйства выражена уже очень четко.

Памятники описанного типа составляют большой культурный пласт, протяженный в пространстве и времени: территориально от Среднего Тигра до бассейна Хабур, хронологически — со второй половины VII тыс. до первой четверти VI тыс. до Р. Х. Открыт он в 70-е гг. одновременно Российской и Британской экспедициями (Бадер, 1989; Kirkbride, 1972–1975). Внутри него выделяется ряд своеобразных, но безусловно родственных групп. На их основе развились замечательные, полностью уже сформировавшиеся раннеземледельческие культуры Месопотамии VI тыс. до Р. Х.

Первая из них — хассунская — сложилась в первой половине — середине VI тыс. до Р. Х. на значительной территории Северного и Северо-Западного Ирака и Северо-Восточной Сирии (Lloyd and Safar, 1945; Мунчаев, Мерперт, 1981). Период ее существования был достаточно длительным, не менее 500 лет. На наиболее полно исследованном хассунском поселении Ярым Тепе I Российской экспедицией выделены 12 последовательных строительных горизонтов. Преемственность с культурой Телль Сотто безусловна, но во всех областях — домостроительстве, планировке поселков, керамическом производстве, пластике, опытах использования металла, торговых связях и пр. происходят быстрые прогрессивные изменения. Появляются уже безусловно литые медные и свинцовые изделия. Вырабатывается определенный стереотип женских культовых статуэток. Среди украшений встречены бусы из самых разнообразных видов камня — вплоть до иранской бирюзы, гематита, сердолика, а также из раковин, доставленных с берегов Персидского залива. Дома становятся многокомнатными, стены укрепляются контрфорсами, полы обмазываются гипсом, возможно появление вторых этажей. Сосуды обжигаются в сложных двухкамерных печах, что резко улучшает их качество, и украшаются сложными расписными и резными геометрическими композициями.

Еще более значительного развития достигла родственная хассунской самарская культура, распространившаяся южнее вплоть до

Среднего Тигра и существовавшая до начала V тыс. до Р. Х. Ее керамика поражает своим совершенством и эстетизмом орнаментации, включавшей, помимо разнообразнейших геометрических композиций, также многообразные изобразительные — антропоморфные и зооморфные элементы. Но главное, в ней появилась уже четко выраженная иерархия поселений, наиболее значительные из них были укреплены стенами из глиняных блоков и рвами, внутри них четко выделялись большие многокомнатные культовые здания с погребениями под полами, сопровождавшимися многими десятками алабастровых и глиняных антропоморфных (в основном женских) статуэток и сосудов (Телль эс-Савван) (El-Wailly and Abu es-Soof, 1965; Wahida, 1967; Al-A'dami, 1968; Yasin, 1970; Mellaart, 1975, p. 149–155).

В известной мере на базе отмеченных неолитических культур Месопотамии в V тыс. до Р. Х. сложилась глубоко оригинальная и высокоразвитая халафская культура с круглыми — конусовидными или цилиндрическими — постройками, беспрецедентной по технологическому совершенству, многообразию форм и орнаментальных композиций керамикой, развитой глиняной пластикой, резко возросшим репертуаром каменных, кремневых, обсидиановых орудий. Эта культура находилась уже в преддверии перехода к эре металлов.

Территориально же она охватила огромное пространство от Среднего Тигра до Северной Сирии, включая прибрежную ее долину — то есть смежную с Палестиной область, безусловно оказывая на нее определенное воздействие. Можно утверждать, что в керамическом неолите отмеченные долинские культурные общности Месопотамии заметно вырвались вперед, превышая по темпу и уровню развития культуру обоих этапов соответствующего периода Палестины.

Но, несмотря на контрастные отличия этой культуры от поразительных памятников предшествующего периода и известное отставание от четко выделившихся раннеземледельческих общностей Месопотамии, есть основания говорить о прогрессивных сдвигах в этот период и в Палестине. Они проявились в развитии и значительном распространении земледельческих навыков, упрочении оседлости, охватывавшей все новые и новые группы, сближении этих групп, расширении спектра контактов между ними. Последние и здесь приводили к созданию культурных общностей, покрывавших уже большие территории и целый ряд разрозненных ранее групп.

Процесс этот еще более активизировался в связи с началом применения принципиально нового вида материалов — металла.

Но прежде чем переходить к эре металлов, в нескольких словах остановлюсь еще на одной группе неолитических памятников Палестины, отличающихся от описанных и по характеру и по самому своему расположению. Кратко рассмотренные выше поселения по праву именуются раннеземледельческими. Они концентрируются в основном в плодородных долинах, а ведущей отраслью их хозяйства было все более развивавшееся земледелие. Но и Сиро-Палестинский регион и Месопотамия обрамлены степными и пустынными пространствами. И более всего это относится к самой Палестине. Они подступают к ней с востока (Аравийская пустыня), юго-востока (Иудейская пустыня), юга (Негев, Синай). Полное отсутствие условий, необходимых для земледелия, обусловило сложение совершенно иной экономической модели. Основной отраслью хозяйства оставалась охота. Стационарных поселков с развивающимся домостроительством здесь нет, известны лишь остатки сезонных охотничьих лагерей с примитивными круглыми хижинами. Но сама охота совершенствовалась, принимая специализированный загонный характер. Широко распространяются соответствующие охотничьи устройства, состоящие из двух сложенных из камней длинных стен (до 2,5 км), сходящихся в виде воронки, огражденной стенами с позициями для стрельбы. Они именуются «коршунами пустыни» и предназначались прежде всего для охоты на газелей. Идентичность материалов, полученных при их раскопках, находкам на близлежащих охотничьих стойбищах позволила отнести их к неолиту, начиная с наиболее ранних его фаз (VII–VI тыс. до Р. Х.). По исчислению А. Мазара, общая длина перегораживавших пустыни стен «коршунов» достигает нескольких тысяч километров (Mazar, 1990, p. 56). Этот же исследователь отмечает, что помимо них и следов самих поселков в пустыне найдены остатки оригинальных святилищ. «В святилище Bigat Uvda, — пишет он, — определены двор и святое святых с рядом вертикальных камней. Из камней же рядом сложено изображение животного, возможно, пантеры — свидетельство своеобразного пустынного искусства» (Ibid.).

Итак, в степных и пустынных регионах складывались своя экономическая система, в значительной мере альтернативная оседлоземледельческой, свой, связанный с частыми кочевками образ жизни, своя духовная культура, отраженная оригинальными культовыми

сооружениями. С началом приручения животных в отмеченную систему было включено скотоводство, которое постепенно стало доминировать в ней, причем были выработаны специфические подвижные (отгонные, а далее и кочевые) его формы.

Тем самым было положено начало тысячелетнему взаимодействию земледельцев речных и приморских долин и оазисов со скотоводами — кочевниками пустынь. Взаимодействие это принимало то мирный характер взаимовыгодных экономических связей, то характер резкого обострения соперничества, отдельных конфликтов или длительного противостояния. Как первые, так и вторые явления красной нитью проходят через всю древнюю историю Святой земли, да и всего Ближнего Востока.

ЭНЕОЛИТ ПАЛЕСТИНЫ

Познание свойств металлов и начало их использования, подобно развитию производящих форм хозяйства, стали переломным моментом в истории человечества и повлекли за собой неисчислимые и самые многообразные изменения в экономике, социальных характеристиках человеческих коллективов, их культуре, системе связей, торговле, размещении, соотношении различных регионов. И, естественно, первым был использован наиболее доступный и легкоплавкий металл — медь. Еще в I в. до Р. Х. гениальный римский философ и поэт Тит Лукреций Кар писал:

*Древним орудьем людей были руки, ногти и зубы,
Камни, а также лесных деревьев обломки и сучья,
Пламя затем и огонь, как только узнали их люди,
Силы железа потом и меди были открыты.
Но применение меди скорей, чем железа, узнали:
Легче ее обработка, а также количество больше.*

(Lucreti. De rerum natura, V, 1280–1289.)

И затем — о главном свойстве металлов, как древние люди научились тому,

*...что, расплавив, металлы возможно
В форму любую отлить и любую придать им фигуру;
И до любой остроты и до тонкости также возможно
Лезвий края довести, постепенно сжимая их ковкой,
Чтобы оружие иметь и орудья для рубки деревьев,
Чтобы обтесывать лес и выстругивать гладкие брусья,
Чтобы буравить, долбить и просверливать в дереве дыры...*

(Там же, 1263–1265.)

Встречающаяся как в самородном состоянии, так и в виде руд, медь распространена далеко не во всех регионах, но все же более доступна, чем другие металлы. Плавится она при температуре 1083° С (тогда как железо — при 1529° С), которая легко достигалась в самой примитивной плавильной печи и даже в простом очаге. Первые опыты применения меди относятся к раннему неолиту и, возможно, предшествуют появлению керамики. Они зафиксированы в слоях поселений конца VIII–VII тыс. до Р. Х. в Юго-Восточной Турции

(Чайоню Тепеси), Центральной Анатолии (Чатал-Хююк), Юго-Восточного Ирана (Али-Копи), Северо-Западной Месопотамии (поселение Телль Магзалия, исследованное Российской экспедицией) и др. Но результаты этих опытов ограничиваются лишь мелкими поделками (подвески, бусы, крюки, иглы), выполненными методом холоднойковки или при первых, предельно примитивных попытках плавки. О подлинном же переходе к эре металлов можно говорить лишь с появлением крупных металлических орудий, обусловленным регулярным использованием определенных источников металла и выработкой необходимой технологии. При этом закономерно повысилась роль регионов, обладавших подобными источниками (Юго-Восточная Турция, Центральный Иран и др.). К ним должна быть отнесена и Палестина: у южных ее пределов, в Тимне на Синайском полуострове, располагалось большое медное рудопроявление, эксплуатация которого началась еще в V тыс. до Р. Х. Специальные исследования (Rothenberg, 1972) привели к открытию штолен, шахт, каменного плавильного горна, скоплений шлака, руды, кремневых орудий. Горн диаметром 50 см сохранился в высоту на 30 см, температура в нем колебалась от 1180 до 1350°C. Выяснены два периода наибольшей активности добычи руды. Первый относится к рубежу V и IV тыс. до Р. Х., второй — к третьей четверти II тыс. до Р. Х. Естественно, нас сейчас интересует первый период, обусловивший создание одного из древнейших металлургических очагов Переднего Востока.

Медные рудники не ограничивались районом Тимны. Севернее они открыты в Фейне — у Вадии Араба, между Мертвым морем и Акабским заливом Красного моря. Энеолитические шахты выделены среди более поздних шахт и в районе Эйлата на самом Акабском заливе. Открыты и целые поселения, жители которых сочетали земледелие с металлургией. Таков Телль Абу Матар к югу от Беэр-Шевы, где обнаружено около 20 подземных жилищ с активным жилым слоем, оштукатуренными ямами для воды, многочисленными зернохранилищами и свидетельствами всех стадий металлообработки — плавильными печами, тиглями, открытыми очагами первичной обработки руды, месторождения которой располагались на 96,5 км южнее. Несмотря на массу сопровождавших подобные памятники кремневых орудий, они являются безусловным свидетельством наступления эры металлов (Perrot, 1955).

Это не только вело к совершенствованию и перевооружению целого ряда отраслей производственной деятельности в самой Палес-

тине, не только усиливало военный потенциал ее населения, но и резко активизировало торговые и прочие контакты со смежными областями. Металл и металлические изделия были весьма существенными объектами торговли, а к контролю над добычей металла и путями его распространения стремились самые различные группы, вступившие в активное взаимодействие друг с другом и с местным населением. Все это не могло не сказаться на общем уровне заселенности и развитии Палестины, обусловив новый период ее подъема.

Для первого периода становления металлургии характерно сочетание ее с каменной индустрией: камень был доступнее и дешевле металла и еще многие столетия сохранял значение основного материала для целого ряда видов орудий и прочих изделий. В силу этого сам период получил наименование энеолита или халколита — «медно-каменного века». Длительность его развития в Палестине близка к тысячелетию — с 4300 до 3300 г. до Р. Х.

Первым памятником, позволившим говорить об энеолите Палестины, явились остатки поселения Телейлат-Гхассул в юго-восточной части долины Иордана. Они занимали значительную площадь — 777×434 м и образовали три всхолмления высотой около 2 м. Первые раскопки, проведенные Папским библейским институтом (Pontifical Biblical Institute) между 1929 и 1938 гг., затронули верхний слой памятника и соответственно позднюю стадию развития энеолита (Koepfel, 1940). Но результаты их были весьма значительны и позволили положить начало выделению глубоко своеобразной гхассульской культуры. В ходе новых исследований в 1966 и 1976–1977 гг. культурный слой поселения был вскрыт до его основания. Внутри него Б. Хеннесси выделил 10 фаз (Hennessy, 1977). Из них нижняя — десятая — принадлежала еще неолиту и была близка этапу В керамического неолита Иерихона. Все прочие фазы были уже энеолитическими. Возможно, они были генетически связаны с указанным этапом неолита (что не исключает появления наряду с этим и новых, привнесенных извне культурных элементов и даже сосуществования местных и пришлых групп, как полагают В. Олбрайт, К. Кеньон и др.), но достигли неизмеримо более высокого развития, выразившегося в формировании чрезвычайно яркой культуры (Albright, 1960, 65 sqq; Kenyon, 1979, 51 sqq.), а правильнее сказать — ряда родственных культур со специфическими поселенческими системами, планировкой поселков, экономикой, социальной структурой и духовной жизнью. Безусловная бли-

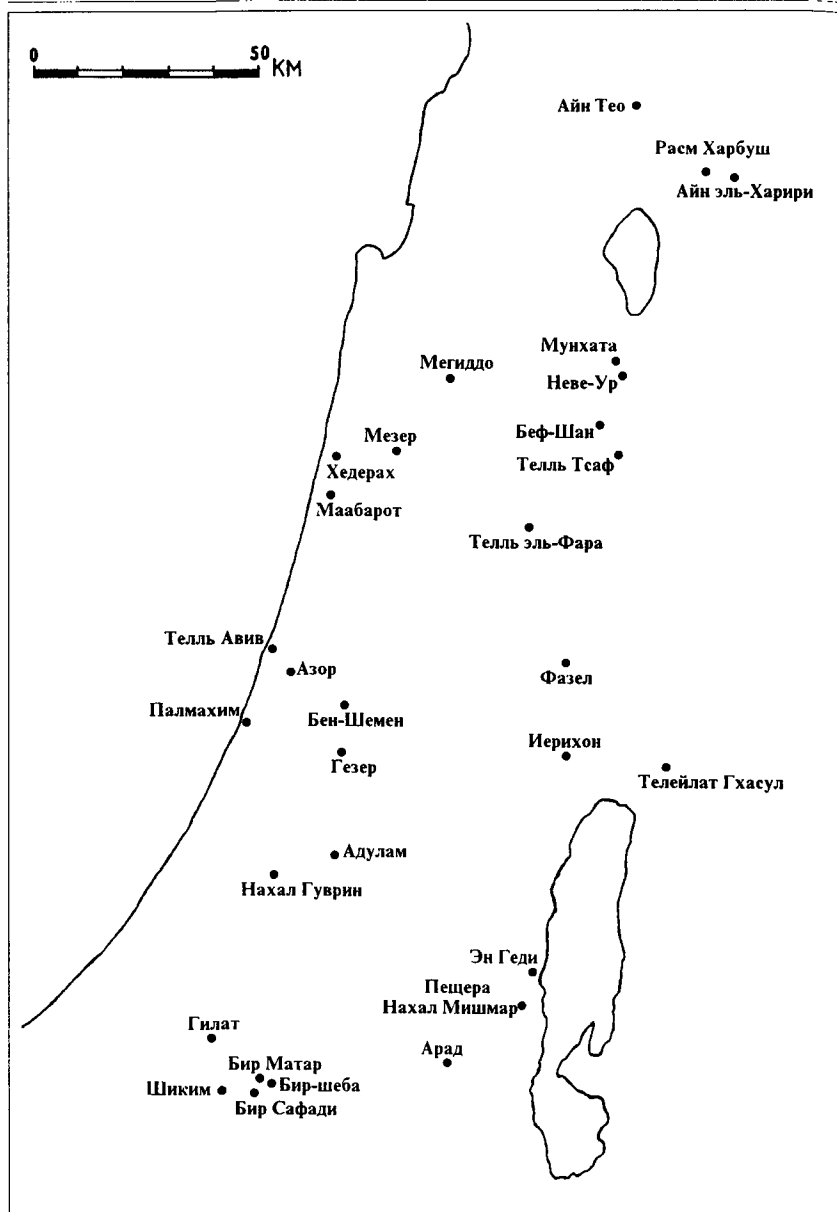

Рис. 5.1. Карта раскопанных энеолитических памятников Палестины (по Мазару)

зость этих культур позволяет распространить на них отмеченное выше общее название.

Гхассульский феномен охватывает весьма значительный ареал (рис. 5.1). Плотность заселения его резко возросла по сравнению с предшествующим периодом. Вместе с тем само распределение поселков по различным районам Палестины обладает определенной спецификой. При очень значительной их плотности группы поселений концентрируются по сторонам вади (сезонных, пересыхающих русел) — Беэр-Шевы, Гера и пр. — в периферийных районах, благоприятных не столько для земледелия, сколько для скотоводства. В Иудейской пустыне последнее приняло полукочевые формы. Свыше 20 поселений исследованы в ограниченном базальтовом районе Голанских высот (Epstein, 1977). Нет обычного тяготения к оптимальной средиземноморской климатической зоне. Это отличает энеолитическую поселенческую систему как от предшествующей, так и от последующей.

Поселения разновелики, наряду с крупными найдены многочисленные маленькие хуторки и стоянки. Последние также могли быть связаны со скотоводческим хозяйством. Но в ряде районов продолжало развиваться и земледелие. К известным ранее возделываемым культурам в энеолите добавляются такие важные, как оливки и финики.

Цепь поселений располагалась в традиционной долине Иордана. Телейлат-Гхассул завершает ее с юго-востока. А. Мазар видит в нем наиболее стабильно заселенный и значительный пункт этого арсала — возможно, его экономический и административный центр (Mazar, 1990, pp. 60–64). В целом наличие крупных центральных и системы подчиненных им меньших по размеру поселений внутри конкретной округи этот исследователь считает характерной чертой социальной структуры заселения Палестины того периода. Здесь можно говорить о заметном совершенствовании социальной организации, о выделении племенных вождей, о возникновении иерархии поселений и в то же время об объединении их во внутренние сплоченные группы.

На единичных крупных поселениях засвидетельствовано наличие правильной застройки, подчиненной определенному плану. К таким поселениям относятся сам Телейлат-Гхассул, Шикмим и др. Они не укреплены и плотно застроены группами домов, расположенных вдоль своеобразных улиц. Особенно выразителен план по-

селения Аль-эль-Харири на Голанских высотах, где длинные прямоугольные дома примыкали один к другому торцовыми сторонами, образуя несколько разделенных свободными участками линий (рис. 5.2:1). Последние рассматривались исследователем этого памятника К. Эпштейном как серии домов разросшихся родственных семей.

Дома имеют прочные каменные основания, стены из лепных сырцовых кирпичей, земляных блоков, а на Голанских высотах — из базальтовых плит. Один из таких базальтовых домов достигал размеров 6х5 м, пол его также был вымощен камнем.

Формы жилых построек специфичны. Это так называемые широкие дома вытянутой прямоугольной формы размерами в среднем 3,5х12 м (но есть и заметно большие) с входом в центре одной из длинных сторон. К торцовым же сторонам пристраивались вспомогательные помещения. Вдоль противоположной входу стены часто располагались скамьи. К домам примыкали большие дворы, служившие загонами для скота. В них же находились ямы-зернохранилища.

В торцовых стенах многих основных помещений — особенно на Голанских высотах — обнаружены специальные ниши, в которые, как некогда в Иерихоне, по-

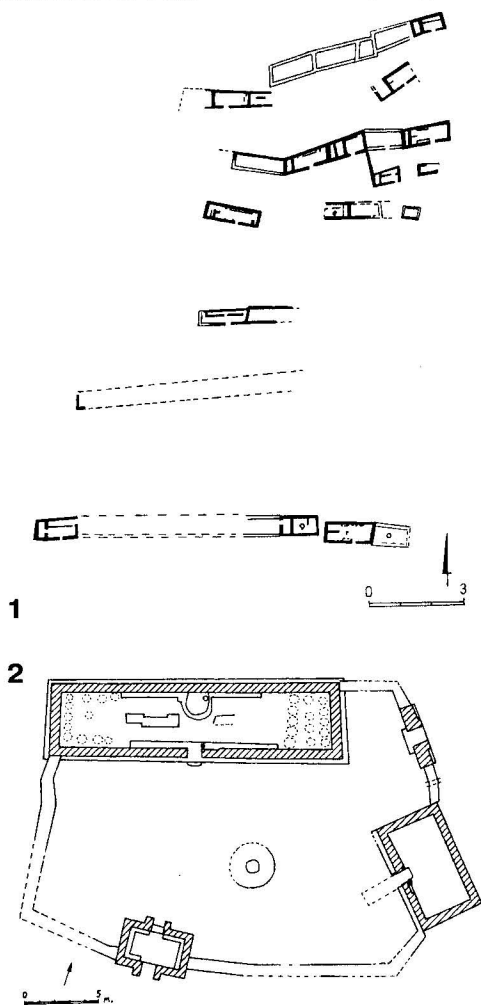

Рис. 5.2. 1. Планировка энеолитического поселка Аль-эль-Харири. 2. Храмовый участок Эн Геди

мещались предметы поклонения — священные камни. Но теперь они представляют собой не только геометрические формы (цилиндры или блоки), но оформляются и в виде человеческих голов, иногда с углублениями для жертвоприношений в верхней части (рис. 5.3). Моделированные лица носят индивидуальный характер. Некоторые имеют бородку, другие — рога. Мазар предполагает, что они являлись изображениями персонифицированных божеств плодородия. Мне представляется, что они связаны скорее со скотоводческим, чем с земледельческим культом, что соответствует уже отмеченным особенностям создателей гхассульской культуры.

В Телейлат-Гхассуле на внутренней стороне стен ряда домов позднего этапа развития культуры открыты замечательные фрески, выполненные красной, черной, серой и белой красками и свидетельствующие об особом значении этого поселения во всей системе гхассульских памятников Палестины. Одна из фресок отличается особой сложностью композиции (рис. 5.4). Центром ее являются три вписанные одна в другую восьмилучевые звезды. Две внутренние заключены в кольца, лучи внешней, достигающей диаметра 1,84 м, покрыты поперечными волнистыми линиями, концы их полностью залиты краской. Слева от звезды, связанной, несомненно, с соляной символикой, изображены ритуальные маски и некие мифические существа, справа же, возможно, — фасад здания, скорее всего, храма. На двух фресках представлены церемониальные процессии поклоняющихся сидящим на возвышении божествам. На других стенах — большая птица, коленопреклоненный леопард и различные монстры. Манера этих изображений абсолютно оригинальна. Аналогов им нет ни в одновременных, ни в предшествующих культурах Древнего Востока. Правда, фрески и многоцветные рельефные изображения известны там с глубочайшей древности. Они обнаружены в Чатал-Хююке в Южной Турции (VII тыс. до Р. Х.) и Умм Дабагии в Месопотамии (VI тыс.

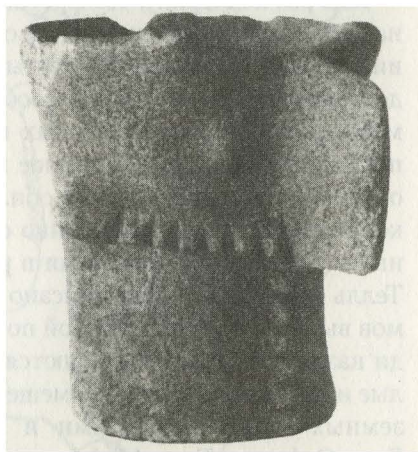

Рис. 5.3. Энеолит Палестины. Культурный камень в виде человеческой головы с Голанских высот

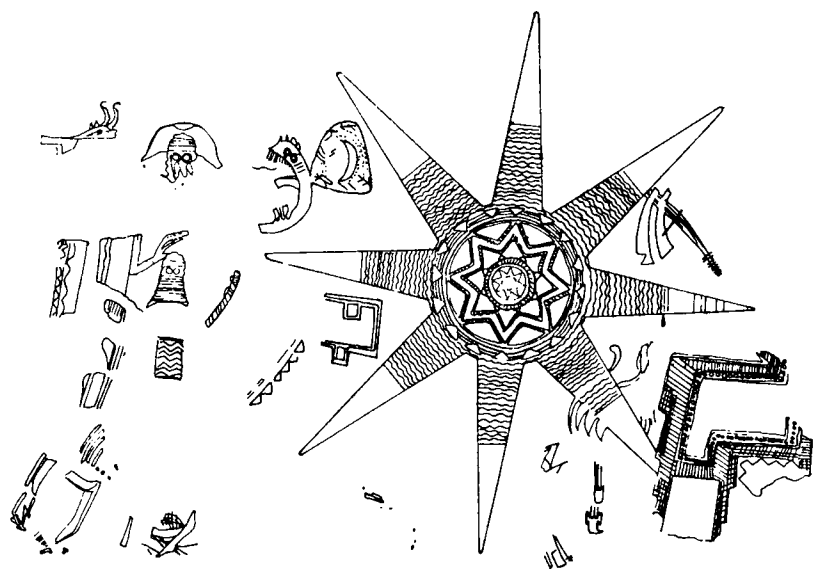

Рис. 5.4. Фрески из Телейлат-Гхассула

до Р. Х.). Но эти находки и хронологически, и по характеру своему резко отличаются от гхассульских.

Еще раз подчеркну, что фрески экстраординарны и открыты лишь на эпонимном поселении. Ни в одном другом их нет. Много поселений весьма скромных. В пустынных районах Южной Палестины долговременных поселений вообще нет. Известны лишь следы временных стойбищ полукочевых групп, практиковавших, возможно, помимо скотоводства, сезонное земледелие (Керуон, 1979, р. 59) и охоту. Закономерно поэтому обилие найденных здесь кремневых наконечников стрел. Совершенно особую группу составляют «пещерные» (подземные) поселения в районе Беэр-Шевы. Одно из них - Телль Абу Матар — уже описано выше. Целые гнезда подземных домов вырыты в сухой лёссовой почве (рис. 5.5). Среди них, как и среди наземных домов, выделяются основные и вспомогательные, жилые и производственные помещения. Известны случаи и смены подземных домов наземными и сосуществования их (поселения Беэр-Сафадн и Беэр-Абу).

С уверенностью можно говорить о наличии как святилищ и храмов внутри крупных поселков (Телейлат-Гхассул), так и о самостоя-

тельных культовых памятниках, непосредственно с поселениями не связанных. К последним должен быть отнесен прежде всего храм над оазисом Эн Геди на западном берегу Мертвого моря. Он располагался в глубине большого двора размерами 28×20 м, обрамленного каменной оградой со своего рода пропилями — двойными воротами, ведущими через прямоугольную конструкцию со скамьями вдоль стен. Двор может рассматриваться как священный участок (рис. 5.2:2). В центре его располагался круглый церемониальный бассейн, а в восточной части — вспомогательная прямоугольная постройка и дополнительный выход. Сам храм занимал почти всю северную часть двора и представлял собой «широкий дом» 5×20 м со входом в середине южной длинной стороны. Против входа, примыкая к северной стене, располагалось подковообразное сооружение, ограждавшее вертикально поставленный полированный священный камень. Это уже оформленный алтарь («святое святых»), по сторонам которого расположены скамьи и целая система круглых ям с костями животных — следами жертвоприношений. Вырабатывается определенный стереотип храма, сохранявшийся далее несколько сотен лет — до конца III тыс. до Р. Х. Подобный же план имели два храма в самом Теллейлат-Гхассуле.

По предположению Мазара, храм в Эн Геди принадлежал полукочевым скотоводам Иудейской пустыни, но мог служить и местом паломниче-

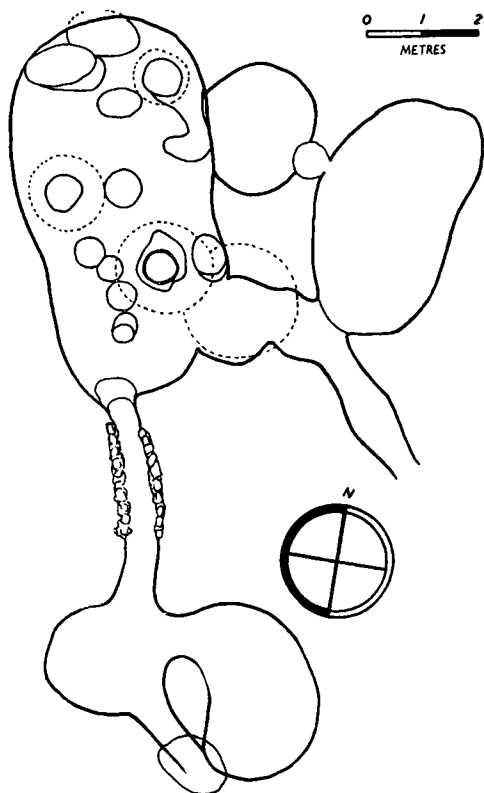

Рис. 5.5. Подземные помещения Телль Абу Матара

ства из отдаленных общин в IV тыс. до Р. Х., в том числе и из самого Телейлат-Гхассула. Других общественных зданий на поселениях нет, из чего тот же автор делает справедливый вывод о том, что религиозные институции играли лидирующую роль в социальной и экономической жизни Палестины этой эпохи (Mazar, 1990, p. 68).

Однако вызывало недоумение почти полное отсутствие в храме Эн Геди каких-либо предметов культа и находок вообще. Именно в этой связи особый интерес представляет замечательное открытие, сделанное в 96,5 км к югу от храма, на высоком кряже Иудейских гор, фланкирующих Мертвое море. Скрытые в горах, труднодоступные пещеры этого района могли служить убежищем от врагов. И в одной из таких пещер под названием Нахал Мишмар был найден клад из 429 предметов, завернутых в соломенные циновки и спрятанных между валунами (Bar-Adon, 1980; Tadmor et al, 1995). Часть их составляли тщательно выполненные изделия из камня (в том числе наконечники булав), слоновой кости и костей прочих животных. Наиболее же значительна огромная коллекция медных изделий. Следует подчеркнуть, что тогда, в начальный период возникновения металлургии, они представляли особую ценность. Находки их в слоях поселений чрезвычайно редки. Подлинным исключением считались два медных топора самой простой клиновидной формы, найденные в самом Телейлат-Гхассуле (они-то и позволили отнести памятник к эпохе энеолита). В Нахал Мишмаре же среди сотен медных изделий наряду с многочисленными орудиями и предметами вооружения (булавами, долотами, топорами и проч.) представлены безусловно церемониальные объекты, поражающие сложностью и высоким уровнем технологии изготовления. Таковы своего рода «короны», по краям которых располагались изображения птиц и высокие геометрические фигуры, а также богато орнаментированные наконечники жезлов и скипетров (рис. 5.6). Предполагается (и не без основания!), что эти драгоценности принадлежали храму Эн Геди и были скрыты в пещере Нахал Мишмар при угрозе вражеского вторжения. Клад относится ко времени финала гхассульской культуры и является ярчайшим свидетельством огромных успехов в области металлургии и металлообработки, достигнутых за тысячелетний период ее развития (Shalev, 1995).

В последние годы число таких свидетельств неуклонно возрастает. Найдены и новые клады. Среди них подлинной сенсацией стал клад из пещеры Нахал Квана, расположенной в той же прибрежной

долине, несколько западнее Нахал Мишмара (Avi Gopher, 1997). Он содержит такие же медные изделия, что и последний (клиновидный топор, наконечники и пр.), безусловно, синхронен ему, и само его сокрытие было, возможно, обусловлено теми же причинами. Но, помимо меди, в состав его входили многочисленные массивные золотые и электроновые (сплав золота с серебром) кольца внутренним диаметром от 2 до 2,5 см. Сечения колец квадратные, прямоугольные или

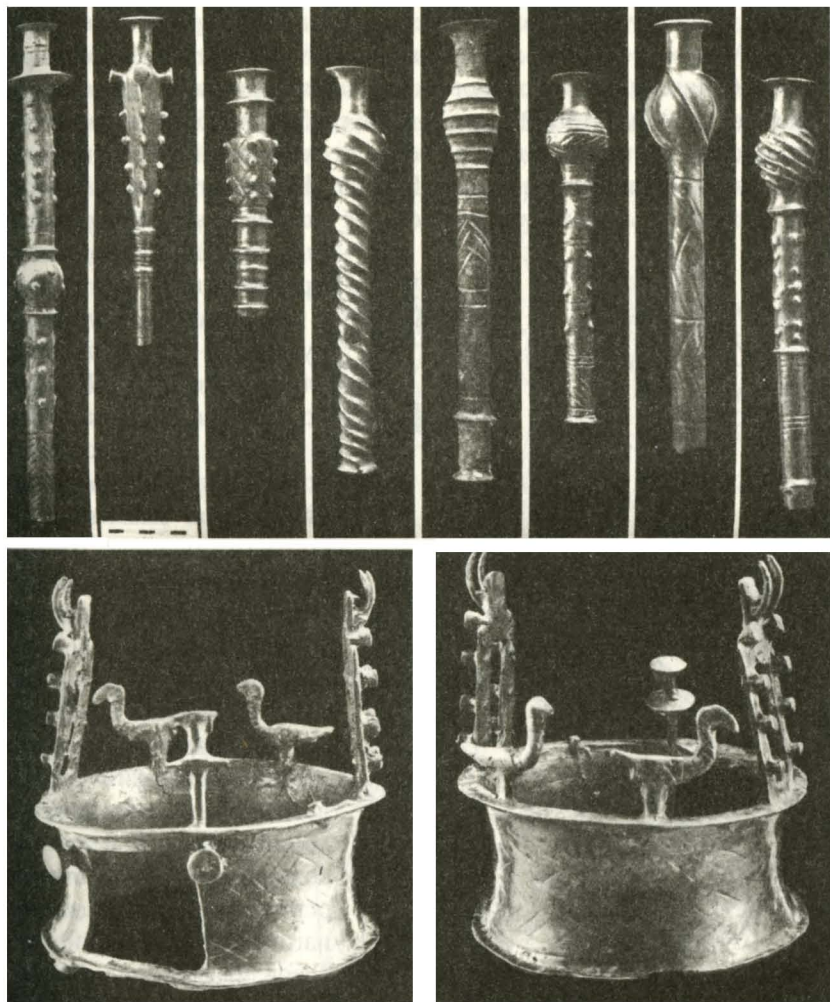

Рис. 5.6. Медные и бронзовые изделия из пещеры Нахал Мишмар

трапецевидные со сторонами от 0,5 до 1 см. Это древнейшее золото Леванта, да и Ближнего Востока в целом (рис. 5.7) (Zbenovich, 1994–1995).

Возвращаясь к кладу из пещеры Нахал Мишмар, отмечу, что, в отличие от клада Нахал Квана, одновременность найденных в нем металлических изделий находится под вопросом. И морфологические и технологические показатели их, как и химический состав металла, свидетельствуют о возможности хронологического разброса от середины IV до второй половины III тыс. до Р. Х., что подтверждается радиоуглеродными датами сопровождающих их органических остатков (Bar-Adon, 1980, p. 199; Рындина, 1998, с. 25, прим. 5). Это предполагает весьма длительный период сбора этих изделий в храме и соответствует хорошо известной для Древнего Востока традиции захоронения священных изделий (как позднее и священных текстов) и целых коллекций храмовых приношений.

К концу гхассульской культуры — то есть к последней четверти IV тыс. до Р. Х., как сам металл, так и центры металлопроизводства широко распространились в Палестине, и соответствующие открытия на ее территории насчитываются уже десятками (Shalev, 1995).

Несмотря на нарастающее применение металла и все большее совершенствование технологии производства металлических изделий, кремь и камень сохраняют свое значение основного материала для изготовления орудий, бытовой утвари (рис. 5.8). И большинство этих изделий заметно отличается от со-

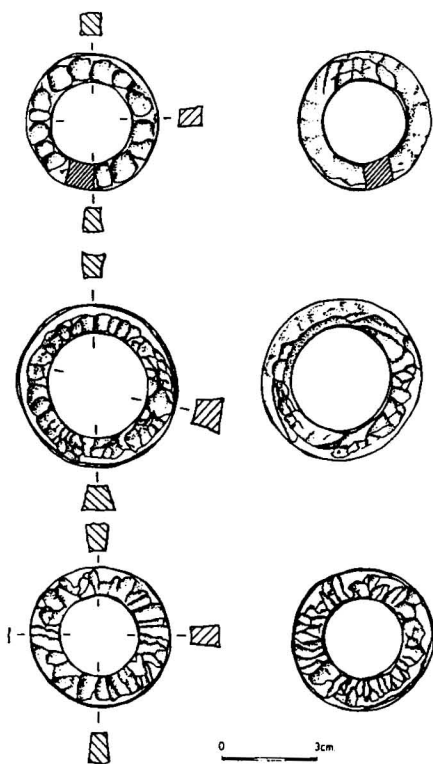

Рис. 5.7. Золотые изделия из Нахал Кваны

ответствующего инвентаря предшествующей неолитической эпохи. Даже зернотерки не похожи на иерихонские: вырабатывается более совершенная — седловидная — форма их с вогнутой рабочей поверхностью. Очень богата и многообразна кремневая индустрия. Она представлена широкими веерообразными скребками, большими ножевидными пластинами, зубчатыми лезвиями серпов, остроконечниками, теслами, которые, в зависимости от размеров, могли служить как древообрабатывающим орудием, так и мотыгой для разрыхления земли. Продолжается древняя традиция производства каменных сосудов, в том числе весьма изящных и тщательно обработанных.

Керамика также в большинстве своем заметно отличается от более ранней неолитической и резко превосходит ее по всем показателям: качеству глины, уровню обжига, обработке поверхности, репертуару форм, орнаментации.

Формы поразительно многообразны — огромные пифосовидные остро-реберные сосуды-хранилища с широким плоским дном, коротким прямым горлом и несколькими маленькими петлевидными ручками под горлом и на ребре, реповидные и грушевидные горшки с вертикально пробитыми ручками-налепами, различные типы чаш, высокие роговидные остродонные кубки, кружки с ручками в придонной части, наконец, особая форма очень широких, как бы приплюснутых сосудов с коротким прямым горлом и двумя

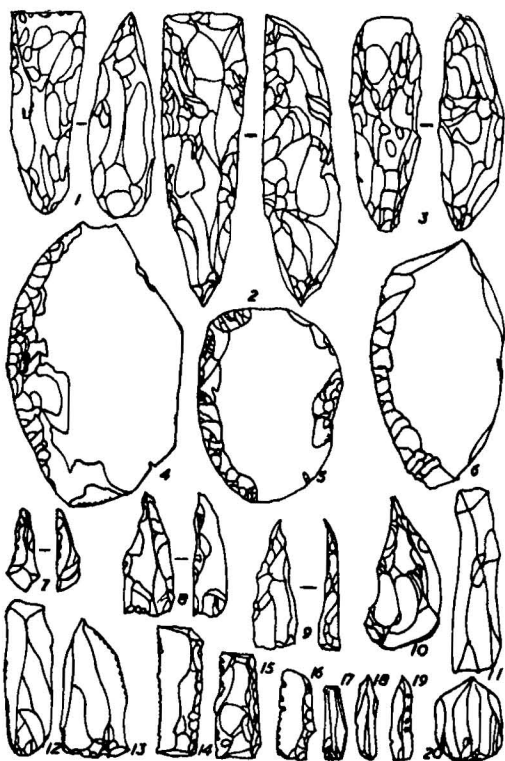

Рис. 5.8. Кремневые орудия энеолитического периода

приподнятыми вертикальными ручками на противоположных концах сосуда. Предполагают, что такие необычные горшки служили для сбивания масла, для чего они подвешивались и раскачивались. Орнаментация сосудов представлена двумя различными видами. Первый — весьма распространенный — составляют наленные валки, часто рассеченные круглыми или полудлнными вдавлениями. Они украшали прежде всего очень крупные горшки, располагаясь как горизонтально — под горлом и по ребру, так и вертикально.

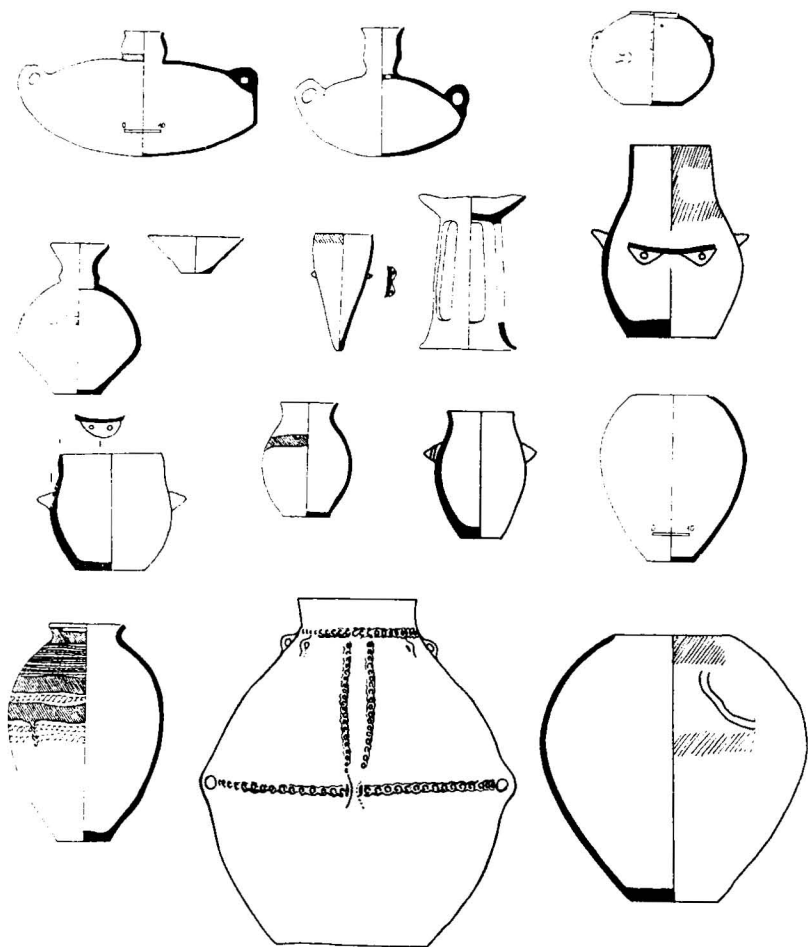

Рис. 5.9. Керамика Палестины энеолитического периода

Иногда валик имитировал змею. Наряду с валиками встречались группы резных линий. Второй вид орнамента — роспись темной, чаще всего красной, краской по кремовому или розовому фону. Рисунки предельно простые, геометрические — ленты, треугольники и пр. (рис. 5.9).

В энеолитическом периоде в Палестине появились первые некрополи — «поселки мертвых». Ранее умершие погребались внутри поселков живых. Это был очень стойкий обычай, сохранявшийся и у натуфийцев, и в Иерихоне, и в позднееолитических поселках. Сохранился он в некоторых энеолитических поселках, где найдены погребения под полами домов. Но они стали уже исключением. При большинстве поселений, прежде всего самых значительных, открыты уже вынесенные за их пределы кладбища. И сразу же фиксируется многообразие погребальных сооружений (Антонова, 1990). В

Адейме, близ Телейлат-Гхассула, представлены три вида последних: дольмены — наземные прямоугольные камеры из крупных каменных плит, каменные наброски (холмы) и цисты — могильные ямы с облицованными каменными плитами стенами. Во всех случаях погребались разрозненные кости, собранные после исчезновения мягких тканей. На кладбище Шикмима в северном Негеве наземные гробницы имели круглое каменное основание и, очевидно, купольную конструкцию из сырцового кирпича. Диаметры их варьируются от 1 до 3,5 м (рис. 5.10). В каждой найдены разрозненные кости

Рис. 5.10. Захоронение разрозненных костей в наземных купольных гробницах с каменным основанием в Шикмиме

нескольких взрослых и детей. Близкие конструкции найдены и в Южном Синае: Мазар предполагает принадлежность их скотоводам или рудокопам с медных рудников. А в прибрежной долине Шарона также разрозненные кости одного-двух человек помещались в глиняные оссуарии-контейнеры, часто выполненные в виде домов с окнами и двускатными крышами, размеры их в среднем $55 \times 30 \times 45$ см. Отверстия для помещения костей — в торцевых стенках. Некоторые из этих изделий стоят на четырех ножках, которые, возможно, имитировали сваи прототипов оссуариев, что естественно на заболоченных участках долины. Фасады таких домообразных оссуариев часто покрывались красно-коричневой росписью, среди мотивов которой наиболее обычны человеческие глаза и нос, изображения животных и птиц, а также орудия труда, что, вероятно, доку-

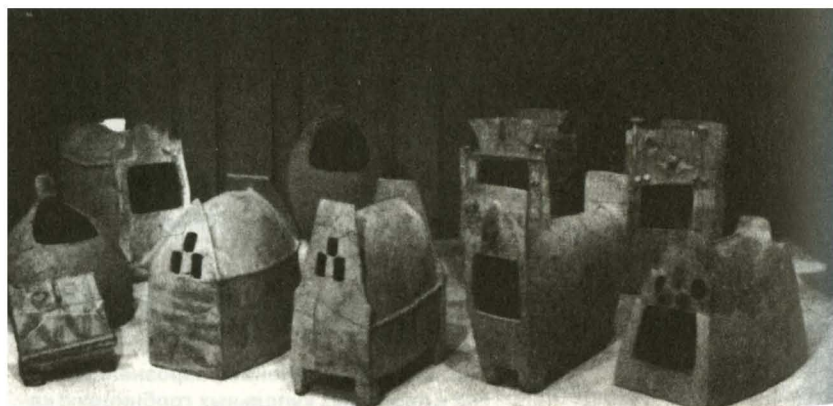
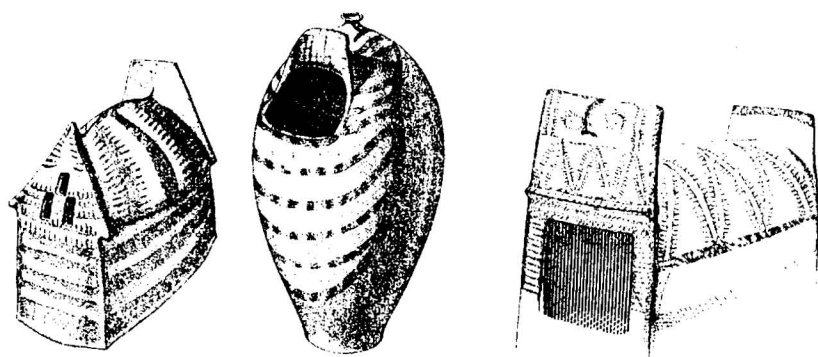

Рис. 5.11. Глиняные оссуарии из Асора

ментирует веру в загробную жизнь. Другие оссуарии выполнены в виде стилизованных животных или кувшинов (рис. 5.11).

Захоронения освобожденных от мягких тканей костей — так называемые вторичные погребения — рассматриваются рядом исследователей (Perrot, 1961) как специфический обряд полукочевых скотоводческих общин, которые в засушливые годы могли продвигаться на запад и север от Иудейской пустыни в средиземноморскую климатическую зону Палестины. Но преобладание оседлых земледельческих поселений вплоть до южных периферийных районов получает все новые обоснования. И даже в этих районах вторичные погребения сосуществуют с обычными трупоположениями, документируя многообразие погребальных ритуалов и соответствующих групп населения энеолита Палестины.

В массе же своей вторичные погребения располагаются в пещерах и гротах, на безусловных же кладбищах стационарных поселков и внутри них самих практиковались трупоположения. Среди них различаются три вида: 1) костяки, лежащие скорченно на спине или боку (традиционная поза начиная с натуфийской культуры) в могилах; 2) костяки в той же позе внутри зерновых ям; 3) погребения детей и младенцев, подстилаемые и перекрытые крупными фрагментами сосудов или же внутри больших горшков (Антонова, 1990, с. 54). В некоторых случаях погребенных сопровождают сосуды и кремневые орудия. В числе сосудов — характерные высокие остроносовые конусы (рожки).

В связи с замечательными фресками Телейлат-Гхассула мы уже касались вопроса искусства создателей энеолитической культуры Палестины. Оно, безусловно, носило ритуальный характер и представлено, помимо фресок, достаточно многообразной скульптурой, выполненной из камня, слоновой (или гиппопотамовой) кости, глины, меди. Каменная скульптура предельно стилизована (рис. 5.12:1). Это упоминавшиеся уже базальтовые человеческие головы домашних алтарей с углублениями сверху для жертвоприношений и так называемые скрипкообразные идолы, имевшие резко геометризованные очертания человеческого торса и, как предполагается, символизировавшие божество плодородия (Mazar, 1990, p. 82).

Значительно более реалистичны статуи из слоновой кости. Размеры их колебались от 12 до 30 см. Изображались как женщины, так и мужчины (рис. 5.12:2, 3). Наиболее примечательно полностью реалистическое изображение обнаженной беременной жен-

щины («Венера из Беэр-Шевы»). Его также связывают с богиней плодородия (рис. 5.12:2).

Среди глиняных скульптурных изделий должны быть отмечены антропоморфные и зооморфные сосуды из Гилата. Первый в несколько гротескном стиле изображает сидящую обнаженную женщину с большим сосудом (предполагаемой маслобойкой) на голове и другим — под мышкой (рис. 5.12:4). Второй представляет барана с тремя молочными сосудами на спине. Оба рассматриваются как ритуальные (Mazag, 1990, p. 80).

На ритуальных медных изделиях из Нахал Мишмара встречаются изображения голов животных, больше всего — диких козлов и домашних баранов (рис. 5.12:5). Встречены и человеческие лица, и птицы, и многочисленные геометрические мотивы, последние в ряде случаев повторяются и в глине — на керамических сосудах.

В целом исследователями гхассульской культуры подчеркивается культовый характер ее искусства и преобладание изображений божеств, дарующих плодородие и охраняющих стада, а также небесных тел — Солнца и звезд (Boissevain, 1966).

Кратко остановлюсь на интерпретации немногочисленных, но весьма интересных образцов антропоморфной пластики гхассульской культуры, прежде всего женских статуэток. В ряде специальных исследований они традиционно (как и предшествующие им неолитические) связывались с образом богини плодородия («богини-матери»). Видный русский специалист по культуре и идеологии Древнего Востока Е. В. Антонова критически пересмотрела интерпретационную нивелировку женских изображений, исходящих из весьма уязвимого утверждения о единстве их семантики при чрезвычайно широком территориальном и хронологическом диапазоне исследуемых явлений. Справедливо подчеркнуто, что при таком подходе теряется представление о многообразии типов статуэток, неизбежных различиях в их предназначении, а также связи их с конкретным археологическим контекстом — особенностями расположения в исследованном памятнике, с окружающими остатками сооружений и находками. Между тем статуэтки могли воплощать не один образ, а многие, которые имели разные характеристики и играли разную роль в обрядовых и прочих действиях (Антонова, 1990, с. 119). Это заключение совершенно справедливо. Вместе с тем отмеченные Антоновой возражения ряда исследователей против самого существования в рассматриваемую эпоху веры в богов и персонифи-

кации сил природы (Neustupny, 1956) не представляются убедительными. Вероятная связь ряда изображений с культом предков и образами умерших, с «домашними богами» и духами отнюдь не исключает

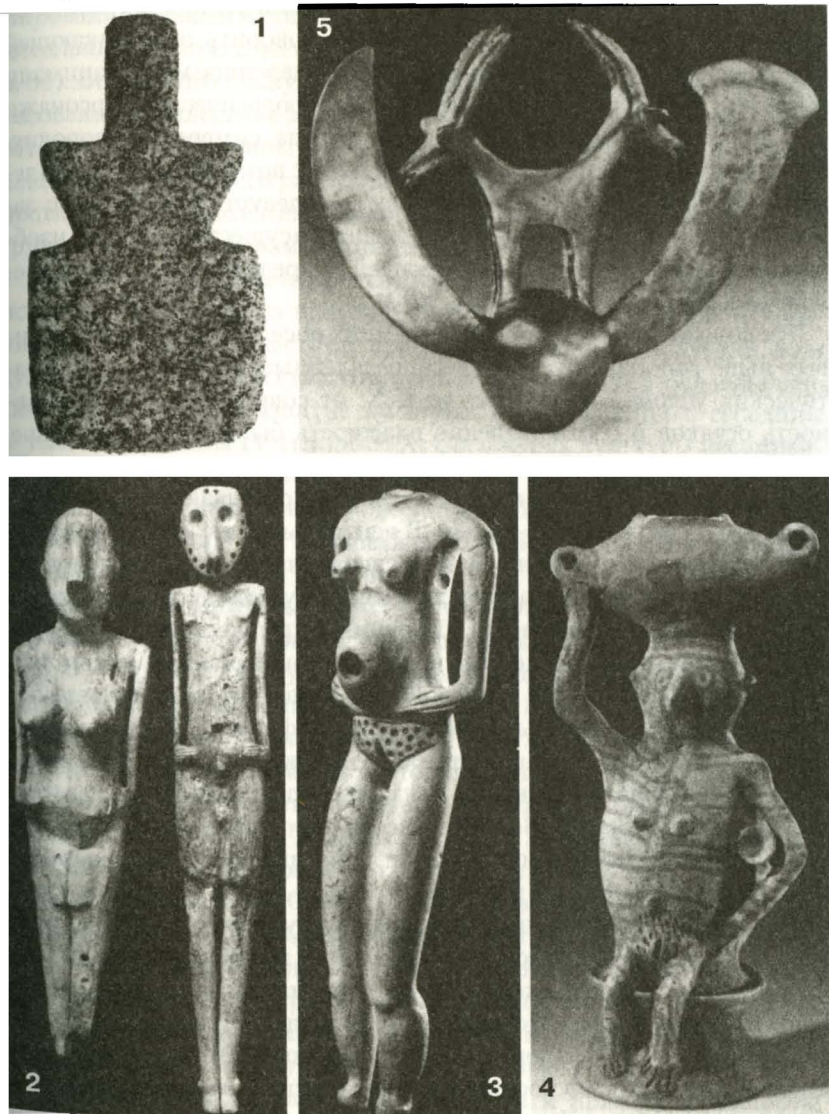

Рис. 5.12. Энеолитическая скульптура Палестины: 1 – камень; 2, 3 – слоновая кость; 4 – глина; 5 – медь

ет существования в представлениях неолитического и энеолитического населения Сиро-Палестинского региона образа богини плодородия, что конкретно для гхассульской культуры подтверждается выработкой определенных его стереотипов, получивших широкое распространение. Полагаю, здесь можно говорить о возникающей уже иерархии изображений, в которой определенное место занимали и предки, и «домашние боги», и духи, и мифологические персонажи при безусловном главенстве женского образа, символа плодородия, его богини, культ которой сложился вместе с возникновением земледелия (Cauvin, 1994). Во всяком случае, следует согласиться с заключением Антоновой о принадлежности «существ, которых изображали в скульптуре, к сфере, лежащей за пределами собственно человеческой» (Антонова, 1990, с. 128).

Расположение многих энеолитических поселений в полувзасушливых ныне районах обусловлено определенными отличиями климатических условий V–IV тыс. до Р. Х. от современных. Интенсивность осадков и соответственно влажность были несколько выше, что делало возможной земледельческую практику в указанных районах, расположенных на юге Палестины и примыкающих к полупустынным областям (Беэр-Шева). В центральных же и северных районах условия значительно более благоприятствовали земледелию, достигшему там высокого развития. Число культивируемых растений существенно возросло по сравнению с предшествующим периодом. Остатки пищи, найденные в ряде местонахождений (в том числе в упоминавшейся уже пещере Нахал Мишмар), свидетельствуют о выращивании пшеницы, ячменя, оливок, фиников, чеснока, лука, граната, чечевицы, орехов и употреблении желудей. Льняные изделия указывают на культивацию льна и развитие технологии изготовления льняных тканей. Земледельческие продукты широко распространялись путем активной торговли, охватившей все основные районы Палестины. Но не меньшее значение имело и скотоводство. Стадо энеолитического периода включало уже все основные виды домашних животных (кроме лошади): овец, коз, коров, свиней. При этом в разных районах скотоводство принимало как придомные, так и полукочевые формы. Последние предопределяли подвижность определенных групп, особенно в засушливые годы. Это придавало специфический характер соотношению различных групп населения и всему ходу истории Палестины в рассматриваемый период. Одним из проявлений этой специфики явился замедленный темп развития

поселений. Кенъон пишет, что гхассульские слои никогда не лежат в основании городов, их керамика и кремень отличны от индустрии последующего периода и общий вклад этой культуры в процесс формирования городов и общего развития Палестины (несмотря на значительный прогресс металлургии) весьма скромны (Kenyon, 1979, p. 64). Вопрос этот дискуссионен, но действительно процесс градообразования в Палестине завершился на несколько веков позже, чем в Месопотамии. Причины этого следует искать как в различиях социально-экономического развития обоих ареалов, так и в особой сложности состава населения Палестины, соотношении различных его групп и неизбежных изменениях этого соотношения.

Что же касается значения гхассульского феномена в древнейшей истории Палестины, то преуменьшать его нет достаточных оснований. Об этом свидетельствует прогресс не только металлургии, но и духовной жизни, искусства, торговых и культурных связей, наконец, само тысячелетнее развитие культуры и ее традиции с середины V тыс. до середины IV тыс. до Р. Х. Специфика культуры несомненна. Но она не может рассматриваться как изолированное явление. Еще в середине нашего века классик библейской археологии В. Олбрайт сопоставлял ее с позднехалафской и убейдской культурами Месопотамии (Albright, 1960, p. 66).

К. Кенъон усомнилась в этом (Kenyon, 1979, p. 65), но дальнейшие исследования подтвердили справедливость сопоставления, прежде всего с убейдской культурой, которая, в свою очередь, унаследовала ряд халафских традиций (Mazar, 1990, p. 88). Полагаю, что здесь можно говорить о синстадиальности гхассульской культуры с отмеченными месопотамскими. Для этой стадии характерен поразительный всплеск художественного начала, эстетизма, я бы сказал, одухотворенности творчества древних мастеров. Начало ей положила замечательная халафская культура конца VI–V тыс. до Р. Х., распространившаяся от Среднего Тигра на востоке до Балиха и даже сирийского побережья Средиземного моря на западе и Восточной Анатолии на севере. Многообразие и художественный уровень ее многокрасочных геометрических и изобразительных композиций керамической орнаментации беспрецедентны. То же касается и ритуальной пластики, и фигурных — антропоморфных и зооморфных — сосудов. Воздействия халафской культуры и прямые ее импорты фиксируются вплоть до Южного Кавказа. Как уже отмечалось, ряд ее традиций был воспринят убейдской культурой, охватившей еще

больший ареал и фактически синхронной с гхассульской. Влияние ее на последнюю совершенно естественно: оба ареала непосредственно соприкасались, культурное взаимодействие здесь было неизбежно, в Палестине результаты его засвидетельствованы и появлением фресок, и заметным совершенствованием расписной керамической орнаментации, и наличием антропоморфных и зооморфных сосудов.

Остается очень кратко коснуться вопроса формирования гхассульской культуры. При разработке его был предложен ряд решений — от эволюционного развития местного неолитического населения до полной смены его новыми группами, пришедшими с севера или востока. Наиболее вероятной представляется гипотеза, учитывающая комплексность процесса формирования, в котором привнесенные иммигрантами новые культурные традиции сочетались с восприятием и переработкой их местным населением при многообразных воздействиях смежных культурных образований, прежде всего из Сирии и Месопотамии.

В третьей четверти IV тыс. до Р. Х. начался упадок, а далее и распад гхассульской культурной общности. Ряд крупных ее поселений был покинут, в том числе сам Телейлат-Гхассул, поселки районов Беэр-Шевы, Иудейской пустыни, Голанских высот. В отдельных случаях (храм Эн Геди) можно предполагать вражеское вторжение, но свидетельств массовых уничтожений нет. В начале отмечается значительная перегруппировка, сочетавшаяся с появлением новых культурных групп. Предполагается, что последние распространились в Северной и Центральной Палестине, тогда как в южной ее части определенный период сохранялось еще гхассульское население. Не исключается возможность военного давления как со стороны быстро развивавшихся городов-государств урукского периода Месопотамии, так и со стороны столь же резко усилившегося объединенного Египта времени Старого царства. Но, повторяю, прямых свидетельств тотальных нашествий ни с той, ни с другой стороны нет. Вопрос остается открытым. Скорее всего, конец гхассульского феномена был обусловлен сочетанием ряда кризисных явлений как внутреннего, так и внешнего порядка, усложненных, возможно, и природными катаклизмами.

РАННИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Последняя четверть IV тыс. до Р. Х. ознаменована значительной перегруппировкой населения Палестины, распадом гхассульской энеолитической общности, резким усилением воздействий со смежных территорий, прежде всего с севера и востока. Стабильность развития и определенным образом упорядоченное взаимодействие оседлого земледельческого с полукочевым и кочевым скотоводческим населением были нарушены. Начались многочисленные перегруппировки и миграции, более всего затронувшие север и восток Палестины, но далее охватившие и ее юг, где некоторое время сохранялись еще своего рода гхассульские «резерваты» (Wright, 1958). Все эти изменения происходили в условиях нового этапа развития Месопотамии и Египта, резкого их усиления, обусловленного общим социально-экономическим прогрессом и выразившегося в формировании городов и государственных образований, появлении письменности и создании древнейших на земле цивилизаций. По отмечавшимся уже ранее причинам соответствующие процессы распространились на Палестину несколько позже. В конце IV и III тыс. до Р. Х. отставание ее от названных регионов выразилось достаточно отчетливо. Природные же богатства ее — прежде всего медные месторождения — и расположение на перекрестке важнейших путей торговли и военных экспансий постоянно привлекали к ней особое и далеко не бескорыстное внимание властителей обоих названных выше опередивших ее регионов. В определенной мере Палестина оказалась между молотом и наковальней. И это во многом обуславливало весь ход дальнейшей ее древней истории, в которой периоды стабилизации были сравнительно кратки и неустойчивы, сменяясь каждый раз новыми потрясениями. Полностью касается это и рассматриваемого периода.

Одним из его важнейших признаков является появление бронзы — искусственного сплава меди с другими металлами, прежде всего с мышьяком и оловом. Бронза заметно тверже меди и обладает лучшими литейными качествами. Ее появление позволило значительно расширить репертуар металлических изделий, в первую очередь за счет крупных орудий и особенно оружия. А это оказало решающее воздействие на характер и масштабы как производства, так и военных экспансий.

Начался бронзовый век, длившийся в Палестине с 3300 до 1200 г. до Р. Х. (Mazar, 1990, р. 30). Внутри этой эпохи выделены три периода — ранний, средний и поздний. Из них наиболее длителен первый (3300–2000 гг. до Р.Х.), который делится на три фазы — ранний бронзовый век I, II и III.

Ранний бронзовый век I (3300–3050 гг. до Р. Х.) именуется иногда «протогородской фазой» (Кенуон, 1979, р. 66): в ходе ее усложнение и развитие поселений, укрепление еще ранее возникшей их иерархии привели к формированию городов — религиозных, экономических, управленческих, торговых и культурных центров определенных областей. Но этот сложный процесс, к которому мы еще вернемся ниже, завершился лишь к самому концу фазы. Это касается и самого перехода от энеолита к раннему бронзовому веку: реминисценции первого сохранялись вплоть до середины III тыс. до Р. Х. и даже позже. В этом плане утверждение К. Кенуон о полном исчезновении гхассульской культуры и отсутствии какой бы то ни было роли ее в дальнейшем культурном развитии Палестины и прежде всего в процессе градообразования требует заметных корректив. Более реальными представляются значительная перегруппировка местного населения, аккультурация его с новыми пришлыми группами, трансформация старых, восприятие привнесенных и выработка гибридных культурных традиций. Что же касается сохранения энеолитических форм, то здесь достаточно вспомнить такой показательный культурный феномен, как храмовая архитектура: характерные «широкие дома», традиция которых была выработана в энеолите, продолжали доминировать в ней вплоть до среднего бронзового века. И дело не только в традиции: конкретные храмы, построенные в энеолите (Эн Геди), могли функционировать и позже, в раннем бронзовом веке, что подтверждается знаменитым кладом Нахал Мишмар, скорее всего связанным с указанным храмом и включающим бронзовые изделия со значительной амплитудой хронологического колебания — от IV до конца III тыс. до Р. Х. (см. главу 5 настоящей книги).

Начало же фазы раннего бронзового века I озаглавлено подчеркнутой выше нестабильностью, появлением новых групп населения и новых культурных традиций, сложными сочетаниями их как с предшествующими, так и между собой. Оно лучше известно по материалам не поселений — невыразительных и сильно разрушенных, а погребальных памятников. Наиболее важные свидетель-

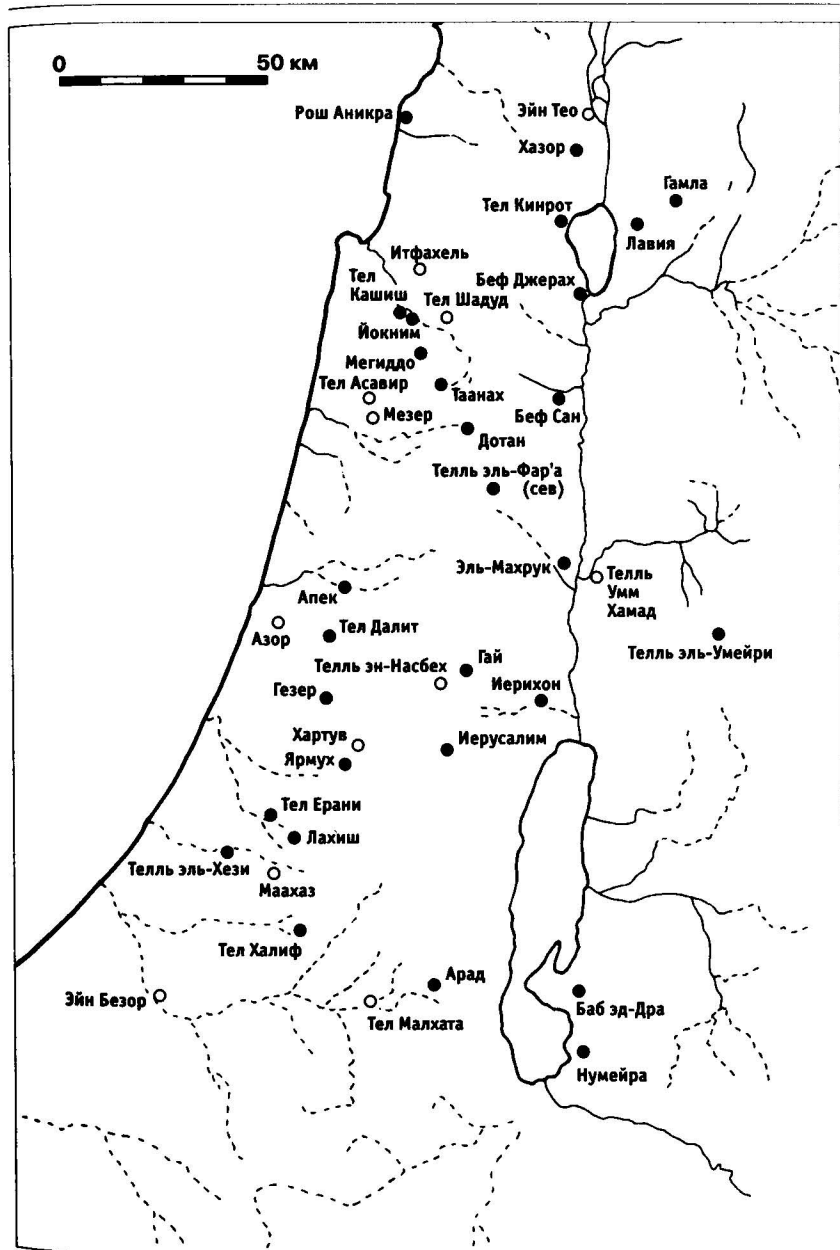

Рис. 6.1. Археологические памятники раннего бронзового века

ства — погребальные сооружения, обряд и керамика. И с самого начала надо отметить, что ряд специфических групп керамики продолжает развиваться вплоть до появления древнейших городов и входит в состав их культурного комплекса. Поэтому-то и говорят «о протогородской фазе», когда настоящих городов еще нет, но основы их культуры уже закладываются. При подчеркнутой невыразительности поселков начала этой фазы среди них есть уже достаточно большие и укрепленные, но сохраняющие сельский характер. Слои этой «протогородской» фазы подстилают последующие, уже безусловно городские, слои Иерихона, через который прокатывались двигавшиеся с севера и востока — из Заиордания — новые группы, а также подобные слои Мегиддо, Беф-Шана, Телль эль-Фары (библ. Тирза), Беф-Джераха, Иифтахеля, Гая, Иармуфа, Телль Халифа, Арада, Баб эд-Дра и др.

В целом остатки поселков известны во всех основных районах Палестины, главным образом в долинах рек и вادي (рис. 6.1). Архитектура их пока представлена очень ограниченно. Но полученные свидетельства позволяют полагать, что она обладала известным разнообразием в конкретных группах и в ряде случаев была отлична от энеолитической. Так, в северных районах дома имели каменные основания криволинейного плана — эллипсоидного или круглого (рис. 6.2:1). Такие планы неизвестны в местном энеолите, но зафиксированы севернее — в Ливане. Наряду с ними появляются дома с апсидами, также не характерные для энеолита. А вот специфичный для последнего тип «широких домов» сохраняется. И представлен он прежде всего единственным видом общественных зданий — храмами. В Мегиддо (слой XIX) открыт храм, состоявший из двух «широких комнат» с пьедесталами для статуй божества против входов. Огромный двор вымощен плоскими камнями, на которых выгравированы изображения различных животных и человека, играющего на лире. План комплекса подобен плану энеолитического храма Эн Геди, что документирует связь между традициями религиозной архитектуры обоих периодов (Loud, 1948).

Уникальный комплекс открыт в Хартуве. И здесь основу составлял «широкий дом» размерами 5,1×15 м, с базами от столбов по его продольной оси. Ряд включенных в южную стену вертикальных камней, очевидно, символизировал различные божества или был связан с культом предков. Возможно, эти священные камни первоначально стояли на открытом святилище и лишь позже, по предпо-

1

2

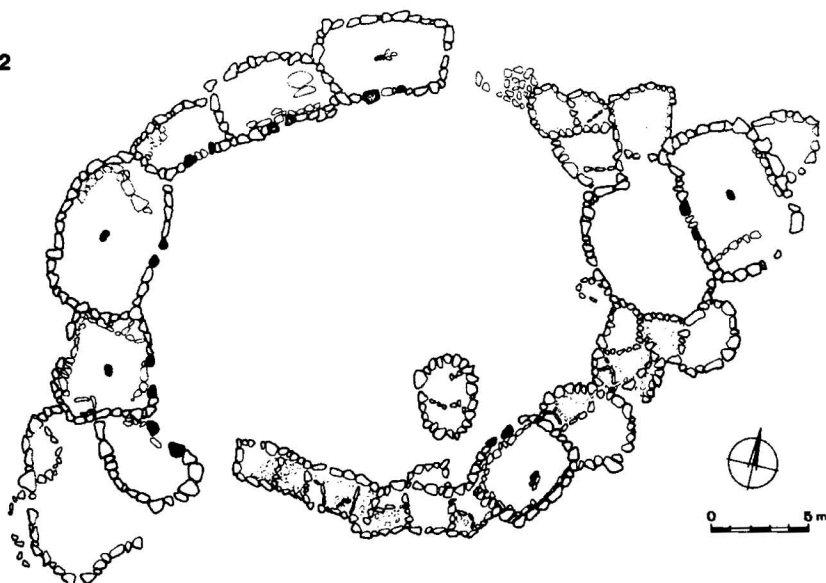

Рис. 6.2. 1. Основания домов раннего бронзового века I в Иифтахеле.
2. Комплекс жилищ сельского поселения в Южном Синае

ложению А. Мазара, были встроены в созданный на его месте храм (Mazar, 1990, p. 98).

Некрополи располагались как вблизи поселков, так и вдали от них, на кромке пустыни, где создателями их явились полукочевые скотоводческие племена. Обряд многообразен и свидетельствует о расселении в пределах даже единых районов различных групп. Характерны погребения в пещерах и вырубленных в скале искусственных камерах — катакомбах, к которым вели входные шахты. Эта традиция совершенствуется, усложняется и сохраняется в последующие периоды. Весьма выразительны подобные памятники Иерихона (Керуон, 1957). Камеры значительных размеров (в среднем $4,5 \times 3$ м); погребения как одновременные, так и последовательные, а число погребенных в пещерах и камерах колеблется, иногда превышая сотню и даже достигая 400. Многие погребения вторичны. Фиксируется особая тщательность в обращении с черепами: в большинстве случаев они отделялись от тел и располагались по краям пещерных камер; груда же прочих костей занимала центр последних. Коллективные погребения

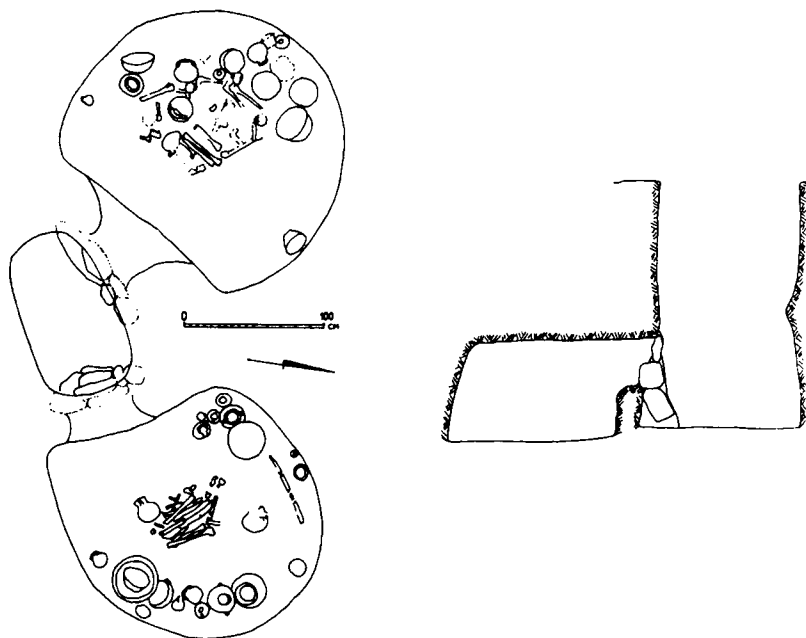

Рис. 6.3. Катакомбное погребение начала раннего бронзового века из некрополя Баб эд-Дра (по Мазару)

превалируют в большинстве районов, различаясь по характеру камер и числу погребений. Так, на крайнем юге, на восточном побережье Мертвого моря, исследован огромный некрополь Баб эд-Дра, в пределах которого насчитывают до 20 тыс. шахтных погребений рассматриваемого периода (Ларр, 1968). К каждой круглой или овальной шахте примыкали одна или несколько камер, соединенных с ней специальным, заложеным камнями входом (рис. 6.3). Высота камер иногда свыше 2 м. Число погребенных не столь велико, как в камерах Иерихона, — не более восьми, а чаще 6–7 человек, кости разрознены и свалены в центре камеры, черепа и здесь отделены и поставлены вдоль стен по ее периметру. Предполагается принадлежность этого огромного некрополя полукочевым скотоводам (Кенуон, 1979, р. 75;

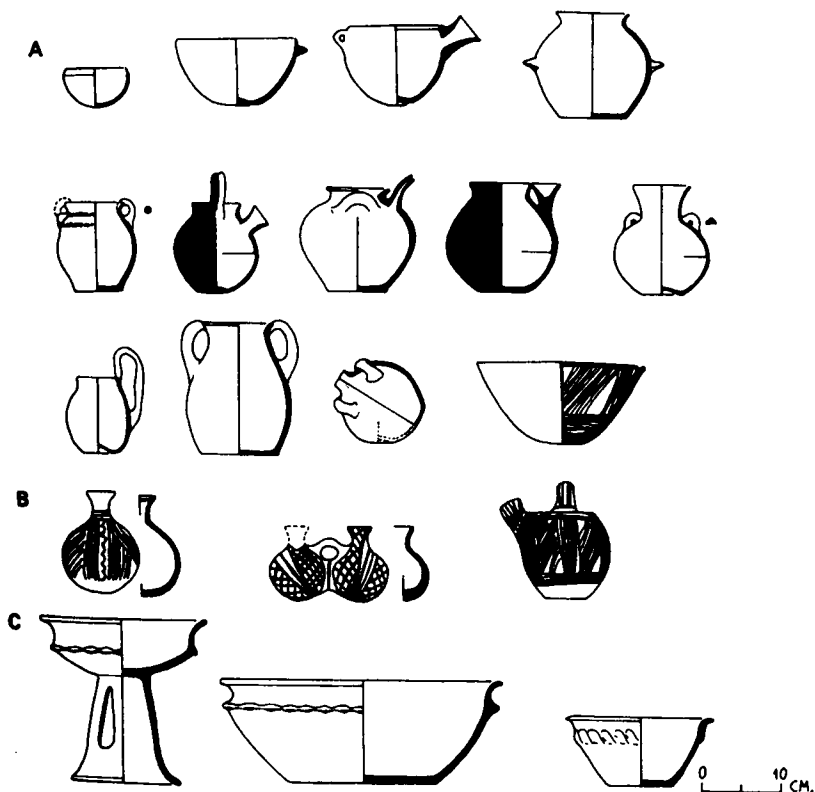

Рис. 6.4. Керамика начала раннего бронзового века I. А – сосуды с красным ангобом. В – расписные сосуды. С – серолощенные сосуды

Mazar, 1990, p. 99). Лишь несколько позже в этом районе возникло крупное укрепленное поселение, превратившееся далее в большой город, но вместе с ним возник и новый некрополь, отличающийся от описанного: его крупные сырцовые конструкции являлись, очевидно, семейными склепами и содержали соответственно по несколько нерасчлененных костяков. И здесь — как и в энеолите — у жителей стабильных земледельческих поселков преобладают труположения, а у полукочевых скотоводов — вторичные погребения. С последними связываются и известные с энеолита круглые гробницы с каменными основаниями и специальными опорами для перекрытия.

Керамика обильна и многообразна (рис. 6.4). Ряд форм сосудов (широкогорлые горшки) продолжает энеолитическую традицию. Это касается прежде всего лепной кухонной посуды. Другие появляются в рассматриваемом периоде и распространяются на последующих фазах развития бронзового века. Наряду с кувшинами, широкими плоскодонными мисками и круглодонными чашами известны формы кружек, кубков с высокими ручками, узкогорлых двуручных бутылей, «чайников», двойных сосудов и пр. Некоторые формы могли быть специально выработаны для погребений, другие можно условно назвать «столовыми». В отличие от кухонной посуды они тщательно обрабатывались. Поверхность их покрывалась слоем очищенной глины — ангобом, часто светлым или красным, залощенным до блеска. Часть сосудов украшалась росписью или резьбой. Мотивы орнамента просты: пучки линий, зигзаг, решетка, ленты. На крупных сосудах встречен рельефный орнамент в виде наложенных валиков. По формам и орнаментации сосудов выделены группы, характерные для конкретных районов (Kenyon, 1979, p. 70). Примером может служить распространенная на севере Палестины эзраэлтонская культура с серолащенными сосудами, включавшими крупные остро-реберные чаши с рельефными валиками и коническими налепами, а также чаши на высоких, иногда ажурных поддонах (прототины последней формы известны уже в энеолите).

Металл очень редок и почти до конца раннего бронзового века I ограничивается медью, что также характерно для переходного периода. Но репертуар крупных металлических изделий возрастает: наряду с плоскими клиновидными топорами появляются кинжалы. Заметные изменения происходят в кремневой индустрии: большинство энеолитических форм исчезает и сменяется крупными лезвиями так называемого ханаанейского типа. Возможно, такое сокращение

форм каменных орудий обусловлено вытеснением их металлическими. А традиция производства базальтовых сосудов, развившаяся еще в энеолите, продолжается; в раннем бронзовом веке I появляются новые их формы и системы орнаментации.

На больших сосудах — хранилищах встречаются отпечатки цилиндрических печатей. Последние распространились из Месопотамии, где они известны с IV тыс. до Р. Х., но применение их в Сиро-Палестинском регионе специфично: отпечатки наносились до обжига сосудов; в этом плане палестинские находки сопрягаются прежде всего с материалами упоминавшегося уже Библа на Левантійском побережье. Возможны деревянные печати с геометрическими или зооморфными мотивами. В целом они имитируют месопотамские образцы конца IV тыс. до Р. Х.

Вопрос о происхождении культуры раннего бронзового века I до сего времени остро дискуSSIONируется. Наиболее вероятно появление на этой фазе новых групп населения — прежде всего из Сирии, вступивших, как уже отмечалось выше, во взаимодействие с остатками создателей энеолитических культур гхассульского круга (Mazar, 1990, p. 105). Вместе с тем отмечается наличие определенных воздействий и со стороны Египта конца додинастического периода и времени I династии. Особенно отчетливо они выражены в Южной Палестине, где предполагается даже присутствие самих египетских групп, оказавших влияние на процесс перехода от сельских поселков к городам (Mazar, 1990, p. 106). Свидетельством тому служит не только наличие египетской керамики и каменных сосудов на поселениях Южной Палестины, но и находки фрагментов сосудов с именем первого египетского фараона Нармера (рис. 6.5). А. Мазар предполагает, что именно с ним и его наследником Гор Аха связан краткий, не превышающий столетие, период египетского за-

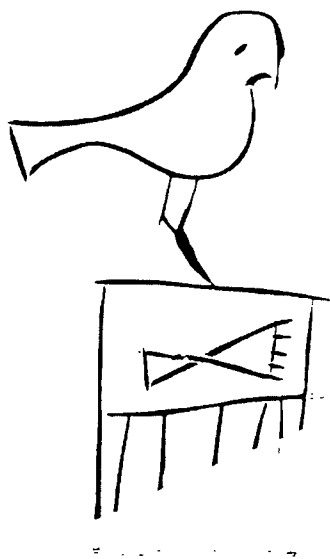

Рис. 6.5. Надпись с именем фараона I династии Египта Нармера, вырезанная на фрагменте египетского сосуда из Арада (по Мазару)

воевания Северного Негева, обусловленного стремлением к источникам меди и битума между Мертвым и Красным морями. Но существовали, несомненно, и торговые связи между Палестиной и Египтом. Их документируют, в частности, находки палестинской керамики в слоях египетских поселений дельты Нила. Хорошо разработанная египетская хронология позволяет наметить границы раннего бронзового века I Палестины: египетская инвазия относится к его концу, который, соответственно правлению Нармера, может быть отнесен к 3050 г. до Р. Х., начало же предшествует ему на 200–300 лет. Это подтверждается и радиоуглеродными датами, но, главное, кладет начало хронологии Палестины, основанной на собственном исторических источниках.

Как уже отмечалось выше, с рассматриваемой фазой связан процесс формирования древнейших городов Палестины. Появление их явилось подлинно переломным этапом как в социально-экономическом, так и в культурном — прежде всего духовном — ее развитии. Поэтому представляется уместным кратко остановиться на некоторых общих вопросах сложной и многообразной проблематики, связанной с этим процессом.

«Город, — писал о. Александр Мень, — это скопление жилищ, как бы в страхе жмущихся друг к другу, обычно обнесенных стеной. Город — двуликое трагическое детище двойственной истории человечества — стоит у ее истоков. «Городская революция» есть рубеж исторического и доисторического миров... Город — символ изоляции человека от природы и одновременно символ его творческой активности» (Мень, 1991, т. II, с. 63).

Становление древнейших городов в Палестине неотрывно связано с общим процессом градообразования, с возникновением самого феномена города. Процесс этот крайне сложен и специфичен в различных экологических условиях и при различных социально-экономических, духовных, культурных характеристиках общества. Невозможно и единое — монолинейное и универсальное — определение самого понятия «город», меняющегося во времени и в пространстве и по сей день являющегося предметом острых дискуссий. Следует полностью согласиться с Е. В. Антоновой, подчеркивающей, что «город — исторически и регионально изменчивый феномен, и вряд ли целесообразно при определении характера поселений той или иной эпохи либо региона исходить из раз и навсегда установленного набора признаков и тем более отрицать существование городов в кон-

кретных изучаемых условиях на том основании, что они не соответствуют представлениям о городе современных горожан» (Антонова, 1998, с. 190). Безусловно общее в понимании феномена города, объединяющее конкретные, зачастую резко различные его формы и пути их формирования, — это определяющая их роль в переходе на новую ступень исторического развития, отмеченную сложением государственности и цивилизации. Это в равной мере относится к городам и Ближнего Востока, прежде всего Месопотамии и Сиро-Палестинского региона, и к городам Эгеиды, долины Инда, Юго-Восточной Азии, наконец Мезоамерики и Перу при всех отличиях экономической базы и характера урбанизационных процессов этих глубоко специфичных территорий. В. Г. Чайлд, первым синтезировавший археологические свидетельства происхождения города, предложил даже термин «городская революция», которую он считал равнозначной по своим последствиям «неолитической революции» (Childe, 1950). Важнейшими ее инновациями он называл возникновение крупных поселков с особо возросшей плотностью населения и застройки, выделившихся внутри поселенческих общин и превратившихся в их центры, в значительной мере корректирующие всю деятельность населения. Это обуславливалось широким спектром природно-географических и антропогенных факторов, тесно взаимодействовавших один с другим и определявших специфику процесса урбанизации на различных территориях. К числу подобных факторов для ближневосточного ареала В. Г. Чайлдом отнесено прежде всего развитое, в основном земледельческое, сельское хозяйство, доминировавшее и в малых деревнях и в крупных поселениях, в последних оно приводило к концентрации излишков продовольствия, необходимых для существования вновь возникавших слоев населения, непосредственно в производстве его не участвовавшего: ремесленников, торговцев, чиновников, наконец жрецов. Особо подчеркнуто наличие храмов как обязательного признака формирующихся городов и своего рода символа концентрации жизненных ресурсов. Перечислены и прочие явления, которые В. Г. Чайлд включал в комплекс факторов урбанизационного процесса, такие как локализованные в крупных поселениях ремесленные и торговые центры, возникновение письменности, точных наук (математики, астрономии) и календаря и пр. (Childe, Op. cit., p. 10 sgg.; Антонова, 1998, с. 189 сл.).

Следует отметить, что, во всяком случае вначале, В. Г. Чайлд придерживался моноцентристской версии процесса происхожде-

ния городов, связывая его древнейший единый центр именно с Ближним Востоком. В дальнейшем эта версия и предложенная выдающимся английским исследователем система урбанизационных признаков подверглись пересмотру, корректировке и весьма существенным изменениям.

Самостоятельное возникновение городов как результат общей закономерности исторического развития было зафиксировано в ряде древнейших культурных центров, частично уже названных выше. Возникла проблема определения общего и особенного в их формировании и характере. Безусловно общим фактором появления городов стало получение прибавочного продукта и отмеченная концентрация его в крупных центрах. В большинстве случаев это получение было обусловлено развитием производящих форм экономики, прежде всего земледелия. Такая форма может быть признана стереотипом для роста и усложнения поселенческих систем, приведших впоследствии к возникновению городов. Но в отдельных случаях, прежде всего в прибрежных районах Нового Света, в частности на Перуанском побережье, значительное накопление прибавочного продукта и базировавшееся на нем формирование городов стало возможным благодаря особенно продуктивным и стабильным формам присваивающего хозяйства — охоте на морского зверя, рыболовству, собирательству (Башилов, 1998). Между тем в Мезоамерике — в центральной части долины Мехико — урбанизационный процесс шел в основной форме, доминировавшей в Старом Свете и базировавшейся на земледельческой основе (Гуляев, 1979, с. 78). Таким образом, уже в самой системе главных факторов, обуславливавших названный процесс, намечается определенная специфика конкретных территорий, конкретных экологических ниш. Что же касается постулированных В. Г. Чайлдом признаков древнейших городов, то разброс как их самих, так и их сочетаний неизмеримо более значителен. Почти ни один из них не может считаться универсальным, и лишь в отдельных случаях представлена полная их серия. И единственным исключением является наличие культовых сооружений — храмов. Они известны фактически во всех слоях древнейших городов и непосредственных их предшественников — протогородов. В большинстве случаев они занимают в них центральное положение и являются наиболее массивными и долговременными постройками. Несколько позже я к ним еще вернусь, но уже сейчас счел бы возможным особо выделить этот признак урбанизации как всеобщий, универсальный.

В ближневосточном ареале древнейшие города сложились в Месопотамии в конце IV — начале III тыс. до Р. Х. (Эреду, Урук, Укайр, Эшнунна, Сиппар, Ур, Джемдет-Наср, Умма, Алаб и др.). Возможно, под их воздействием несколько позже, но в хронологических рамках того же урбанизационного процесса (то есть в самом начале III тыс. до Р. Х.) древнейшие города появились в Палестине и Сирии (Мегиддо, Беф-Шан, Тирза, Рас-Шамра, Библ и др.). Между ними сразу намечаются определенные различия по размерам, структуре, функциям. Но, подчеркну еще раз, во всех случаях они отмечены наличием культовых центров — храмов, священных районов (теменосов), сохранявших свое месторасположение на протяжении многих веков и даже тысячелетий, начиная с маленьких святилищ и вплоть до крупных развитых построек — архитектурных центров формирующихся городов. Выразительным примером этого является южномесопотамский город Эреду, поставленный на первое место в шумерских списках городов: для самих шумеров он был уже легендой, его они считали возникшим ранее всех прочих городов, с ним связывали появление первочеловека и нисхождение с неба царской власти (Lloyd, Safar, Mustafa, 1981). При его раскопках открыты 16 святилищ и храмов, последовательно сооружавшихся на едином «священном участке» с V по конец III тыс. до Р. Х. Перекрывая один другой, они маркируют не только совершенствование культовых сооружений — от маленького святилища (4 кв. м) убейдской культуры до массивного зиггурата периода III династии Ура, но и этапы развития и совершенствования самого поселка вплоть до превращения его в город.

Подобные примеры последовательного и весьма длительного возведения храмовых построек в пределах единого «священного участка» начиная с периода становления городов, а в ряде случаев и значительно раньше, достаточно показательны и в самой Палестине. Ограничусь уже отмеченными выше данными Мегиддо, где в одном из начальных — XIX — слое, внутри хорошо оформленного теменоса открыт храм, сохранивший еще выработанный в энеолите план «широкого дома» и фактически представленный в целой серии перекрывших его храмов последующих периодов.

Очень коротко о самом процессе градообразования, о его импульсах и основных факторах — пока лишь материальных, социальных, организационных: других мы коснемся несколько ниже. Сразу же отмечу, что процесс этот отнюдь не однозначен и обладает определенной спецификой в конкретных регионах, связанной с их геогра-

фическими, экологическими, историческими условиями. И здесь необходимо различать «общее и особенное».

Ряд главных показателей может быть уверенно отнесен к «общему». Таков прежде всего хозяйственный прогресс, темп которого резко возрос после «неолитической революции». Он вызывал, с одной стороны, заметные демографические сдвиги с необходимостью расселения возрастающих групп и структурного упорядочения заселенных территорий, с другой — рост прибавочного продукта с необходимостью его концентрации, защиты, хранения, распределения. Насущной потребностью стала корреляция взаимодействия между группами и определенная функциональная дифференциация последних. Число поселков непрестанно возрастало. Началось формирование поселенческих систем со все более четкой иерархией поселений внутри них. Появляются крупные поселки, явившиеся результатом «синойкизма» — слияния поселков более мелких. Они превращаются в центры поселенческих систем, включающих меньшие по размерам и значимости поселения, в свою очередь окруженные простыми деревнями. Крупные поселки, и прежде всего центры систем, обладали уже рядом особых функций, корректирующих и направляющих производственную деятельность, да и прочие стороны жизни округи. На основе подобных центров и формировались древнейшие города. Следующие — по нисходящей — ступени составляли «городки», возникшие на базе меньших поселков, но выполнявшие названные функции по отношению к окружавшим их деревням. Подобные системы — «номы» по терминологии И. М. Дьяконова (1983, с. 139), выработанной для несколько более поздней эпохи, — носят уже черты формирующейся государственности. Возникновение городов неразрывно с ней связано и явилось одним из решающих ее факторов. «Согласно одному из распространенных сейчас определений государства, — пишет Е. В. Антонова, — это специализированная и дифференцированная организация принятия решений, имеющая по крайней мере три уровня, чему соответствует система поселений из центрального, поселений меньших по размерам и менее значимых по функциям и деревень» (Антонова, 1998, с. 90).

Представленная с предельной лаконичностью схема в основе своей (с известной вариабельностью отдельных ее моментов) соответствует тому «общему», что присуще процессу образования городов в первичных его центрах. Что касается «особенного», то здесь следует указать на конкретные формы экономики, обеспечивавшие

этот процесс в различных экологических нишах, что уже упоминалось в связи с городами Нового Света, на специфику расположения, планировки, архитектуры, наконец, функционального характера конкретных древнейших городов. Все они были обусловлены самыми многообразными факторами — географическими, ландшафтными, хозяйственными, ресурсными, торговыми, политическими, этническими (имея в виду силу традиции). Все эти факторы воздействовали уже на самый процесс сложения городов, а далее не только на их облик, но и на функциональные различия между ними. Эти различия документируются свидетельствами определенных функций — оборонительных, торговых, управленческих, распределительных, ремесленных, хранительных, а чаще специфическим сочетанием ряда последних в общей системе археологических показателей конкретного города.

Месопотамия представляла классическую форму урбанизационного процесса с четким выделением и обоснованием всех основных его этапов, охватывающих последнюю четверть IV — начало III тыс. до Р. Х. (Антонова, 1998, с. 90–100, 187–191; Adams, 1969; Adams, 1981; Adams, Nissen, 1972).

В Палестине урбанизационный процесс шел по близкой модели, причем корни его уходят в энеолит, когда появляются крупные (Теллейлат Гхассул), а иногда и укрепленные поселения и возникает их иерархия. Повторю еще раз, что и здесь формирование городов явилось переломным моментом во всех областях социально-экономической и культурной жизни региона: в соотношении оседлого населения с кочевыми скотоводами, строительном мастерстве и создании ремесленных центров, в резкой активизации близких и далеких торговых связей, в усложнении управленческих и прочих социальных структур, в дальнейшем оформлении поселенческих систем и придании их центрам «функций, свойственных государству» (Шифман, 1977) при сохранении еще основных признаков самоуправляющейся общины, чем определяются начала полисной системы (Андреев, 1976, с. 55–56, 113–114).

Эти пути и последствия процесса градообразования фиксируются в самых различных центрах, включая и Новый Свет (Гуляев, 1979), и, безусловно, связаны с тем «общим», что определяло закономерность его в целом.

Но вместе с тем все рассмотренные явления касались в основном материальной и структурной — обобщенно-прагматической стороны

процесса. Можно ли ими ограничиться при его характеристике и прежде всего при определении его импульсов?

И здесь — как и ранее, при разработке проблем формирования производящего хозяйства (прежде всего земледелия), возникает коренной вопрос соотношения прагматических и духовных импульсов и приоритета их в рассмотренном процессе. Возникали ли святилища, а затем и храмовые центры внутри формирующихся по материальным причинам поселений и городов как результат концентрации населения или же сама концентрация, а затем и город с его фортификациями, торговыми связями, продовольственными запасами, ремеслами, управленческо-распределительными институциями и пр. были инициированы развитием и обогащением духовной жизни, тяготением к отражающим ее сакральным действиям и храмам как к местам их свершения? Наряду с многообразием культов и культовых акций именно в связи с «неолитической революцией» происходит определенная их унификация, охватывающая все большее число разрозненных ранее (в том числе и духовно) коллективов (вспомним многократно упоминавшийся уже земледельческий культ богини-матери и ареал документирующих его изделий).

И недаром на Ближнем Востоке уже выделившиеся при возникновении поселенческой иерархии так называемые протогорода отмечены прежде всего храмовыми сооружениями, доминанта которых проявляется еще более четко на следующей, городской ступени развития (Антонова, 1998, с. 100 сл.). Недаром этот показатель может быть признан «общим» для урбанизационных процессов фактически во всех их первичных центрах. Так особая роль ритуальных центров как первоначального ядра формирующихся городов подчеркивается исследователями древних поселенческих систем Мезоамерики (Гуляев, 1979, с. 76–92). Не случайно в самом Сиро-Палестинском регионе фиксируются самостоятельные и культово-административные центры, главенствовавшие над окружавшей их системой сельских поселений (Munchaev, Merpert, 1998). Все это требует пристального внимания к сакральным факторам урбанизационного процесса.

Дальнейшее развитие раннего бронзового века Палестины на II и III его фазах соотносится со Старым царством Египта (по показателям взаимных импортов); в Месопотамии же — с концом урукского и I–III раннединастическими периодами. II и III фазы ознаменованы уже распространением городов с мощными укреплениями и фундаментальными общественными зданиями, прежде всего храмами.

дворцами, зернохранилищами и пр. Не менее показательна активизация всех видов производственной деятельности и торговли, а также прочих форм экономического, политического и культурного взаимодействия со смежными регионами Ближнего Востока.

Особую роль наряду с египетскими играли многообразные связи с Месопотамией и ее древнейшей в мире шумерской (урукской) цивилизацией. Значительные влияния последней прослеживаются ныне вплоть до среднего течения Евфрата и более северных районов Сирии. Вместе с тем с самого начала III тыс. до Р. Х. все более усиливаются воздействия на Сиро-Палестинский регион второго после шумерского (и фактически синхронного ему) компонента древнейшего месопотамского феномена — аккадского. Сам этот термин получил начало от наименования нового столичного города, основанного первым объединителем Месопотамии — царем Саргоном Аккадским (2370–2317 гг. до Р. Х.). Местоположение самого города пока не установлено. Саргон положил начало и аккадской династии и широкому распространению аккадского языка в ряде районов Месопотамии. Но корни этого лингвистического явления следует искать в еще более глубокой древности. «Очевидно, аккадский не появился внезапно с созданием одного города, — справедливо подчеркивает Дж. Постгейт (J. N. Postgate; 1994, p. 36). Последние два десятилетия стало ясно, что семитский язык, близкий аккадскому, был широко распространен в оседлых обществах III тыс. до Р. Х. Первичным показателем этого были имена легендарных царей I династии Киша (город в Средней Месопотамии. — *Н. М.*), часть которых оказалась чисто семитскими...» То же следует сказать об именах писцов, писавших на клинописных табличках, найденных в том же районе в слое III тыс. до Р. Х. Абу-Салабиха. Здесь и в самих шумерских административных текстах попадает ряд семитских слов и цифр, свидетельствуя, что «семитский элемент населения в значительной мере интегрировался в городской жизни, по крайней мере в северном регионе (Южной Месопотамии. — *Н. М.*), и не являлся более обрамлявшим шумерскую цивилизацию кочевым сбродом» (*Ibid.*).

Значение семитоязычных народов, игравших, как хорошо известно, основную роль в последующие периоды истории всего Сиро-Палестинского региона, предстает и для III тыс. до Р. Х. в совершенно ином свете, нежели утверждалось ранее.

Выразительным свидетельством этого является открытие итальянской экспедицией южнее Алеппо (Северная Сирия) столицы

большого государства Эблы, раскопки которой могут по праву считаться одним из крупнейших археологических открытий XX в. (Matthiae, 1989). Наименование это было известно и ранее по тем же аккадским, шумерским, египетским, хеттским письменным источникам, но никаких реальных свидетельств за ним не стояло. Раскопки профессора Паоло Маттиэ на укрепленном многослойном поселении Телль Мардих подобные свидетельства дали, причем в таком масштабе и с такой исторической, лингвистической, культурной, духовной информативностью, какие сопоставимы лишь с единичными открытиями во всей истории археологической науки.

В огромной толще культурных слоев Телль Мардиха выделен ряд последовательных фаз, охватывающих огромный период от второй половины IV тыс. до Р. Х. до середины VII в. от Р. Х. Среди этих фаз две знаменуют периоды апогея в развитии города. Первая относится к середине раннего бронзового века и датируется 2400/2350–2300/2250 гг. до Р. Х. Вторая относится к началу среднего бронзового века и датируется 2000/1900–1650/1600 гг. до Р. Х. К началу фазы II принадлежит находка, позволившая идентифицировать исследуемый город: часть каменного бюста с клинописной votивной надписью принца Эблы Иббит-Лима, сына Игриш-Кхепа. Бюст был связан с целой системой замечательных храмовых и дворцовых сооружений столичного города с выделенным акрополем и мощными каменными фортификациями. Но самые поразительные открытия были сделаны ниже, в слое третьей четверти III тыс. до Р. Х. Безусловной их вершиной явился уникальный царский архив Эблы, располагавшийся в двух специальных помещениях, выделенных внутри главного дворцового зала. Сам дворец символизировал мощь и богатство древнейшей Эблы, являвшейся уже гегемоном большого государства, сложившегося в Северной Сирии. В нем обнаружено множество изделий из ляпис-лазури, привезенной из далекого Бадахшана, остатки египетских сосудов, золотых и серебряных изделий и мозаичных композиций.

Но главное, конечно, архив. В нем были найдены 17 тыс. глиняных таблиц с клинописными текстами. Размеры таблиц до 60×60 см. Тексты многообразны по содержанию — от международных договоров и документов, освещающих глубоко оригинальную структуру государства (своего рода конфедерацию самостоятельных городов), до литературных и религиозных текстов. Особенно важна связь последних с корнями библейской мифологии и вместе

с тем с шумерской традицией, представленной в архивах месопотамских городов Шуруппака, Абу-Салабиха и др. Историческая, культурная, религиозная информативность архива беспрецедентна. Написаны документы как на древнейшем аккадском, так и на неизвестном ранее языке, условно названном эблаитом. Он, подобно первому, также отнесен к семитской языковой семье, но не к восточной, а к западной ее ветви (Postgate, 1993, p. 38), причем наиболее ранней ступени развития (Ibid., p. 37).

Следует особо подчеркнуть, что архив Эблы предшествует аккадской династии, с завоеваниями которой (прежде всего царей Саргона или Нарам-Суэна) связано само разрушение города указанного периода. Для всего Сиро-Палестинского региона Эбла — это первая сложившаяся крупная государственная система, первая глубоко оригинальная цивилизация и — наряду с аккадским — первый документально фиксируемый язык, подтверждающий гипотезу, согласно которой аккадцы не были первой семитской династией и значительная часть населения севера аллювиальной долины Месопотамии была семитизирована еще ранее (Ibid.). Формирование этих важнейших явлений в рассматриваемом регионе, при всем значении его связей с Месопотамией, не может быть сведено к месопотамским воздействиям или комбинации их с египетскими. Значительную роль здесь, как и в становлении городов в целом, сыграло внутреннее экономическое, социальное и духовное развитие населения самого Сиро-Палестинского региона на II и III фазах раннего бронзового века. Поэтому вернемся к краткой их характеристике.

С самого начала этих фаз прослеживается создание и развитие укрепленных палестинских городов как в плодородных долинах и на перекрестках важнейших путей (Асор, Беф-Джерах, Беф-Шан (Rowe, 1930), Мегиддо, Тель эль-Фара на севере, Эль Марук, Иерихон, Лахиш, Тель Хези в Иорданской долине и др.), так и вдали от них, в ряде случаев в ныне полусухой зоне (Арад в Северном Негеве (Amiran and Aharoni, 1967), Баб эд-Дра и Нумейра на краю пустыни восточнее Мертвого моря) (рис. 6.6–6.8). Естественно, здесь необходимо учитывать возможность климатических трансформаций за прошедшие тысячелетия.

В целом плотность населения Палестины заметно возросла. Наряду с крупными (от 5 до 22 га) городами открыты сотни сельских поселений: только в Западной Палестине 160 (Mazar, 1990, p. 111), а также многочисленные стоянки кочевых и полукочевых скотоводов

близ вад Негева и Южного Синая — на путях от Мертвого до Красного моря. Эти группы населения наряду с горожанами были важным фактором развития Палестины в рассматриваемый период. Ряд небольших поселков этих районов мог быть связан с отмеченной уже для энеолита добычей медной руды (рис. 6.2:2).

Характерной чертой городов были фортификационные сооружения — каменные стены, бастионы, башни, ворота, в ряде случаев поражающие своей массивностью, неоднократно реконструировавшиеся и усиливавшиеся на протяжении 700–800 лет развития II и III фаз раннего бронзового века. Встречаются двойные стены: первоначальная, продолжавшая функционировать, и новая, построенная перед ней. Ширина таких систем достигала 40 м, а кладка носила циклопический характер (Ярмук). Искусственные крутые склоны с утрамбованной поверхностью (гласисы), сооружавшиеся перед стенами, резко затрудняли доступ к ним.

Естественно, столь сложные оборонительные конструкции соответствовали заметному усложнению социальной структуры населения и характера застройки самих городов. Остановимся на нескольких показательных примерах.

Иерихон раннего бронзового века имел оборонительную стену, но

Рис. 6.6. Арад. Ранний бронзовый век.
План раскопанной площади

никакой планировочной системы в нем не обнаружено вплоть до позднего — наиболее длительного этапа рассматриваемых фаз, когда появляются свидетельства регулярного плана и единой ориентировки построек. Последние были достаточно массивны, жилые помещения — прямоугольные или округленные — сочетались с кирпичными зернохранилищами. В строительстве широко применялось дерево. Дома свободно спускались по склону холма, на отдель-

ных участках отмечено террасное их расхождение. Оборонительная стена неоднократно реконструировалась и совершенствовалась, но сохраняла единую линию, которая подвергалась лишь локальным коррекциям. Плотность же застройки возрастала. К концу раннего бронзового века Иерихон превратился в крупный процветающий город (Kenyon, 1957, 1979).

Не менее значителен Телль эль-Фара, располагавшийся на холме, господствовавшем над рядом важнейших путей из Иорданской долины к сердцу Палестины, по самой долине, ведущей на север к

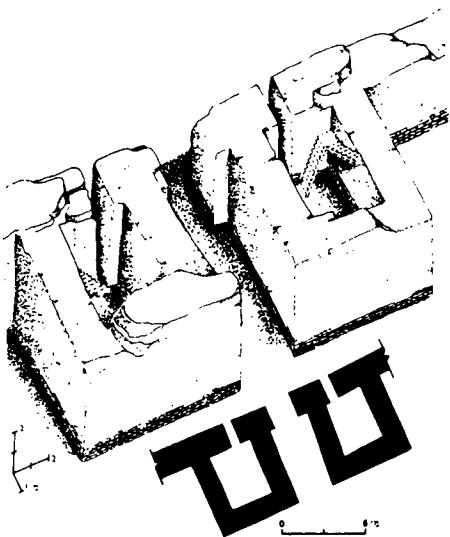

Рис. 6.7. Телль эль-Фара (сев.).
Ворота раннего бронзового века II

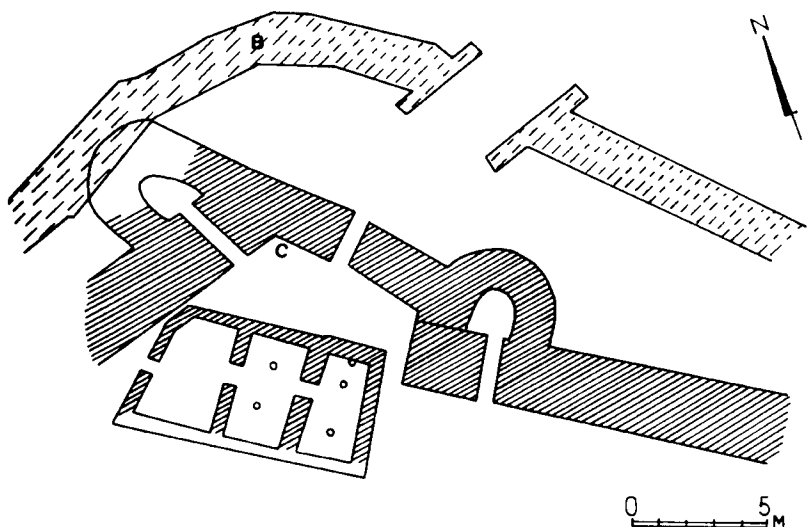

Рис. 6.8. Ярмук. Ранний бронзовый век II(C)–III(B). Две фазы фортификации (по Мазару)

Беф-Шану и на юг к Иерихону. С 1946 по 1971 г. он блестяще исследован аббатом де Во (*Revue Biblique* LIV, LV, LVI, LVIII, LIX). Возникнув на месте энеолитического поселка, а далее некрополя предшествующего переходного периода, город уже на I фазе раннего бронзового века достиг значительных размеров и был обнесен сложной из сырцового кирпича стеной с боевыми башнями, две из которых фланкировали ворота. Интересно, что стена не была замкнута: она укрепляла лишь западный, более пологий склон и завершалась башнями у обоих концов. С прочих сторон крайне крутые склоны исключали необходимость дополнительных укреплений. Стены прямоугольных, часто весьма крупных домов сложены как из сырцового кирпича, так и из камней; внутри помещений вдоль одной или нескольких стен были сооружены скамьи. Строительные приемы уже четко выработаны. К. Кеньон считает, что они не связаны с традициями предшествовавшего периода и привнесены новой группой населения, создавшей их на другой, скорее всего более северной, территории.

Всего за стеной выделено пять строительных горизонтов: два принадлежали II фазе бронзового века, два — к III, один уровень рассматривается как переходный. Начало III фазы ознаменовано значительным усилением фортификационной системы: городская стена рекон-

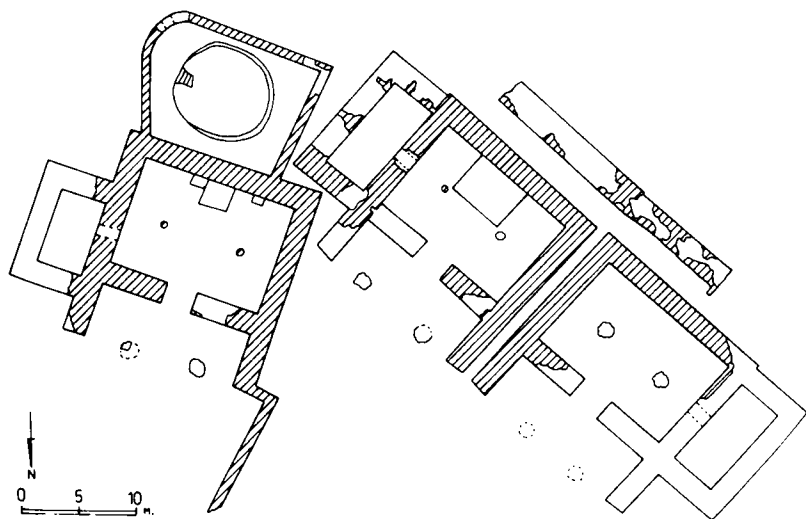

Рис. 6.9. Священный район Мегиддо. Ранний бронзовый век III

струирована, часть ее осталась сырцовой, другая — северная — сложена из крупных камней и доведена в толщину до 8,23 м; гласис перед ней обложен прессованной землей. Видимо, меры эти обусловлены обострившейся угрозой с востока и севера — со стороны кочевников. Должна быть отмечена открытая в переходном горизонте двухъярусная керамическая печь: нижний составляет топка, верхний — обжигательная камера; разделяющий их большой глиняный диск, являвшийся полом камеры, был снабжен отверстиями для горячего воздуха. В Месопотамии такие печи известны с хассунской культуры (VI тыс. до Р. Х.), в Палестине они появились заметно позже.

В конце II фазы раннего бронзового века жизнь на Телль эль-Фаре прекратилась, что связывается с какими-то особыми, сугубо локальными условиями, скорее всего эпидемией (Kenyon, 1979, p. 96), поскольку прочие города продолжали развиваться. Здесь же жизнь возродилась лишь в среднем бронзовом веке.

На II–III фазах раннего бронзового века сложился и город Мегиддо, сменивший поселение I переходной фазы (Lemon, Shipton, 1939; Loud, 1948; Eretz Jsrael V). Но регулярная планировка здесь, как и в Иерихоне, улавливается лишь на III фазе, мощная опорная стена обусловила создание террас с расположенными на них фундаментальными домами, внутри которых определены большие прямоугольные комнаты. На верхней террасе открыт алтарь — коническая каменная постройка шириной до 8 м с ведущими к ней ступенями и явными следами жертвоприношений — грудями костей животных и фрагментов керамики. Относящийся к III фазе алтарь входил в комплекс из трех храмов размером 17×18 м каждый. Все они сохраняют в основе традиционный, выработанный еще в энеолите план «широкого дома». Но перед последним в каждом случае сооружался широкий портик с двумя колоннами. В основных же залах размером 14×9 м открыты по две каменные базы столбов, очевидно, архитектурного декора и — у задней стены — пьедесталы для статуй божеств (рис. 6.9). Предполагается, что храмы были посвящены трем различным богам (Mazar, 1990, p. 126), весь же их участок был своего рода теменосом — духовным центром города, огражденным внутренней стеной и смежным управленческому центру — большому общественному зданию площадью 300 кв. м, скорее всего, дворцу правителя. Разделяющая их опорная стена террасы не препятствует интерпретации этой группы построек как единого комплекса городского центра.

Сразу же отмечу, что очень близкое по плану храмовое сооружение, столь же монументальное, как и в Мегиддо, с расположенными по длинной оси четырьмя колоннами, опирающимися на каменные базы, открыто в Ярмуке к западу от Мертвого моря, уже в Южной Палестине. Храмы и теменосы открыты и в других городах (на некоторых из них я остановлюсь ниже). Сейчас же подчеркну справедливость А. Мазара, считающего монументальные храмы «свидетельством важности религиозных центров в жизни города раннего бронзового века. Как и в синхронных шумерских городах (в Палестине. — *Н. М.*), храм был также экономическим и властным центром» (Mazar, 1990, p. 126).

Культурно и исторически весьма близок к описанным и город Беф-Шан в долине Эздраэлона (Rowe, 1930; 1940). Доведенный до материка большой зондаж зафиксировал здесь особую длительность заселения — начиная с керамического неолита. Беспорядочно разбросанные постройки I фазы раннего бронзового века сменяются фундаментальными домами и кирпичными зернохранилищами II фазы. Последние погибли в большом пожаре, рассматриваемом,

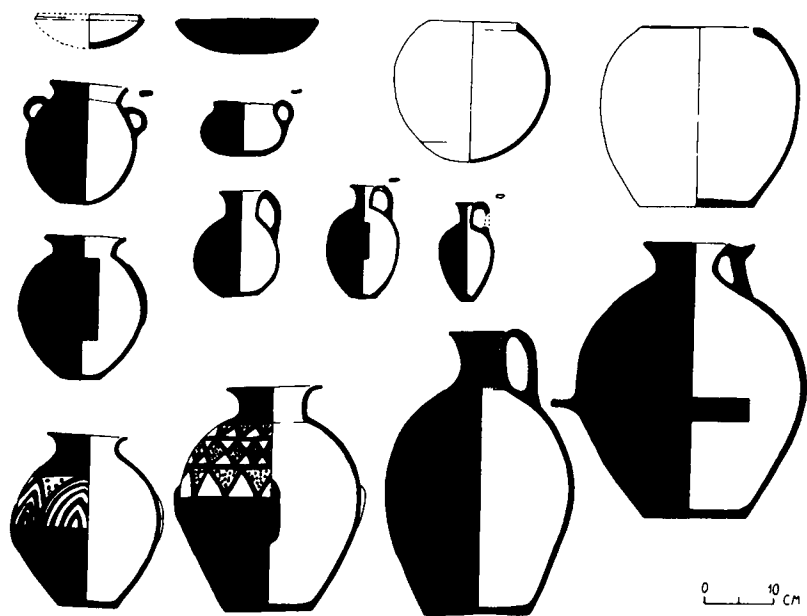

Рис. 6.10. Керамика раннего бронзового века из Арада (по Мазару)

однако, как местный инцидент: прерыва в жизни города не было, он продолжал существовать до середины III фазы. Но наступили определенные изменения: архитектура заметно упростилась, а в керамике наряду с обычными для местного раннего бронзового века формами (рис. 6.10-6.11) появилась глубоко специфичная группа черно- и краснолощеных чаш, горшков и кувшинов, отражающая безусловные иноземные влияния. Она получила наименование кирбет-керамской (рис. 6.12). Основной территорией ее развития и источником

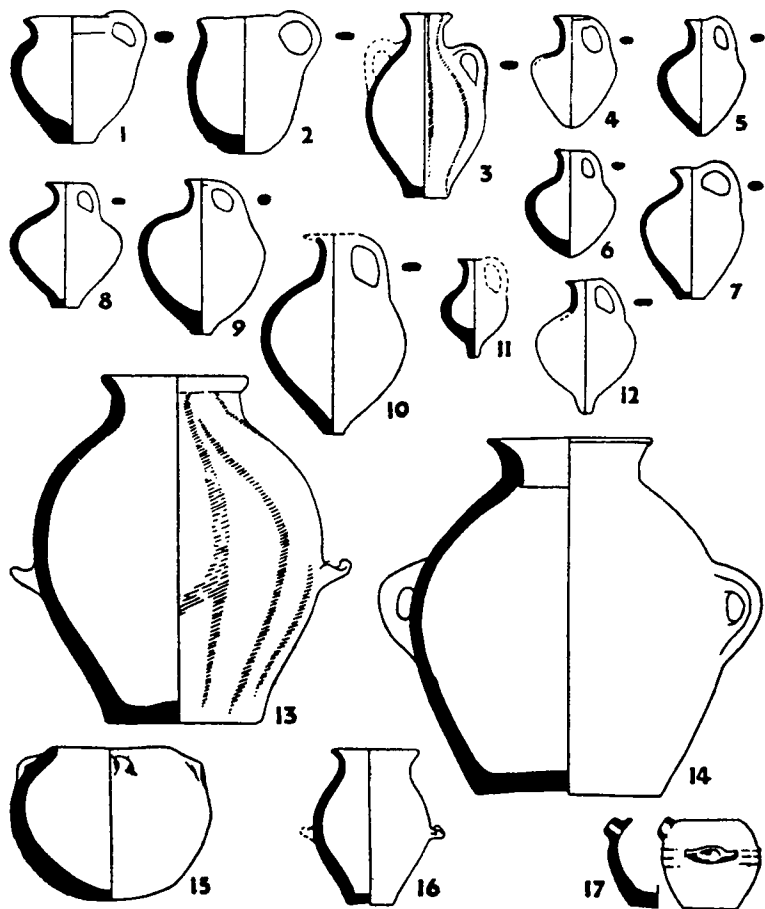

Рис. 6.11. Образцы керамики раннего бронзового века III из некрополя Иерихона (по Кеньон)

соответствующих влияний, скорее всего, были Восточная Анатолия и Южный Кавказ. В Палестине же наиболее активное ее распространение зафиксировано в городе Кирбет-Керак (Беф-Джерах), давшем наименование всей этой керамической группе.

Расположенный у истока Иордана из Тивериадского озера он во многом был аналогом описанных городов: на месте поселка переходного периода возник город I фазы раннего бронзового века, огражденный на II фазе сырцово-глиняной стеной толщиной 8 м и особенно развившийся на III фазе, двухметровый слой которой и был насыщен кирбет-керакской керамикой. Наиболее значительным сооружением этой фазы был обрамленный мощной стеной квадрат со стороной до 30 м, внутри него — восемь каменных колец диаметром около 8 м, разделенных радиальными стенками на четыре сектора (стенки не достигали центра колец) (рис. 6.13). Кроме колец за стенами квадрата находились вытянутый зал с вымощенным галькой полом и двор 25-метровой длины, в который вели специальные ворота в стене. На-

ходки внутри квадрата печей статуэток и обожженных костей животных позволили предположить наличие здесь святилища, хотя не исключена и альтернативная интерпретация комплекса как общественного зернохранилища (Kenyon, 1979, p. 100). В этой связи отмечу, что возможно и совмещение обеих функций: ритуальные акции, связанные с культом плодородия, — своего рода освящение зерна, — могли совершаться на участке хранения основных запасов последнего. Напомним, что такой крупный специалист по культуре древнейшей Месопотамии, как Г. Ленцен, связывал с куль-

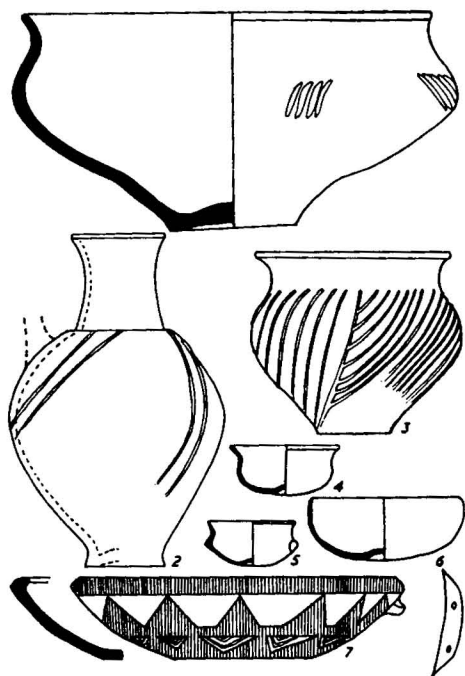

Рис. 6.12. Кирбет-керакская керамика из Беф-Шана (по Кеньон)

том плодородия и хранением зерна происхождение зиггуратов, ритуальный характер которых не подлежит сомнению (Lenzen, 1941).

За исключением Иерихона, все рассмотренные города, отмеченные определенной близостью структуры, хода развития, архитектурных показателей и исторических судеб, расположены в Северной Палестине. В центральной ее части наиболее показательны раскопки города Гая (близ Иерусалима), позволившие наметить основные этапы его истории (Marquet-Krause, 1949). Сельское поселение в начале раннего бронзового века к концу его превратилось в укрепленный город площадью более 10 га с храмом типа «широкого дома» на вершине холма. От него дома спускались по склонам к оборонительной стене. В первой четверти III тыс. до Р. Х. город был перестроен после

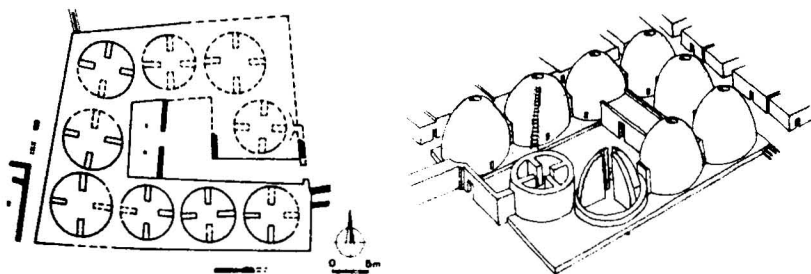

Рис. 6.13. Зернохранилища Беф-Джераха. Фото сверху – в процессе раскопок; рисунок внизу – реконструкция

серьезных разрушений (предполагаются землетрясения — Кенyon, 1979, р. 101). В новой застройке чувствуются значительные египетские воздействия: храм из камней на известняковом растворе сопоставляется с египетскими храмами периода III династии, а внутри него найдены культовые сосуды из египетского алабастра. В середине III тыс. до Р. Х. город вновь был разрушен вторгшейся с севера группой, принесшей кирберт-керакскую керамику, и вновь восстановлен на III фазе раннего бронзового века (Calloway and Wagner, 1974), причем новая оборонительная система отличалась особой массивностью: толщина каменной стены достигла 8 м. Перестроенный и несколько смещенный храм имел теперь трехчастный план — прототип позднейших семитских святилищ, включая и храм Соломона. Прежнее египетское святилище было сдвинуто, изменился и сам культ, приняв, очевидно, синкретический характер. Около 2400 г. до Р. Х. город был разрушен вновь, возможно, египтянами.

В Южной Палестине также открыт ряд городов раннего бронзового века. Исследования их начаты еще в 1890 г. раскопками Ф. Петри в Телль Хези, где впервые был стратифицирован культурный слой и найден комплекс медных предметов вооружения в слое раннего бронзового века III (Petrie, 1891; Bliss, 1894). В дальнейшем раска-

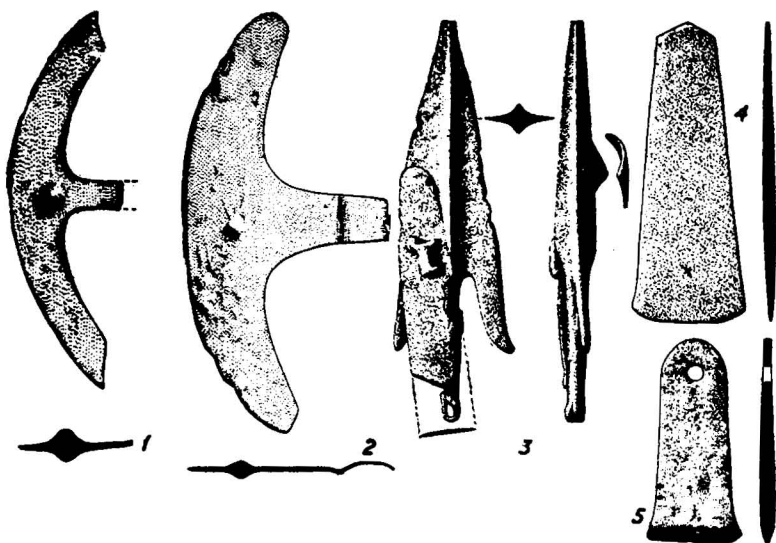

Рис. 6.14. Медные изделия раннего бронзового века из Иерихона (1) и Телль эль-Хези (2–5)

пывались Телль Дувейр (библ. Лахиш), Телль Бейт Мирсим и др. Для вопросов планировки и градостроительства наиболее важны здесь исследования самого крайнего южного города — Арада (Amiran, Aharoni, 1967).

Вначале и здесь было сельское поселение. В раннем бронзовом веке II на его основе возник город площадью 10 га, окруженный стеной длиной 1200 м. В центре его располагался резервуар для воды. Улучки радиально расходились от него, другие же шли параллельно стене и перпендикулярно первым. Дома стояли по их сторонам либо беспорядочными группами, либо индивидуально. Обычно это те же «широкие дома». Плоские крыши поддерживались деревянными столбами (судя по найденной в Араде глиняной модели дома). Утрамбованные земляные полы иногда углублены в землю. Интерьер включал скамьи вдоль стен, кладовые для продуктов и пр. Хранилища располагались в специальных пристрой-

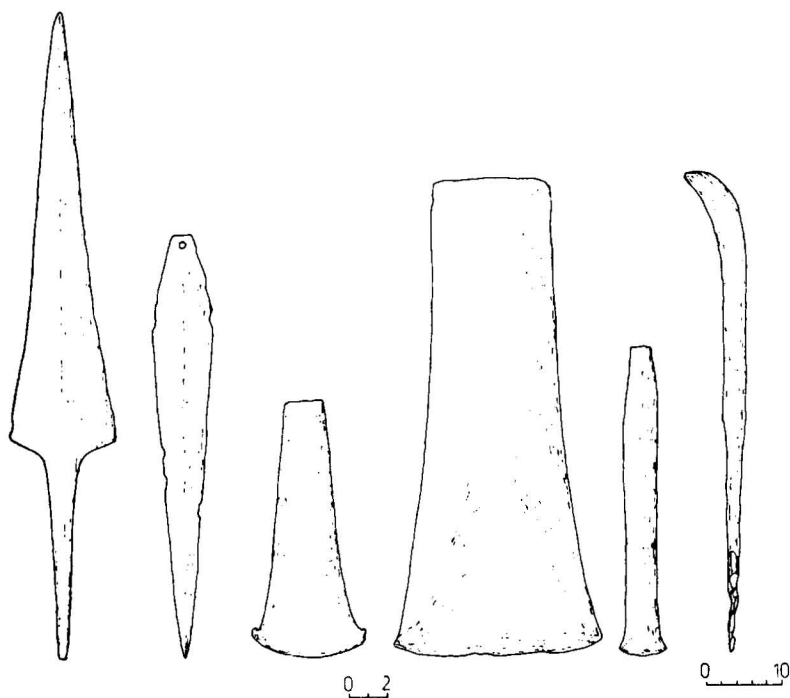

Рис. 6.15. Клад медных изделий раннего бронзового века II из Кфар Монаша (по Мазару)

ках, а также в круглых сооружениях, основания которых найдены в примыкавших к домам дворах.

В ряде случаев планировка поселений была подчинена конфигурации склонов холмов. Неоднократно фиксировалось террасное расположение домов. При этом верхняя площадка являлась естественным центром города, что подчеркивалось и всей планировочной системой. И именно на ней располагались храмы, святилища и прочие культовые сооружения. Иногда особое их значение подчеркивалось и ограждавшими их внутренними фортификациями. Необходимо подчеркнуть, что в более чем 1000-летний период раннего бронзового века планировка поселков заметно прогрессировала: почти отсутствующая на I фазе, она представлена многообразными сложными и четкими формами на III.

Переходя к керамике рассматриваемого периода, отмечу, что, несмотря на безусловное совершенствование ее производства, появление одних и исчезновение других форм, в целом развитие ее носило гомогенный характер. Был уже известен гончарный круг, примитивные прототипы которого появились еще в энеолите, но основная масса керамики оставалась лепной и производилась от руки. Обжиг был заметно повышен с появлением двухъярусных керамических печей. Ряд основных морфологических признаков характерен для всех трех фаз раннего бронзового века. Таковы плоские днища, резко отогнутые венчики, четко выраженные шейки кувшинов, волнистые наленные ручки этого же вида сосудов, открытые широкие устья кухонных горшков, двойные сосуды, округленные широкие уплощенные чаши,

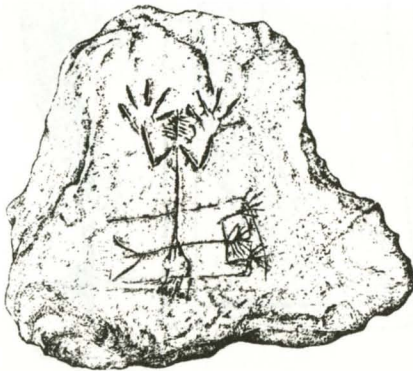

Рис. 6.16. Стела раннего бронзового века из Арада

сетчатая роспись и пр. Отличия же намечаются как в территориальных, так и в хронологических группах. Говоря о последних, отмечу наличие на I фазе различных типов «чайников», островерхих широких чаш на высоких пьедесталах, наленных орнаментальных валиков и «кнопок» и некоторых прочих признаков, постепенно исчезнувших на последующих двух фазах. Вместе с тем на II и III фазах появляется ряд новых

форм и их деталей, среди которых отмечу крупные фляги с яйцевидным туловом, плоским дном и резко выраженной шейкой, кувшины с высокими узкими шейками, флаконы и амфориски с острым дном или высоким узким поддоном и пр. (ср. рис. 6.4, 6.10, 6.11).

Что касается различий территориальных, то они намечаются прежде всего между северной и южной зонами Палестины. Но полагаю, что и здесь больше близких форм, различия же касаются отдельных типов, деталей, оформления поверхности, орнаментальных схем. Так, для северной зоны характерны плоские блюда с резко отогнутым заостренным венчиком, наличие красного ангоба и лощения поверхности. В южной зоне лощение встречается значительно реже, роспись специфична (фризy с заполненными белой пастой точками, треугольниками и концентрическими полукругами), естественно, более ощутимы египетские воздействия.

Переход от II к III фазе постепенен, а гомогенность развития на последней выражена еще более четко, нежели на второй. При этом гомогенность распространяется и на более северные территории — ливанское и сирийское побережья.

Совершенно особую группу составляет уже упоминавшаяся кирбет-керакская керамика: лепные остросереберные чаши, одноручные кувшины с высоким сравнительно узким и вдавленным горлом, широкогорлые плоскодонные горшки с чернолощеными поверхностями и прочерченным или рельефным орнаментом (треугольники, пучки вертикальных полос и т.п.) (рис. 6.12). Происхождение этой группы, заметно выделяющейся из основной массы местной керамики, дискуссионно. Ее связывали как со специфической местной, так и с привнесенной извне традицией. Как уже отмечалось, корни этой традиции прослеживаются на Южном Кавказе и в Северо-Восточной Анатолии, откуда она пришла в Западную Сирию и Палестину. А. Мазар полагает, что ее принесли и поддерживали небольшие группы анатолийских иммигрантов, расселившихся среди местного населения в долинах Амука и Иордана, а также в районе Тивериадского озера (Mazar, 1990, p. 134).

Металлургия и металлообработка продолжают развиваться в районе синайских медных рудников, что документируется находками медной руды, тиглей, плавильных печей, ячеек и прочих свидетельств производства. Медь оставалась редким и дорогим материалом, поэтому готовые металлические изделия чрезвычайно редки в слоях поселений, о все более возрастающем репертуаре их можно су-

дить по находкам в погребениях (в Иерихоне, Мегиддо и др. — Kenyon, 1979, pp. 122, 133, 136 и др. pls. 48, 49) (рис. 6.14) и особенно вкладах (Кфар Монаш — Mazar, 1990, pp. 134–135 (рис. 6.15). Вырабатываются стереотипы металлических предметов вооружения, орудий и украшений, унифицированных на значительной территории Сиро-Палестинского региона, производившихся, естественно, не только в Синае, но и в ряде прочих металлургических центров и везде являвшихся одним из основных объектов торговли. Близкие формы наконечников дротиков и стрел, клиновидных топоров, долот, тесел, пил, кинжалов, косарей, больших булавок — посоховидных или прямых с грибовидной головкой и отверстием для подвешивания в специальном расширении — найдены в Палестине, ряде районов Сирии, Египте, Месопотамии и Анатолии, вплоть до центральных и даже западных районов последней.

Очень коротко — о погребальном обряде на рассмотренных фазах раннего бронзового века. Хоронили на выделенных некрополях либо в пещерах, либо в специальных искусственных подземных прямоугольных камерах-склепах с входными шахтами, предназначенных, видимо, для нескольких поколений единой семьи. Погребения сопровождалось многочисленными изделиями, прежде всего сосудами особых форм, очевидно, изготовленными специально для погребений. После подлинного всплеска изобразительного искусства Палестины в энеолитический период соответствующие памятники раннего бронзового века представляются весьма скромными и немногочисленными. К ним должна быть отнесена небольшая каменная

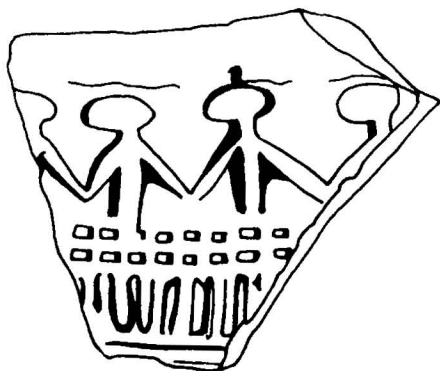

Рис. 6.17. Оттиск цилиндрической печати на сосуде раннего бронзового века III

стела с выгравированными изображениями одной и той же человеческой фигуры с поднятыми руками — одна в стоячем положении, вторая — в лежачем, в прямоугольной рамке — возможно, имитировавшей могильную яму. Р. Амиран связывает изображения со смертью и перевоплощением божества плодородия, и, следовательно, с мифологическими земледельческими сюжетами

(Amiran, 1972, pp. 86–88) (рис. 6.16). Скульптура представлена достаточно грубыми зооморфными глиняными статуэтками, отражающими давнюю месопотамскую традицию (начиная с убейдской культуры — Мерперт, Мунчаев, 1982). Подобная скульптура хорошо известна в памятниках III тыс. до Р. Х. в Сирии (Munchaev, Merpert, 1994). Изображались в основном домашние животные, прежде всего овцы и собаки. Антропоморфные статуэтки единичны. Встречены цилиндрические печати и их отпечатки с геометрическими рисунками, характерными для подобных изделий раннего династического периода Месопотамии и Сирии, также относящегося к началу и середине III тыс. до Р. Х. Спецификой Сиро-Палестинского региона этого периода было употребление деревянных печатей как с геометрическими, так и с изобразительными мотивами (змея). Последние известны и на цилиндрических печатях конца раннего бронзового века, среди изображений которых известны животные, схематизированные человеческие фигуры (возможно, в ритуальном танце) (рис. 6.17), и даже сооружения — очевидно, храмы (Mazar, 1990, p. 138).

Еще раз остановлюсь на затронутом в начале главы вопросе о соотношении Палестины со смежными областями и составе ее населения.

Наряду с традиционными уже связями с Сирией, Ливаном и Месопотамией продолжались многообразные — в первую очередь торговые — контакты Палестины с Египтом периода I–IV династий. Осуществлялись они как сухопутными, так и морскими путями. В Египет ввозились с севера продовольствие, медь, битум, соль; в Палестину — изделия египетских ремесленников — керамика, каменные сосуды и др. Но масштаб этих контактов в рассматриваемый период был невелик. Связывающие оба этих региона сухопутные пути через Синай были труднопроходимы, а морские вели прежде всего к левантийскому побережью — к Библу, минуя Палестину. В целом связи Палестины с Египтом в раннем бронзовом веке заметно уступали северным и северо-восточным связям — с Сирией, Месопотамией, Восточной Анатолией. Последние, согласно полученным до сего времени свидетельствам, играли доминирующую роль в формировании этнических групп Палестины и, как указывалось выше, в распространении языков семитской языковой семьи. При этом еще раз подчеркну ошибочность сведения древнейшей истории Сирии и Палестины к серии внешних воздействий.

Судьбы городов раннего бронзового века Палестины сложились по-разному. Жизнь некоторых из них прервалась уже в конце II фазы;

на юге (Арад) — в связи с изменением экономической политики Египта, на севере (Телль эль-Фара (сев.) — в результате локальных катаклизмов. Другие города продолжали развиваться вплоть до конца III фазы, которая была ознаменована тотальным опустошением городов всей Западной Палестины и резким пресечением развития их культуры, смененной совершенно иными традициями. Само развитие городов было прервано и возобновилось лишь через три столетия.

Этот крупнейший кризис получил ряд гипотетических объяснений. Одно из них основывалось на египетских письменных и изобразительных (рис. 6.18) свидетельствах разрушительных походов армий фараонов V и VI династий в Палестину и Сирию. Предполагалось даже, что походы эти могли носить превентивный характер и были связаны с попыткой предотвратить вторжения азиатов в Египет, обусловившие после конца VI династии наступление Первого Междоуцарствия в этой стране. Второе отводило роль разрушителей городской культуры раннего бронзового века Палестины вторгшимся из Сирии семитским кочевым племенам аморитов, принесшим традиции кочевых скотоводов. Согласно третьей гипотезе, причиной кризиса явились резкие изменения климата, иссушение почвы, пересыхание водных источников, прекращение функционирования ирригационной сети и последовавшие за этим голод, эпидемии, общая дестабилизация. Но с последней гипотезой не вяжется продол-

Рис. 6.18. Осада египтянами укрепленного азиатского города. Рельеф из гробницы V династии Египта (XXIV в. до Р. Х.) в Дашашехе

жение жизни городов в Восточной Палестине — за Иорданом, где пагубные природные изменения должны были бы ощущаться не менее, а более резко, чем в приморских и центральных районах. Поэтому при выяснении причин отмеченного кризиса следует согласиться с А. Мазаром, выдвигающим на первый план «человеческий фактор» — внутренние распри и внешние вторжения (Mazar, 1990, р. 143). Но при этом, естественно, нельзя игнорировать и фактор природный: экономические трудности, вызванные природными изменениями — пусть даже в отдельных районах — стимулировали кризисные явления внутри самих палестинских общин и вместе с ними приводили к той «слабости перед фронтом», которая во все времена была одним из решающих моментов, обуславливавших вражеские нашествия. Несомненно, и здесь оба фактора находились в неразрывной связи, хотя в данном случае, повторяю, непосредственной причиной коллапса городских систем Западной Палестины был «фактор человеческий».

Следует особо отметить достаточно перспективные с моей точки зрения опыты соотнесения археологических свидетельств рассмотренного периода с библейской традицией. Опыты эти касались прежде всего истоков библейских представлений, отраженных в первой книге Ветхого Завета, авторы которой стремятся реконструировать изначальную историю своего народа посредством генеалогического повествования. Ряд этих повествований мог иметь очень глубокие корни и чрезвычайно длительный период устной передачи из поколения в поколение населения Палестины до восприятия и оформления их авторами библейских текстов — апостолами и пророками. Воздействия на этот процесс определенных реалий раннего бронзового века не исключаются, что подчеркивалось уже авторами многих упоминавшихся выше исследований (Олбрайтом, Кеньон, Мазаром, Райтом и др.).

Так достаточно вероятным представляется соотнесение пяти «городов долины» — Содома, Гоморры, Адмы, Севоима и Сигора (Быт 14) с открытием пяти городов вблизи восточного побережья Мертвого моря. По меньшей мере два из последних — Баб эд-Дра и Нумейра — были укреплены. Их разгром и последовавшее за ним вековое запустение рассматриваются как реальное археологическое подтверждение ветхозаветной версии. Возможно, зафиксированная народной памятью страшная катастрофа была претворена в легендарную форму и веками передавалась вплоть до I тыс. до Р. Х., когда

она в окончательном виде была включена в текст Книги Бытия. Определенное воздействие на создание подобных легенд могли оказать и тысячелетиями сохранявшиеся руины городов, что отразилось в описании войны с ханаанским царем Арада (Числ 21:3: «Господь услышал голос Израиля, и предал Ханаанеев в руки ему, и он положил заклятие на них и на города их...») и захвата города Гая (Нав 8:28: «И сожгет Иисус Гай, и обратил его в вечные развалины, в пустыню, до сего дня») и др. Легендарные формы приняли и термины, подобные «великанам» (Рефаимы), обозначавшие древнейшее население Святой земли (Быт 15:20; Втор 2:11, 20; Нав 13:12). Число таких примеров может быть значительно преумножено, причем речь идет именно о традиции, нередко налагавшейся на позднейшие события. Поэтому хронологические несоответствия в этих случаях вполне допустимы.

СРЕДНИЙ И ПОЗДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Ранняя фаза среднего бронзового века (2300–2000 гг. до Р. Х.)

Выше мы отметили распад сложной культурной системы, сложившейся в раннем бронзовом веке Палестины, и очень кратко остановились на попытках объяснения причин этого распада. Добавим к ним еще одно. Наряду с вражескими вторжениями и природными катаклизмами должны быть учтены кризисные явления внутри самого общества, когда потенциальные возможности, определявшие его структуру, иерархию, связующие факторы, — оказались исчерпанными. Цикл замыкался. Система распадалась. Создание предпосылок, а далее и формирование новой системы требовали достаточно длительного периода. В Палестине он длился около 300 лет, по А. Мазару, с 2300/2250 по 2000 гг. до Р. Х. Конец его в целом соответствует окончанию дестабилизации и началу Среднего царства в Египте и «шумерскому возрождению» в Месопотамии, последовавшему за нашествием гутиев 2230–2130 гг. до Р. Х. В Сирии же судьбы различных районов в отмеченный период складывались неоднозначно: наиболее яркое и крупное ее образование — Эбла — было в XXIII в. до Р. Х. разгромлено нашествием войск еще более мощной аккадской державы*, пострадала и Рас-Шамра, тогда как Библ продолжал последовательное развитие.

В целом период носил характер перехода от раннего к среднему бронзовому веку (Kenyon, 1979, p. 119; Gerstenblith, 1983). Сохранение — прежде всего в керамике — известных связей с предшествующей традицией сочеталось с рядом инноваций в архитектуре, погребальном обряде, металлических изделиях, той же керамике (Mazar, 1968; Kenyon, 1973). В этих инновациях К. Кеньон видит результат вторжения аморреев — новой значительной группы семитоязычных племен, продвинувшейся с северо-востока. Заключение это опиралось на анализ связанных с периодом и упоминаемых письменными источниками имен и наименований населенных пунктов, произведенный В. Олбрайтом.

* За этим последовало восстановление Эблы, достигшей нового апогея в первой четверти II тыс. до Р. Х.

Материалы поселений ограничены. Большинство городов, как уже подчеркивалось, было разрушено в финальный период раннего бронзового века. Небольшие слои, свидетельствующие о продолжении их жизни или начале нового заселения, отмечены в Асоре, Мегиддо, Беф-Шане, Иерихоне. Везде фиксируются заметные отличия от предшествующего периода. Фортификаций нет. Дома легкие, маленькие комнаты неправильной формы. И появляются они к концу периода, до этого постулируется лагерный характер поселков. В Иерихоне дома беспорядочно спускаются по склонам телля и распространяются за его пределами. Одна из построек может рассматриваться как святилище или храм: крупные кирпичные блоки внутри нее служили, очевидно, алтарями. Предполагается продолжение функционирования и святилища в Мегиддо: храм раннего бронзового века III превратился здесь в маленькую часовню, пол которой, отмеченный следами жертвоприношений, непосредственно перекрыл остатки круглого храмового алтаря. Ряд примитивных — в том числе пещерных — поселков возник на новых местах. Жилищами в них — помимо пещер — служили легкие хижины. Такие хижины округлой формы, однокомнатные, площадью в среднем 10 кв. м, имели выложенные из камней основания и центральные столбы, поддерживающие коническое перекрытие (рис. 7.1). Они составляли группы, иногда совсем небольшие, иногда достаточно крупные. Большое чис-

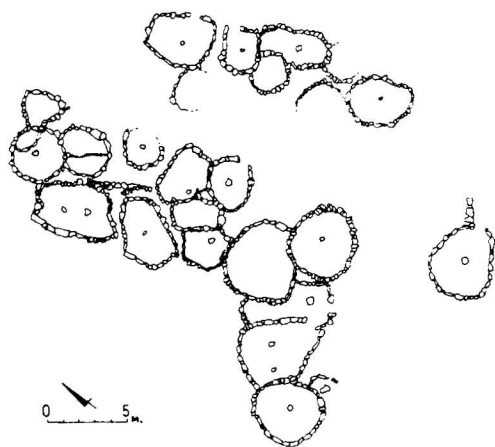

Рис. 7.1. План жилого комплекса из Беэр Ресисима (по Мазару)

ло подобных поселков, принадлежавших кочевым и полукочевым скотоводам, открыто на грани засушливых районов Негева. В то же время за Иорданом, к северу и востоку от Мертвого моря, израильскими археологами открыты многочисленные оседлые земледельческие поселки (Иктану, Хирбет Искандер, Адер и др.), сохраняющие традиции раннего бронзового века III и даже более ранние —

такие как «широкие дома». Некоторые из поселков значительны по размерам и укреплены. Традиции предшествующего периода сохраняются и в керамике (красноощепенные сосуды). Есть все основания считать, что этой области не коснулись перегруппировки и смена населения, затронувшие большую часть Палестины.

Много более информативны для рассматриваемого переходного периода материалы некрополей. Все исследователи отмечают наличие разных типов погребальных сооружений и разных же обрядовых показателей при доминанте новых, отличающихся от предшествующего периода черт.

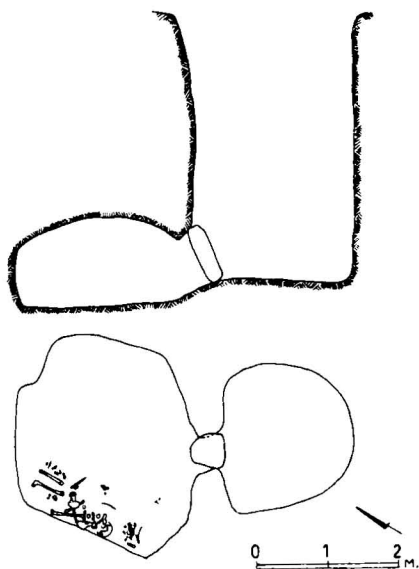

Рис. 7.2. Катакомбное погребение конца раннего – начала среднего бронзового века в Иерихоне (по Мазару)

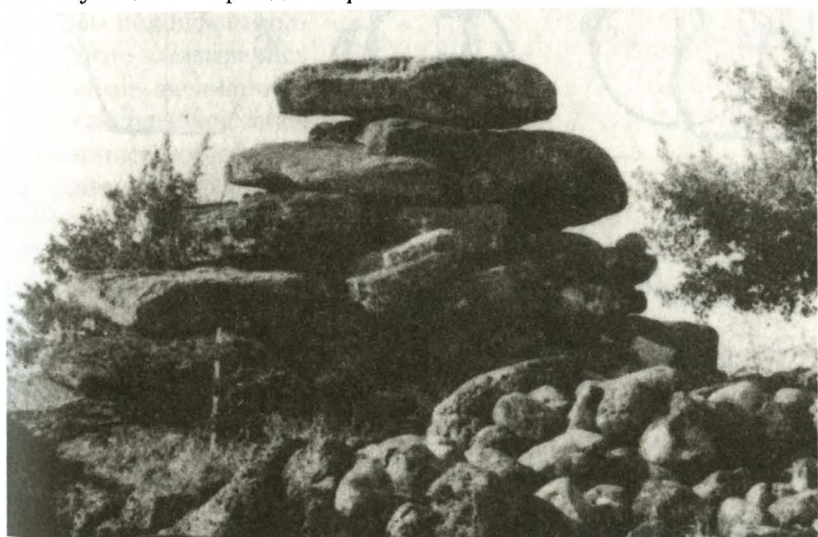

Рис. 7.3. Дольмен конца раннего – начала среднего бронзового века с Голанских высот (по Мазару)

Если в раннем бронзовом веке решительно преобладали коллективные погребения, то теперь их сменяют индивидуальные или двойные. Могильные сооружения различны. А. Мазар выделяет три основных их типа, каждый характерен для определенного района. В Западной Палестине доминируют катакомбы с входными шахтами (рис. 7.2); на Голанских высотах — дольмены (рис. 7.3), в Центральном Негеве — курганы. Во всех типах сооружений число погребенных незначительно. Встречены как первичные погребения с обычным трупоположением, так и вторичные с разрозненными костями. Последние, как и катакомбные сооружения, связываются с кочевыми и полукочевыми коллективами, тогда как коллективные склепы — с разрастающимися городскими семьями. Кочевники могли

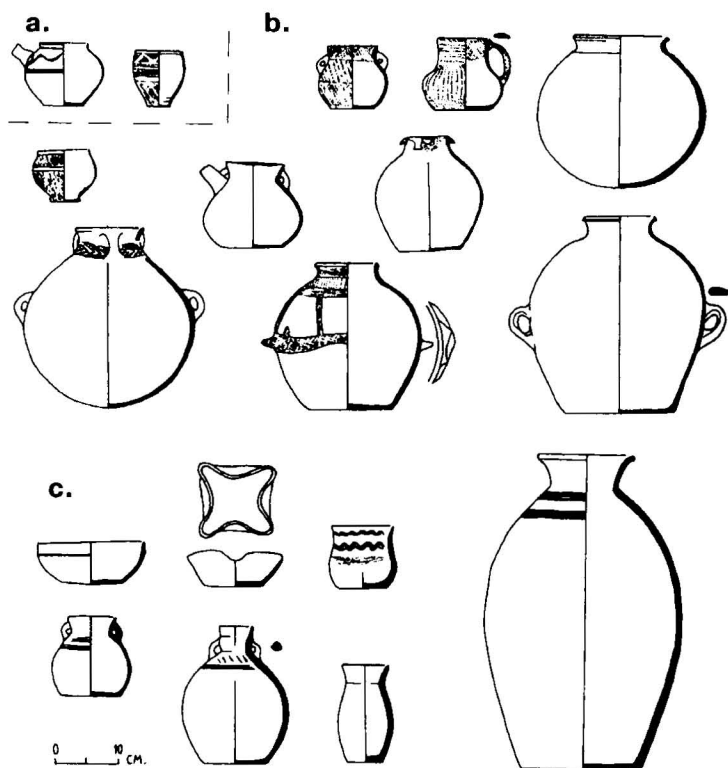

Рис. 7.4. Керамика конца раннего — начала среднего бронзового века.
а. Сирийский импорт. б. Из погребений северной части Палестины.
с. Из погребений южной части Палестины (по Мазару)

приносить кости родичей на центральные кладбища после первичных погребений останков где-либо на стороне.

Большинство погребений с входными шахтами. Они различаются в деталях даже в пределах одного некрополя. Входные шахты в планах бывают круглыми, квадратными, узкими прямоугольными. Глубина их достигает 6 м. Из них заложенные каменными плитами входы вели в одну или несколько погребальных камер (катакомб), в каждой из которых находились один-два (реже больше) целых или разрозненных скелета, сопровождавшихся керамикой, металлическим оружием, украшениями. Иногда разные формы сооружений встречаются в пределах одного большого некрополя, что связывается с традициями конкретных племен или хронологическими различиями.

На плоскогорье Негева погребения были отмечены каменными скоплениями, порой довольно значительными. Они сооружались на кряжах, а кое-где и внутри поселков, между домами. Небольшие камеры под ними неоднократно оказывались пустыми: очевидно, в них совершались лишь первичные погребения, позднее же кости перемещались в другое место. Отмечу, что подобные каменные скопления, иногда довольно высокие и эквивалентные земляным курганам, отражали достаточно длительную традицию и неоднократно упоминаются в Ветхом Завете (Нав 7:25, 26; 8:29).

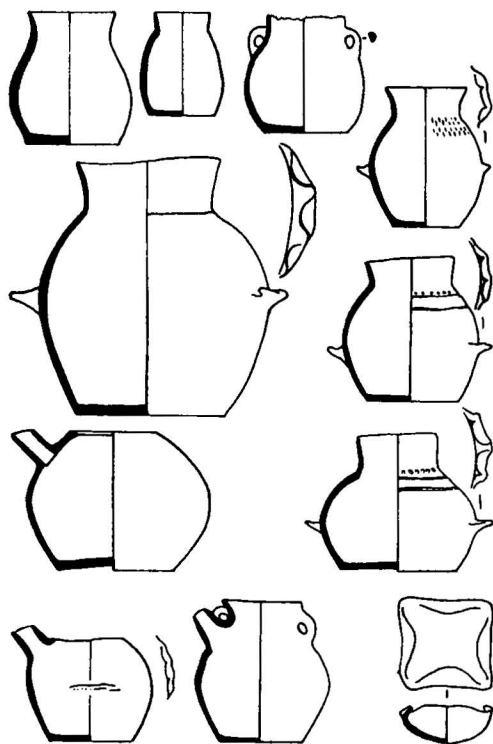

Рис. 7.5. Керамика конца раннего – начала среднего (I) бронзового века из погребений Иерихона (по Кеньон)

Дольмены — столообразные наземные камеры, сооруженные из базальтовых плит, известны на Голанских высотах. В Трансиордании эти массивные погребальные конструкции появились уже в энеолите, но на Голанах и в Галилее они распространились лишь в рассматриваемый период и служили в основном для вторичных захоронений.

Керамика разнообразна (рис. 7.4–7.6). А. Мазар различает три территориальных комплекса: Трансиорданский, Северный и Южный (Mazar, 1990, pp. 162–164). Наряду с наличием общих форм (кубки, маленькие двуручные кувшинчики, «чайники») они отмечены определенной локальной спецификой. В Трансиордании керамика, происходящая как из слоев оседлых поселков, так и из некропо-

ля Баб эд-Дра, сохраняет традиции предшествующего периода — раннего бронзового века, что проявляется и в формах, и в орнаментации сосудов. Прежде всего здесь надо отметить характерное красное лощение ангобированной поверхности, почти полностью отсутствующее в других комплексах. Встречено оно на ранних ступенях переходного периода Трансиордании. В более западных районах Южной Палестины эта ступень, очевидно, не представлена вообще.

Впрочем, некоторые традиции раннего бронзового века сохраняются и в северном комплексе, охватывающем соответствующую часть рассматриваемого региона. На-

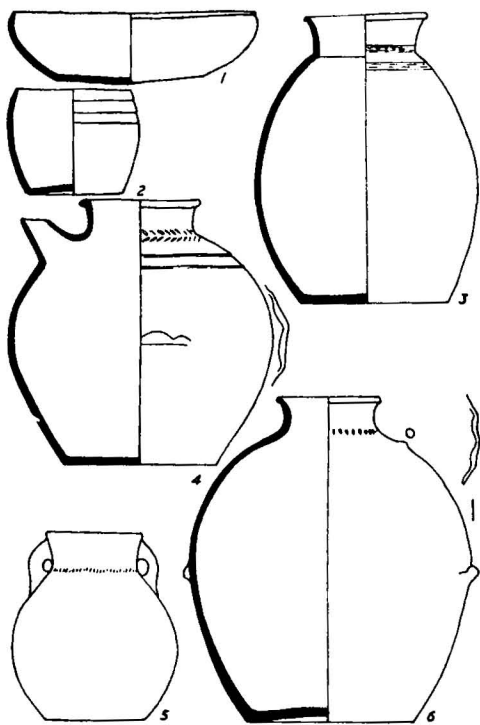

Рис. 7.6. Керамика конца раннего — начала среднего бронзового века из Телль Аджуля (по Кеньон)

и более характерны для него кувшины сферической формы с коротким горлом, отогнутым венчиком, округлым дном, ручками-налепами и скудным (резным или расписным) орнаментом.

Южный комплекс распространен в центральной и южной частях Палестины. Он характеризуется низкими широкими чашами, плоскодонными широкогорлыми горшками, плоскодонными же кувшинами без ручек или с маленькими петлеобразными ручками под узким раструбовидным горлом, кубками, амфорисками, «чайниками»; в орнаменте появляются налепные «кнопки» и прочерченные пятизубчатым инструментом системы полос (рис. 7.5—7.6). В керамическое производство прочно входит появившийся еще в раннем бронзовом веке гончарный круг.

Особо выделяется импортная керамика, найденная более всего в Северной Палестине. Она представлена круговыми черно- и сероглиняными флягами и «чайниками» с линейным и волнистым орнаментом, нанесенным белой краской. Такие сосуды производились в городских центрах Северной Сирии, в том числе в Эбле и Хаме. Они свидетельствуют о том, что традиционные торговые связи этого региона с Палестиной существовали и в рассматриваемый период.

В металлургии принципиально важной инновацией стало появление наряду с чистой медью более прочного сплава ее с мышьяком или оловом — бронзы. Здесь также предполагается сирийское влияние, поскольку первые находки бронзовых изделий сделаны в пограничных районах Верхней Галилеи, хотя собственные металлургические центры Южной Палестины продолжали функционировать и большинство металлических изделий представлено чистой медью. Из бронзы отлиты прежде всего предметы вооружения — кинжалы, наконечники копий, дротиков, втульчатые топоры так называемого очковидного типа, а так-

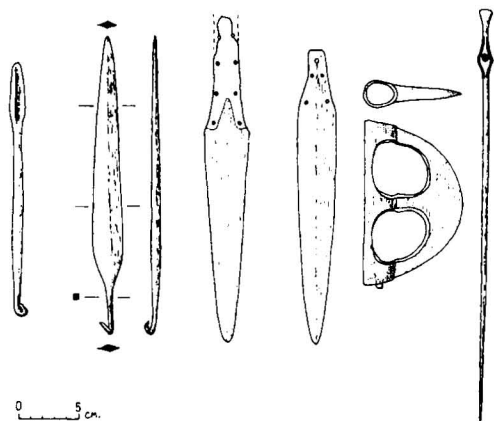

Рис. 7.7. Оружие и булава из погребений конца раннего — начала среднего бронзового века (по Мазару)

же крупные украшения, среди которых выделяются большие булавки с грибовидной шляпкой и расширением под ней с отверстием для подвешивания (рис. 7.7). Такие булавки широко распространены в Сирии во второй-третьей четвертях III тыс. до Р. Х.

Металлопроизводство документируется находками медных слитков. Предполагается наличие бродячих групп металлургов, с одной из них В. Олбрайт связывает изображение из знаменитой египетской гробницы в Бени Хасане (1890 г. до Р. Х.), где группа людей с подчеркнуто семитскими чертами движется вместе с ослами, навьюченными, среди прочего груза, мехами для плавильных горнов (рис. 7.8).

В целом этот замечательный памятник отличается чрезвычайно высокой информативностью (Albright, 1960, p. 207, fig. 61). «Это незабываемое изображение небольшого клана из полукошевого палестинского племени, — пишет В. Олбрайт. — Под главенством своего вождя, носящего сильно сокращенное семитское имя Абша, тридцать семь человек — мужчин, женщин и детей, доставляют, как отмечено надписью, *stibium* (черный пигмент) из Шуту (Центральная Трансиордания) ко двору монарха одной из областей Среднего Египта к северу от Амарны. Как мужчины, так и женщины одеты в шерстяные туники, сшитые из двух полос цветной ткани. Туники закреплялись на одном плече, второе оставалось обнаженным. У женщин туники кончались между коленом и лодыжкой, тогда как у мужчин они доходили лишь до колен. В то же время некоторые мужчины одеты в длинные белые (льняные?) туники, а другие — в короткие — от талии до колен. Мужчины изображены в сандалиях, женщины в низкой кожаной обуви. Из оружия изображены сложные луки, стрелы, дротики и, вероятно, изогнутые серповидные мечи. Полной неожиданностью явилось наличие среди вещей лиры в

Рис. 7.8. Изображение семитов-металлургов на фреске из египетской гробницы XII династии в Бени Хасане (около 1900 г. до Р. Х.)

руках одного из мужчин и двух мехов для плавильных горнов, навьюченных наряду с прочим грузом на ослев». Добавлю, что на спину одного из этих древнейших в мире транспортных и вьючных животных были посажены дети. Помимо ослов, люди вели и других копытных животных.

Итак, странствующие металлурги, скотоводы, музыканты. Сочетание неожиданное, но, очевидно, неслучайное, связанное с определенной традицией: В. Олбрайт с большой проницательностью соотносит его с отразившим эту традицию текстом Книги Бытия (4:19–22): «19. И взял себе Ламех две жены; имя одной: Ада, и имя второй: Цилла (Селла). 20. Ада родила Иавала: он был отец живущих в шатрах со стадами. 21. Имя брату его Иувал: он был отец всех играющих на гуслях и свирели. 22. Цилла также родила Тувалкаина (Фовела), который был ковачом всех орудий из меди и железа».

В передовых своих центрах металлообработка достигла поразительного совершенства. В одном из катакомбных погребений близ Айн-Самии найден замечательный серебряный кубок с выполненным в технике металлопластики изображением мифологической сцены: люди в шумерских юбках из бараньих шкур, поддерживающие на серповидном предмете диск с 20 лучами и человеческим лицом в центре, фантастической фигурой с дву-

Рис. 7.9. 1. Серебряный кубок начала среднего бронзового века из погребения Айн-Самий. 2. Изображение на кубке (по Мазару)

мя львиными телами вместо ног, человеческими торсом и двуликой головой, двумя змеевидными драконами и пр. (рис. 7.9). Ядин видит здесь сцену из мифа месопотамского происхождения: двуликий бог Мардук обезвреживает особым растением ядовитого дракона, рожденного Тиамат, а тело убитой Мардуком Тиамат становится небом. Есть и иные интерпретации. Бог может быть и не Мардуком, включенным в миф позднее вавилонянами — во II тыс. до Р. Х.

Хронология рассматриваемой фазы бронзового века, устанавливаемая по сирийским керамическим соответствиям как три последних столетия III тыс. до Р. Х., уточняется по египетским индикаторам, согласно которым конец раннего бронзового века III соотносится с началом IV династии Египта; а начало следующей (IIA) фазы среднего бронзового века — с началом Среднего царства Египта (ок. 2000 г. до Р. Х.). Такая датировка подтверждается и собственно сирийскими показателями, в том числе полученными Российской экспедицией при раскопках храмового комплекса Телль Хазна I в районе Хабура, где характерные бронзовые булавки с петлей для подвешивания, абсолютно аналогичные палестинским периода средней бронзы I, найдены в погребениях, совершенных сразу после прекращения функционирования комплекса — в конце раннединастического периода III (Мунчаев, Мерперт, 1997, рис. 21).

Вопрос об этническом характере населения Палестины рассматриваемого переходного периода дискуссионен. До 70-х гг. в этом аспекте предполагались значительные инновации в сравнении с предшествующим периодом. Вместе с тем как старые, так и новые группы связывались с семитской языковой семьей.

Постулировалось вторжение в Палестину полукочевых групп западносемитских скотоводов из Сирии, известных по месопотамским документам как аммуру — то есть «западники» и названных современными учеными аморреями (Kenyon, 1979, p. 145). Им приписывались разрушение городской цивилизации раннего бронзового века Палестины и вторжения в Месопотамию. С ними связывается упоминавшееся изображение из Бени Хасана в Египте, где лидер группы носит «аморрейское» — западносемитское имя Аб Ша (Ab-Sha) (Mazar, 1990, p. 169).

В. Олбрайт идентифицировал этот период (XX–XIX вв. до Р. Х.) как время Патриархов, а его события (движение западносемитских племен вдоль «плодородного полумесяца» и создание поселков в Негеве) — как основание соответствующей традиции Книги Бытия

(Albright, 1960, p. 83; 1961, pp. 36–54). Ныне подобная идентификация, а соответственно и хронологическая позиция времени Патриархов весьма убедительно пересмотрены (Немировский, 1996), на чем мы специально остановимся несколько ниже.

Другая теория также связывает население Палестины с вторжением издалека. В Рас-Шамре вскрыты погребения, близкие палестинским. Они разделяют раннебронзовую и среднебронзовую городские фазы. Эту группу по особому типу гривн (torques) называли «носителями гривн» и даже связывали с индоевропейцами, подкрепляя это наличием курганов, дольменов и пр. (P. Lapp, M. Kochavi — см. Mazar, 1960, p. 173, note 22). Дальнейших подтверждений эта гипотеза не получила.

Альтернативная теория (Девер (W. G. Dever), Ричард (S. Richard) и др.) отвергает массовое вторжение и подчеркивает местные традиции культуры переходного периода (керамика, металлические формы) и наличие корней ее в поселениях Негева и Трансиордании раннего бронзового века (Mazar, 1990, p. 173, note 23). Изменения же связываются с внутренними переменами в образе жизни, социальной структуре и экономике, вызванными кризисом городской системы раннего бронзового века, а не иноэтническим вторжением. Согласно этой теории, и оседлое население и скотоводы-кочевники в рассматриваемый период рекрутировались из местного населения Палестины.

Такое заключение в свете последних исследований не выдерживает критики. Объяснения культурных перемен местными внутренними процессами ныне предлагаются достаточно часто, их распространяют и на ряд прочих культурных смен и переходных периодов. В этом случае учитываются прежде всего данные небольшого региона к востоку от Мертвого моря, который мог явиться исключением, резерватом образа жизни и культурных традиций раннего бронзового века. Во всей же Западной Палестине перемена их при переходе от последнего к среднему бронзовому веку экстремальна: процветающая иерархическая политическая система города-государства, экономика, обусловившая прибавочный продукт, далекие торговые связи сменены эгалитарным обществом, базирующимся на скотоводстве и земледелии без четко определенной политической системы. Связи с Египтом угасли, хотя торговые сношения с внутренней Сирией сохранялись. В керамике и металле фиксируются отголоски традиций раннего бронзового века, но разрыв с ним выражен наибо-

лее существенными показателями: полным запустением многих городов, на месте которых возникли бедные деревни, возникновением лагерей на незаселенных ранее холмах, заселением аридной Негевской возвышенности и Северного и Центрального Синая, появлением новых погребальных обрядов.

Восприятие всех этих изменений остатками местного населения прежней городской системы раннего бронзового века не реально. Альтернативой версии иноземного вторжения стало бы утверждение, что местные кочевые скотоводы, жившие здесь на протяжении III тысячелетия наряду с городской системой и подавляемые ею, поднялись в вакууме, созданном коллапсом городов. Такие пастушеские племена могли бы, возможно, абсорбировать остатки городского населения, сохранившего ряд своих традиций, усилив ими мощь полукочевников. Но представляется, однако, что подобная революция образа жизни связана и с изменениями этнического характера. Во всяком случае, кризис конца раннего бронзового века один из наиболее масштабных в истории Палестины — вызвал культурный катаклизм, недооценка которого невозможна. И столь же невозможно отрицать связь этого катаклизма с заметной перегруппировкой населения региона, а скорее всего, и с появлением новых этнических групп. При этом последние два фактора взаимосвязаны: как всегда, перегруппировка, обусловленная определенными кризисными явлениями внутри городских систем, вела к возникновению «слабости перед фронтом» кочевых и полукочевых скотоводческих групп степных и полупустынных окраин, стимулируя активизацию их экспансионистских акций.

Развитая фаза среднего бронзового века (2000–1550 гг. до Р. Х.)

Следующий период в древней истории Палестины, достаточно своеобразный, но протекавший в рамках среднего бронзового века, по своим археологическим показателям — распространению бронзы и значительным прогрессивным инновациям во всех прочих областях материальной культуры — может быть назван развитым средним бронзовым веком или средним бронзовым веком II. Он длился (по периодизации А. Мазара) с 2000 до 1550 г. до Р. Х. Внутри него выделены два этапа: А (2000–1800/1750) и В–С (1750–1550) (Mazar, 1990, р. 20). В этническом аспекте период был связан с распространением в Палестине новой, продвинувшейся сюда с северо-востока

значительной семитоязычной группы ханаанеев, возродившей городскую культуру и придавшей ей высокое и быстрое развитие.

Заняв основные земледельческие области региона, ханаанеи многие века жили бок о бок с полукочевыми и кочевыми скотоводческими группами (в состав которых некогда входили сами), объединенными под именем аморреев и уже упоминавшимися выше. Отселение протоханаанеев от протоарамеев уходит в глубокую древность — в III тыс. до Р. Х. Извечно определявшее судьбы Палестины (да и всего Ближнего Востока) взаимодействие оседлых земледельцев и кочевых скотоводов вступило в новую фазу, на сей раз с явной доминантой пришлых ханаанеев — земледельцев и строителей городов. Они оказали решающее воздействие на аморреев, которые, сохраняя скотоводческую в основном экономику, концентрировались в предгорьях, не смешиваясь с ханаанеями, но все более воспринимая их высокоразвитую культуру. Это способствовало установлению известной стабильности в регионе и созданию обширной культурной общности, простиравшейся от знаменитого города Рас-Шамра (Угарит) на побережье Северной Сирии до пустынь Южной Палестины. Общность эта оказалась весьма долговременной. Несмотря на ряд политических катаклизмов, развитие ее продолжалось без резких разрывов, по крайней мере, до последней четверти II тыс. до Р. Х. Сохранялось и отмеченное сосуществование ханаанеев с аморреями. И когда более чем через полтысячелетия Моисей отправил сыновей «высмотреть землю Ханаанскую», они, возвратившись в пустыню Фаран, сообщили, что «народ, живущий на земле той, силен, и города укрепленные, весьма большие, ...и Аморреи живут на горе, Ханаанеи же живут при море и на берегу Иордана» (Числ 13:29, 30). К. Кенъон пишет, что обусловленный появлением ханаанеев конец переходного периода к развитому среднему бронзовому веку был так же резок, как вызванное вторжением аморреев его начало (Кенуон, 1979, р. 146). А. Мазар подчеркивает, что средний бронзовый век Палестины отмечен общими революционными изменениями во всех аспектах материальной культуры: системе поселений, градостроительстве, архитектуре, керамике, металлургии, погребальной практике (Mazar, 1990, р. 175). Кратко остановимся на каждом из них.

Для поселенческой системы специфично создание значительного числа укрепленных городов, фортов и стабильных земледельческих поселений прежде всего вдоль северной части прибрежной равнины и северных долинах Израиля. На первой фазе среднего бронзового

века II на внутренних территориях, включая Заиорданье, Северный и Центральный Негев, поселения, особенно укрепленные, или редки или отсутствуют совсем. Такая система резко отличается от распределения поселений раннего бронзового века. Изменяться она начала лишь на последующих фазах, когда урбанизация заметно возросла, охватив все основные области Палестины (рис. 7.10), примером чему может служить Асор, превратившийся в крупнейший город и столицу Ханаана.

Уже на ранней фазе ряд городов, прежде всего прибрежных, имел достаточно мощные фортификационные системы, причем наряду с каменными и кирпичными стенами создавались огромные земляные валы (Акр, Тел Зерор, Телль Вурги и др.). На последующих фазах такие системы еще более увеличивались и усложнялись, дополняясь внутренними валами, опорными сооружениями, сочетанием кирпичной или каменной основы с перекрывающим ее земляным валом, ширина которого в отдельных случаях превышала 50 м (Дан, Асор, Иерихон, Иавнеел, Сихем, Телль Батас и др.) при толщине кирпичной основы свыше 10 м. Наличие мощных валов, высота которых также превышала 10 м, явилось характерной чертой фортификаций среднего бронзового века II Палестины (рис. 7.11). Появление подобных сооружений связано, скорее всего, с сирийской традицией, проникшей в Палестину вместе с ханаанеями, двигавшимися на юг по прибрежной полосе. В Сирии они известны начиная с рубежа III и II тыс. до Р. Х., когда появляются их прототипы в Эбле, Каркемише, Катне, Алалахе. Активно совершенствующееся фортификационное строительство обусловлено общим развитием военного дела, распространением бронзового оружия, появлением боевых колесниц, стенобитных таранов и пр. (рис. 7.12–7.13).

Что касается городских построек, то уже на ранней фазе среднего бронзового века II Палестины они представлены достаточно сложными комплексами с четко распланированными кварталами и такими значительными компонентами, как дворцы (Апек, Мегиддо) и теменосы, причем последние иногда располагались на месте святилищ раннего бронзового века. Важно подчеркнуть, что традиция священного участка и последовательность культовых сооружений на нем в ряде случаев сохранялись, несмотря на все исторические перипетии и даже смены населения.

На второй фазе (средний бронзовый век II B–C) планировка городов продолжает совершенствоваться. Мощные валы и прочие

Средний и поздний бронзовый век

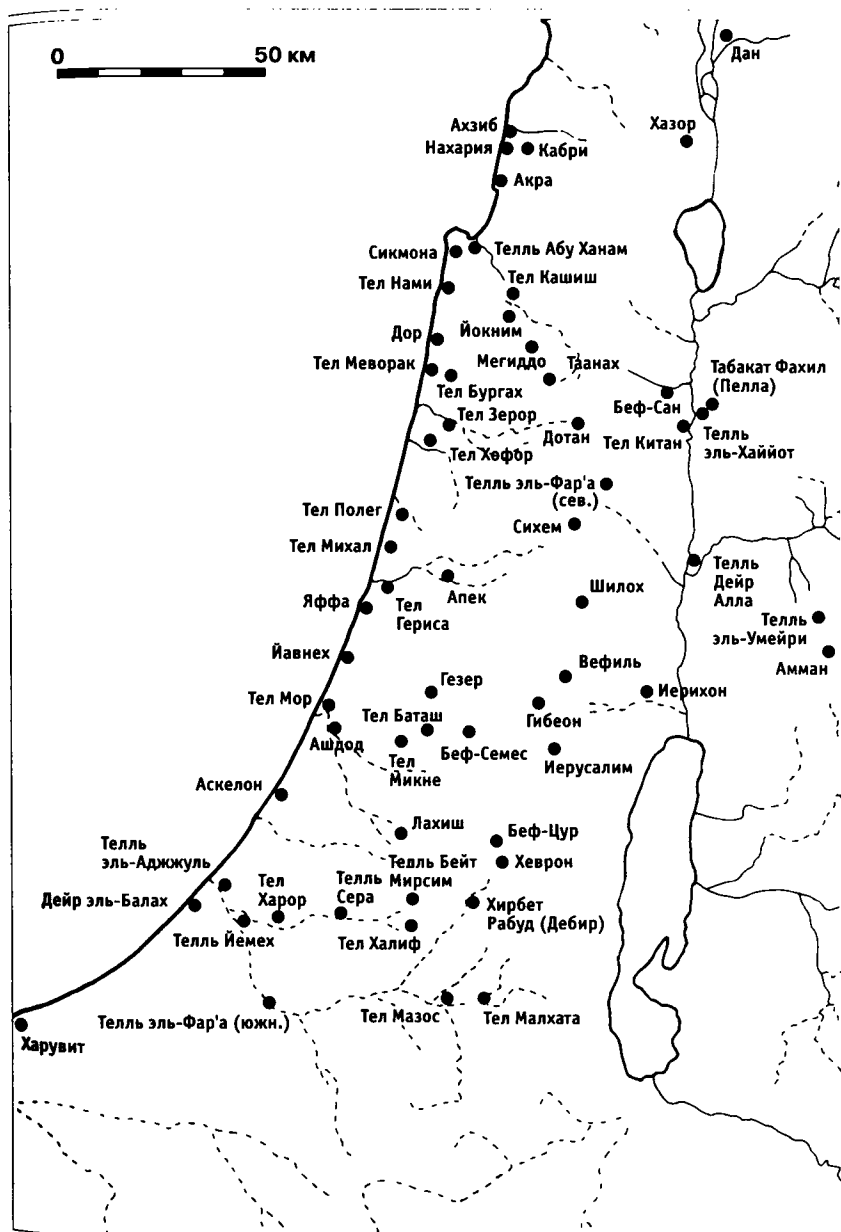

Рис. 7.10. Археологические памятники развитого и позднего бронзового века (по Мазару)

фортификации определяют правильную общую конфигурацию городов. Прямые мощеные улицы, их правильное соотношение, пересечения под прямым углом, широкие площади, специальные участки общественных зданий, дворцов (рис. 7.14–7.15) и храмов свидетельствуют о существовании элементов общей планировки в Сихеме, Мегиддо, Апеке, Гезере, Кабри, Телль Аджуде. Храмы соседствовали с дворцами, что отмечено и в Сирии – в Эбле и Алалахе. В Сихеме ряды помещений вдоль оборонительной стены интерпретируются как казармы. Известны случаи расположения теменосов и дворцов на особых участках за городскими воротами (Мегиддо).

Четко прослеживается ортогональный принцип планировки (Mazar, 1990, p. 209) с прямоугольными жилыми кварталами, разделяющими их параллельными улицами и блоками жилищ внутри кварталов (рис. 7.16–7.17). Каждый из блоков состоял из небольшого центрального двора с небольшими же комнатами по его сторонам (рис. 7.18). Мазар заключает, что в этот период в Палестине впервые появляется типичная схема средиземноморского дома (Мегиддо, Телль Нагила, Телль Аджуд и др.)

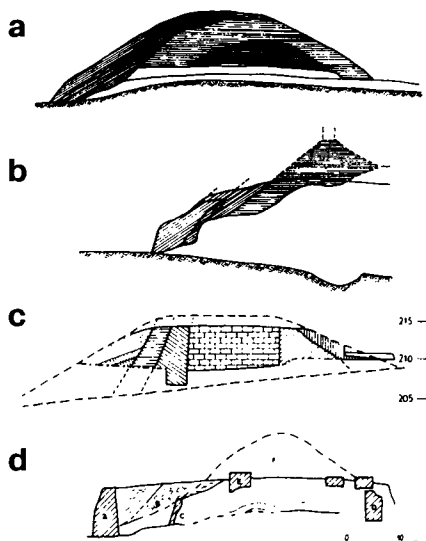

Рис. 7.11. Разрезы валов и оборонительных стен палестинских городов среднего бронзового века Йавнех Йама (а), Иерихона (b), Асора (с), Сехема (d) (по Мазару)

Общественные здания рассматриваемой второй фазы среднего бронзового века II открыты в Кабри, Мегиддо, Апеке, Лахише, Телль Аджуде, Асоре. В последнем дворцовый комплекс занимает свыше 1000 кв. м. II здесь распространен уже отмеченный выше план жилого дома, но масштаб неизмеримо больший: обширный центральный двор, окруженный залами и многочисленными комнатами. Столь же велик храм в Асоре, крыша его главного зала опиралась на столбы, диаметр баз которых превышал 2 м, глубина оснований стен (фундамента) достигала 2 м, а толщина плотной обмазки пола превышала 25 см. В Кабри зафиксирована

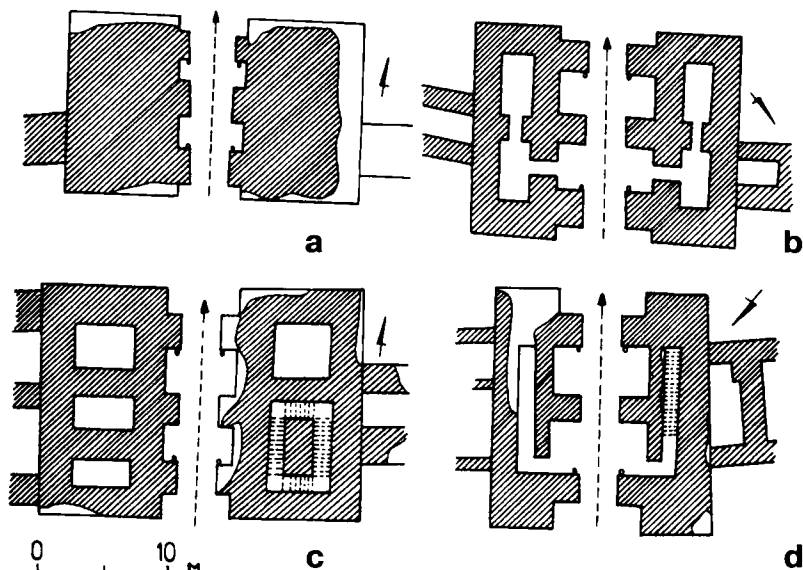

Рис. 7.12. Фортификации городов среднего бронзового века. Ворота Гезера (а), Асора (b), Йавнех Йама (с), Сехема (d) (по Мазару)

искусная роспись пола дворца.

Как принципы планировки, так и детали дворцов ханаанейских властителей палестинских городов совершенно закономерно находят близкие аналогии в уже неоднократно упоминавшихся городах Сирии — Эбле, Алалахе и, может быть, наиболее ярко выражены во дворце аморрейских царей города Мари на Среднем Евфрате, в свою очередь свидетельствующем о решающем воздействии архитектурных принципов Месопотамии.

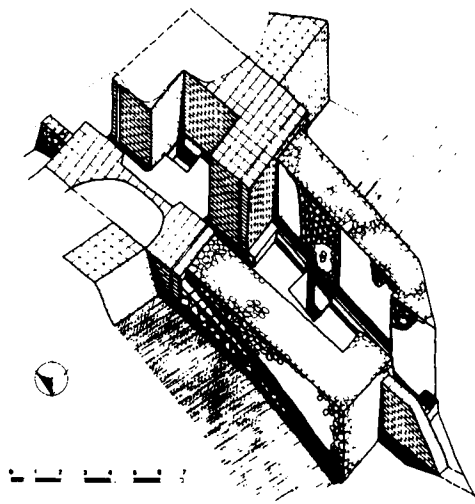

Рис. 7.13. Ворота и прилегающие к ним участки стен Акры среднего бронзового века (по Мазару)

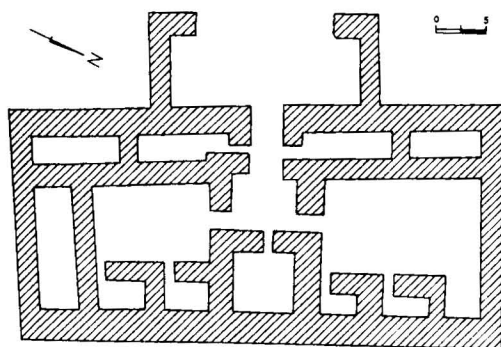

Рис. 7.14. План дворца среднего бронзового века в Асоре (по Мазару)

близость планов и конструкций храмов Сирии (Эбла этого периода, Рас-Шамра, Телль эль-Хайат, Тел Китан) и вплоть до Египта (Аварис на востоке Нильской дельты). Планы уже заметно отличаются от «широкого дома», сохранявшегося в Палестине от энеолита до конца раннего бронзового века. Ныне вырабатывается иной стереотип монументального прямоугольного здания с мощными стенами, свидетельствующими о значительной высоте построек и строительного искусства в целом. В простейшем варианте храм состоит из одного вытянутого зала с входом с торцевой стороны и нишей — «святое святых» в стене, противоположной входу. Таков храм в Сихеме, где кровля большого вытянутого зала поддерживалась двумя рядами колонн, по три в каждом. Есть храмы более сложного плана — с широ-

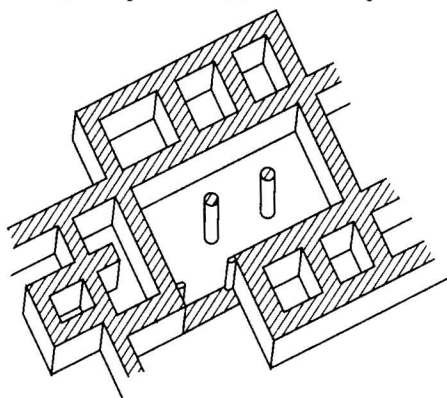

Рис. 7.15. Изометрия дворца среднего бронзового века в Апеке (по Мазару)

Рассматривая храмовую архитектуру второй фазы среднего бронзового века II, А. Мазар видит в ней «лучшее выражение архитектурного и, очевидно, религиозного единообразия, установившегося в Леванте в это время» (Mazar, 1990, p. 211). При этом он подчеркивает поразительную

близость планов и конструкций храмов Сирии (Эбла этого периода, Рас-Шамра, Телль эль-Хайат, Тел Китан) и вплоть до Египта (Аварис на востоке Нильской дельты). Планы уже заметно отличаются от «широкого дома», сохранявшегося в Палестине от энеолита до конца раннего бронзового века. Ныне вырабатывается иной стереотип монументального прямоугольного здания с мощными стенами, свидетельствующими о значительной высоте построек и строительного искусства в целом. В простейшем варианте храм состоит из одного вытянутого зала с входом с торцевой стороны и нишей — «святое святых» в стене, противоположной входу. Таков храм в Сихеме, где кровля большого вытянутого зала поддерживалась двумя рядами колонн, по три в каждом. Есть храмы более сложного плана — с широ-

на протяжении всего среднего, а далее и позднего бронзового века (рис. 7.19). Сохраняется она и впоследствии, явившись прототипом плана знаменитого храма Соломона в Иерусалиме.

Наряду с храмами в рассматриваемый период продолжали существовать открытые святилища и культовые участки, подобные теменосу Гезера, большие вертикально поставленные камни которого могли символизировать различные божества, так же как царей или предков.

В погребальной практике вновь распространился сократившийся в промежуточный период обычай коллективных захоронений в пещерах и катакомбах, превращенных в фамильные склепы больших городских семей (рис. 7.20, А). Умерших в ряде случаев клали на деревянные лежа в центре пещеры, в дальнейшем же, при последующих захоронениях, сдвигали их останки к краям. Как правило, погребенные сопровождались богатым инвентарем. При этом в иерихонском некрополе сохранялись и органические материалы, в том числе деревянные кровати и скамьи (рис. 7.21).

Помимо отмеченных коллективных, известны и индивидуальные погребения внутри поселков под полами домов (Мегиддо). Вырубленные в скале длинные туннели вели в обширные погребальные камеры под дворцовой конструкцией в Асоре, предназначенные, возможно, для царской семьи (подобные же найдены под одним из дворцов Эблы, а позже — в позднем бронзовом веке — и Рас-Шамры).

Рис. 7.16. Улица Иерихона среднего бронзового века (по Кеньон)

Наконец, сохранился и практиковавшийся уже тысячелетиями обычай погребения детей, прежде всего младенцев, внутри больших сосудов.

В керамике, начиная с первой фазы среднего бронзового века II, формируется новый комплекс, отличающийся от предшествующего и развивающийся в основном гомогенно на протяжении обеих фаз.

Рис. 7.17. Улица Иерихона среднего бронзового века (по Кеньон)

Рис. 7.18. Сосуды с зерном среднего бронзового века Иерихона (по Кеньон)

Его инновации были обусловлены не только привнесенными новыми традициями, но и совершенствованием технологии керамического производства, прежде всего распространением гончарного круга быстрого вращения. Уже на первой фазе отмечаются большое многообразие и изящество форм, тонкостенность, высокое качество глины, ровный обжиг. Наряду с новыми формами есть и реминисценции предшествующих. Основные типы: сферические, кругло- и плоскодонные горшки и кувшины, острореберные кубки и флаги, разнообразные миски и чаши, узкогорлые амфориски и кувшинчики, остродонные или на низких поддонах. Большинство малых сосудов краснолощеные. Встречена роспись красной и черной краской. Мотивы геометрические — ленты, треугольники и пр. (рис. 7.4–7.6).

На второй фазе и число форм сосудов и их качество возрастают еще более (рис. 7.22–7.23). Основные

типы сохраняются: преемственность между фазами безусловна. Другие появляются вновь или изменяются в деталях. Так красноощепный ангоб сосудов, характерный для первой фазы, сменяется на малых сосудах белым или кремовым. Роспись редка и в большинстве случаев монохромна, хотя встречена и бирюзовая роспись, мотивы предельно просты: горизонтальные ленты и концентрические круги, изобразительные мотивы — птицы и антилопы — единичны. Одна из наиболее многочисленных групп — туалетные кувшинчики различных форм вплоть до зооморфных (в виде рыб и птиц) и даже антропоморфных, имитирующих человеческую голову (рис. 7.24). Для этой же группы характерна напольчатая орнаментация с геометрическими узорами. Наличие подобных сосудов документирует длительные и тесные связи Палестины с Сирией, прежде всего со средиземноморскими городами на севере, восточными районами Нильской дельты — на юге и Кипром — на западе. Ныне определены локальные особенности сосудов этой группы и наличие ряда центров их производства. Не менее характерны поразительно тонкостенные сосуды, названные «яичной скорлупкой» и появившиеся в конце фазы, а также распространившиеся в XVI в. до Р. Х. группы сосудов различных форм (чаши, кратеры, кувшины), украшенные шоколадной или двуцветной росписью. Сосуды этих групп также оказывались далеко за пределами Палестины. В последней же соответственно появляются сирийские, кипрские и египетские импорты, в свою очередь документирующие тесные торговые и культурные связи ханаанейских городов с этими регионами.

В металлургии бронзы рассматриваемой фазы продолжается развитие и совершенствование форм, выработанных в предшествующий период, прежде всего кинжалов, наконечников копий, топоров (рис. 7.25). Появляются листовидные наконечники копий с разомкнутой втулкой, сменив длительный период господства черешковых форм. Листовидными же становятся и кинжалы, снабженные несколькими ребрами и коротким черешком, на котором с помощью заклепок крепи-

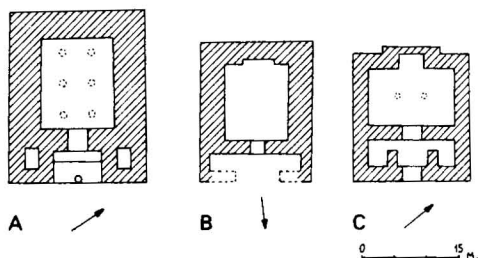

Рис. 7.19. Планы храмов среднего бронзового века Палестины: Сехема (А), Мегиддо (В), Асора (С) (по Мазару)

лись деревянные рукоятки (иногда с каменными набалдашниками). Среди топоров доминируют простые вытянутые формы. Сохраняются длинные булавки с отверстием для подвешивания.

Искусство Палестины второй фазы среднего бронзового века представлено различными формами, выполненными из различных же материалов. Безусловной инновацией явились бронзовые, сереб-

Рис. 7.20. А. Коллективное пещерное погребение среднего бронзового века. Иерихон. В. Типичное коллективное погребение среднего бронзового века в Иерихоне (по Кеньон)

ряные и золотые фигурки божеств, как мужских, так — в большинстве своем — и женских, отлитых в открытых или закрытых (по восковой модели) формах или же штампованные на золотом листе (рис. 7.26–7.27). Первое их появление фиксируется в Анатолии и в прибрежных городах Сирии и Ливана: в открытом в Библе кладе периода Среднего царства Египта (первая половина II тыс. до Р. Х.) их более тысячи. Оттуда они попали в Палестину, где найдены прежде всего в храмовых комплексах Мегиддо, Гезера, Телль Аджуля и др.

Попутно отмечу, что наряду с этими безусловно культовыми ювелирными изделиями производились и весьма искусные украшения — булавки, кольца, серьги, браслеты, подвески (рис. 7.28), последние иногда имели изображение богини плодородия или ее головы. Только в Телль Аджуле найдено три клада с подобными украшениями.

Глиптика представлена скарабегями и цилиндрическими печатями: для появления первых решающим импульсом была египетская традиция, для вторых — месопотамская, прежде всего в сирийском

Рис. 7.21. Погребение среднего бронзового века в Иерихоне с деревянными кроватью и столом (по Кеньон)

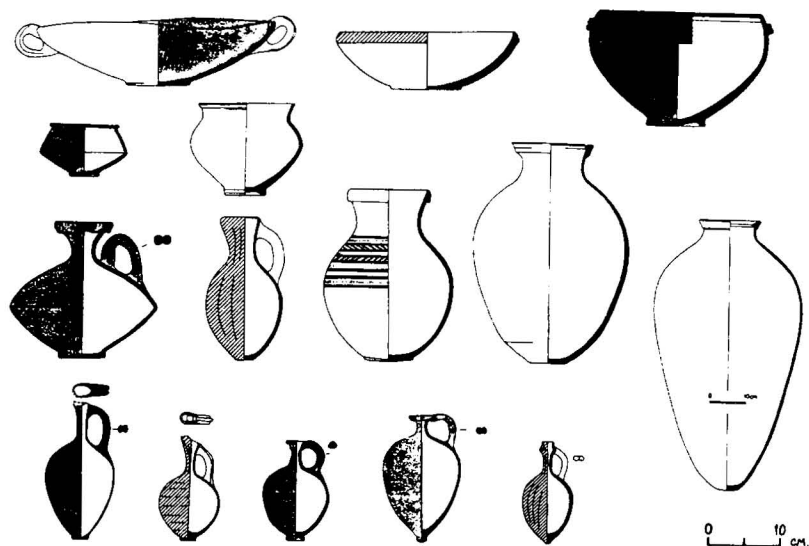

Рис. 7.22. Керамика
среднего бронзового
века из Мегиддо и
Апека (по Мазару)

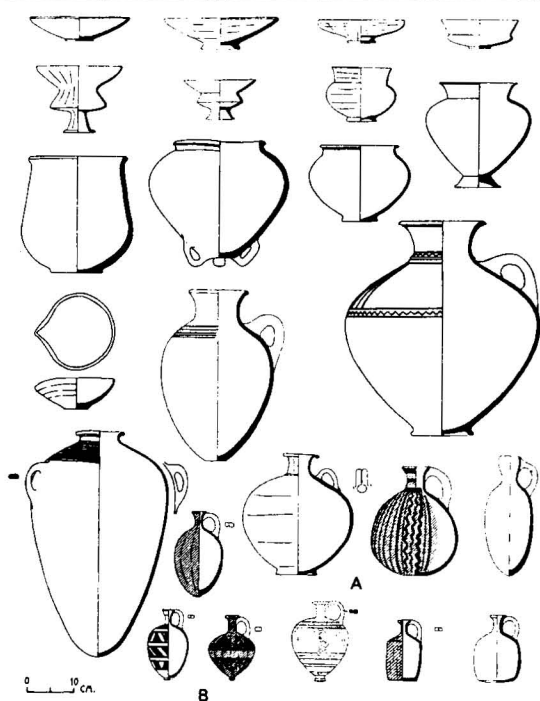

Рис. 7.23. Керамика
среднего бронзового ве-
ка II В—С из Мегиддо и
Иерихона. А. Импорт-
ный кипрский кувшин.
В. Амфориски из Телль
эль-Йехудии
(по Мазару)

ее претворении. Производились же те и другие в местных ханаанейских мастерских.

Монументальное искусство Палестины рассматриваемого периода известно пока очень слабо. Найден фактически единственный его памятник — часть каменной стелы, изображавшей человеческую фигуру царя или жреца, сопоставимую с изображениями на цилиндрических печатях и металлическими фигурками. В основном же о характере этого искусства можно судить по находкам в Северной Сирии, где превосходные статуи и рельефы найдены в Эбле, Рас-Шамре, Алалахе.

Со II фазой среднего бронзового века связаны немногочисленные находки в Палестине аккадских клинописных письменных документов. Напомню, что в раннем бронзовом веке здесь можно было говорить лишь о единичных случайных находках египетских надписей. Теперь широкое распространение аккадского языка приводит к появлению писцов в городах Сирии и самой Палестины. Четыре надписи найдены в Асоре: глиняная табличка с юридическим документом, жреческий текст (надписанная модель печени, используемая для предсказаний), фрагмент месопотамского учебного текста (список мер и весов) и местное западносемитское имя, написанное на глиняной табличке. В Гезере глиняная табличка содержала список имен, а в Хевроне — жертвоприношений. Эти скудные документы свиде-

Рис. 7.24. Антропоморфная чаша из Иерихона. Средний бронзовый век (по Мазару)

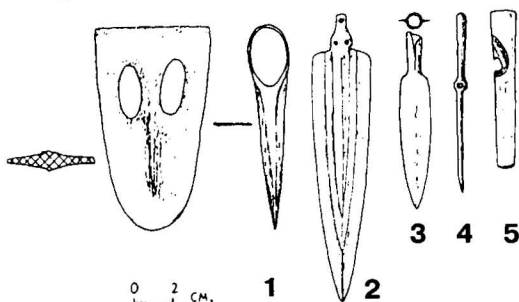

Рис. 7.25. Металлические изделия среднего бронзового века Палестины. 1, 5 — топоры, 2 — кинжал, 3 — наконечник копья, 4 — булавка

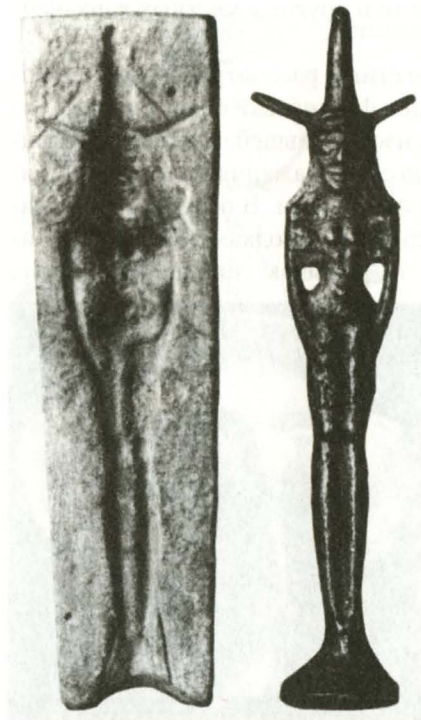

Рис. 7.26. Слева: каменная литейная форма для бронзовых статуэток из храма среднего бронзового века в Нахариин. Справа: современная отливка статуэтки богини из нее (по Мазару)

Рис. 7.27. Женские статуэтки конца среднего бронзового века (XVI в. до Р. Х.) из Гезера (по Мазару)

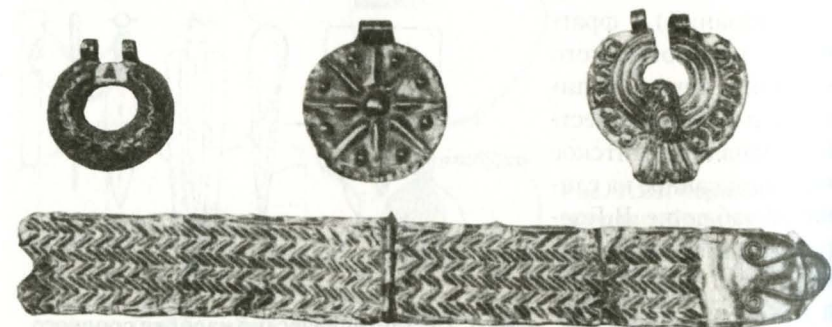

Рис. 7.28. Золотые подвески и лента из Телль Аджуля. Середина XVI в. до Р. Х. (по Мазару)

тельствуют об использовании аккадского языка как официального в данный период. Египетские же иероглифы среди семитского населения Палестины приняты не были.

Иногда употреблялась алфавитная система письма, в Палестине известная как «протоханаанейская», впервые документированная находками в Рас-Шамре в прибрежной полосе Сирии. Дата ее появления дискуссионна и иногда связывается со средним бронзовым веком (более вероятно начало позднего).

О патриархальной традиции Книги Бытия

Последняя ступень рассматриваемой фазы среднего бронзового века (по А. Мазару, этапы В–С — 1800/1750–1550 гг. до Р. Х.) отмечена чрезвычайно бурными и многообразными историческими событиями, прежде всего охватившими весь Ближний Восток массовыми передвижениями скотоводческих групп. Последние заметно изменили культурную и этническую ситуацию не только Сиро-Палестинского региона, но и государственных образований Египта и Месопотамии. Достаточно указать на вторжение в Египет в начале XVII в. до Р. Х. гиксосов — многоплеменного и многоэтнического, в основном скотоводческого, массива, в котором, безусловно, наряду с прочими (хурритами, хабирами и др.), были представлены и семитские элементы, что документируют, в частности, имена на скарабеех. В целом весь многоликий гиксосский массив имел азиатские корни, и само движение его в Египет не могло миновать Палестину и не втянуть в свой состав часть прежде всего скотоводческого ее населения (Mayani, 1956). В Месопотамии на грани XVII и XVI вв. до Р. Х. первая вавилонская династия была пресечена нашествием касситов — очередного объединения скотоводческих в основном племен, продвинувшихся из Загроса. Четырехвековое владычество их в Южной Месопотамии и Сирийской степи было отмечено периодами и определенной стагнации, и дестабилизации (Jaritz, 1958), что вызвало, подобно случаю с гиксосами, заметные передвижения скотоводческих, в том числе и семитоязычных, групп. Все эти события, как и последовавшие за ними вторжения с юга египтян, преследовавших изгнанных гиксосов, и хеттская экспансия с севера, наряду с непрекращающимися внутренними распрями, обусловили особую динамику исторического процесса в Сиро-Палестинском регионе и ряд культурных и этнических трансформаций в его пределах.

Совершенно естественно особое внимание к подобным явлениям и к рассматриваемой фазе среднего бронзового века в целом со стороны крупнейших специалистов по библейской истории и археологии. Пытаясь коррелировать свидетельства библейских текстов и археологических источников, они искали исторические корни ряда постулатов Ветхого Завета. И, быть может, более всего это касалось патриархальной традиции Книги Бытия, ее происхождения, хронологизации, репрезентативности, возможности увязки с конкретной исторической ситуацией и конкретными событиями. Разработка этих вопросов обуславливает «общую концепцию истории Палестины, в рамках которой решается вопрос древнееврейского этногенеза» (Немировский, 1996, с. 4).

Между тем все эти вопросы остро дискуссионны и допускают значительные разночтения, начиная с избрания источниковой базы, анализируемых ситуаций, определения их хронологических позиций и событийного контекста. Я считаю целесообразным ввиду принципиального значения этой проблемы кратко остановиться на основных вариантах ее разработки и прежде всего на датировке событий, давших начало патриархальной традиции. В отдельных случаях это потребует выхода за хронологические рамки среднего бронзового века.

Сразу отмечу, что с наибольшей широтой и убедительностью все аспекты названной проблемы рассмотрены в специальном исследовании А. А. Немировского (1996), с главными концептуальными положениями и оценками которого я полностью солидаризируюсь. Но начну с постулатов, предложенных его предшественниками.

В. Олбрайт не сомневался в реальности событий, которые легли в основу «сказаний о Патриархах» Книги Бытия как эпической традиции. Выше упоминалось, что к таким событиям он относил движение семитоязычных племенных групп во главе с их вождем Авраамом из южномесопотамского Ура на запад в Харран и далее на юг вплоть до Негева. При этом с постоянно свойственной ему осторожностью он подчеркивал невозможность точной датировки миграции Авраама в Сиро-Палестинский регион или Иакова в Египет (Albright, 1961, p. 83). Сугубо предположительно, исходя из общей исторической ситуации, вернее, из представлений о ней ныне уже полувековой давности, он относил первую к XIX, а вторую к XVII или — скорее — к XVII в. до Р. Х., связывая последнюю с гиксосским вторжением в Египет, а по месопотамской линии синхронизации —

со старовавилонской эпохой. Предлагая эту гипотезу, исследователь исходил из хронологических показателей каппадокийских табличек, документов Ларсы и Вавилона в Месопотамии и особенно Мари на Среднем Евфрате, а также подчеркивал отсутствие языковых барьеров для западносемитских групп по всей территории «плодородного полумесяца» и тесные политические и культурные связи между Палестиной и Египтом (Там же, с. 204–205). В качестве одного из свидетельств последних приводятся и данные рассмотренной выше уникальной росписи египетской гробницы в Бени Хасане.

Реальность переселения западносемитской группы, включавшей и древних евреев, из Месопотамии в Палестину в старовавилонскую эпоху, к воспоминаниям о котором и восходит патриархальная традиция, признавали и ряд других крупных исследователей умеренно-критического направления (Брайт (J. Bright), Спейсер (E. A. Speiser) внутри возглавленной В. Олбрайтом «балтиморской школы», А. Парро, Р. де Во и другие, примкнувшие к ним). Все они были археологами и стремились использовать археологические материалы для обоснования этой гипотезы и демонстрации согласованности их со свидетельствами Библии. В этом плане достаточно показательной представляется разработка рассматриваемой проблемы, предложенная К. Кеньон.

Предысторию вопроса Кеньон связывает с массовыми передвижениями в XVIII в. до Р. Х. скотоводческих групп, обобщенно именуемых гиксосами. Исследовательница совершенно справедливо постулирует их разноэтничность: среди зафиксированных на скарабеях имен есть безусловно семитские, но много и других. Наиболее четкую группу представляют хурритские имена. Хурриты известны на Среднем Евфрате с начала II тыс. до Р. Х., далее они играли значительную роль в судьбах Древнего Востока несколько веков. В XIV в. до Р. Х. палестинские вожди с хурритскими именами упоминались в амарнской переписке. Наряду с хурритами в источниках II тыс. до Р. Х. упоминается еще одна значительная группа — хабиры, которую Кеньон не считает, в отличие от хурритов, одноэтнической, но подчеркивает наличие в ней семитских имен и допускает сопоставление этнонимов *Nabiru* с *Hebrew* и египетским *Apiru*, хотя и подчеркивает его гипотетичность (Кеньон, 1979, pp. 167–168). Вместе с тем она отмечает соответствие общей ситуации, связанной с вторжениями гиксосов, в состав которых входили и хабиры, повествованиям об Аврааме. Самого его она считает одним из племенных вождей («солдат удачи»), при

нестабильных условиях вторгавшихся в ханаанейские города, а при стабильных — подчинявшихся им и взаимодействующих с ними. «Вполне вероятно, — заключает Кеньон, — что период Патриархов относится к среднему бронзовому веку и что израильтяне были потомками хабиров, пришедших в этот период в Палестину из Сирии». И далее: «При невозможности точного хронологического определения вся специфика периода соответствует библейскому повествованию. Патриархи были кочевниками, двигавшимися по плодородному побережью и жившими в своих шатрах среди ханаанеев, но обособленно, не смешиваясь с ними...» (Кеньон, 1979, р. 177).

При определенной логичности и последовательности этого построения в нем достаточно рельефно проявляются слабые стороны всего рассматриваемого направления: миграция предков евреев из Южной Месопотамии в Палестину, давшая начало патриархальной традиции, принимается за изначальную, не требующую доказательств, истину и далее вписывается в общую ситуацию среднего бронзового века, что и выражено утверждением о «соответствии библейского повествования всей специфике периода» (Ibid.). При этом за пределами внимания исследователей оказываются и длительность существования названной ситуации, и ее географические рамки, и специфика проявления ее в конкретные моменты и в конкретных районах по отношению к конкретным же событиям и человеческим группам. Лишенной фактического обоснования оказалась и датировка времени Патриархов раннеавилонским периодом, тем более, что она создавала, по справедливому замечанию А. А. Немировского (1996, с. 6), «необъяснимый пятисотлетний (вплоть до Исхода в XIII в. до Р. Х. — Н. М.) провал в древнееврейских исторических воспоминаниях», который ученые этого направления не слишком убедительно пытались заполнить пребыванием древних евреев в Палестине в составе различных семитских племенных групп, прежде всего хапиру.

Вторую концепцию, связанную с разработкой рассматриваемой проблемы, А. А. Немировский именует умеренно-критической «позднебронзовой». Она представлена трудами С. Гордона, О. Эйссфельта, И. М. Дьяконова, Г. Форера, относивших переселение из Месопотамии к среднеавилонскому периоду — то есть к позднему бронзовому веку. При этом историчным признавалось лишь ядро патриархальной традиции, на отдельные упомянутые ею события это не распространялось. Данные археологии почти не привлекались.

Наконец, третья концепция (или группа близких концепций) альтернативна обоим предшествующим. Ее создатели Дж. ван Сетерс и Т. Л. Томпсон и их последователи (А. Альт, М. Нот, Дж. Миллер, Н. Нааман и др.) отрицают историзм патриархальной традиции вообще и видят в ней позднюю историко-фантастическую компиляцию. А. А. Немировский справедливо определяет ее как гиперкритическую. Естественно, представляющие ее ученые-гиперкритики отрицают и сам факт переселения из Месопотамии. Часть их связывает генезис древнееврейской общности с инфильтрацией различных по происхождению социальных и родовых групп в Палестину с ее окраин. Другая часть (своего рода «автохтонисты») «определяет их (эти группы. — Н. М.) как коренных насельников Палестины, обособившихся от собственных сородичей — ханаанеев в ходе предполагаемой номадизации и последующей реседентаризации» (Немировский, 1996, с. 7). Что касается самой патриархальной традиции, то гиперкритики указывают на фиксацию ее не ранее X в. до Р. Х. и сходство отдельных ее элементов с реалиями I тыс. до Р. Х. при отсутствии отражения достоверно известных событий II тыс. до Р. Х.

А. А. Немировский убедительно опроверг эти заключения. Анализом значительного числа конкретных примеров он обосновал утверждение, согласно которому «племенной (и вообще архаичный) мир хранит достоверные в своей основе устные предания, касающиеся его истории, вскаки, если не тысячелетиями», и в случае позднейших модификаций, перегруппировок, насыщения новыми реалиями «ядро каждого из группирующихся сюжетов, как правило, остается неизменным» (Там же). Реалии же I тыс. до Р. Х., как и прочие анахронизмы, подстилаются другим, более ранним пластом традиции, этих анахронизмов не содержащим, «таким образом, анахронизмы библейского канона накладываются на содержащуюся в нем же исконную патриархальную традицию, и тем самым не могут дискредитировать последнюю» (Там же, с. 8). Забвение же архаической племенной общностью собственного прошлого трех-, четырехсотлетней давности с подменой его новой искусственной компилятивной версией А. А. Немировский считает «совершенно невозможными: этому противоречат и здравый смысл, и в особенности архаическое отношение к предкам. Таким образом, — заключает он, — нам представляется целесообразным относиться к ядру традиции — то есть к ее исходным сюжетам, очищенным от фольклорных деталей позднейших наслоений и связок, — с предварительным доверием» (Там же).

Всесторонний анализ и глубокое осмысление как текстов Книги Бытия, так и ситуационных реалий Ближнего Востока II тыс. до Р. Х. позволили указанному автору решительно отвергнуть подмену гиперкритиками патриархальной традиции общими социологическими реконструкциями с широким привлечением археологических материалов по социально-экономической истории. И здесь увязывание номадизации или реседентаризации коренных насельников Палестины с представлениями их о стране своего происхождения, о своих предках и родственных связях с подменой их совершенно другими, полностью вымышленными, достаточно справедливо и доказательно признано противоречащим здравому смыслу: «...тем самым общая сущность патриархальной традиции (переселение евреев из-за Евфрата) во всяком случае выглядит правдоподобной» (Там же).

Здесь не место для детального разбора системы обоснования автором приведенных положений, фактически опровергающих основные концепции гиперкритиков и восстанавливающих убеждение в историзме ядра патриархальной традиции Книги Бытия и ее репрезентативности как традиции эпической. Совершенно закономерно заключение, согласно которому «мы вправе не просто использовать традицию при исторической реконструкции, но и считать ее приоритетным источником» (Там же, с. 9). Оно положено в основу собственной концепции автора относительно этнической ситуации середины — третьей четверти II тыс. до Р. Х. в Сиро-Палестинском регионе и Месопотамии, этнических феноменов этой территории, места среди них древних евреев и судеб их в указанный период. Здесь я ограничусь лишь изложением самых общих положений концепции. Предварительно подчеркну, что все они являются результатом глубокого анализа как Книги Бытия и ряда внебиблейских нарративных источников (с особым вниманием к именам, названиям, прочим языковым показателям и ключевым ветхозаветным мифологемам), так и чисто исторической, событийной стороны рассматриваемой проблемы, наконец, естественно, данных самой патриархальной концепции древнееврейского этнополитогеогеога (см. Там же, с. 16).

Прежде всего постулируется выделение древних евреев из западносемитской среды Месопотамии, единственными конкретными представителями которой были аморреи. Последние представлены рядом племенных общностей, в том числе сугиями.

Отдельные показатели — такие, как племенные и клановые названия древних евреев, имена патриархов, данные мифологем, в том

числе предание о миграции из Месопотамии — свидетельствуют о выделении древних евреев из сутийско-аморрейской среды. Вместе с тем явных воспоминаний о таком выделении в мифологемах нет. «Очевидно, -- пишет Немировский, -- этногенез древних евреев был связан с какой-то этнической ломкой, реструктуризацией сутийского мира, приведшей к эрозии старой племенной традиции у образовавшихся при этом новых общностей» (Там же, с. 13).

Подобного рода потрясения в рассматриваемом регионе происходили неоднократно, начиная с глубокой древности, примером чему может служить отселение протоханаанеев от протоарамеев в начале III тыс. до Р. Х., с которым связываются корни предания о разрыве между основателем городов Каинном и кочевником Шетом — перво-предком сутиев. Это еще раз свидетельствует о начале противостояния древних евреев как наследников сутиев ханаанеям уже в сутийско-арамейскую эпоху. За действительную точку отсчета для еврейской этноистории принят «переход» («эбер») из-за Евфрата, при этом обосновывается признание патриархов Авраама, Исаака и Иакова историческими личностями, связанными с общностью «ибри» (перешедших). Переселение же этой общности к западу чрезвычайно убедительно увязано с крупномасштабной кампанией касситского царя Вавилона Кадашман-Харбе I по изгнанию за пределы Месопотамии всех сутиев-аморреев. Кампания эта датирована началом XIV в. до Р. Х., и А. А. Немировский имеет все основания считать, что она имела «тот масштаб и последствия, которые мы ожидали бы для первоотчужда древнееврейского этногенеза» (Там же, с. 15). При этом миграция предков евреев из Южной Месопотамии получает как фактическое обоснование, так и конкретный хронологический репер для ее начала на исходной территории — начало XIV в. до Р. Х. Датировка дальнейших этапов ее и распространения общности «ибри» в Сиро-Палестинском регионе резко конкретизирована соотношением указанных событий с расселением араамеев в Сирийской степи в середине XIV в. до Р. Х. и верификацией засвидетельствованных патриархальной традицией контактов евреев («Авраама») с хеттами, власть которых над Палестиной во второй половине XIV в. до Р. Х. прочно доказана А. А. Немировским (Там же, с. 5, 12, 15). Им же подчеркнуто, что датировка основных событий патриархальной эпохи соответствует и заключениям эллинистических и иудейских хронографов. «С нашей точки зрения, — пишет он, — общая историческая доброкачественность патриархальной традиции должна тем самым

считаться доказанной» (Там же, с. 16). А если так, то возникновение ядра патриархальной традиции, как и отраженные им события, следует отнести, согласно общей периодизации археологии Палестины, к позднему бронзовому веку, к общей характеристике которого я несколько ниже и перейду. Но предварительно отмечу следующее.

Все приведенные в связи с патриархальной традицией принципиально важные заключения опираются на анализ нарративных источников. Что же касается археологии и отражения ею определенных социально-экономических процессов в Палестине и в смежных с ней регионах, то ее роль в разработке рассматриваемой проблемы до сих пор остается весьма скромной. И здесь следует согласиться с А. А. Немировским, утверждающим, что связывать указанные процессы «с предками позднейших израильтян (и вообще с кем бы то ни было определенным) было бы очевидным произволом...» И далее: «...именно в такой области археология оказывается бессильной, поскольку позволяет идентифицировать носителей массовых процессов в инокультурном окружении, но никак не отдельные малочисленные группы, перемещающиеся без особых потрясений в родственном им этнокультурном пространстве. Между тем таковы и были известные нам передвижения кочевых западных семитов во II тыс. до Р. Х., и если древние евреи эпохи патриархов хотя бы отдаленно напоминали свое изображение в Библии, они вообще не могли бы получить специального археологического выражения» (Там же, с. 8–9).

При современном состоянии источниковой базы на это трудно возразить. Можно лишь надеяться, что дальнейшее накопление археологических свидетельств, и не столько социально-экономического, сколько культового, ритуального и обрядового характера сможет изменить эту ситуацию. Хорошо известно, что кочевые общества, попадая в новые регионы, достаточно легко меняют ряд элементов своей материальной культуры под воздействием более развитых аборигенов и в то же время проявляют предельный консерватизм по отношению к культуре духовной и всему, что с ней связано.

Поздний бронзовый век

Конец среднего бронзового века был ознаменован резким усилением египетского давления на Восточное Средиземноморье, в значительной мере обусловленным изгнанием гиксосов и преследованием их на азиатских территориях. Уже тогда это негативно воздействовало на ханаанейскую культуру Палестины, прервало ее расцвет, привело

к прекращению жизни в одних городах и заметному сокращению ее активности в других. В еще большей мере это проявилось в позднем бронзовом веке (1550–1200 гг. до Р. Х.). Данный период отмечен и прямой экспансией фараонов XVIII и XIX династий в Палестине и доминантой египетских воздействий — административных, экономических, культурных, религиозных — на этот регион. Но еще раз повторю: тотальной культурной смены, подобной коллапсу городов раннего бронзового века, не было: многие города возродились, другие разгрому не подвергались и лишь сократились в размерах, а ханаанейская культура сохранила весьма значительную роль в общем развитии и культурных связях Восточного Средиземноморья.

Вместе с тем при крупнейшем фараоне XVIII династии Тутмосе III (1479–1425 гг. до Р. Х.) египетское владычество распространилось на значительную часть Сиро-Палестинского региона, а список 119 ханаанейских городов, объединенные силы которых были разбиты египтянами при Мегиддо, был выбит на стене одного из карнакских храмов. Через Палестину прокатывались египетские армии, направлявшиеся в Сирию и Месопотамию, где они сражались с хурритами и государством Митанни. Фрагмент одной из египетских победных стел найден на западном берегу Тивериадского озера. Особое внимание правителей Египта к Ханаану действительно документируется сотнями писем правителей ханаанейских городов, найденных во дворце знаменитого фараона XVIII династии Аменофиса IV (Эхнатона) (1359–1336 гг. до Р. Х.) в его столице Телль эль-Амарне в Среднем Египте. Письма эти, выполненные аккадской клинописью на глиняных табличках, детально освещают отношения городов-государств Палестины с Египтом и общую ситуацию в рассматриваемом регионе. Новые завоевательные кампании в Ханаане были проведены в XIV - XIII вв. до Р. Х. фараонами XIX династии Сети I, Рамзесом II и Мернептой и как карательные экспедиции, и как акции, связанные с длительными и крупномасштабными войнами с хеттской державой, охватывавшей в XIV в. до Р. Х. Восточную Анатолию и Северную Сирию.

Господство египтян осуществлялось через ряд административных центров, расположенных прежде всего в приморской долине — на основном пути юг — север. Среди них в Палестине должны быть отмечены Газа (резиденция египетского правителя), Яффа, Беф-Шан. Основные элементы ханаанейской структуры автономных городов-государств были сохранены, но, естественно, в рамках верховного египетского владычества. Амарнская переписка позволяет опреде-

длить значительное число таких городов, среди них: в Палестине — Лахиш, Гезер, Сихем, Мегиддо, Аскалон, Иерусалим, Таанах, Рехов, Шимрон, Пелла, Асор и др.; в Заиорданье — Атароф, Кенаф и Безер, севернее — в Сирии и Ливане — Библ, Тир, Сидон, Бейрут, Арвад, Дамаск, Кадеш, Катна и многие другие. Все города были обложены значительными денежными и натуральными налогами в пользу египетских правителей.

Эта система политической зависимости и экономической эксплуатации, вместе с восстаниями и войнами между городами, обуславливала постепенный упадок ханаанейской культуры. Немалую опасность для нее представляли и активизировавшиеся кочевые и полукочевые группы, в том числе и упоминавшиеся ранее хабиры. Тысячелетнее противостояние между городом и подобными группами обострялось при каждом ослаблении городских систем. Такие обострения неоднократно возникали и в рассматриваемый период, что отмечается и египетскими, и аккадскими документами.

Помимо этих важнейших источников для реконструкции ханаанейской культуры и общей ситуации позднего бронзового века особое значение имеют находки в Угарите (Рас-Шамре) — городе-государстве на сирийском побережье. Поселение, возникшее здесь еще в раннем неолите, достигло наивысшего развития в середине — второй половине II тыс. до Р. Х. Язык и культура его населения оригинальны, но родственны ханаанейским и тесно с ним связаны. В ходе многолетних огромных по масштабам раскопок французской экспедиции К. Шеффера здесь были сделаны замечательные открытия (Schaeffer, 1939–1962). Помимо обширных городских кварталов и предельно информативных храмовых и дворцовых комплексов был найден большой архив, содержащий многие тысячи глиняных табличек, причем наряду с аккадской клинописью в нем представлен особый — угаритский язык, также принадлежащий к семитской языковой семье, но выработавший уже свою, и, что особенно важно, алфавитную систему письма. Распространенная сейчас в большинстве языков мира, она встречена здесь впервые. Содержание документов поразительно многообразно и освещает различные аспекты развития общества как самого города, так и сопредельных областей — политический, дипломатический, экономический, культурный. Особую важность имеют религиозные и мифологические тексты, связанные с проблемой корней библейских мифологем и самого языка Ветхого Завета. Алфавитное письмо, содержащее 30

знаков, как и сами литературные памятники Угарита, блестяще исследованы и расшифрованы в числе прочих корифеем исследования древней Палестины В. Олбрайтом, что значительно расширило возможности соотнесения нарративных сведений с археологическими при изучении Ветхого Завета. В этой связи коротко остановлюсь на появлении древнейшей письменности в Палестине.

Олбрайт допускает возможность отдельных пиктографических экспериментов в Палестине и Сирии еще в конце IV тыс. до Р. Х., то есть в период формирования наиболее ранней пиктографической письменности в Месопотамии и иероглифического письма в Египте. При этом он имеет в виду несколько десятков оттисков печатей на сосудах из позднеэнеолитического некрополя Библа, справедливо отмечая необходимость предельной осторожности при решении вопроса о связи их с дальнейшим развитием письменности. Во всяком случае, прямого продолжения эти эксперименты не получили.

Лишь в конце III тыс. до Р. Х. в том же Библе появляется подлинный шрифт (или шрифты) силлабического (слогового) характера, представленный на фрагменте каменной стелы, бронзовых табличках и базе статуэтки египетского стиля из раскопок основного исследователя Библа французского археолога М. Дюнана (Dupand, 1937–1954). Шрифт охарактеризован как «псевдоиероглифический», возникший под воздействием египетской иероглифики, хотя силлабический его характер связан с клинописью. Число его знаков между 126 и 150. В самой Палестине найден лишь один образец такого письма — надпись на стеле из Моава, близкой по времени знаменитой стеле аккадского царя Нарам-Суэна последней четверти III тыс. до Р. Х.

Третьим и весьма информативным для рассматриваемой проблемы явился отмеченный выше угаритский клинописный алфавитный шрифт, представленный уже сотнями глиняных табличек, найденных в основном в Рас-Шамре и Минет эль-Бейде в прибрежной Сирии. Известны находки подобных надписей и в Палестине — среди них на глиняной табличке из Вефсамиса XIV в. до Р. Х. и на медном ноже того же времени из соседнего Маунт-Табора. Отмечается некоторое отличие палестинских надписей от угаритских, в том числе — написание справа налево. Весьма интересно, что такое же написание имеет и одна табличка из Угарита, хотя стандартом служит написание слева направо. В. Олбрайт допускает появление этого шрифта ранее XIV в. до Р. Х., поскольку он успел уже подвергнуться легким изменениям перед использованием в хурритской письменности. Им

же подчеркнуты воздействия на процесс сложения первой алфавитной письменности развитых уже традиций аккадской клинописи и египетского письма (Albright, 1960, pp. 187–188).

Вторым палестинским шрифтом, введенным в тот же период, явился линейный алфавитный финикийский шрифт, давший начало большинству поздних письменных систем, как европейских, так и ближневосточных, включая древнееврейскую, сириакскую, арабскую, аморрейскую письменность. Истоки этого шрифта все более удревняются новыми открытиями и могут быть связаны еще со средним бронзовым веком и так называемыми протосинайскими надписями. Начало их расшифровке было положено А. Гардинером, дальнейшие исследования позволили В. Олбрайту обосновать их датировку — середина II тыс. до Р. Х. — и принадлежность ханаанейскому диалекту, а следовательно, и непосредственную связь с древнееврейскими эпиграфическими памятниками, относящимися к концу II — началу I тыс. до Р. Х. и известными начиная с открытия III. Клермон-Ганно знаменитой стелы Мешы, царя Моава, третьей четверти IX в. до Р. Х. Найденный позже не менее знаменитый Гезерский календарь X в. до Р. Х. (школьное упражнение: известняковая табличка с изложением порядка земледельческих операций в течение года) удревнил эпиграфические памятники более чем на столетие.

Перейдем к археологической характеристике позднего бронзового века.

Степень заселенности Палестины в этот период, как и количество крупных городов ее, заметно сократилась. Это коснулось и прибрежной равнины, и долины Беэр-Шевы, и центральных всхолмлений и долины Иордана. Города либо прекращали существование, либо превращались в небольшие крепости или бедные поселения. Крепости в ряде случаев были заняты египетскими гарнизонами. Число земледельческих поселков снижалось, скотоводческих же групп возрастало. Особенно это проявлялось на первой фазе позднего бронзового века, а на второй городская система начала восстанавливаться. Среди наиболее пострадавших в этот период городов — Телль Бейт Мирсим, Шило, Беф-Цур, Иерихон, Хеврон, Телль Аджувль, Дан и др. Но были и города, продолжавшие развитие на протяжении всего бронзового века — Лахиш (Tuffnell, 1957; Ussishkin, 1977), Ашдод (Dothan, Freedman, 1967; Dothan, 1971), Гезер (Dewar, 1970, 1974), Мегиддо (Lemon, Shipton, 1939), Беф-Шан (Rowe, 1930, 1940), Асор (Yadin, 1975). Основывались и новые сельские поселения в при-

брежных районах и долинах. Активизировавшаяся при египетском господстве морская торговля обусловила создание новых портов на средиземноморском побережье (Абу-Хаван, Телль Михал, Телль Нами и др.). Появились поселения и в Заиорданье, где, однако, они доходили лишь до северного побережья Мертвого моря. Длительность существования городов данного периода варьировалась: часть их возникла еще во времена среднего бронзового века, другие были основаны на различных фазах позднего бронзового века. Ряд городов лишился фортификаций, что А. Мазар связывает с распоряжениями египетской администрации, отнюдь не заинтересованной в их строительстве и реконструкции.

О специфике планировки городов позднего бронзового века судить трудно ввиду недостатка фактических данных. В некоторых случаях сохранилась планировка предшествующего периода, изменения же затрагивали отдельные постройки или их группы. Это касалось, однако, в основном Северной Палестины, в Южной же, более близкой к Египту, и разрушения и — в случае восстановления — инновации в планировке более значительны. Они выразились в беспорядочном расположении построек, сменившем прямоугольную планировку, сохранившуюся лишь у старых городов, основанных в среднем бронзовом веке. Важным изменением явилось разделение дворцово-храмовых комплексов, характерных для последнего (рис. 7.29). Теперь дворцы отделились от храмов, что засвидетельствовано в Мегиддо, Лахисе, Асоре, в Сирии — в Алахе.

Постепенная эволюция дворцового комплекса этого периода прослеживается на примере дворца Мегиддо, существовавшего с XVI по XII в. до Р. Х. (рис. 7.30). Первоначально в XVI в. до Р. Х. — он имел квадратный план с большим центральным двором, обрамленным помещениями со всех четырех сторон. Дальнейшие пристройки придали ему прямоугольный план, значительно усложнив структуру комплекса и доведя его площадь до 1650 кв. м. К рас-

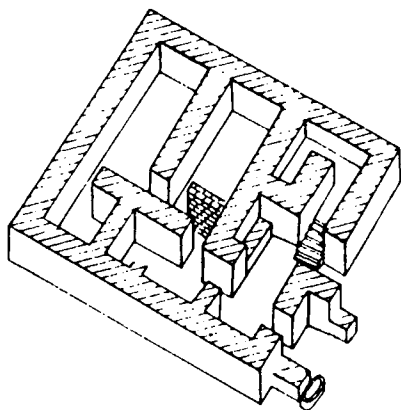

Рис. 7.29. Изометрия общественно-го здания (возможно, египетской резиденции)

полагавшемуся в центре двору с запада примыкали теперь два приемных зала, а с юга — баня, соединенная и с залами. Лестница вела на второй этаж. Далее с запада был пристроен еще один приемный зал. Разрушенный в конце XIII в. до Р. Х. дворец был восстановлен в начале XII в. и вновь увеличен за счет трехчастной пристройки, служившей святилищем или сокровищницей; в ней найдены замечательные пластины из слоновой кости, покрытые сложными резными многофигурными изображениями (Мау, 1935).

В целом подобный план развивал принципы, выработанные в среднем бронзовом веке. То же следует сказать и о жилых домах (рис. 7.31). При разнообразии размеров и числа помещений основу их плана составляли внутренний прямоугольный двор и ряд обрамлявших его комнат. В особо богатых и административных зданиях засвидетельствованы большие залы с рядами поддерживавших перекрытия деревянных колонн и вторыми этажами (рис. 7.32).

В храмовой архитектуре также сохранялись планы, а в ряде случаев

(Асор, Мегиддо и др.) и сами конструкции среднего бронзового века, усложненные в результате достроек и реконструкций (Yadin, 1975). В больших прямоугольных конструкциях серия помещений (до трех) располагалась по длинной оси (рис. 7.33–7.34). В последнем помещении напротив входа находилась алтарная ниша («святое святых»). В Асоре вход в храм фланкировался фигурами львов (рис. 7.35), вдоль внутренних стен залов был сооружен базальтовый артостат, рельефы на алтаре в главном зале изображали круг с двумя скрещенными спицами — символ бога бури

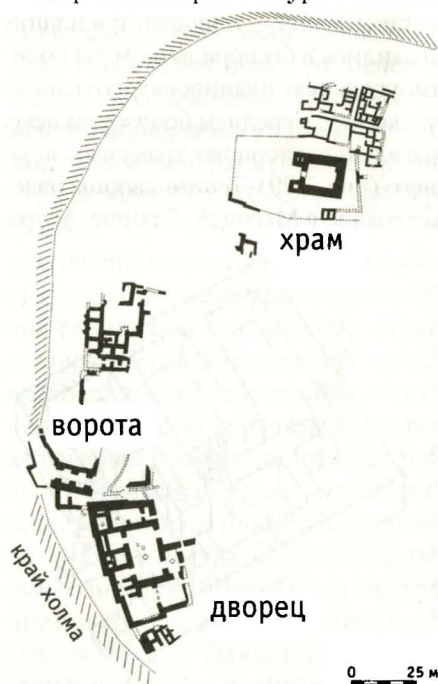

Рис. 7.30. План раскопок Мегиддо позднего бронзового века, слой VIII. XIV в. до Р.Х.

Рис. 7.31. Остатки дома позднего бронзового века в Иерихоне (по Кеньон)

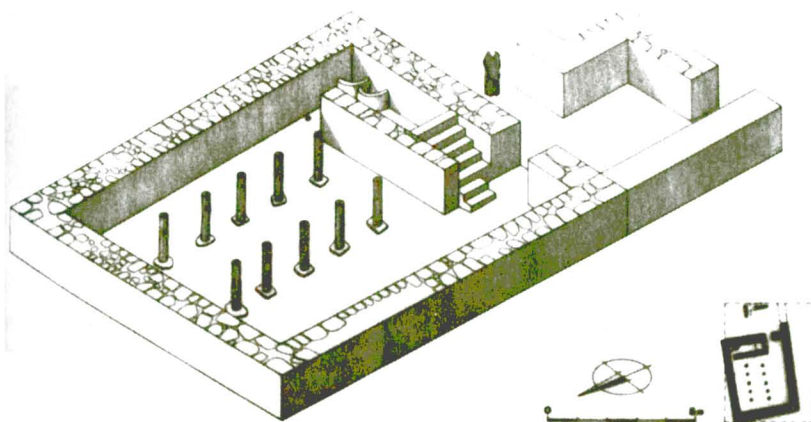

Рис. 7.32. Дом дворцового типа позднего бронзового века (XIV в. до Р.Х.) из Телль Баташа. Изометрия нижнего этажа (по Мазару)

Адада (Ваала), его же, возможно, изображала плохо сохранившаяся статуя божества, стоящего на быке. Подобные храмы и символы известны в Анатолии и Северной Сирии, что свидетельствует о близости культов на значительной территории. Корни же их символики,

как и самих храмов, уходят в средний бронзовый век.

В других случаях храмы, сохраняя тот же плановый принцип, по пропорциям залов и даже постройки в целом напоминают «широкие дома» давних периодов (Сихем). Храмы включались теперь в комплекс священного участка (теменоса), состоявшего, помимо основного сооружения, из переднего двора и примыкавших к нему вспомогательных комнат и кладовых. Перед входом в храм сооружался массивный жертвенник и ставился вертикальный камень (и здесь продолжение древней традиции священных камней). Ос-

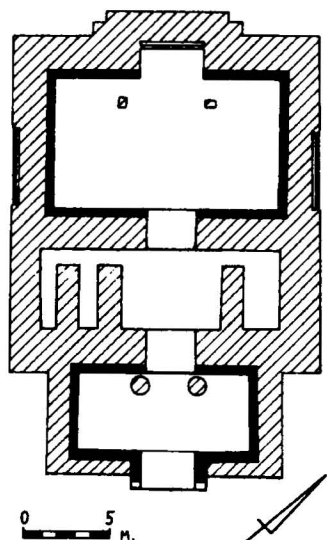

Рис. 7.33. План храма позднего бронзового века в Асоре (по Мазару)

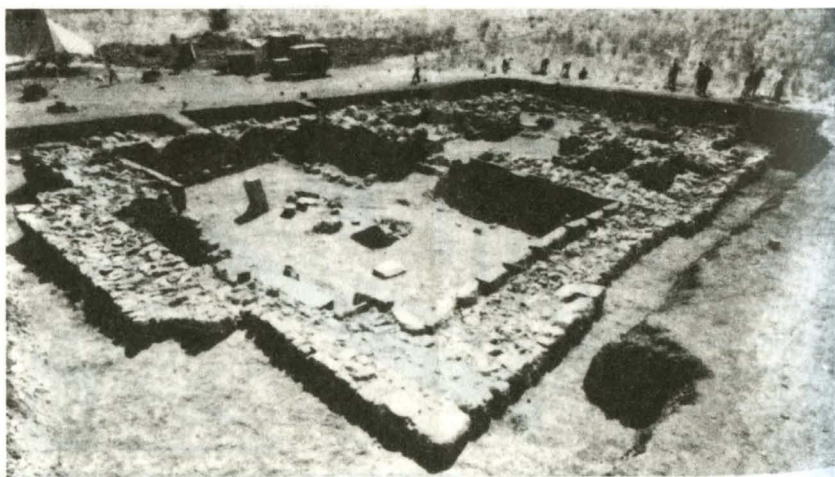

Рис. 7.34. Раскопки храма в Асоре (по Мазару)

новной исследователь материалов раскопок Сихема Г. Райт (1964) предполагает связь этого камня с текстом Библии, согласно которому Иисус Навин, после обращения со своим завещанием к собранным в Сихем коленам Израилевым, «взял большой камень и положил его там под дубом, который подле святилища Господня. И сказал Иисус всему народу: вот, камень сей будет нам свидетелем: ибо он слышал все слова Господа, которые Он говорил с нами...» (Нав 24:26–27).

А. Мазар характеризует основной тип ханаанейского храма позднего бронзового века как «монументальное симметричное здание с входом через портик в главный зал, «святое святых» располагалось в главном зале напротив входа. В большинстве случаев главный зал был широким, почти квадратным помещением — вытянутую форму имели залы лишь в храмах, сохранившихся со среднего бронзового века, подобно храму Мегиддо. Традиция же «широких комнат» глубоко укоренена в религиозной архитектуре Палестины...» (Mazar, pp. 251–252).

В некоторых случаях ханаанейские архитектурные традиции совмещены с египетскими, проявляющимися прежде всего в оформлении интерьера. Так, в храме Беф-Шана найдены остатки типичных для египетской храмовой архитектуры каменных фриза и капители в виде цветка лотоса, в Лахише — такие же капители, а также специфические формы декоративных колонн и следы полихромной окраски стен. И те и другие не менее типичны для египетской традиции.

Наряду со следующими определенному плану большими храмами в позднем бронзовом веке известны многочисленные ханаанейские святилища и малые храмы со свободной планировкой, не подчиненной единому стереотипу. Внутри одного из таких святилищ в Асоре находились 11 каменных стел, на центральной было рельефное изображение

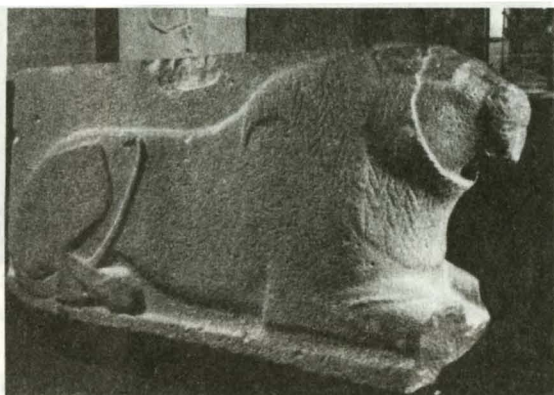

Рис. 7.35. Базальтовый лев из храма в Асоре (по Мазару)

двух молитвенно воздетых рук под символическими луной и полумесяцем (рис. 7.36:1). В этом же святилище найдены сидячая мужская каменная статуя, миниатюрное рельефное изображение льва, каменный стол для жертвоприношений, серебряный скипетр, глиняная маска и другие культовые объекты (рис. 7.36:2). В стелах этого замечательного комплекса А. Мазар видит связующее звено между

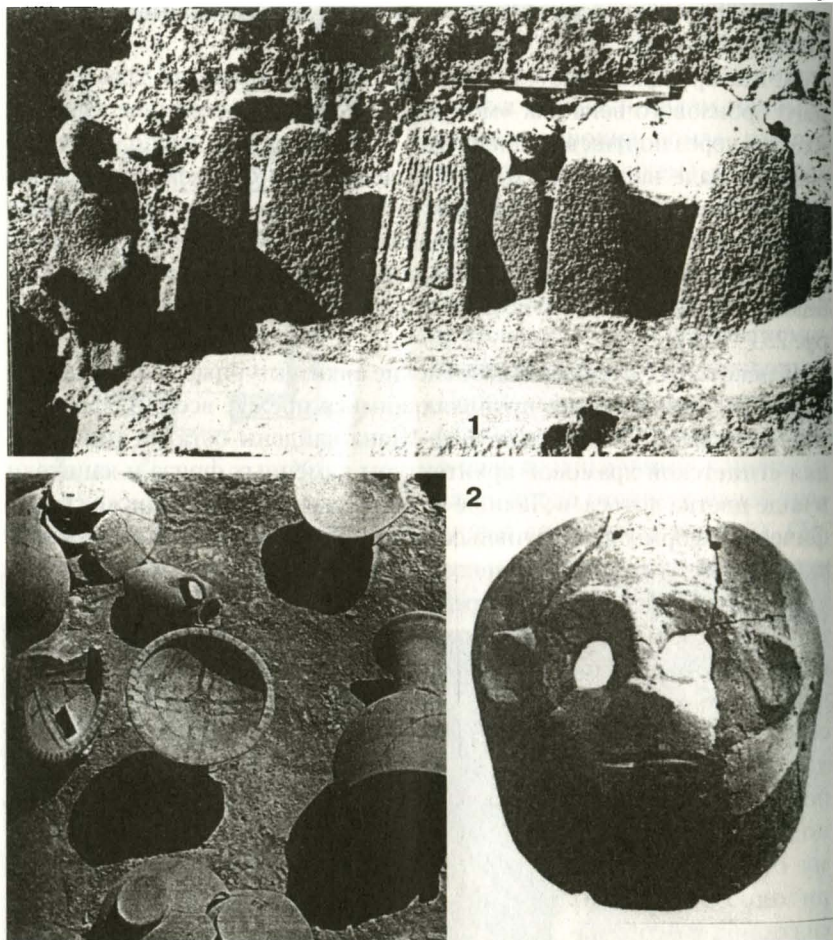

Рис. 7.36. Святилище позднего бронзового века в Асоре. 1. Общий вид со стелами, статуей сидящего мужчины (божества) и столом для жертвоприношений. 2. Находки во дворе святилища и на прилегающих участках (по Ядину)

ханаанейскими культовыми открытыми святилищами среднего бронзового века и подобными религиозными объектами близкого уже периода Единого царства.

Нерегулярную планировку имеют три перекрывших один другой храма, последовательно возведенных в XIII–XII вв. до Р. Х. за пределами холма Лахиша, на месте рва среднего бронзового века (рис. 7.37). Все они имели усложненные специальной пристройкой проходы в главный зал с поддерживавшими перекрытие колоннами, «святое святых» на приподнятой платформе у задней стены зала, скамьи и — за внутренней стеной — вспомогательные помещения. Вне храмов найдены ритуальные ямы для вышедших из употребления культовых предметов. Предполагается принадлежность этих храмов особой, сторонней архитектурной традиции.

Наконец, некоторые связанные, скорее всего, с культовой практикой сооружения носят особый, не получивший пока единой интерпретации характер. Таково массивное квадратное здание близ Аммана с квадратным же центральным залом или открытым двором, обрамленным прямоугольными помещениями. Круглый камень в центре двора (или зала) мог быть базой колонны, алтарем или священной стелой. Многочисленные и многообразные изделия, включавшие импортные египетские, минойские и микенские предметы (вазы, каменные сосуды, скарабеи, золотые украшения, цилиндрические печати и пр.), найдены здесь вместе с обожженными человеческими костями, принадлежащими как взрослым, так и детям. Существует ряд интерпретаций этого загадочного памятника, но общепризнанной, повторяю, пока нет. Представляется наиболее вероятным предположение Райта и Кемпбелла о наличии здесь религиозного центра особого племенного объединения Заирорданья, возможно, заметно отличавшегося от ханаанеев.

Во всяком случае, приведенные археологические свидетельства позволяют говорить о весьма значительной

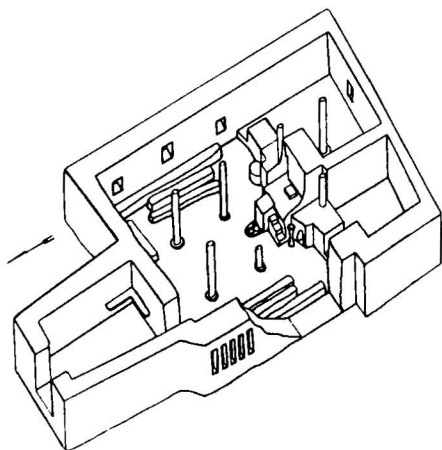

Рис. 7.37. Храм III в Лахише. Поздний бронзовый век

роли храмов в жизни населения Палестины позднего бронзового века, о развитии, многообразии и поисковом характере культовой практики и в то же время о нарастании консолидирующих религиозных тенденций, охватывающих значительные территории и многие человеческие группы.

Керамика Палестины позднего бронзового века отмечена возрастающим многообразием, совершенствованием, формированием специфичных локальных и хронологических групп. Это обусловлено как внутренним развитием, сохранением и обогащением (несмотря на перипетии переходного периода) ряда традиций, культурных и технических достижений среднего бронзового века, так и заметной

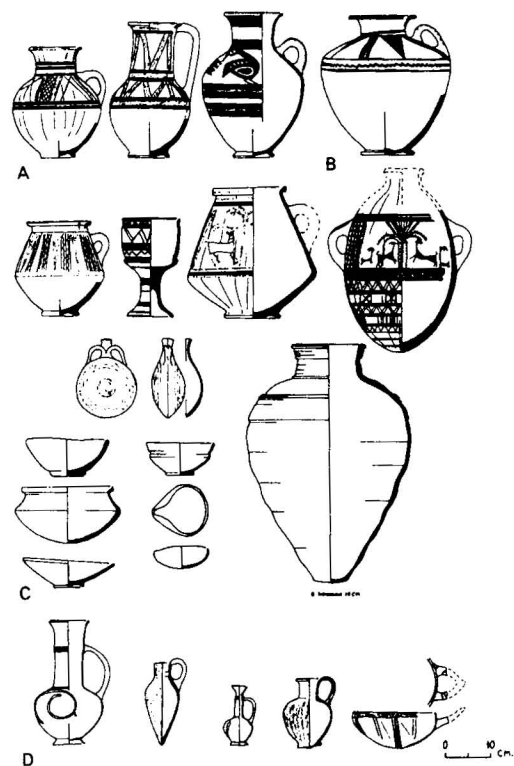

Рис. 7.38. Керамика позднего бронзового века. А. Бихромные сосуды. В. Сосуды с росписью «шоколадным» по белому. С. Местные формы. Д. Импортная кипрская керамика

активизацией различных форм связей (прежде всего торговых) ханаанейской Палестины с Сирией, Египтом, Кипром, Балкано-Эгейским регионом. Соответственно в керамике этого периода отражены как разные, достаточно высоко развитые уже традиции, так и их взаимодействие (рис. 7.38–7.39). Вместе с тем хронологические позиции керамических групп могут устанавливаться и коррелироваться по различным направлениям сличений и по импортам, связанным с различными же хорошо разработанными системами датировок.

Прежде всего отмечу, что среди местной керамики, несмотря на кажущееся огрубение форм,

выработанных еще в среднем бронзовом веке (кратеров, горшков, кубков, кувшинов, флаконов и пр.), заметно разнообразнее становится орнаментация. Особенно это касается росписи, в которой при сохранении доминанты геометрических композиций все большее место начинают занимать изобразительные мотивы — зооморфные, а в единичных случаях и антропоморфные. Композиции росписи четко выработаны. Распространены фризы, внутри которых выделены триглифы (вертикальные системы коротких отрезков, зигзага, решеток) и метопы (прямоугольные панели, заполненные изобразительными мотивами, среди которых «древо жизни», фланкированное антилопами, птицы, шествия животных или людей, геометрические фигуры и пр.).

Особую группу составляют бихромные сосуды (рис. 7.38, А). Возникнув в конце среднего бронзового века, группа эта гомогенно развивалась на протяжении XVI и XV вв. до Р. Х. Местные технологические приемы, формы орнаментации сочетаются в ней с кипрскими (например, со специфически выполненными изображениями рыб, морских птиц, быков и пр.). И распространена группа более всего в приморской равнине. Специальный анализ глины показал, что определенная часть сосудов группы произведена на Кипре, но специально для Палестины и по ханаанейским образцам, или же — живущими на Кипре эмигрантами из Сиро-Палестинского региона (Мазар, р. 260), что и объясняет эклектизм группы.

Рис. 7.39. Сосуды позднего бронзового века. 1. Кратер бихромной группы из Телль Нагила (XVI—начало XV вв. до Р. Х.). 2. Микенский кратер из Дана (по Мазару)

С местной традицией связана и еще одна керамическая группа, орнаментация которой выполнена коричневой («шоколадной») краской по белому фону (рис. 7.38, В). Ее корни тоже уходят в средний бронзовый век.

Резко возрос ранее весьма ограниченный импорт в Палестину собственно кипрской керамики, специфичной и по технологии (ручная лепка), и по формам, и по обработке поверхности, и по орнаментации. Она представлена рядом групп (белоангобированная, монохромная, белая расписная и пр.). Большая часть кипрских сосудов может быть отнесена к столовой посуде и к туалетным флаконам, предназначенным для благовоний и масел (рис. 7.38, D).

В позднем бронзовом веке в Палестине распространяется и импортная микенская керамика из Пелопонеса и с Эгейских островов. Она представлена в основном малыми формами, выполненными на круге быстрого вращения, и отличается особо высоким качеством, изысканностью форм и геометрической расписной орнаментацией.

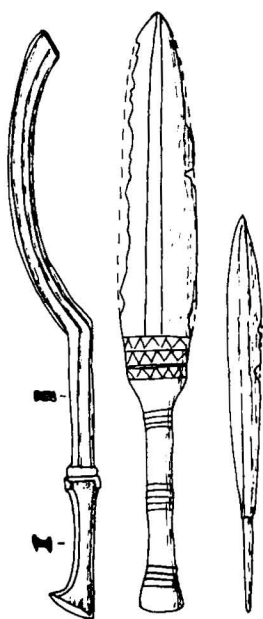

Рис. 7.40. Оружие позднего бронзового века: секач, кинжал, наконечник стрелы (по Мазару)

Рис. 7.41. Базальтовые рельефы львов из Беф-Шана (по Мазару)

На редких крупных сосудах известны фризы с изображением колесниц.

Распространение импортной керамики обусловлено активизацией прежде всего морской торговли, которая непосредственно засвидетельствована остатками кораблей этого периода у берегов Турции, ныне найденными подводными археологами. И с этим же связано заметное увеличение числа бронзовых изделий, как импортных, так и отлитых в местных мастерских, но из металла не только собственных палестинских месторождений, но и поступавшего с того же Кипра, который превратился в основной центр добычи меди Восточного Средиземноморья. Репертуар бронзовых изделий заметно возрос. Появились новые, достаточно совершенные формы. Оружие представлено уже мечами как обычными, так и специфической для Древнего Востока серповидной формы, листовидными кинжалами, отлитыми вместе с рукояткой, черешковыми и втульчатыми наконечниками копий и черешковыми вытянутыми наконечниками стрел (рис. 7.40), орудия — топорами, теслами, долотами. Из бронзы и серебра отливались статуэтки, серебро и золото

Рис. 7.42. Известняковый сосуд для возлияний из Телль Бейт Мирсима (по Кеньон)

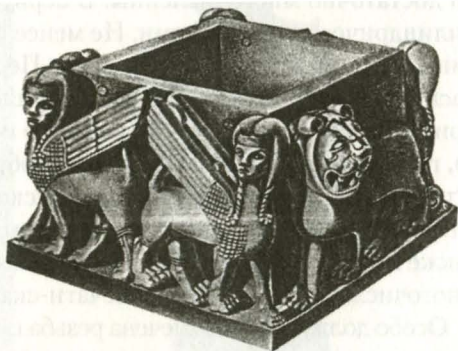

Рис. 7.43. Ларец из слоновой кости. Поздний бронзовый век. Мегиддо (по Райту)

Рис. 7.44. Плакетка из слоновой кости с изображением грифона (по Кеньон)

применялось для производства украшений, число которых в этот период ограничено, что А. Мазар связывает с египетским господством и соответствующей эксплуатацией Ханаана.

Специфика периода, выраженная в резком усилении связей со смежными областями и воздействия традиций последних на Ханаан, четко проявилась и в искусстве позднего бронзового века Палестины. Произведения монументального искусства — рельефы львов из Асора и Беф-Шана (рис. 7.41), являясь безусловной принадлежностью ханаанейской культуры, связаны с северосирийскими прототипами среднего бронзового века (из Эблы и Алаха). То же следует сказать о малой каменной антропоморфной скульптуре (рис. 7.42), некоторые экземпляры которой могут рассматриваться как изображения царей. Второй формой ханаанейского монументального искусства были стелы, изображавшие божества, прежде всего Ваала. Одна из стел, найденных в Заиорданье, имела изображение вождя перед богом, выполненное в египетской традиции.

В отличие от монументальной скульптуры, произведения глиптики достаточно многочисленны. В первую очередь они представлены цилиндрическими печатями. Не менее 400 печатей найдено в Палестине, в Сирии во много раз больше. Первоисточником же их оставалась Месопотамия. В Палестине сирийский стиль печатей был воспринят еще в среднем бронзовом веке и сохранялся в начале позднего, где затем появляются печати с изображениями Ваала и Астарты, и печати так называемого метаннийского стиля (с зооморфными и антропоморфными фигурами, «древом жизни» и пр.), встречаются также импортные кипрские и ассирийские печати, и наконец, весьма многочисленные египетские печати-скарабей.

Особо должна быть отмечена резьба по слоновой кости, получившая в рассматриваемый период развитие и значительное распространение в Палестине (рис. 7.43–7.44), где она представлена многими сотнями изделий (Мегиддо, Лахиш, Телль эль-Фара (южн.)). Среди них пластины, ларцы для туалетных принадлежностей и косметических средств и др. Многие покрыты сложными многофигурными резными и рельефными изображениями людей, львов, лошадей, колесниц, фантастических животных, целыми сценами дворцовых и культовых церемоний, битв, триумфальных процессий, охоты и пр. Е. Кантор выделяет среди них местные формы — собственно ханаанейские или подобные же, но с египетскими или микенскими воздействиями — и импортные — микенские, египетские, хеттские (Kantor, 1956).

В целом этот вид изобразительного искусства демонстрирует как высокое развитие местной традиции, так и активные международные связи, воздействовавшие не только на экономику, но и на духовную жизнь Ханаана, в определенной мере отражавшую, по мнению А. Мазара, космополитический характер развития Палестины в этот период (Mazar, 1990, p. 271).

Ряд статуэток отлит из бронзы. В них видят прежде всего изображения основных богов ханаанейского пантеона — Ваала (представленного вооруженным молодым воином) (рис. 7.45), Эла, сидящего на троне, и Астарты — богини любви и плодородия. Их же фигуры или лица представлены на штампованных золотых и серебряных подвесках, что продолжает традицию предыдущего периода. Статуэтки людей встречаются значительно реже (рис. 7.46). То же следует сказать и о глиняной пластике: большинство ханаанейских статуэток изображают нагую богиню плодородия (рис. 7.47), лишь не-

Рис. 7.45. Бронзовая статуэтка позднего бронзового века из Мегиддо. Возможно, изображение Хадада (Ваала) (по Мазару)

Рис. 7.46. Бронзовый рельеф царя или вельможи из Асора (по Мазару)

многие — смертных женщин на ложе — поза, хорошо известная в египетском искусстве, оказывавшем наиболее значительное влияние на ханаанейское.

Погребальный обряд позднего бронзового века Палестины, как и в более ранние периоды, многообразен. Сохраняется тысячелетний обычай устройства долговременных семейных склепов в естественных или искусственных пещерах, в некоторых из них похоронены останки сотен людей с соответствующим обильным инвентарем. На одних некрополях встречены простые могильные ямы с индивидуальными погребениями, на других — кирпичные камеры, на третьих — каменные наброски. Сохраняется и отмеченный в ряде предшествующих периодов обряд погребения в катакомбах с входными шахтами, к каждой из которых примыкали одна или несколько подземных камер. Известны и каменные мавзолеи с перекрытиями, опиравшимися на консоли, связанные, возможно, с погребениями представителей верхушки общества, тем более, что располагались они в пределах городов, где захоронения в рассматриваемый период совершались очень

Рис. 7.47. Глиняная плакетка с рельефом богини плодородия, возможно, Астарты (по Мазару)

редко. Особую группу составляют погребения в глиняных антропоморфных саркофагах (рис. 7.48), которые, скорее всего, связаны не только с египетской традицией, но и с самими египтянами, входившими в административные органы или воинские подразделения, размещенные в Палестине в период оккупации.

Что касается перечисленных выше прочих вариантов погребальной практики, то многообразие их, как и ранее, обусловлено локальными традициями и изначальной разнородностью воспринявшего ханаанейскую культуру населения Палестины. Следует подчеркнуть поразительную стойкость на протяжении ряда длительных периодов как определенных видов погребальных сооружений и обрядов, так и их сочетаний:

естественные пещеры сосуществуют с различными видами искусственных камер, ям, катакомб, индивидуальные захоронения — с коллективными, труположения — с вторичными захоронениями разрозненных костей.

Поздний бронзовый век Палестины отмечен поразительным многообразием и динамикой социально-экономических, политических, культурных, религиозных, этнических процессов. Экспансия фараонов XVIII и XIX династий Египта с юга (рис. 7.49) сочеталась с вторжениями хеттов с севера и кочевых скотоводов пустыни с северо-востока при продолжающемся развитии ханаанейских городов-государств и прочих местных семитских образований. Соответственно в духовной и материальной культуре оригинальные ханаанейские традиции взаимодействовали с проявляющимися в самых различных формах — от архитектуры до письменности и духовной жизни — египетскими, сирийскими — прежде всего угаритскими, — месопотамски-

Рис. 7.48. Саркофаги из Телль эль-Балаха (по Мазару)

ми, кипрскими, эгейскими воздействиями. Внутреннее развитие населения и его перегруппировки усложнялись миграциями с появлением новых этнических феноменов. К последним следует отнести и распространение в Палестине древних евреев, на много веков определившее дальнейшие судьбы этого уникального региона и давшее начало собственно библейской истории.

Рис. 7.49. Взятие Аскалона египтянами. Рельеф храма Амона в Карнаке. XIII в. до Р. Х. (время Рамзеса II или Мернепты) (по Мазару)

НАЧАЛО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Появление Народов моря

Освоение железа в последней четверти II тыс. до Р. Х. было весьма значительным, более того, поворотным явлением в производственной и военной сферах жизни населения Древнего Востока. Естественно, относится это и к Палестине (как и ко всему Сиро-Палестинскому региону), хотя распространение железа произошло здесь отнюдь не одновременно, и нет оснований говорить о лидирующей роли Палестины в этом процессе. Но время появления первых железных изделий — вначале импортных — связано с общими достаточно резкими этнокультурными изменениями в регионе и в значительной мере предваряются ими. При всех перипетиях бронзового века и неоднократно подчеркивавшимся выше наличием в Палестине различных хозяйственных типов и этнических групп система ханаанейских городов-государств и их оригинальная высокоразвитая культура охватывали все основные районы ее, придавая определенное единство их развитию. С концом ханаанейского периода и распадом этого единства четко обозначились заметные и нарастающие различия между региональными группами, число которых возросло с расселением в XIII в. до Р. Х. израильских племен и вторжениями с запада и севера Народов моря — прежде всего филистимлян (Brug, 1985). Они определили специфику развития ряда как приморских, так и более отдаленных районов, вплоть до Занордалья. В других же районах продолжалось развитие сохранившихся ханаанейских групп и их культурных традиций (рис. 8.1). Сохранилось и египетское присутствие в крупных городских центрах, таких как Беф-Шан, Лахиш, Мегиддо, Тел Мор, Тел Сера, Телль эль-Фара. Основной из них — Беф-Шан, разрушенный в конце XIII в. до Р. Х., — был вскоре восстановлен, причем новый храм его, построенный на месте предыдущего, имеет специфические черты египетских планировки и архитектурного декора, так же как и расположенное близ него здание, служившее резиденцией египетского правителя (рис. 8.2). Очень близки к описанной были и судьбы Мегиддо, Лахиша, Тел Серы: разрушение в конце XIII в. до Р. Х., восстановление в начале XII в. до Р. Х., египетские элементы в архитектуре, керамике, прочих издели-

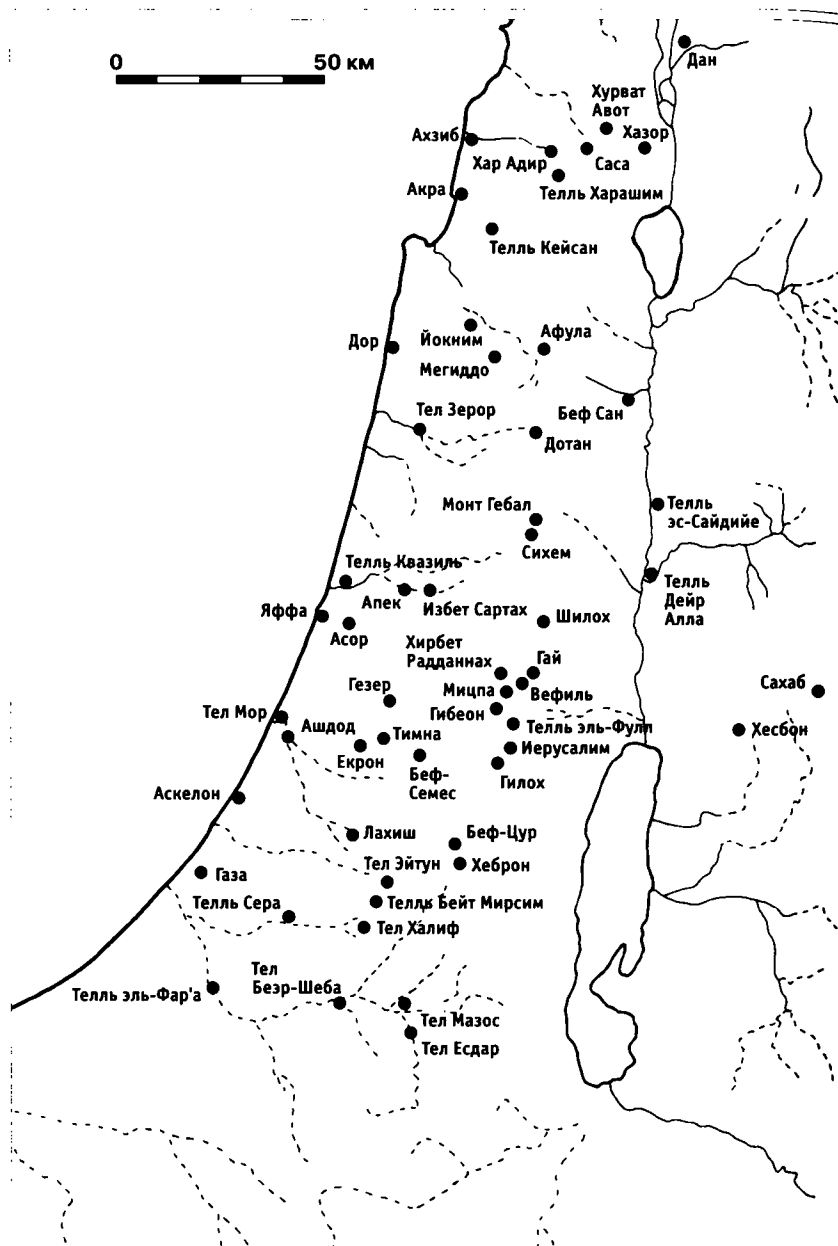

Рис. 8.1. Археологические памятники начала железного века (по Мазару)

ях, погребальном обряде (включая глиняные антропоморфные саркофаги), наконец, многочисленные египетские надписи, содержавшие имена фараонов XIX и XX династий. Надписи эти явились важнейшими индикаторами при определении хронологической позиции конкретных памятников и общей периодизации железного века Палестины. Среди известных до сего времени версий такой периодизации наиболее разработанными представляются две. Одна предложена В. Олбрайтом (Albright, 1960) и Г. Райтом (Wright, 1961), выделяющими три ступени ранней фазы железного века и две поздней. Вторая разработана И. Ахарони и Р. Амираном (Aharoni and Amiran, 1958), постулирующими две ступени ранней фазы и три поздней. Эта версия фактически принята А. Мазаром, уточнившим даты ступеней поздней фазы соответственно основным историческим событиям этого периода — разделению Единого царства и ассирийскому завоеванию. В целом же обе версии охватывают единый период — от 1200 до 586 г. до Р. Х. Близки и абсолютные даты фаз: ранняя (I) — 1200–1000/900 гг. до Р. Х., поздняя (II) — 100/900–586 гг. до Р. Х. Незначительны различия и в датировке ступеней внутри них.

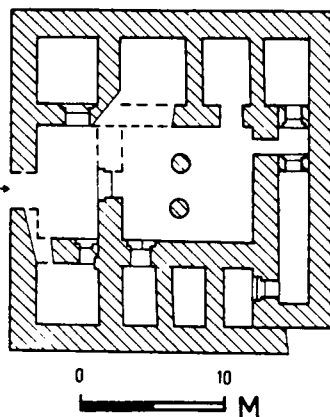

Рис. 8.2. План египетской резиденции периода XII династии в Беф-Шане (по Мазару)

Как уже отмечалось выше, важнейшими историческими событиями I фазы рассматриваемого периода явились вторжения с севера и востока и расселение в Палестине значительных групп израильских племен, а с запада — Народов моря. Появление последних связывается с глубоким кризисом в Эгейско-Анатолийском регионе, коллапсом крито-микенской культуры и активными миграциями — прежде всего морскими, — охватившими целый ряд этнических групп, часть которых есть основания причислять к индоевропейской языковой семье. Уже начиная с XIV в. до Р. Х. они упоминаются в египетских источниках, включая амарнскую переписку, то как наемники, то как противники на суше и на море. В XIII–XII вв. до Р. Х. войны египтян

с Народами моря приняли ожесточенный и затяжной характер. Они отражены целой серией свидетельств, среди которых наиболее выразительны рельефы и надписи времени фараона Рамзеса III (первая половина XII в. до Р. Х.), сохранившиеся в Мединет-Абу на Среднем Ниле (Machsmann, 1981–1982). Надписи перечисляют наряду с филистимлянами ряд прочих групп Народов моря*. Рельефы представляют сухопутные (рис. 8.3) и морские (рис. 8.4) сражения их с египтянами. Воины Народов моря изображены в «пернатых» или рогатых шлемах, с кинжалами, длинными мечами, копьями и дротиками, большими круглыми щитами. Они сражались пешими или на колесницах, большие колеса которых имели четыре спицы. За ними следовали тяжелые телеги на сплошных деревянных колесах с семьями воинов и домашним скарбом: следовательно, речь идет здесь о миграциях, а не о временных разбойных нападениях. Корабли же Народов моря имели одну центральную мачту и один парус, нос и корма украшались изображениями птичьих голов. А. Мазар подчеркивает, что иконографические особенности изображений отдельных воинов позволяют связывать последних с Кипром (Mazar, 1990, p. 305).

Различные группы Народов моря упоминаются в египетских источниках как расселившиеся в Египте и в Палестине, где главными их городами названы Аскалон, Ашдод, Газа, Екрон и Геф (Нав 13:3). Предполагается возможность коалиции этих городов. Нет оснований говорить о тотальной культурной смене в городах Палестины, в том числе и в пяти названных. Ряд ханаанейских традиций сохранялся. Но наряду с ними появились существенные инновации. Прежде всего это коснулось керамики. Распространение западных ее типов, документированное уже в предшествующий период кипрскими образцами, приняло массовый характер. Особо специфичны кувшины, кратеры, флаконы, многообразные чаши с замечательной росписью, сочетавшей геометрические мотивы -- спираль, ромбы, фестоны, триглыфы, «шахматную доску», «селедочную кость», с изобразительными, среди которых доминирует мотив водоплавающих птиц. Многочисленные находки керамики этого типа известны в раннефилистимлянских слоях Ашдода, Екрона, Телль Эйтун, Телль Квазиля, в

* В образовавшийся в середине XIII в. до Р. Х. мощный союз Народов моря вошли: шерданы из района Сард, позже заселившие Сардинию, шакалаша из района Сагалоссос в Писидии, акайваша (ахейцы), турша (этруски), пуласти (филистимляне), дануна (данан — данайцы), чаккаль (сицилийцы?).

некрополе Телль эль-Фары и др. Он обильно представлен на Кипре, но начало его связано с финальным этапом микенской культуры (фазой III C), конец вызвал массовую миграцию как на Кипр, так и на Сиро-Палестинское побережье. Упомянутый же тип керамики, получивший наименование микенского III C 1 b, не только был привнесен в эти регионы мигрантами, но и производился ими в местных мастерских. Закономерно предполагать принадлежность мигрантов и на Кипре и в Палестине к единой этнической группе. На Кипре они названы ахейцами, в Палестине — филистимлянами. Заключение о происхождении их из материковой Греции можно считать вполне логичным (Mazar, 1990, p. 307), как и отмеченную выше принадлежность индоевропейской языковой семье (что обосновывается расшифровкой М. Вентрисом «линейного письма В»).

Рис. 8.3. Деталь рельефа Рамзеса III в Мединет-Абу с изображением сухопутного сражения египтян с народами моря. XII в. до Р. Х. (по Мазару)

Рис. 8.4. Деталь рельефа Рамзеса III в Мединет-Абу с изображением морского сражения египтян с народами моря. XII в. до Р. Х. (по Мазару)

Принесенная же мигрантами традиция специфической монохромной керамики (рис. 8.5–8.6) подверглась в Палестине как ханаанейским, так и египетским воздействиям. Результатом этого явилась выработка нового морфологического и орнаментального стиля, представленного бихромной керамикой и получившего наименование филистимлянского. К нему мы вернемся несколько позже. Сейчас же кратко упомянем города, связанные с появлением Народов моря и ранней фазой железного века.

Ашдод — наиболее выразительный пример сложения филистимлянского города, его дальнейшей судьбы. Он возник на руинах ханаанейского города позднего бронзового века и первоначально не был укреплен, хотя уже тогда — в XIII в. до Р. Х. отличался густотой застройки и правильной планировкой. Площадь его составляла 8 га. Именно изначальный филистимлянский слой (XIII) дал наибольшее число находок керамики упомянутого микенского типа, а также остатки местного ее производства, сочетавшегося с производством исконной ханаанейской керамики. В слоях XII–XI (XII–XI вв. до Р. Х.) город значительно разросся и был укреплен, причем основанием для мощной оборонительной стены послужили остатки фортификаций позднего бронзового века. К концу XI в. до Р. Х. площадь города достигла 40 га.

Екрон на изначальной фазе филистимлянского города (первая половина XII в. до Р. Х.) занимал около 20 га, и здесь эта фаза (слой VII) отмечена отсутствием укреплений и максимальной насыщенностью керамикой позднемикенского типа. Позднее в слоях VI–IV (середина XII — начало X в. до Р. Х.) появились фортификации, общественные здания, мастерские и бихромная керамика (рис. 8.7).

В Аскалоне филистимлянский слой сохранился очень слабо. Отдельные города и открытые

Рис. 8.5. Филистимлянская керамика. 1. Избранные сосуды. 2. Кувшин из Тель Эйтуна микенского стиля III C (по Мазару)

поселки пришельцев известны и в других районах Палестины — как в прибрежной долине, так и в Центральном нагорье и долинах рек. Подавляющее их большинство основано на месте ханаанейских городов или египетских крепостей. Лишь в единичных случаях города Народов моря создавались заново (Телль Квазиль). Тяготение их к побережью обуславливалось и самим фактом морских миграций, и военной и торговой активностью мигрантов на морских путях. Особенно это касается раннего этапа рассматриваемого периода и распространения отмеченной выше монохромной микенской керамики типа III C 1 b, практически наличествующей лишь в приморских городах, прежде всего в Ашдоде и Екроне. На последующем этапе новый, синкретический, но также в основе своей филистимлянский, стиль бихромной керамики распространяется (хотя и в ограниченном числе изделий) шире, охватив и внутренние районы Палестины вплоть до севера Галилеи (Дан). Четко выраженные реминисценции отмеченных выше микенских форм и орнаментальных мотивов сочетаются здесь со специфически кипрскими бутылками и роговидными формами, а также с несвойственными микенской керамике двуцветной (красной и черной) росписью и воздействиями ханаанейских и египетских (мотив лотоса в орнаментации) традиций. Сменив монохромную микенскую керамику типа III C 1 b, бихромная керамика существовала до конца XI в. до Р. Х. и даже далее наряду с местными ханаанейскими формами. Допускается возможность производства сосудов обеих групп в одних мастерских (Mazar, 1990, p. 317).

Синкретизм культуры, восприятие западными мигрантами городского образа жизни, быстрое восприятие ими принципов планировки, фортификационного строительства, как и создания дворцов, храмов и жилых комплексов, свидетельствуют о дав-

Рис. 8.6. Филистимлянская керамика из Телль Квазиль. 1. «Стремявидный» сосуд микенской традиции. 2. Роговидный сосуд, близкий кипрским формам

нем знакомстве их с этими принципами, что подтверждает гипотезу о балканском их происхождении.

Особо интересен филистимлянский культовый центр, открытый в Тель Квазиле (рис. 8.8) и остающийся до сего времени единственным комплексом такого рода. Здесь были вскрыты остатки трех последовательных храмов (рис. 8.9). Древнейший (слой XII) представлял собой кирпичную квадратную конструкцию размерами 6,4×6,6 м с входом с востока, одним залом с подиумом, статуей божества напротив входа и скамьями вдоль стен. В примыкавшем к нему дворе отмечено скопление золы и костей жертвенных животных.

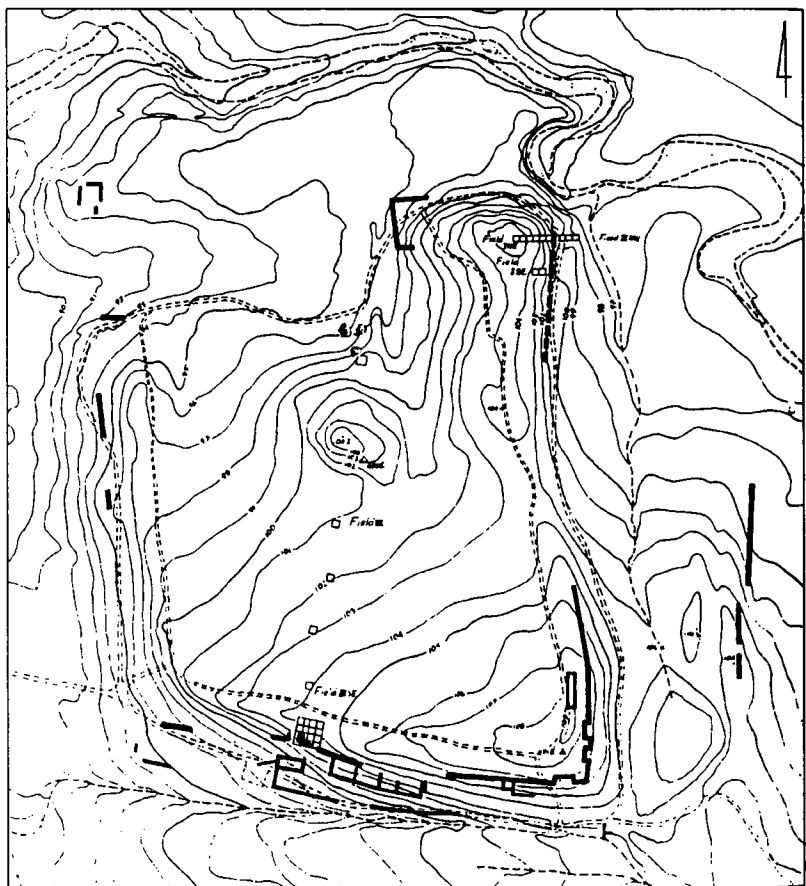

Рис. 8.7. План города Экрона

0 100 200

В слое XI остатки этого храма были перекрыты каменной, несколько большей постройкой с входом в северо-восточном углу, также со скамьями и с выделенной в противоположном входу углу комнатой. С запада к храму примыкало небольшое дополнительное

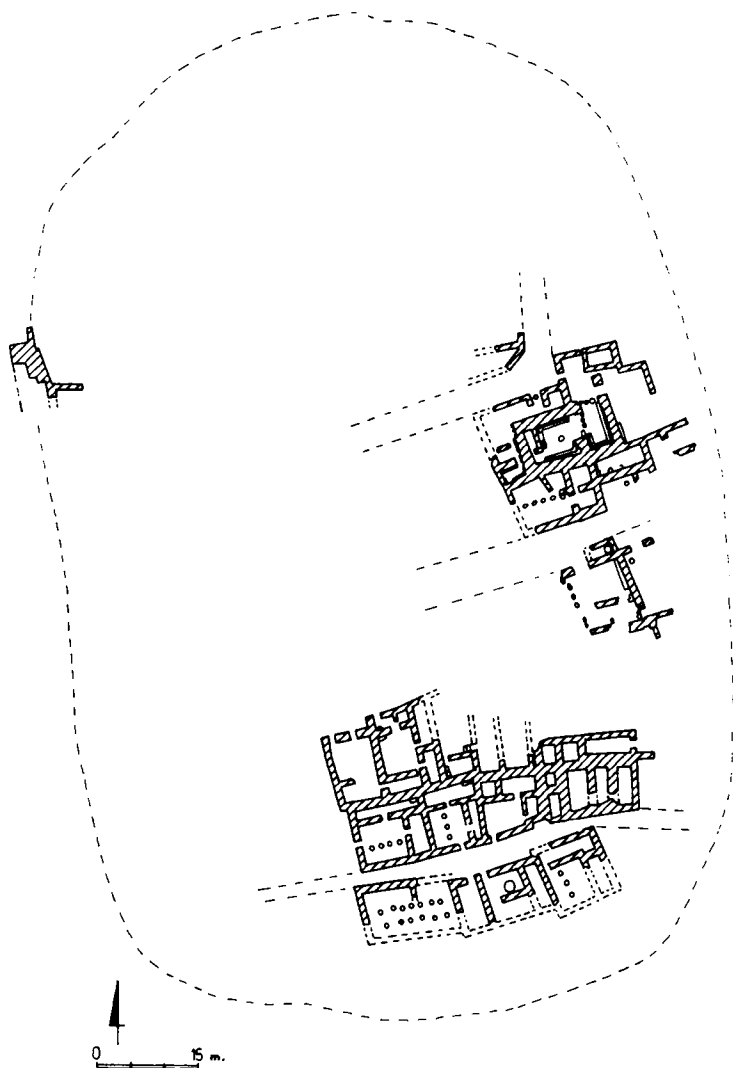

Рис. 8.8. План города Телль Квасиля. Слой X (XI в. до Р. X.)

святилище. Такие внутренние святилища не характерны для ханаанейских храмов, но известны в Эгее и на Кипре. Очевидно, в конце периода функционирования этого храма в прилегающем к нему дворе была выкопана специальная яма и в ней погребены ритуальные предметы, многочисленные сосуды и кости жертвенных животных. В следующий период (слой X) (рис. 8.10) храм подвергся коренной перестройке: к нему было пристроено еще одно — входное — помещение с дверью с северной стороны. Уже из него — с востока — был проход в основной зал, перекрытия которого опирались на две деревянные колонны с каменными базами, вдоль стен располагались скамьи, в западной части была сооружена платформа, а за ней — сокровищница. Примыкавший к храму двор был огражден каменной стеной. Внутри него находился квадратный алтарь. Продолжало функционировать и созданное еще в предшествующий период небольшое святилище за западной стеной храма, к нему был теперь пристроен отдельный двор (рис. 8.9; 8.11). Здесь показательно сохранение единого священного участка (теменоса) на протяжении нескольких периодов развития города (хотя общая их длительность, как полагает А. Мазар, не превышала 150 лет).

Мы уже встречались с такой традицией в ряде пунктов, прежде всего в Лахише. С другой стороны, планы храмов заметно менялись, что для ханаанейского храмового строительства не характерно. Да и сами эти планы достаточно своеобразны и не могут считаться репликой последнего, хотя и отражают безусловные его влияния наряду с наличием определенных черт эгейской и кипрской архитектуры XIII–XII вв. до Р. Х. (Mazar, 1990, p. 323). Впрочем, ныне справедливо подчеркивается определенная общность в храмовой архитектуре ряда регионов Восточного Средиземно-

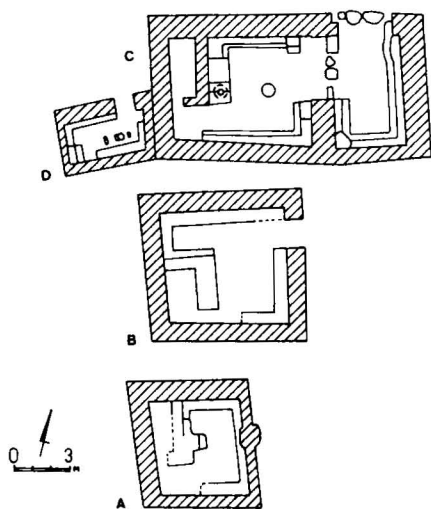

Рис. 8.9. Последовательные храмы Тель Квазиля. А – слой XII. В – слой XI. С – слой X. D – святилище слоев XI–X (по Мазару)

морья в период заката микенской культуры и восточных миграций Народов моря (Ibid.).

С безусловными микенскими традициями связываются и немногочисленные образцы филистимлянской культовой глиняной пластики. Она представлена как резко стилизованными изображениями сидящей женщины (рис. 8.12:1) (скорее всего — богини), так и реалистическими фигурками скорбящей женщины с поднятыми руками (рис. 8.12:2). Такие фигурки, возможно, являлись декорумом больших сосудов, использовавшихся при погребальных церемониях. К культовым объектам должны быть отнесены и достаточно многочисленные ритуальные сосуды (часто для возлияний), в отдельных случаях и антропоморфные, подобно найденному в Квазиле флакону в виде женской фигуры, через груди которой производилось возлияние (рис. 8.13). У других сосудов носики оформлены в виде животных, плодов, горшков. Известны миски, украшенные головами водоплавающих птиц, подобно кораблям Народов моря с рельефа из Мединет-Абу (рис. 8.14). Найдены глиняные плитки, имитировавшие фасад храма и украшенные изображениями божеств в рельефе, глиняные же антропо- и зооморфные маски, использовавшиеся жрецами при ритуальных акциях, большие

Рис. 8.10. Телль Квазиль. Храм слоя X в процессе раскопок (по Мазару)

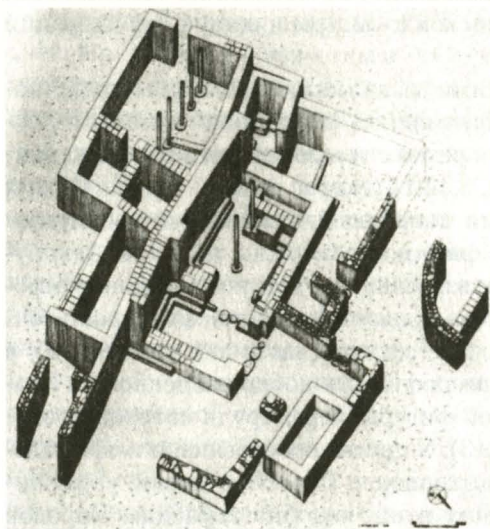

Рис. 8.11. Телль Квазиль. Слой X. Участок С: справа — культовый центр, слева — жилой район (по Мазару)

«трубящие» раковины для звукового сопровождения культовых действий, наконец, самые различные жертвенные приношения — драгоценности, изделия из металлов, слоновой кости, алабастра, множество глиняных сосудов. И здесь микенские и кипрские традиции сочетаются с ханаанейскими и египетскими. Единичные находки нерасшифрованных надписей на каменных печатях позволяют предположить использование филистимлянами письменной сис-

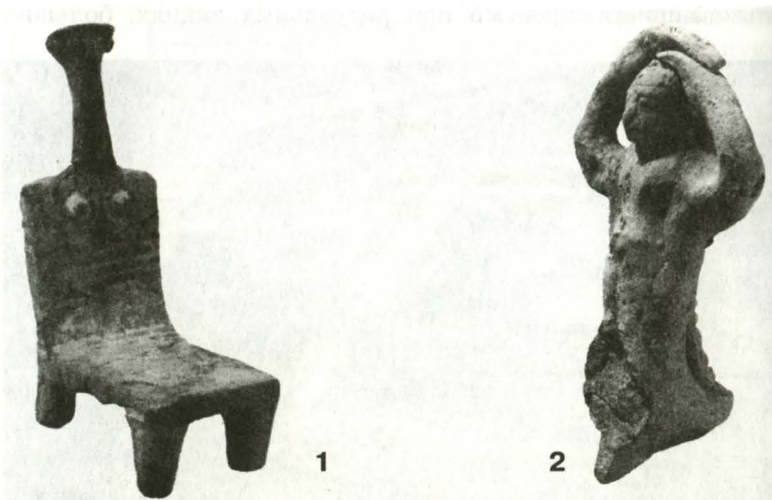

Рис. 8.12. Филистимлянская культовая пластика (глина). 1. Статуэтка сидящей женщины (богини): реминисценция микенской традиции. Высота 17 см. 2. Статуэтка скорбящей женщины из Телль Эйтуна; возможно, крепилась на венчике кратера подобно микенским прототипам. Высота 10,8 см. (по Мазару)

темы эгейского круга. Сами печати — конические и пирамидальные с изображениями человека и животных, в двух случаях при людях были музыкальные инструменты, подобные арфе.

Погребальные памятники филистимлян в Асоре, Телль эль-Фаре, Телль Эйтуне и прочих Народов моря в Тел Зероре, Беф-Шане и др. свидетельствуют о большом многообразии соответствующих обрядов и сооружений даже в пределах единого некрополя. Так на большом кладбище Асора найдены обычные могилы, прямоугольные цисты и погребения в объемных кувшинах с отбитым горлом, совмещенных попарно и образующих гроб. Есть и признаки кремации.

В Телль эль-Фаре (южн.) встречены катакомбы наряду с простыми ямами: возможно, они сооружались для представителей общественной верхушки. Наконец, глиняные антропoidные саркофаги, в том числе так называемого гротескного стиля, в ограниченном числе представленные в ряде некрополей, связываются прежде всего с филистимлянами наемниками, служившими в египетских войсках и вос-

Рис. 8.13. Сосуд для возлияния из Телль Квазиля в виде женщины, груди которой служили носиками. Высота 32,5 см (по Мазару)

Рис. 8.14. Жертвенный глиняный сосуд в виде птицы (утки?), голова которой подобна украшениям носа и кормы филистимлянских кораблей. Диаметр 24 см (по Мазару)

принявшими соответствующие обрядовые особенности (Mazar, 1990, p. 327).

В целом нашествие Народов моря не привело к решительной смене населения и культуры Палестины в последней четверти II тыс. до Р. Х. Но оно обусловило установление политического господства пришельцев в ряде городов, достаточно длительный процесс взаимодействия с сохранившимися ханаанейскими группами и выработку ряда эклектических феноменов в материальной культуре, подобной бихромной и сменившей ее в конце XI в. до Р. Х. краснолощеной керамике. Самостоятельность и некоторая культурная специфика филистимлянских городов сохранились и в первой половине I тыс. до Р. Х.

Распространение и консолидация израильских групп в Палестине

События, которыми ознаменованы последние три века II тыс. до Р. Х. в Палестине, чрезвычайно сложны и многогранны. Столь же сложны, а в ряде случаев недостаточны или предельно дискуссионны и археологические их свидетельства. Уже рассмотренное появление Народов моря сочеталось, с одной стороны, с продолжением развития коренного ханаанейского населения и его сложившихся культурных традиций, с другой — с вторжениями и расселением израильских племен.

«В этот период — в основном между 1200 и 1000 гг. до Р. Х., — пишет К. Кенyon, — Палестина была разделена на три отнюдь не стабильных сферы влияния: филистимлянскую, сохранившихся мощных ханаанейских городов, противостоявших как филистимлянскому, так и израильскому давлению, и израильских племен, прочно обосновавшихся и сплотившихся в значительные группы» (Kenyon, 1979, p. 225). Динамичное взаимодействие этих групп, осложненное египетскими влияниями (при сохранении и самого египетского присутствия), резко затрудняет интерпретацию археологических свидетельств. Границы конкретных культурных феноменов быстро менялись, города переходили из рук в руки, разрушались и восстанавливались, вопросы о виновниках и датах этих событий далеко не всегда могут быть решены однозначно. И столь же неоднозначны опыты установления соответствий между археологическими и письменными — прежде всего библейскими — свидетельствами. Но необходимость таких опытов и значение их сомнению не подлежат.

Здесь требуется особое внимание к конкретным слоям городов и поселков, верификации признаков их разрушений, к обоснованию времени последних, доказательствам их одновременности или разновременности. Согласно проведенным до сего времени подобным исследованиям, в одних случаях археологические свидетельства противоречат библейским повествованиям — например, о разгроме Арада (Числ 21:3; 33:40), победе израильтян над аморреями в Транс-иордании (Числ 21:21-32), над ханаанеями у Гая (Нав 7:2; 8), Хеврона, Иармуфа (Нав 10:5) и пр., в других — подтверждают их (взятие Лахиша, Асора, Вефиля, возможно, Иерихона), хотя и с существенными археологическими коррекциями, не позволяющими говорить о едином сокрушительном вторжении. Гораздо реальнее затяжная серия региональных войн против конкретных ханаанейских городов. Эти локальные столкновения израильтян с ханаанеями преобразованы в повествовании Иисуса Навина в версию единого нашествия, отразившую сложный процесс, в ходе которого ряд ослабленных трехсотлетним египетским господством ханаанейских городов перешел под господство новой, хотя и родственной им, израильской этнической группы.

Представления о древнейших израильских поселениях Палестины еще недавно были весьма ограниченными. Говоря о собственно израильских памятниках времени Судей, В. Олбрайт подчеркивает, что их постройки «поражают крайней примитивностью и отсутствием культурной изощренности, характерной для XII — начала XI в. до Р. Х. Контраст между искусно заложенными фундаментами и дренажными системами ханаанейских городов и сменившими их скоплениями камней (особенно в Вефиле), трудно переоценить» (Albright, 1960, p. 12). К. Кеньон, полностью с этим соглашаясь, видит причины такой информационной лакуны и очевидного культурного спада как в скудости археологических свидетельств, так и в общей культурной ограниченности самих израильских групп. Кроме того, она подчеркивает, что значительная часть заселенной последними территории представляла собой нагорья, где основным строительным материалом был камень. Поэтому стены обветшавших построек предпочитали разбирать, а камень переиспользовать для следующего строительного этапа, на котором основания стен сохранялись. А следовательно, не только планы, но и уровни построек изменялись очень мало, что резко лимитировало возможности стратиграфических наблюдений в отличие от фиксации последова-

тельно наслаивавшихся развалов кирпичных сооружений речных долин (Kenyon, 1979, p. 230).

Однако интенсивные и целенаправленные обследования сплошных территорий, проведенные в последние десятилетия, позволили открыть сотни небольших поселков, что определило места основной концентрации израильских групп в различных районах Палестины, начиная с Верхней Галилеи, и далее в Нижней Галилее, Центральном нагорье, районе Мертвого моря, Негеве, Заиорданье (Mazar, 1990, pp. 335–337). Сосуществуя с городами — ханаанейскими, филистимлянскими, захваченными самими израильтянами, они знаменовали новую систему заселения региона с адаптацией полукочевников в условия развитых городов и этнической «чересполосицей», впрочем, характерной для Палестины и в предшествовавшие периоды, но ныне принявшей весьма резкие формы и обусловившей многочисленные столкновения, а иногда и затяжные войны. «Существуют различные оценки, — пишет А. Мазар, — литературного повествования о израильском завоевании в Книге Иисуса Навина 1:11. Некоторые считают, что оно отражает реальную военную кампанию, возглавленную Иисусом Навином (И. Кауфманн, И. Ядин и др.), другие рассматривают его как чисто литературное творение, причем созданное в значительно более поздний период. Тем не менее даже эта последняя точка зрения не исключает возможности отражения в рассказах отдельных исторических событий, имевших место в процессе израильского расселения» (Mazar, 1990, p. 331).

Очевидно, если завоевание коснулось лишь определенной части ханаанейских городов, то оно в то же время отнюдь не может считаться единственной формой расселения израильских групп в Палестине. В ряде случаев поселки — то единичные, то небольшими скоплениями, появляются в нагорьях и засушливых долинах, ранее почти не заселенных. Примером тому могут служить пусть немногочисленные поселения в Хевронском нагорье и в Сефиле Иудеи, развившиеся позднее в города (Хеврон, Беф-Цур, Телль Бейт Мирсим), или лишь сезонные. Близкие картины в полузасушливых долинах Арада и Беэр-Шевы, где возникали такие поселения, как Тел Масос, Тел Ездар, Беэр-Шева. Особенно развился Арад; концентрация в нем населения обусловлена наличием водных источников и расположением на путях из районов Заиорданья и Вадии Араба в приморскую равнину, что отражено синкретическим характером культуры памятника. В Беэр-Шеве прослежено постепенное развитие на

протяжении XI в. до Р. Х. от примитивного лагеря с легкими жилищами (палатками?), ямами-хранилищами и цистернами для воды до небольшого стационарного поселка, связанного, возможно, с сыновьями пророка Самуила (1 Цар 8:3).

В X в. до Р. Х. активный процесс заселения отмечен на нагорье Негева, значительное число небольших поселков появляется и в незаселенных ранее районах Заиордания. В целом на основании археологических свидетельств предполагается, что процесс заселения Палестины израильскими группами начиная с раннего XII в. до Р. Х. охватил Центральное нагорье, далее ряд районов Заиордания и Северного Негева, тогда как в Галилее он фиксируется в основном в XI в. до Р. Х. Допускается независимое заселение различных районов самостоятельными племенными группами полукочевых скотоводов, частично местными, частично продвинувшимися из прилегающих к Палестине пустынных территорий.

В конце XI в. до Р. Х. многие поселки были оставлены. Некоторые более не возродились (Силом, Гай, Тел Масос и др.), другие же (Беф-Цур, Хеврон, Телль Бейт Мирсим, Дан, Асор, Телль эн-Насбех) были восстановлены и расцвели в последующий период Единого царства. Подобные изменения были связаны с концентрацией населения в формирующихся в этот период израильских городах. Что касается рассматриваемого раннего периода, то в большинстве его поселений отсутствовали фортификации, хотя определенное оборонительное значение могла иметь встреченная в отдельных случаях (Силом) линия стен внешнего ряда расположенных по кругу домов. Вообще же круглые или овальные планы характерны для израильских поселений этого периода, причем в ряде случаев центральные их участки оставались свободными от застройки (Тел Масос, Тел Ездар, Беэр-Шева, Гай и др.). Эти свободные площади предназначались, скорее всего, для загона скота и размещения больших зернохранилищ. Окружавшие же их десятки помещений, разделенных или сочлененных и составлявших многокомнатные блоки, тяготели к периферии. Такую схему рассматривают как реминисценцию лагерей полукочевников-бедуинов (Mazar, 1990, p. 338).

На раннем этапе лишь Гилох имел оборонительную стену, состоящую из отдельных сегментов и охватывавшую часть большого поселка (рис. 8.15). Кроме того, вне укрепленной части найдено основание отдельно стоящей массивной боевой башни: подобный вид фортификационных сооружений до этого не встречался. Специфич-

ны и внутренние каменные стены, разделяющие поселение на ряд крупных участков, в которых тоже можно видеть загоны с примыкающими к ним домами. Это еще одно подтверждение реминисценций скотоводческих традиций.

Для планов домов рассматриваемого периода характерна группировка помещений по сторонам прямоугольных дворов, разделенных рядами колонн из грубо обработанных камней. Такие ряды колонн известны уже в позднем бронзовом веке, но тогда, особенно в жилых домах, они были крайне редки, теперь же получают широкое распространение во всех районах Палестины, включая израильские, ханаанейские и филистимлянские. Вырабатываются стереотипы четырехкомнатных и трехкомнатных домов (двор, параллельное ему поме-

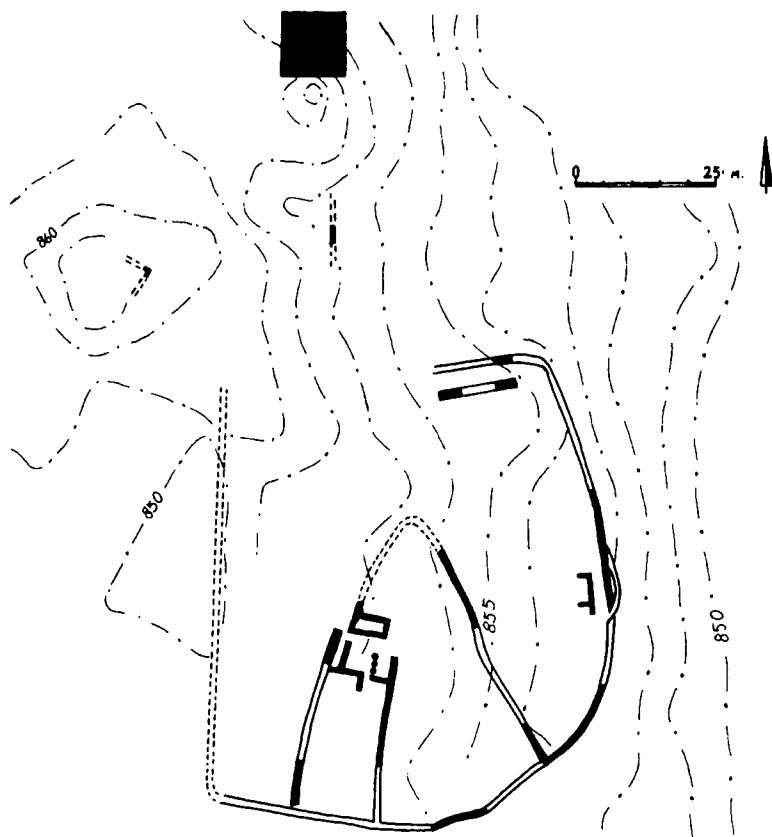

Рис. 8.15. Гилох. Схематический план поселения XII в. до Р. Х. (по Мазару)

шение с поддерживающими перекрытие колоннами и комнатами позади него). Можно согласиться с А. Мазаром, считающим эти стереотипы специфичными для данного периода и воспринятыми с теми или иными вариациями всеми указанными этническими группами. Столь же вероятно его предположение о корнях этой традиции в жилой архитектуре позднего бронзового века Южного Ханаана.

В Тел Масосе дома указанных типов составляют ряд кварталов северной части поселения (рис. 8.16–8.17). В южной же открыты дома иных планов, связанных, возможно, с египетскими и ханаанейскими традициями предшествующего периода. В конце периода — в XI в. до Р. Х. начинают вырабатываться и собственные формы фортификационной архитектуры. Здесь характерны квадратные крепости с «казематными стенами» (двойные стены с длинными узкими помещениями между ними, часть помещений замурована камнями и землей, другие служили кладовыми) толщиной от 1,5 до 4,5 м.

Отмеченная выше башня из необработанных камней в Гилохе предвещает распространение таких боевых конструкций в конце периода, когда Книгой Судей они упоминаются в Сихеме (Суд 9:46–49), Пенуэле (Суд 8:17) и Тебезе (Суд 9:50–52). В небольшом, заметно отличающемся от этих городов Гилохе наличие башни может связываться с тем, что поселение это контролировало Рефаимскую долину, идущую от Вифлеема к Иерусалиму и находившуюся

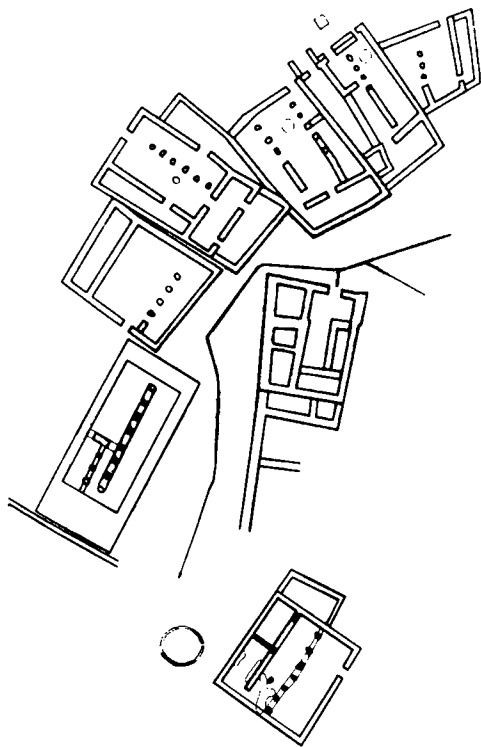

Рис. 8.16. Тел Масос. Квартал общественных зданий. Слой II (XI в. до Р. Х.) (по Мазару)

юся под угрозой иевусейского Иерусалима, завоеванного лишь при Давиде.

Найденные в ранних израильских городах и поселках хозяйственные сооружения, такие как цистерны и зернохранилища, продолжали традицию, выработанную в Ханаане еще в среднем бронзовом веке. Развитие земледелия, явившееся одной из основных форм адаптации израильтян в условиях занятых территорий, документировано свидетельствами крупных зерновых запасов и создания специальных террас на склонах с их расчисткой, сопровождавшейся сведением лесов.

Для керамики раннего периода железного века характерно заметное обеднение репертуара форм, ограниченного теперь сугубо бытовыми сосудами, прежде всего большими пифосами для воды, меньшими кувшинами для вина или масла, кухонными горшками и незначительным числом прочих форм (рис. 8.18). Орнаментация редка и выполнена лишь резцом и штампом. Комплекс Виделом резко отличается от ханаанейской и филистимлянской керамики прибреж-

Рис. 8.17. Тел Масос. Аэрофотосъемка построек раннего железного века

Рис. 8.18. Израильская керамика ранней фазы железного века из Шило (1) и Дана (2) (по Мазару)

ной долины. Представляется, что вначале собственно керамической традиции у израильских групп не было и они заимствовали необходимую керамику у ханаанейян, далее стали производить очень ограниченное число форм, также используя ханаанейские прототипы. Соответственно в смежных с прибрежной равниной районах керамический репертуар несколько разнообразнее.

Сведения о культовой практике израильтян этого периода скудны. Даже на местах, где библейские тексты отмечают наличие святилищ или алтарей, остатки их либо не сохранились, либо представлены достаточно неопределенными находками. Так центральная часть Силома, где после завоевания Ханаана была поставлена скиния завета (Нав 18:1), разрушена эрозией и поздней застройкой. Но здесь засвидетельствовано существование святилища начиная с позднего бронзового века, связанного, скорее всего, с полукочевыми скотоводами, поскольку следов оседлого поселения того периода на холме не обнаружено. А. Мазар предполагает, что эта традиция могла обусловить избрание Силома как религиозного центра израильтян периода Судей. Им же рассмотрен дискуссионный вопрос об остатках необычных конструкций со следами возможных жертвоприношений на горе Гевал. Автор этих раскопок Зертал (А. Zertal) идентифицировал сооружения как алтарь, воздвигнутый Иисусом Навином и упоминаемый в Ветхом Завете (Нав 8:30–32) (рис. 8.19), что вызвало серьезные возражения. Допуская ошибки в деталях интерпретации сложного памятника, А. Мазар склоняется к признанию его изна-

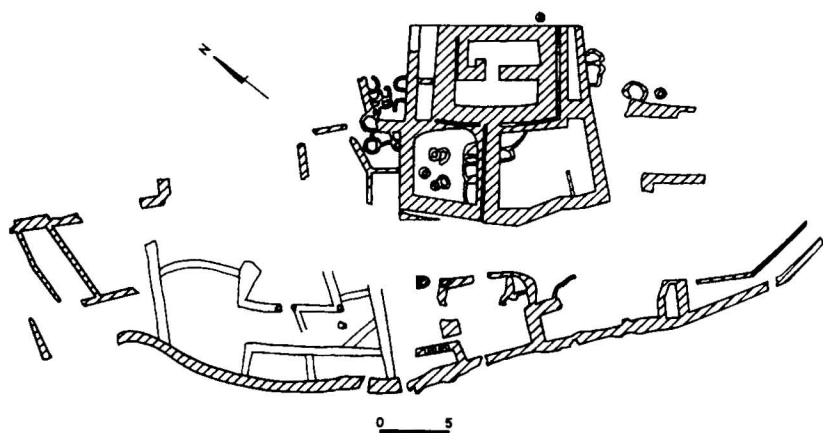

Рис. 8.19. Израильские сооружения на горе Гевал (алтарь?) (по Мазару)

чально культового характера и связи с библейской традицией (Mazar, 1990, p. 348).

В центре района израильских поселений на Самарийских холмах найдено открытое культовое место в виде кольца из камней около 20 м диаметром (Mazar, 1990, p. 350). Центр свободен и предназначен, возможно, для священного древа. У восточного края кольца крупный «стоячий камень» («massebah»), против него — мощеная площадка для жертвоприношений. На ней уникальная находка — бронзовая статуэтка длиной 18 см, бык (рис. 8.20) — может быть, реминисценция золотого тельца, упоминаемого в Библии в связи с Исходом и храмами, воздвигнутыми в Вефиле и Дане (Исх 32:1–35, 3 Цар 12:23–33) (Mazar, 1990, p. 351). В ханаанейской религии бык был связан с символом Ваала — бога бури, который иногда изображался стоящим на спине быка. Возможно, у северных израильских племен бык рассматривался либо как символ, либо как пьедестал бога Израиля (функционально близко керубам Иерусалимского храма). Статуэтки быка известны в ханаанейской культуре (в Асоре и Угарите), скорее всего, и упомянутый экземпляр отлит в ханаанейской мастерской, но использовался израильтянами северных Самарийских холмов. То же можно сказать о бронзовой статуэтке сидящей богини ханаанейского типа, найденной на ритуальной площадке XI в. до Р. Х. в Асоре (Ibid., p. 352).

Этническая идентификация конкретных групп населения и вопросы участия их в сложении израильского этноса требуют предельной осторожности, особенно при использовании археологических источников. Для конкретных городов может учитываться согласованность их археологических показателей с библейской письменной традицией (например, городов Силом, Мицпа, Дан, Беэр-Шева и др.), для различных же поселенческих систем (включая и городские) этническая идентификация много сложнее: имея близкую материальную культуру, они мог-

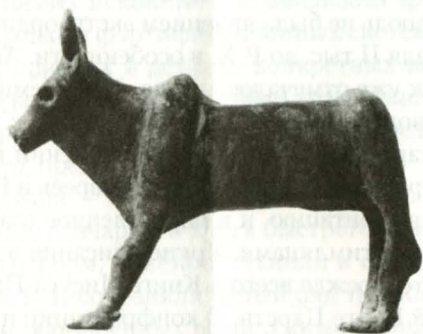

Рис. 8.20. Ритуальная бронзовая статуэтка быка из культового места на северных Самарийских холмах. Длина 18 см (по Мазару)

ли принадлежать различным этническим группам. При сближении последних в основных районах, отмеченных позднейшей библейской традицией как израильские, ко всем этим группам стало применяться такое же обобщающее обозначение, покрывающее как жителей больших городов, так и небольшие общины земледельцев и пастухов. Это правильно подчеркивается А. Мазаром. В этой связи он отмечает гипотезу, согласно которой одним из компонентов процесса создания израильского этноса явились потомки местного городского населения среднего бронзового века, вынужденные перейти к полукочевому скотоводству в позднем бронзовом веке и начавшие возвращаться к оседлости в железном веке. Сторонники подобных своего рода автохтонных гипотез древнееврейского этногенеза связывали с этим процессом и известную по нарративным (в том числе египетским) источникам общность хапиру, «полиэтничных по своей природе» (Немировский, 1996, с. 12). Сам А. Мазар упоминает эти гипотезы достаточно осторожно, подчеркивая невозможность доказать связь указанных групп с основным ядром процесса, с традицией библейских повествований и появлением ягвизма.

Мы же уже касались их в связи с проблемой возникновения патриархальной традиции, полностью согласившись с разработкой ее А. А. Немировским, в том числе и с его доказательствами историчности миграции предков древних евреев в Палестину из Южной Месопотамии. Скорее всего, здесь следует предполагать движение крупного племенного союза (или племенных союзов), находившегося на стадии развития, именуемой ныне «вождеством». Такая миграция отнюдь не была явлением экстраординарным для Ближнего Востока, а для II тыс. до Р. Х. в особенности. Авраам, Исаак и Иаков, которых, как уже отмечалось выше, А. А. Немировский считает реально существовавшими личностями (Там же, с. 14), и являлись вождями (Патриархами) племенных объединений как в период миграций, так и в период расселения древних евреев в Палестине, где они вступили и в конфронтацию, и в определенное взаимодействие с ханаанеянами и филистимлянами. Яркие описания этих событий даны в Ветхом Завете, прежде всего в Книге Иисуса Навина, Книге Судей, а далее и в 1-й Книге Царств. О конфронтации и общем характере израильского завоевания мы уже кратко писали выше. Что же касается взаимодействия, то оно, безусловно, сыграло весьма существенную роль и в консолидации израильтян, и прежде всего в процессе их культурного развития на догосударственной ступени (период Судей).

Первостепенным источником культурных воздействий являлась здесь ханаанейская культура. Она продолжала развиваться в Приморской равнине под филистимлянским контролем, причем и сами филистимляне достаточно многое из нее заимствовали. Представлена она и в двух районах Северной Палестины: в долине Изреель — вплоть до Беф-Шана на востоке, и в долине Акра — к северу от горы Кармел. В первом это документируется материалами Мегиддо и Беф-Шана, восстановленных в XI в. до Р. Х. Специфическая ветвь ханаанейской культуры развилась на Финикийском побережье в особый феномен финикийской культуры (финикийцы — греческий термин для обозначения потомков ханаанеян в Тире и Сидоне). В долине Акра исследованы ранние финикийские города Ахзив, Телль Кейсан, Телль Абу Хавам и др. В ряде случаев можно говорить о взаимодействии ханаанейских и филистимлянских (ахейских) традиций с определенным взаимным обогащением. И, естественно, распространение в Палестине израильтян отнюдь не сводилось к их непрестанным войнам с этими этническими группами. Воздействие великой ханаанейской культуры на социальные структуры, экономику и особенно культуру древних евреев безусловно и многосторонне. Достаточно привести лишь несколько примеров.

Ханаанейские города-государства, подчиненные и в ряде случаев восстановленные израильтянами (Мегиддо, Сихем, Апек, Гезер, Иерусалим и др.), явились значительным импульсом для адаптации последних в условиях городских систем, а далее и для их собственного городского строительства. При этом широко использовались (пусть с определенными модификациями) исконные ханаанейские архитектурные каноны как в планировке и фортификационных системах, так и в планах, строительных приемах и деталях конкретных комплексов, прежде всего храмов (ведь даже легендарный храм Соломона в плане своем повторял стереотип, выработанный в конце среднего бронзового века, скорее всего, предками ханаанеян).

Керамики мы уже касались выше — ныне лишь повторим, что как техника ее формовки (появление гончарного круга быстрого вращения), так и основной репертуар форм, приемов, техники и сюжетов орнаментации в железном веке I–II сохраняли целый ряд традиций, выработанных ханаанеянами и обогащенных египетскими и филистимлянскими привнесениями.

Следующим важнейшим феноменом ханаанейской культуры (а в определенной мере и культур Народов моря — прежде всего филис-

тимлян), решительно воздействовавшим на пришельцев — израильтян, были металлургия и металлообработка. В XII–XI вв. до Р. Х., несмотря на появление железа, бронза сохраняла абсолютное господство в сфере производства оружия, орудий, металлических сосудов, украшений. А. Мазар подчеркивает, что как и в позднем бронзовом веке, так и на ранней фазе железного века бронзолитейные мастерские были широко распространены по всей Палестине (Дан, Телль Харашим в Верхней Галилее, южнее Телль Дейр Алла, Телль Квазиль, Вефсамис, Тел Мор, Тел Масос). Продолжали функционировать медные рудники Тимны и Пунона, наряду с которыми сырье поступало с Кипра, определенную часть его давала и переплавка пришедших в негодность медных и бронзовых изделий (Mazar, 1990, p. 359). При этом бронзовые объекты в основном сохраняют формы, выработанные ханаанейскими литейщиками в позднем бронзовом веке. Даже ритуальные статуэтки, подобные сидящей богине из Асора и упоминавшемуся быку с Самарийских холмов, выполнены в ханаанейской традиции. В этом же плане должно быть отмечено и воздействие западных — кипрских и эгейских форм, связанное, очевидно, с Народами моря. Здесь А. Мазар отмечает предметы вооружения, найденные в ранних слоях железного века Мегиддо, Телль Квазиля, Тел Зерора, Ахзива, Телль эс-Сайдийе, а среди них такие характерные формы, как двойные топоры (лабрисы), клевцы, вытянутые втульчатые копья и бронзовые мечи эгейских типов с синхронными кипрскими параллелями.

И все же, несмотря на прочность, развитость и многообразие традиций металлургии бронзы, не позднее XII в. до Р. Х. появилось железо. Гомер назвал его «многотрудным металлом»: ведь плавится оно при практически недостижимой тогда температуре 1529°C, поэтому вначале его и не плавили, а расковывали полученную в сыродутных печах размягченную крицу. На Ближнем Востоке железо, особенно метеоритное, знали издавна и считали металлом драгоценным, используя его в единичных случаях для производства украшений. В Месопотамии известна находка кинжала III тыс. до Р. Х. с золотым клинком и железной рукояткой. И в XII–XI вв. до Р. Х., на ранней фазе железного века Палестины, железо оставалось металлом редким и дорогим. Полагают, что переход к нему от бронзы был в известной мере обусловлен трудностями в получении меди и олова, усугубившимися в результате распада сложившейся в позднем бронзовом веке Восточного Средиземноморья системы международных связей (Ibid.). И использовалось железо в Палестине вначале для

производства браслетов, серег и подвесок, и лишь очень редко — для оружия. Древнейшим же крупным железным орудием, свидетельствующим о выработке достаточно высокой технологии, явился клевец из слоя XI в. до Р. Х. крепости Хар Адир (рис. 8.21). «Технологическая революция, — заключает А. Мазар, — открыла дорогу распространению железа» (Ibid., p. 361).

Во всяком случае, концентрация в Палестине развитых и многообразных металлургических традиций стала значительнейшим фактором общего развития всех групп ее населения, как местных, так и припых. Сравнительно быстрое наращивание военной мощи израильтян — прямое тому свидетельство.

И еще об одной стороне культурного развития Палестины начала железного века, связанной с давними ханаанейскими импульсами — об искусстве. Предварительно подчеркну, что для ряда культурных очагов Восточного Средиземноморья — Египта, хеттской державы, микенского мира — XII–XI вв. до Р. Х. отмечены известным упадком искусства, их именуют даже «темным периодом» (Ibid.). В какой-то мере коснулось это и Палестины. Но возникшая в позднем бронзовом веке ханаанейская традиция художественной резьбы по слоновой кости продолжала развиваться и в этот период, достигнув поразительного совершенства. Обогащенная новыми мотивами и сюжетами, привнесенными в нее Народами моря, она была воспринята израильтянами и финикийцами, особенно при производстве культовых изделий — ларцов, символов, плакеток и т.п.

И наконец — такой важнейший фактор культурного развития, как письменность. Отмечая крайне ограниченное число найденных до сего времени древнееврейских надписей, относящихся к рассматриваемому периоду, А. Мазар тем не менее справедливо подчеркивает их значение для представлений о развитии алфавитного письма в начале железного века (Ibid.). Им рассматриваются следующие конкретные памятники.

Остракон с резной надписью из Избет Сартаха — скорее всего, детское упражнение, в одной из строк которого перечислены буквы алфавита (с некоторыми упущениями и ошибками), в других представлены невразумительные комбинации знаков.

Рис. 8.21. Железный клевец XI в. до Р. Х. из крепости Хар Адир (по Мазару)

Надпись на сосуде из Южной Филистии, содержащая два ханаанейских имени, носящая просветительный характер и относящаяся к XII в. до Р. Х. (как и остракон из Избет Сартаха).

Печать с надписью «Принадлежащее Абе», выполненной, как и предыдущая надпись, алфавитным шрифтом этого периода, найденная также в Филистии, близ Екрона. Две последние находки свидетельствуют о том, что ханаанейская алфавитная система использовалась в Филистии наряду с нерасшифрованной до сего времени линейной филистимлянской системой, известной по печатям из Ашдода.

Пять надписанных наконечников стрел, обнаруженных близ Вифлеема и являющихся важнейшими памятниками письменности XI в. до Р. Х. Имя владельца безусловно ханаанейское (Ben Anat), известное по одному из «младших» Судей (Суд 3:31), прочие имена (Abd) и особенно титулы (I b't — «львица») А. Мазар предположительно сопоставляет с наемными лучниками Давида до восшествия его на престол, также именовавшимися «львами». Все же эти немногочисленные памятники свидетельствуют о восприятии израильтянами данного периода алфавитного письма и безусловной роли ханаанян в этом процессе.

В целом результаты рассмотренного взаимодействия немало способствовали как культурному, так и социально-экономическому развитию израильских групп, обусловившему переход от «вождества» к формированию государственности.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПЕРИОДА ЕДИНОГО ЦАРСТВА

Основным источником, позволяющим судить об истории Палестины на протяжении сравнительно короткого - 75-летнего - периода Единого израильского царства (1000-925 гг. до Р. Х.), являются письменные свидетельства, и прежде всего библейские тексты. Роль археологии при этом изменилась и в известной мере отошла на задний план, но отнюдь не утратила свое значение и для реконструкции материальной культуры и ее эволюции, и для верификации, разъяснения и интерпретации библейских текстов и, наконец, для освещения общего ближневосточного исторического и культурного фона, который в значительной мере определял судьбы Палестины и характер ее культурного развития в этот период. С данными археологии, как справедливо подчеркивает А. Мазар, связана разработка и ключевых исторических вопросов, таких, как переход от племенных структур и первых социальных образований древних евреев периода Судей («вождества») к консолидации и монархии, соответствие библейских текстов подлинному уровню развития и мощи Израильского царства, международные связи последнего и общее место в древней истории Ближнего Востока, наконец, внутреннее развитие общества в период Единого царства (Mazar, 1990, p. 373).

Между тем, по заключению того же А. Мазара, именно для времени трех царей этого периода — Саула, Давида и Соломона, ставших главными героями исторических повествований Ветхого Завета, — археологические свидетельства весьма скудны. Особенно это касается времени правления двух первых. С резиденцией Саула связывают Гиву Саулову (1 Цар 11:4), лишь незначительные остатки которой идентифицированы В. Олбрайтом в 7 км к северу от Иерусалима. Мощная крепость имела, скорее всего, прямоугольный, близкий к квадрату план (рис. 9.1). Предполагаемые ее размеры 57×62 м. Стены казематной конструкции достигали в ширину 4,5 м. По углам располагались боевые башни. Полный план гипотетичен; сохранились остатки лишь юго-западного угла крепости с частью каземата, состоявшего из двух ограждавших его панцирей — внешнего (1,5 м) и внутреннего (1,3 м).

Системы построек, связанные со временем правления Саула, неизвестны, как неизвестны и достоверно относящиеся к периоду его

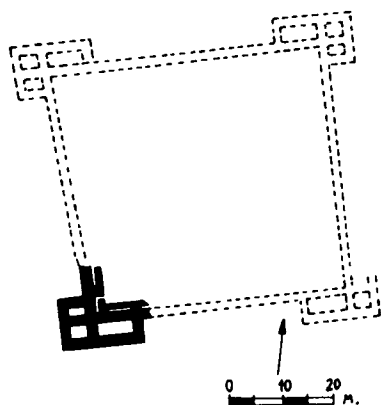

Рис. 9.1. Телль эль-Фул, предположительно, Гива Саулова (по Мазару)

ство было еще очень шатким, а все царствование Саула отмечено непрерывными войнами, шедшими с переменным успехом и приведшими к гибели и Саула и его сына Ионафана в битве при горе Гелвуде. Начало государственности было положено, но до созидательной деятельности, оставляющей четкие материальные свидетельства, было еще далеко.

О постройках, относимых ко времени Давида

Предельное военное напряжение, еще более масштабные войны — на сей раз в большинстве своем победоносные, характерны и для 35-летнего правления Давида (1000–965 гг. до Р. Х.), крупнейшего из израильских правителей и основателя традиционной, пережившей века, династии. Библейские повествования создают яркий его облик, и прежде всего это облик воителя. Начав с правления Иудея (со столицей в Хевроне) под филистимлянским протекторатом, Давид достаточно скоро разбил в сражении у Гаваонского пруда противостоявшую ему северную израильскую группировку, возглавлявшуюся сыном Саула Иевосфеем (2 Цар 8–11), объединил царство, а далее нанес ряд решительных поражений филистимлянам при Ваал Парациме и в долине Рефаим и сбросил их владычество (2 Цар 17–22). Крупнейшим военным достижением этого периода его царствования было завоевание Иерусалима, до того принадлежавшего ханаанейскому племени иевусеев. «Контроль над Иерусалимом, — пишет К. Кеньон, — означал фактически контроль над всей

царствования слои городов. Период этот продолжался от десяти до двенадцати лет. Главным его достижением было объединение ряда израильских группировок от Галаада до Иудеи, создание первого политического единства, столь необходимого перед лицом постоянной военной угрозы со стороны таких могучих противников, как филистимляне на западе, ханаанейцы на севере, аммонитяне на востоке, амалитяне на юге, контролировавших значительную часть Палестины. Един-

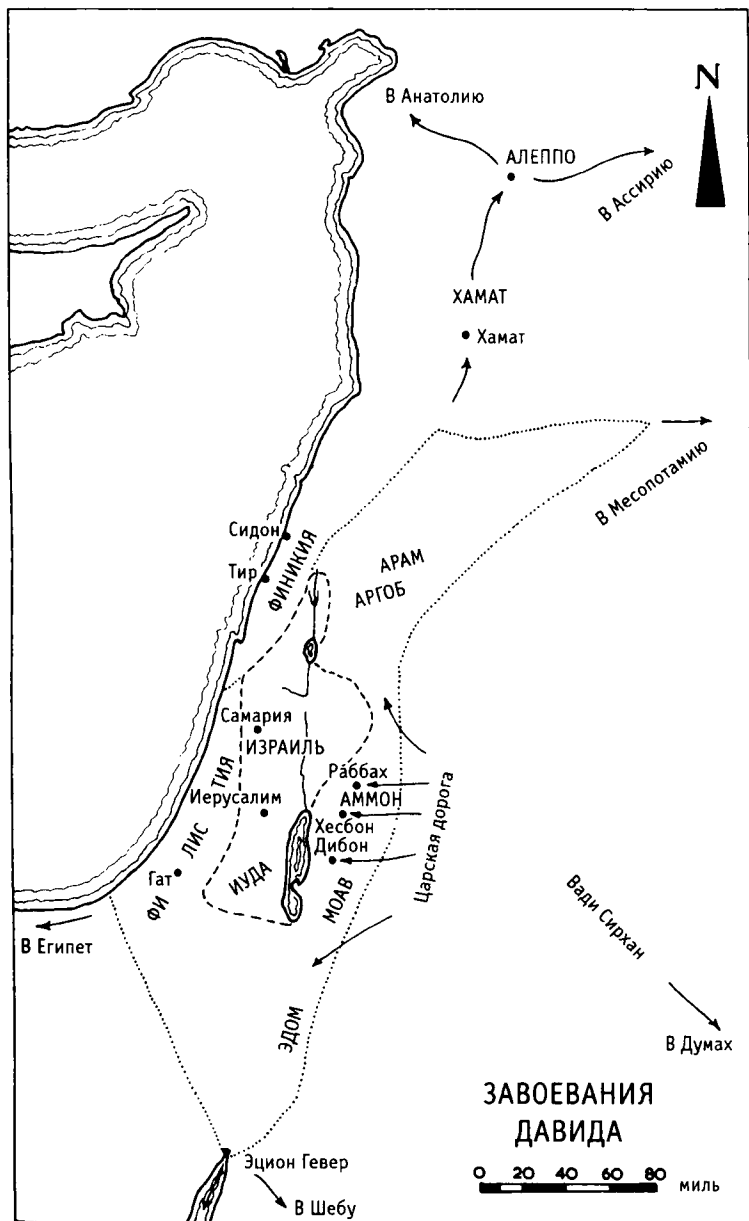

Рис. 9.2. Карта завоеваний Давида (по Кеньон)

Палестиной, поскольку он расположен на центральной гряде, являющейся единственным путем север — юг... К востоку путь из Иерусалима идет до Иорданской долины и района Иерихона, далее по броду через Иордан к богатому плато Трансиордании, тогда как к западу ряд путей вел к Шефеле и прибрежной долине. Для предшествовавшего отсутствия внутреннего единства весьма показателен самый факт существования иерусалимского анклава внутри израильских земель. Без обладания Иерусалимом единство было невозможно. Но эффект длительного разделения (израильтян. — *Н. М.*) на две группы (северную и южную. — *Н. М.*) сохранялся и предопределил новое разделение на Израиль и Иудею в конце X в. до Р. Х.» (Кенyon, 1979, pp. 233–234).

Здесь не место рассматривать прочие военные мероприятия Давида. Они консолидировали страну и, согласно библейской традиции, резко расширили ее территорию, охватившую в их результате большую часть Палестины и Трансиордании (за исключением прибрежной долины Филистии), а также некоторые более северные (прибрежные финикийские) и восточные районы (рис. 9.2). Не будем останавливаться и на верификации этих представлений, поскольку прямые археологические свидетельства этих завоеваний мизерны. Исключение составляют Иерусалим и немногочисленные прочие города, сохранившие остатки строительной деятельности времени царствования Давида.

Но и здесь эти остатки бедны и далеко не всегда достаточно определены и в хронологическом и в функциональном аспектах. Сразу же подчеркнем особые трудности археологических исследований Иерусалима. Первые следы человеческих поселений на его месте относятся к раннему, а городских сооружений — к среднему бронзовому веку, то есть имеют более чем четырехтысячелетнюю давность. Многократные природные и рукотворные разрушения его, смещения целых районов — вплоть до центральных, бесконечные перестройки с серьезнейшими нарушениями более ранних строительных уровней, эрозия и каменоломни, перекрытие ключевых памятников массивными — в том числе культовыми — конструкциями последующих периодов и многие другие акции резко усложняют стратиграфию Иерусалима и возможность идентификации конкретных построек и их комплексов и определения хронологической их принадлежности. Подобные определения по отношению к открытиям в Иерусалиме неоднократно пересматривались и далеко не всегда —

вплоть до настоящего времени — могут считаться окончательно установленными.

Несколько слов об общей характеристике памятника (Vincent et Ste`ve, 1954; Kenyon, 1974). Иевусейский (=ханаанейский) Иерусалим располагался на высоком холме Офел, на отроге, несколько ниже кряжа. Место это было хорошо защищено самой природой: город ограждался крутыми склонами, спускавшимися к долинам Кедрон на востоке и Терапеон на западе. Обе долины сходятся, что еще более затрудняет доступ к городу: лишь узкий перешеек соединяет его с возвышенностью, на которой находится современный Иерусалим. В долине Кедрон располагался Гихон — постоянно функционировавший водный источник — важнейший фактор локализации древних городов.

И конечно, природная защищенность с самого начала существования города дополнялась созданием фортификаций. Появившись еще в среднем бронзовом веке, они в дальнейшем многократно перестраивались, дополнялись, заменялись новыми системами. Идентификация и датировка их чрезвычайно трудны. Первоначально ко времени Давида и Соломона относили обводную стену, шедшую вдоль восточного гребня Офела вместе со связанной с ней массивной башней. В них видели дополнение к первоначальной иевусейской фортификационной системе. Стена должна была преграждать доступ не только к городу, но и к системе шахт и тоннелей, связанных с расположенными в долине источниками, обеспечивавшими водоснабжение Иерусалима. Но дальнейшие исследования показали, что шахты выходят на поверхность далеко за пределами идущей вдоль гребня стены, которая защищать их никак не могла, и что относится эта стена не к X в. до Р. Х., а концу I тыс. до Р. Х. Подлинно же древняя стена, функционировавшая и при иевусеях и при Давиде, более того, повторявшая линию стены среднего бронзового века (почти полностью разрушенной эрозией), была обнаружена английской экспедицией в 50 м восточнее первой и 29 м ниже ее по склону. На этой позиции она препятствовала захвату сооружений системы водоснабжения и в то же время не уступала по уровню холмам противоположной стороны долины, где мог появиться неприятель. Прослежены также западная и северная стены этой системы. Вместе они ограждали площадь около 4,4 га (Kenyon, 1979, p. 235 sgg).

Проводившая эти принципиально важные исследования К. Кенйон подчеркивает, что Давид воспринял не только ханаанейскую

фортификационную систему города, но и еще один весьма существенный элемент его планировки. Город среднего бронзового века был построен на скале, охватив и крутой западный ее склон. Около XIII в. до Р. Х. была проведена значительная перепланировка, основу которой составляло сооружение целой серии террас как базы для гораздо более активной застройки. При Давиде террасы были реставрированы и расширены, что заметно улучшило условия застройки по сравнению с крутым склоном. Но, с другой стороны, террасы в большей мере подвержены разрушениям и на них сохранились остатки лишь единичных построек значительно более позднего периода (*Ibid.*).

На крутом восточном склоне холма, над источником Гихоном, открыто массивное сооружение, условно отнесенное к X в. до Р. Х. Оно представляет собой гигантскую опорную стену, сохранившуюся на высоту 16,5 м и поддерживавшую в основном разрушенную монументальную конструкцию, — А. Мазар пишет о возможной идентификации последней как иевусейской «крепости Сиона», взятой при штурме Иерусалима и ставшей «городом Давидовым»

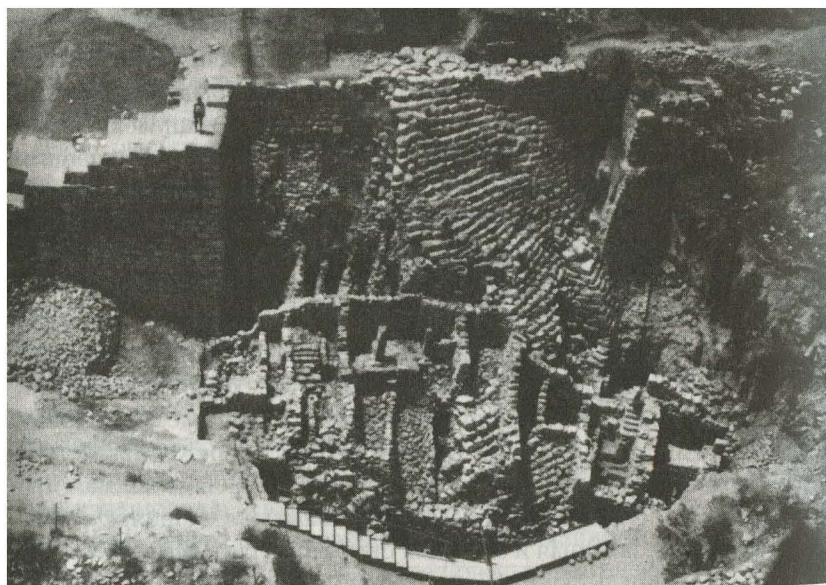

Рис. 9.3. Иерусалим. «Город Давида». «Ступенчатое строение», возможно, является остатками стены «Крепости Сиона» иевусейского периода

(1 Пар 11:5). Расположение ее на вершине холма над Гихоном характерно именно для времени Давида, поскольку при Соломоне акрополь был смещен к северу, при дальнейшем же распространении города к восточным склонам холма эта огромная опорная стена была заброшена (Mazar, 1990, p. 374) (рис. 9.3).

Временем Давида могут быть датированы скромные поселки, возникшие на руинах им же разрушенных ханаанейских и филистимлянских городов. В Мегиддо остатки такого поселка представлены слоем V В. По идентификации слоев города Й. Ядиным (Yadin, 1972, 1975), принятой и А. Мазаром (Mazar, 1990, p. 382), в этот период, последовавший за большим пожаром 1000 г. до Р. Х., возникший на месте Мегиддо поселок не имел особой фортификационной системы. Дома располагались по периметру верхней площадки холма, сплошная их линия сама имела оборонительное значение, как и у некоторых поселков предыдущего периода Судей. Не было не только фортификаций, но и крупных общественных построек. Близкая картина и в Телль Квазиле, где большие участки внутри также лишенной фортификаций территории бывшего филистимлянского города оставались свободными от застройки (слой IX). Правда, в первой половине X в. до Р. Х. был частично реставрирован храм X слоя, что могло соответствовать времени царствования Давида. Лахиш, разгромленный еще в середине XII в. до Р. Х., возродился в X в. до Р. Х. на ограниченной, первоначально не укрепленной площади (слой V). Этот поселок А. Мазар осторожно датирует временем Единого царства, то есть до создания здесь дворцового комплекса и массивных оборонительных сооружений (Ibid., pp. 389, 401, ref. 20).

И все же названные памятники являются индикаторами начавшегося израильского урбанизационного процесса. Число таких индикаторов может быть умножено. Очень близкая картина возникновения израильских поселков на руинах предшествующих им разгромленных городов железного века II зафиксирована раскопками Телль Бейт Мирсима и Тимны; в последней, как и в ряде упомянутых выше случаев, еще не было специальной фортификационной системы, но она уже намечалась: в слое X в. до Р. Х. открыты остатки домов, стоявших кольцом по периметру холма, вход же на территорию формирующегося города шел через ворота, образованные двумя квадратными в плане башнями. Что касается Телль Бейт Мирсима, то он, как и Вефсамис, лишь ориентировочно может быть связан с рассматриваемым периодом, но каменные стены этих городов соответству-

ют военным мероприятиям, предпринимавшимся Давидом против филистимлян в начале его царствования.

Еще более выразительно отмеченный процесс документируется в Тирзе, успевшей уже в рассматриваемый период обрести облик подлинного города — хорошо распланированного и густо заселенного. Следует особо подчеркнуть ортогональную его планировку, почти полностью отсутствующую у более поздних израильских поселков, а также появление ряда «четырёхкомнатных домов», напротив, весьма характерных для непосредственно следующего — Соломонова — периода. Как отмечает А. Мазар, корни обоих этих показателей уходят в конец XI в. до Р. Х. и представлены в X слое Телль Квазия (Ibid., pp. 389, 466).

Возможна принадлежность ко времени правления Давида небольших поселков, подобных Хирбет Давару близ библейского Михмаша или Тел Беэр-Шеве (слой VII). Они имели округлые очертания домов, расположенных по периметру, и свободный от застройки центр — то есть известную уже нам схему, характерную для израильских поселений с самого начала рассматриваемого периода.

По этим отрывочным данным трудно судить о строительной деятельности израильтян в первой половине X в. до Р. Х. Создается впечатление, что принципы ее лишь вырабатывались с использованием традиций предшественников, соседей и противников. В этой связи еще раз подчеркнем, что мизерность строительных свидетельств времени Саула и Давида может быть связана с неослабевающим военным напряжением, отнюдь не способствующим ни созданию, ни сохранности архитектурных комплексов. Более стабильное, отмеченное установлением широких, распространившихся до Киликии, Египта, Месопотамии и Южной Аравии торговых и культурных связей время Соломона (965–928 гг. до Р. Х.) могло обусловить заметную активизацию как строительной деятельности, так и прочих ремесел. В подтверждение этого уместно вспомнить слова Соломона, обращенные к другу Давида Хираму, царю финикийского города Тира, в сообщении о замысле построения храма в Иерусалиме: «Ты знаешь, что Давид, отец мой, не мог построить дом имени Господа, Бога своего, по причине войн с окрестными народами, доколе Господь не покорил их под стопы ног его. Ныне же Господь, Бог мой, даровал мне покой отовсюду: нет противника и нет более препон. И вот, я намерен построить дом имени Господа, Бога моего...» (3 Цар 5:3–5).

Строительная деятельность в период царствования Соломона

Представления о строительстве и урбанизационном процессе Соломонова времени заметно конкретнее и хронологически определеннее.

Но и здесь археологические свидетельства далеко не полны. Главные постройки Соломона в Иерусалиме более известны по нарративным источникам, прежде всего по библейским текстам, нежели по реальным их остаткам. В первую очередь это касается легендарного храма и дворца на Храмовой горе — вершине гряды к северу от Офела (Busin, 1970; Kenyon, 1974; Yadin, 1975a).

Описание храма и его строительства в Библии (3 Цар 5:16; 6:14–38; 2 Пар 4) достаточно конкретно и детально. Основные его положения: храм стоял на подиуме и представлял собой прямоугольную конструкцию 25×50 м при высоте около 15 м и толщине стен до 6 м. Трехчастная схема храма с расположением всех трех компонентов на единой длинной оси (рис. 9.4) известна в Палестине с конца среднего бронзового века и может считаться традиционной для ханаанейской, а далее и финикийской храмовой архитектуры. А. Мазар, давший лаконичное и предельно четкое описание храма на основании исчерпывающего анализа библейского текста (Mazar, 1990, pp. 375–378), подчеркивает преемственность строительных традиций, отмечая, что даже толщина стен Соломонова храма была та же, что и у храма среднего бронзового века в Сихеме. По общим же размерам храм превышал известные образцы как ханаанейской, так и финикийской храмовой архитектуры. Интерьер, согласно библейскому описанию, состоял из портика, святилища и давира — помещения для святое святых; входы во все три части лежали на единой центральной оси. При этом святое святых

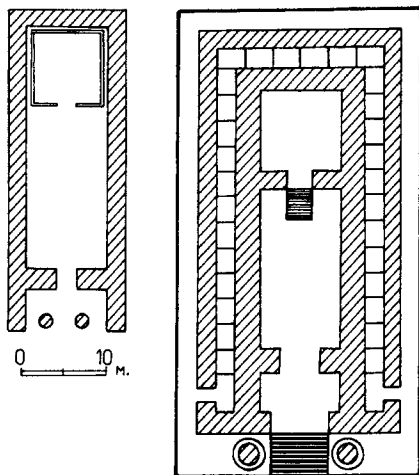

Рис. 9.4. Предполагаемые реконструкции храма Соломона на основании ханаанейских аналогов: слева — Ф. Фритца, справа — К. Ватцингера (по Мазару)

не было отделено стеной от святилища — здесь предполагается занавес или деревянная перегородка. Кроме того, святое святых было поднято на подиум, и к нему вели несколько ступеней. По продольным сторонам храма располагались трехэтажные вспомогательные помещения, которые могли служить царской сокровищницей и одновременно являлись дополнительной к стенам главного зала опорой тяжелой кровли (Керуоп, 1979, р. 24). Перед храмом же — по всей его ширине — был сооружен притвор шириной 5 м (рис. 9.5).

Как уже отмечалось, появление подобного плана храмовых сооружений связывается с постройками II тыс. до Р. Х. в Ханаане и Северной Сирии. А. Мазар указывает на безусловные прототипы Соломонова храма в среднем бронзовом веке Эблы, Мегиддо, Сихема и на сохранение того же плана в последующий период, что документируется храмом VIII в. до Р. Х. в Телль Тайнате (Сирия) (рис. 9.6). Он же справедливо указывает, что фиксированное в библейском описании обильное применение при строительстве Соломонова храма ввозного кедрового дерева соответствует употреблению того же материала создателями ханаанейских и филистимлянских храмов (Лахиш и Телль Квазиль) (Mazar, 1990, р. 377). Достаточно щедро применялось и золото, прежде всего для облицовки — поверх кедрового дерева — внутренних помещений храма, обкладки деревянного алтаря, стоявшего перед святое святых, а также для производства многочисленных культовых принадлежностей, необходимых для богослужений, таких как ритуальный стол, светильники, блюда, чаши, кадила и пр.

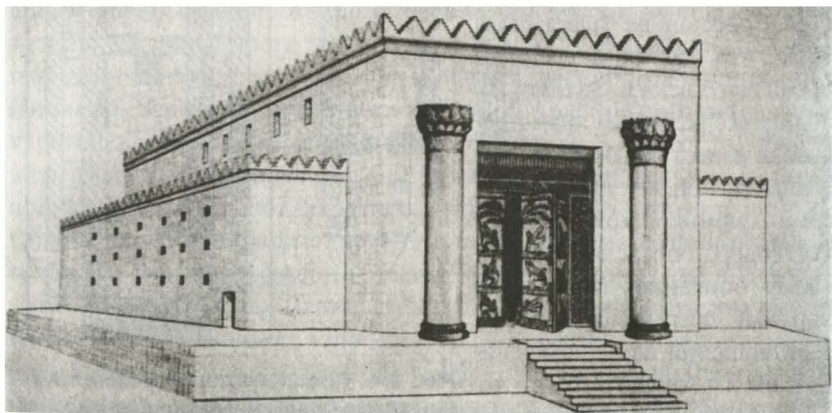

Рис. 9.5. Реконструкция храма Соломона в Иерусалиме, предложенная Стивенсом по документации Олбрайта и Райта (по Райту)

Ковчег завета был перенесен из города Давидова в Соломонов храм и помещен в святое святых, где его фланкировали распростертые крылья двух херувимов, вырезанных из масляного дерева и обожженных золотом. Херувимы были подобны сфинксу: они имели туловище льва или быка, крылья орла и голову человека. Этот орнаментальный мотив, по определению А. Мазара, был широко распространен в искусстве ханаанейян, финикийцев и сирийцев бронзового и железного веков подобно прочим украшениям храма — деревянным, каменным, золотым, медным, костяным — таким как орнаментальные решетки, пальметки, плоды и цветы, цепи, бордюры, изображения фантастических и реальных животных, людей, деревьев (Mazar, 1990, pp. 377–379). Несомненно использование и знаменитой финикийской резьбы по слоновой кости.

Две орнаментированные медные колонны — Иахин и Воаз, — стоявшие у фасада Соломонова храма и фланкировавшие вход в него, были, вероятно, чисто декоративны и конструктивной функции не несли. Но они заставляют вспомнить две базы колонн, также не имевших конструктивного значения, открытых в храме позднего бронзового века в Асоре. Абсолютно такие же фланкирующие вход колонны с волутным завершением представлены на глиняной модели святилища из Телль эль-Фары (сев.) (Mazar, 1990, p. 378) (рис. 9.7). Отметим, что изготовление этих крупных медных изделий связывается библейским повествованием с мастером Хирамом из Тира, который «владел способностью, искусством и умением выделывать всякие вещи из меди. И пришел он к царю Соломону, и производил у него всякие работы» (3 Цар 7:14). Это еще одно подтверждение тесных связей с финикийскими ремесленными центрами, славившимися, помимо прочего, медными (и, конечно, бронзовыми)

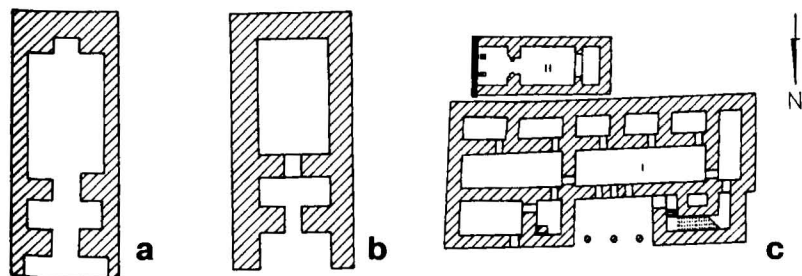

Рис. 9.6. Северосирийские аналоги Иерусалимского храма.

а — Эбла среднего бронзового века. б — Телль Мумбакат. в — Телль Тайнат

изделиями. Целый ряд последних перечислен в библейском описании храма, а далее и дворца Соломона — подставки для ритуальных чаш с большими колесами, украшенные изображениями львов, волков и херувимов, умывальники, лопатки, декоративные изображения фруктов, наконец, «литое медное море» — большой круглый бассейн диаметром около 5 и глубиной около 2,5 м с рельефным орнаментом («подобиями огурцов»), стоящий на 12 фигурах волков.

Все эти данные, касающиеся Соломонова храма в Иерусалиме, — как общие его параметры, так и детали, — переданы библейским повествованием. Совершенно естествен ряд несомненных преувеличений в них: храм достаточно скоро стал легендарным и вместе со своим создателем превратился в один из символов героического века израильской истории. Но целый ряд текстуальных показателей представляются реальными или близкими к ним. Это касается и общего плана храма, и его размеров, и членения интерьера, характера его оформления и орнаментации. Многие из этих показателей могут быть археологически верифицированы. Но только по сравнительным материалам: очень близкие приведенному описанию планы зафиксированы как в самой Палестине, так и в наиболее выразительных формах — в Северной Сирии и Финикии (от храма среднего бронзового века в Эбле до позднего в Телль Мумбакате и железного века в Телль Тайна-те) (рис. 9.6). Там же представлены прямые аналогии и строительным материалам и приемам, характерным для Соломонова храма (сочетание рядов обтесанных камней и кедровых стволов). При этом весьма выразителен тот факт, что специфический финикийский стиль клад-

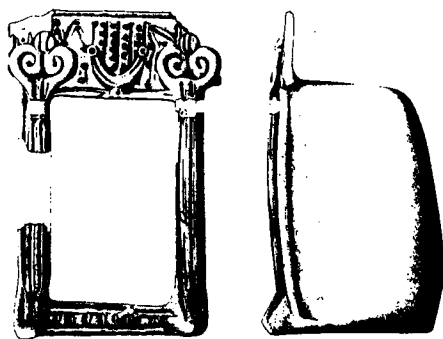

Рис. 9.7. Глиняная модель святилища Телль эль-Фары (сев.) с декоративными колоннами у входа (по Мазару)

ки был распространен в Палестине и в последующие за царствованием Соломона периоды — от наиболее ранних построек Самарии (IX в. до Р. Х.) до наиболее поздних (VI в. до Р. Х.) стен Рамат Рахели — дворцового комплекса, исследованного вблизи Иерусалима, к юго-западу от него. О сирийском и финикийском характере орнаментальных мотивов и многочисленных

металлических, деревянных и прочих изделий, упомянутых при описании храма, уже говорилось выше. Все это дало право К. Кеньон считать, что «храм носил полностью финикийский характер» (Кеньон, 1979, р. 241).

Все эти соответствия, безусловно, важны и в ряде случаев достаточно убедительны. Но еще раз подчеркну, что все археологические показатели здесь опосредованы и принадлежат аналогам Соломонова храма, но не ему самому. Сам храм не раскопан и, более того, для раскопок при нынешних условиях недоступен, что связано со специфическими трудностями археологических исследований в древних городах, существовавших тысячелетиями и «живых» поныне, где важнейшие памятники перекрыты не менее важными, принадлежащими последующим периодам. Место Соломонова храма расположено под мусульманской святыней Харам эс-Шериф, центром которой является перекрытая большим куполом священная скала, игравшая, как предполагается, роль алтаря-жертвенника. Также предположительно храм располагался к западу от скалы, а длинная ось его была направлена с востока на запад. Тщательное топографическое исследование значительного участка к северу от Офела (включая так называемую Милло — искусственно засыпанную седловину между ним и Храмовой горой) позволило установить соотношение позиции Соломонова храма с последующими конструкциями (реконструкцией его в 516 г. до Р. Х. — по возвращении из вавилонского пленения и далее — вплоть до перестройки в 19 г. до Р. Х. Иродом). Некоторые заключения здесь гипотетичны, другие же дают должные респеры для определения границ расширения Иерусалима при Соломоне — и прежде всего к северу — и места храма на этой территории. Исследователями подчеркивается, что строительство его потребовало создания больших террасных конструкций, это распространялось и на последующие постройки, платформы которых перекрывали Соломонову. Отмечено также, что добавленная территория, находившаяся за пределами иевусейско-Давидова города, дала Соломону площади для нового строительства, включавшего и общественные конструкции (Кеньон, 1979, р. 241).

Среди последних наибольший интерес представляет дворец, детально — подобно храму — описанный в Библии (3 Цар 7:1–2) и, вероятно, стоявший на платформе в этой новой части города — вне храмовой территории. К сожалению, этот район стал впоследствии мес-

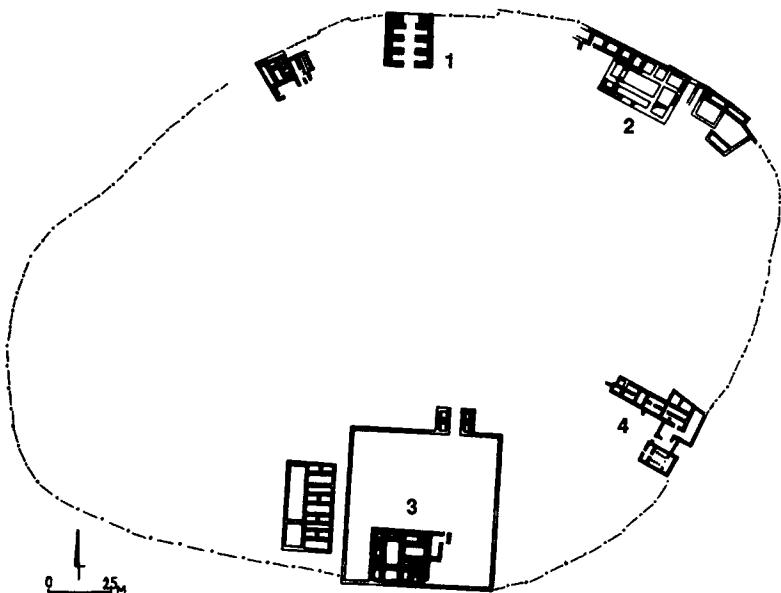
том активных каменных выработок, производившихся в различные периоды, начиная со времени Ирода Великого (Кенуон, 1979, р. 241).

Прямых археологических показателей, касающихся этого Соломонова дворца, нет, и все сведения о нем ограничиваются библейским повествованием. Согласно приведенному в нем описанию, дворец представлял собой сложный комплекс взаимосвязанных построек, свидетельствующий об освоении израильтянами достаточно сложных архитектурных форм и строительных приемов. Среди основных его построек отмечены: дом «из дерева Ливанского», по размерам превосходивший храм ($\approx 80 \times 60 \times 15$ м) и стоявший «на четырех рядах кедровых столбов; и кедровые бревна положены были на столбах. И настлан был помост из кедра над бревнами на сорока пяти столбах, по пятнадцати в ряд. Оконных косяков было три ряда; и три ряда окон, окно против окна. И все двери и дверные косяки были четырехугольные, и окно против окна в три ряда» (3 Цар 7:2–5). Далее отмечаются «притвор из столбов» размерами $\approx 25 \times 15$ м, и перед ним крыльцо, столбы и порог перед ними, и «еще притвор с престолом, с которого он (Соломон. — Н. М.) судил, притвор для судилища сделал он, и покрыл все полы кедром». Позади притвора располагался второй двор. В общем плане комплекса выделяются входной портик, ведущий в тронный зал, за которым находились жилые покои, расположенные по сторонам открытого двора (Mazar, 1990, р. 379). В описании подчеркивается кладка стен из крупных обработанных («обрезанных пилой») камней. «В основание положены были камни дорогие, камни большие... и сверху дорогие камни, обтесанные по размеру, и кедр. Большой двор огорожен был кругом тремя рядами тесаных камней и одним рядом кедровых бревен...» (3 Цар 7:10–12). В дворцовый комплекс входил и специальный дворец со своим центральным двором и притвором, построенный для любимой жены царя — египтянки, фараоновой дочери.

При подчеркнутом отсутствии археологических свидетельств относительно дворца приходится повторить сказанное уже в связи с описанием храма: весь археологический контекст ханаанейских, филистимлянских, сирийских, финикийских памятников как Соломонова, так и более ранних периодов, позволяет определенным образом верифицировать библейское повествование. Как общие планы описанных сооружений, так и детали их интерьеров и убранства, строительные приемы, материалы и их обработка, орнаментальные мотивы находят значительное число соответствий в отмечавшихся уже

памятниках — прежде всего в Тире и Сидоне в Финикии, Каркемише в Северной Сирии, Мегиддо (слой IV B), Гезере, Телль эль-Хеси (слой V), Асоре, Таанахе, Лахише в самой Палестине.

И хотя лишь часть этих памятников может быть с уверенностью связана с царствованием Соломона, наличия их достаточно для заключения, что строительная деятельность его не ограничивалась Иерусалимом, хотя на него и приходилась львиная ее доля. О масштабах ее свидетельствует, помимо храма и дворцового комплекса, такое значительное мероприятие, как создание Милло — заполнения топографических помех в виде депрессий и впадин между городом Давида и Храмовой горой, строительство новых стен и, безусловно, ряда других крупных сооружений, оставшихся за пределами наших знаний. Но вместе с тем, как подчеркивает К. Кенъон, «особым вниманием пользовались еще три города. В Библии (3 Цар 9:15) констатируется, что налог и принудительные работы использовались при строительстве в Асоре, Мегиддо и Гезере... Представляется резонным выделить этих городов в специальную категорию и определение их как царских городов. В них Соломон был свободен в выработке планировки,

**Рис. 9.8. План раскопанной части Мегиддо X в. до Р. Х. (по Ядину).
1. Ворота. 2. Дворец № 6000. 3. Дворец № 1723. 4. Жилой квартал**

а ключевые стратегические позиции требовали особого внимания к их оборонительным системам» (Кенуон, 1979, р. 244). А. Мазар также выделяет наиболее значительные по размерам, стратегическому положению, административным и коммерческим функциям, а также средоточению общественных построек города во вторую после столиц категорию (Mazar, 1990, р. 404). Названные выше города он также именует «царскими» (Ibid., р. 387), видя в них закономерное усложнение иерархии поселений, соответствующее общим социальным сдвигам в период сложения государственности.

В Мегиддо Й. Ядиным к Соломонову времени отнесены слои IV В – V А. Вершина холма окружена в это время казематной стеной*, примыкавшей к мощным воротам, шесть камер которых —

три с каждой стороны — фланкировали центральный проход (рис. 9.8; 9.11, Е). На огражденной стеной площади располагались: дворец правителя (№ 1723), стоявший в глубине квадратного двора со стороной 60 м, укрепленного особой стеной с четырехкамерными воротами, второе здание дворцового типа (№ 6000) (рис. 9.9; 9.10), примыкавшее к обводной стене восточнее шестикамерных ворот, и ряд общественных построек. Все эти массивные сооружения построены из обтесанных камней. Шестикамерные ворота сложены из них целиком. Они имеют четырехуголь-

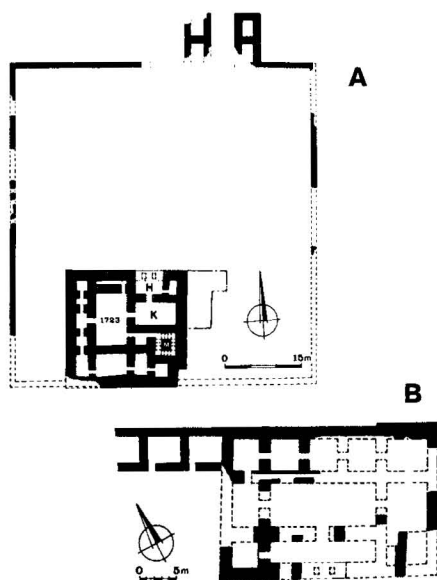

Рис. 9.9. Реконструкция дворца X в. до Р. Х. в Мегиддо. А — дворец № 1723. В — дворец № 6000

* При этой системе две параллельные стены соединены серией регулярных перегородок, ограничивавших отдельные отсеки — казематы, часть которых заполнялась балластом, подобно «панцирной кладке» более поздних периодов, часть же могла служить помещениями охраны, складами, наконец, жилыми комнатами примыкавших к стене домов. Толщина таких стен иногда превышала 4 м.

ный план размером 17,8×8×20 м и усилены выступающими башнями (рис. 9.11, Е). Ближайшие прототипы дворцовых сооружений известны в Северной Сирии (Ussishkin, 1966).

Несколько позже, может быть, уже в начале IX в. до Р. Х. казематная стена была сменена еще более мощной сплошной стеной с чередованием выступающих и углубленных участков («offsets and insets») (рис. 9.12). К тому же времени относится создание огромного строительного комплекса, идентифицированного рядом исследователей, начиная с открывшего его в 1928 г. П. Гая, как царские конюшни. Они соответствовали библейским сведениям о строительстве Соломоном городов для колесниц и городов для конницы (3 Цар 9:19) и о наличии у него тысяч колесниц и всадников, которых разместил он по колесничным городам, об особом внимании его к лошадям, которых «приводили из Египта и из Кувы»* (3 Цар 10:26, 28). Тщательность, с которой были построены эти сооружения, вызвала реплику В. Олбрайта: «В те дни о лошадях заботились более, чем о людях» (Albright, 1960, р. 124). К Соломонову времени был отнесен и упомянутый выше комплекс. Однако в дальнейшем и его

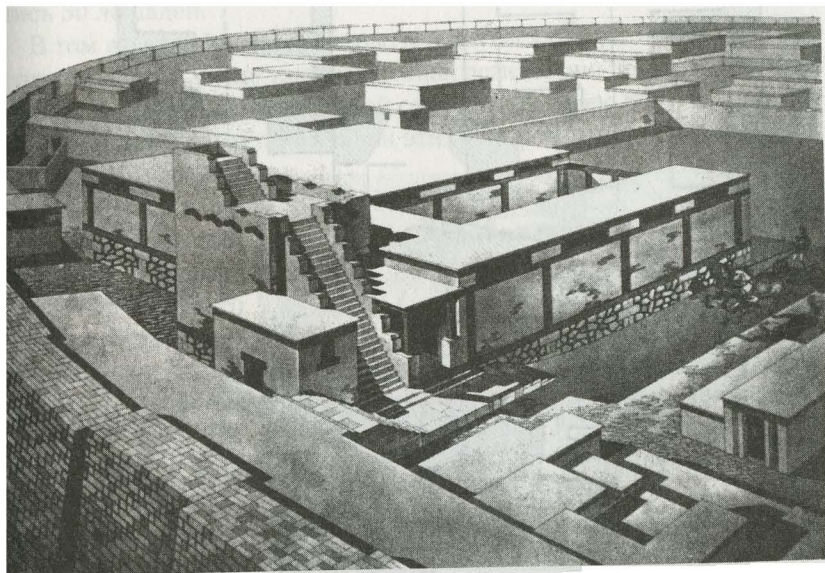

Рис. 9.10. Реконструкция дворца X в. до Р. Х. в Мегиддо (по Райту)

* Местность на юго-востоке Малой Азии.

хронологическая позиция и функциональный характер вызвали дискуссию. Приводились данные в пользу не конюшенного, а складского их назначения при сохранении отмеченной выше хронологичес-

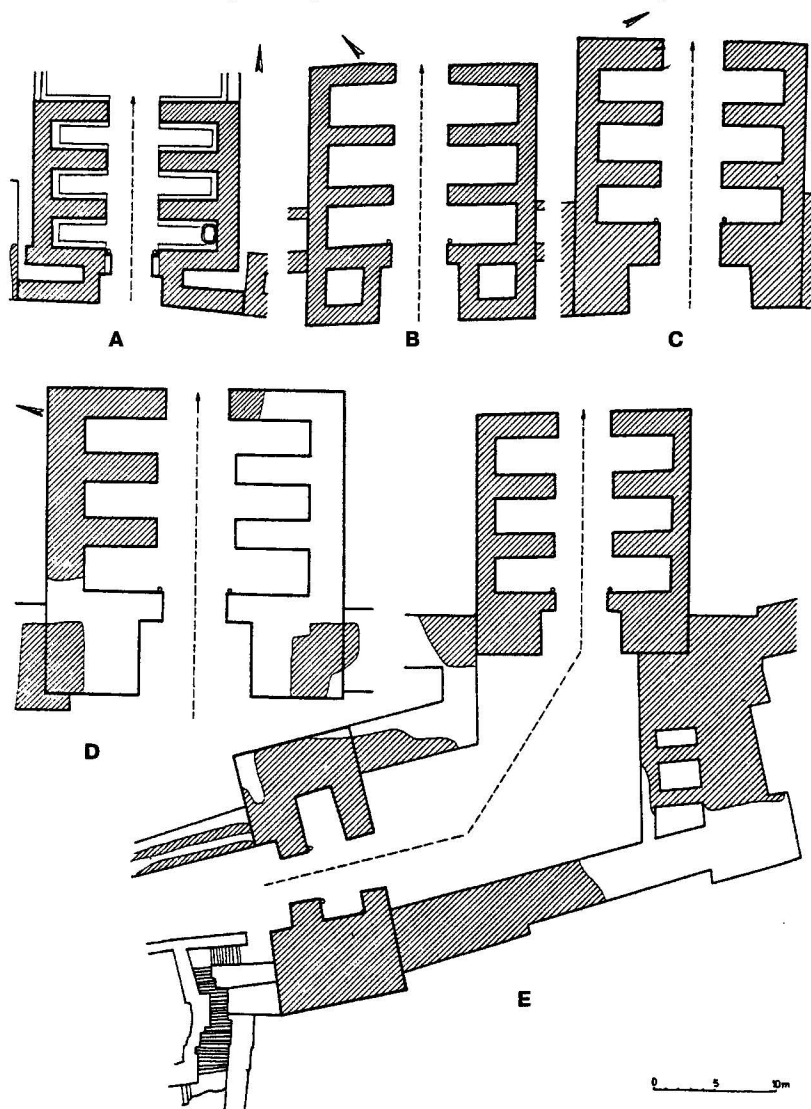

Рис. 9.11. Планы шестикамерных крепостных ворот X в. до Р. Х.
А – Гезер. В – Асор. С – Ашдод. D – Лахиш. E – Мегиддо (по Мазару)

кой привязки (Aharoni, 1982; Herzog, 1984). Но убедительный общий анализ соотношения построек и слоев Мегиддо этого периода, проведенный Й. Ядиным, доказал принадлежность комплекса слою IV A — то есть к началу IX в. до Р. Х. и соответственно царствованию Ахава. Что касается интерпретации построек, то этот исследователь подтверждает первоначальное представление о них как о царских конюшнях, не отрицая возможности складского характера других построек — близких по плану и конструктивным признакам (Yadin, 1972, pp. 147–646). Концепции Й. Ядина придерживается и А. Мазар (Mazar, 1990, p. 382).

Конюшни были рассчитаны на одновременное содержание более чем 450 лошадей. Комплекс включал параллельные отсеки, каждый из них имел центральный проход шириной 3 м, фланкированный двумя рядами каменных столбов (рис. 9.13, 9.14), служивших и для поддержки крыши, и, как свидетельствуют специальные отверстия в них, для привязи лошадей. За столбами шли трехметровые проходы для вывода последних. Полы были вымощены булыжником или покрыты слоем дробленого известняка. В каждом отсеке находились 30 лошадей.

В том же слое Мегиддо открыты и другие остатки массивных конструкций, в том числе уже отмеченная резиденция правителя, огражденная почти квадратной стеной со стороной около 60 м. В. Олбрайт отмечает, что в характере кладки этих построек имеются явные признаки заимствований из финикийской строительной практики (чередование продольного и поперечного положения длинных и узких каменных блоков и пр.). Им же обращено внимание на находки в Мегиддо древнейших в Израиле каменных капителей протоэолийского стиля. Они украша-

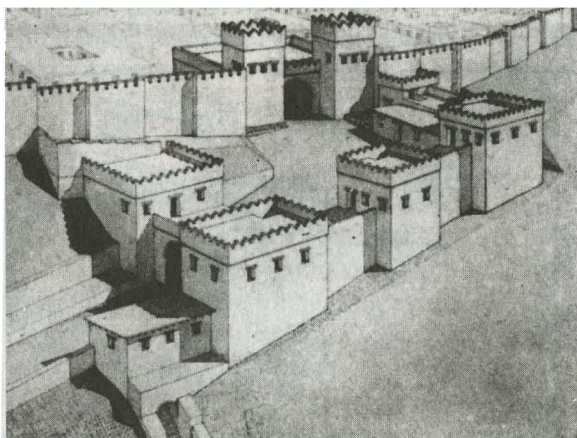

Рис. 9.12. Реконструкция ворот и «сплошной» стены в Мегиддо (по Райту)

ли пилястры ворот, ведущих в дворцовый двор, и с этого времени стали характерной чертой израильской архитектуры на протяжении всего раннего железного века (Albright, 1960). Далее такие капители найдены в Асоре, Иерусалиме, Самарии, Рамат Рахели и др.

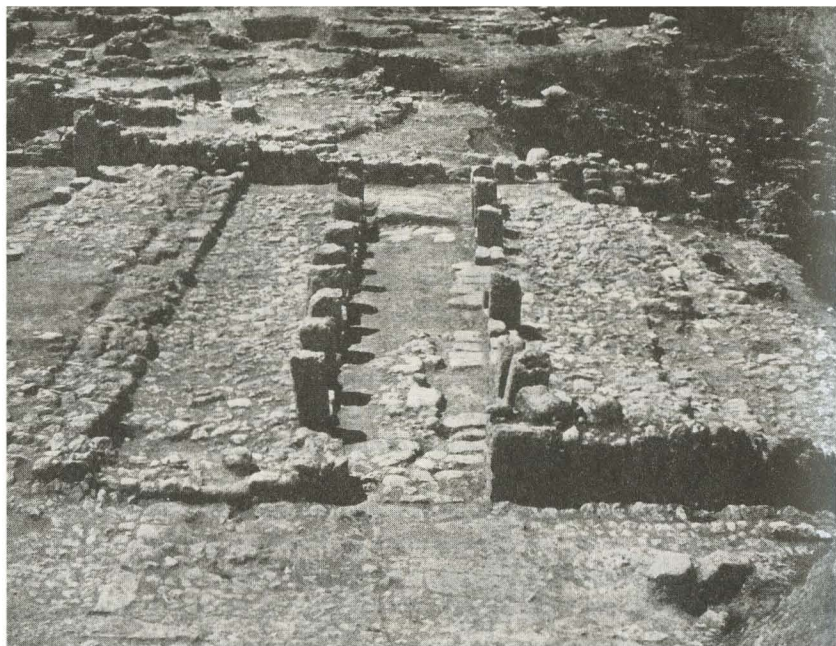

Рис. 9.13. Участок раскопок X–IX в. до Р. Х. в Мегиддо

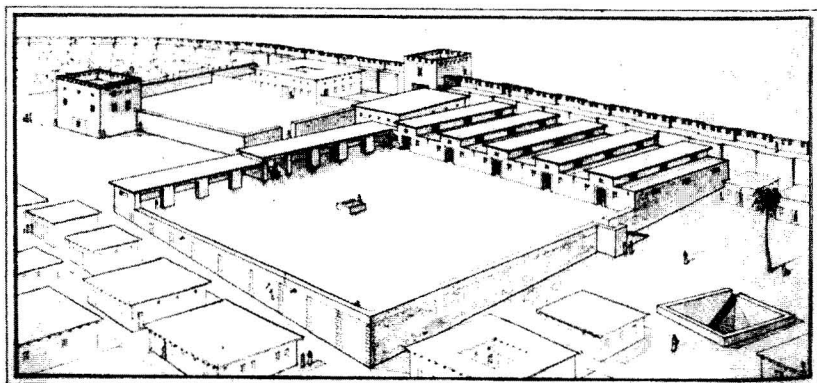

Рис. 9.14. Реконструкция южной секции конюшен X–IX в. до Р. Х. в Мегиддо (по Райту)

В Мегиддо открыта одна из древнейших конструкций водоснабжения городов. А. Мазар справедливо видит в этих конструкциях крупнейшее достижение рассматриваемого периода как в аспекте инженерии и гидрологии, так и в организации общественных работ (Mazar, 1990, p. 478). Распространившись в израильских городах, такие конструкции развивались, принимая иногда грандиозные размеры и сложнейшие формы, сменяя первоначальные схемы более совершенными. В Мегиддо самая ранняя конструкция относится к слою IVB–VA — то есть к Соломонову времени — и состоит из спускающегося по склону прохода, ограниченного стеной из обтесанных камней, и далее — совсем узкой тропы, достигающей источника. Позже, в IX в. до Р. Х. (слой IVA), в Мегиддо была создана значительно более сложная конструкция с вырубленной в скале в пределах самого города вертикальной шахтой, спирально расположенными ступенями в ней и горизонтальным тоннелем длиной 63 м, ведущим от нее к источнику; еще позже шахта была углублена до 16 м, достигла уровня тоннеля и превратилась в колодец, из которого вода доставлялась в город с помощью ворота, кожаных контейнеров и канатов.

Характерной для Соломонова города чертой К. Кенyon считает наряду с монументальным строительством широкое распространение культовых объектов — рогатых алтарей, подставок для курильниц, жаровень и чаш, связанных, возможно, с маленькими святилищами и частными молельнями (Kenyon, 1979, p. 249).

Монументальные постройки, и прежде всего городские ворота, представлены хорошо выработанным и в основных чертах единым типом во всех трех царских городах, и не только в них. В Мегиддо, Асоре (рис. 9.15) и Гезере (рис. 9.16, 9.17) они рассматриваются Й. Ядиным как четкие показатели централизованного царского строительства, что обосновывается как археологическими, так и библейскими свидетельствами (Yadin, 1972, 1975). Они отличаются особыми массивностью и типологической близостью, вплоть до наличия выступающих башен. Отдельные же их детали и строительная техника варьируются. В Мегиддо, как отмечалось, ворота полностью сложены из обтесанных камней: это единственный известный пока случай такого рода. В Асоре подобные шестикамерные ворота сложены из дикого камня, в Гезере кладка из больших диких камней лишь с фасада была облицована обтесанными камнями. Но башни такого же плана и близких размеров, сочлененные с казематными

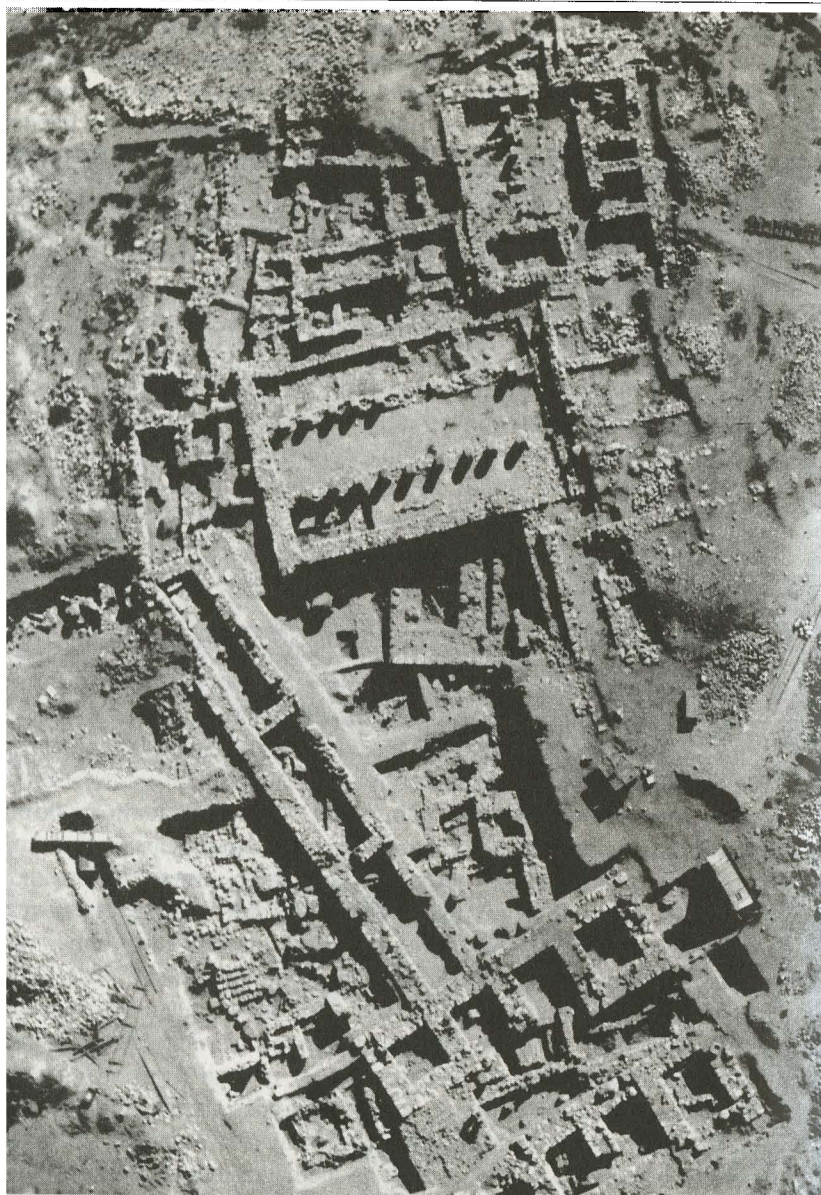

Рис. 9.15. Асор. Вид сверху на ворота (справа), казематную стену и массивные постройки Соломонова периода (X в. до Р. Х.) среди строительных остатков времени Ахава и Иеровоама II (IX—начало VIII вв. до Р. Х.) (по Райту)

стенами, открыты в Лахише, Ашдоде, Беф-Шане, казематные стены — в Вефсамисе, Телль Бейт Мирсима и т.д.

В Беф-Шане следы египетской оккупации перекрыты недолговременным и не очень выразительным слоем, который по керамике может быть отнесен ко второй половине X в. до Р. Х. Некоторые строения предположительно связываются с реставрацией города после разрушения египетских построек и первыми опытами кладки из тесаных каменных блоков финикийского типа. К. Кеньон относит их ко времени Соломона (Кеньон, 1979, р. 252).

Вефсамис — первоначально ханаанейский город, полностью сожженный в Давидово время и построенный заново по новому плану. Около середины X в. до Р. Х. создана окружившая город казематная стена толщиной 4,1 м, за которой, повторяя ее форму, шла кольцевая дорога. Густая застройка была подчинена радиальному расположению улиц. В застройке отмечено формирование стереотипа четырехкомнатного дома, сохраняются известные и ранее вкопанные в землю зернохранилища. Для керамики характерно исчезновение филистимлянских изделий, упрощение форм и сокращение их репертуара, распространение темно-красного ангоба и лощение поверхности.

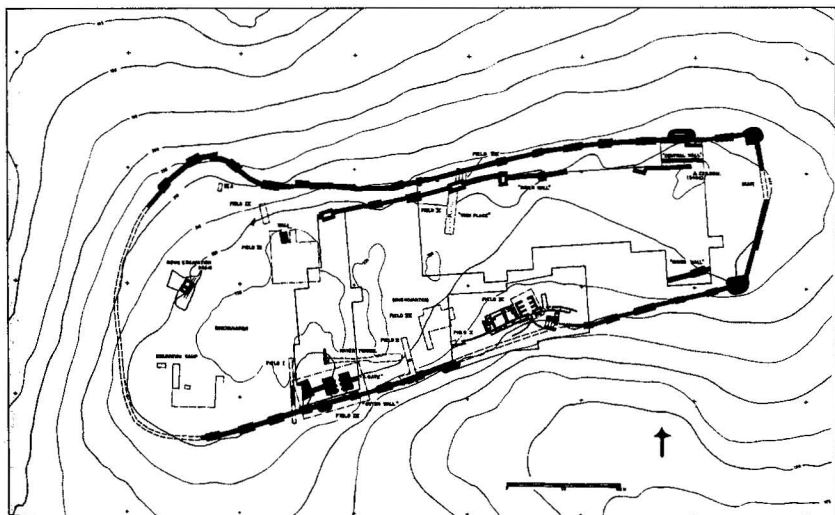

Рис. 9.16. План Гезера. Внутренний ряд стен и шестикамерные ворота (внизу, правее центра) — Соломонова периода, обводная сплошная стена с каменными башнями — IX—VIII в. до Р. Х. (по Мазару)

Телль Бейт Мирсим по ряду признаков, характерных для слоя X в. до Р. Х., повторяет Вефсамис (казематная стена толщиной 3,75 м, радиальные улицы, расходящиеся от центра, несколько колец домов, вкопанные в землю облицованные камнем зернохранилища, те же ангоб и лощение керамики). Весьма интересны глиняные плакетки с изображением беременной женщины, связанные с культом плодородия, свидетельствующие о его сохранении вопреки требованиям официальной религии.

Необычайно правильная планировка отмечена для Тирзы (Телль эль-Фары (сев.), где дома в основном трехчастные, близких планов и размеров, выходящие на параллельные улицы (Кенуон, 1979, р. 254).

Таким образом, свидетельства строительной и организационной деятельности времени Соломона фиксируются не только в царских и наиболее крупных, но и в отдельных малых городах. Нет оснований ее преувеличивать. Можно согласиться с А. Мазаром, отмечаю-

Рис. 9.17. Ворота X в. до Р. Х. в Гезере (по Райту)

щим, что, хотя урбанизационный процесс и возобновился в рассматриваемый период, зенита своего он достиг лишь в последующие века (Mazar, 1990, p. 388). То же можно сказать и об утверждении К. Кенъон, что «археология представляет весьма мало свидетельств блеска Соломонова двора, что, помимо столицы и основных городов, цивилизация была отнюдь не высока, а экономика не столь уж процветающей, страна же оставалась в основном крестьянской вопреки космополитической цивилизации двора» (Kenyon, 1979, p. 254).

Начало формирования израильской цивилизации

Но было бы несправедливо и преуменьшать значение такого принципиального социально-экономического сдвига, как формирование государственности и объединение страны в пределах единого царства в процессе становления израильской цивилизации. Еще раз повторю, что достаточно велика была роль аккумуляции израильтянами культурных достижений своих многочисленных предшественников, всей тысячелетней, многообразной и драматичной истории Палестины. Но именно в рассматриваемый период было положено начало и созданию специфических культурных систем, позволяющих говорить о собственной цивилизации, проявления которой нарастали в дальнейшем. Тот же А. Мазар отмечает, что израильские слои уже в X в. до Р. Х. идентифицированы помимо столицы и царских городов еще по меньшей мере в 19 городах и что они позволяют определить новый стереотип поселения (Mazar, 1990, p. 387).

К. Кенъон подчеркивает, что в этот период «впервые после среднего бронзового века можно говорить об ощутимом числе подлинных городов» (Kenyon, 1979, p. 256). Четко определилась уже упоминавшаяся иерархия последних с выделением не менее трех их категорий. Ортогональная планировка стала крайне редкой, господствует круговая планировка с поясом домов по периметру поселения, вдоль обводных стен (при наличии таковых) и радиальных улиц. Круговой внешний пояс построек может восходить еще к древним скотоводческим традициям и отличается от классических форм планировки ханаанейских городов бронзового века. Тот же сплошной пояс домов, окружавший израильские поселки, явился праобразом оборонительных стен казематного типа, доминировавших именно в X в. до Р. Х. и далее сохранявшихся лишь в редких случаях. И также с IX в. до Р. Х. (может быть, с самого конца X в.) доминанта и в Северном и в Южном царствах переходит к сплош-

ным стенам с рядом специфических особенностей (широкое применение обтесанного камня, чередование углубленных и выступающих участков, оформление гласисов на крутых склонах, башни, «балконы» для навесного огня и пр.). Впоследствии такие искусно выполненные фортификации достигали толщины до 7 м (Иерусалим) и, по справедливому предположению Й. Ядина, были ответом на применение ассирийцами стенобитных машин (таранов).

Весьма характерны для израильских фортификационных систем хорошо выработанные стереотипы шестикамерных (с Соломонова времени), а далее и четырехкамерных ворот, иногда же комплексы внешних и внутренних ворот, связанных с двойной линией стен. Отмечаются и мирные функции этих массивных сооружений, использовавшихся как рынки, места культовых церемоний и судебных процессов, трибуны правителей и т.п. (Mazar, 1990, p. 464).

Рис. 9.18. Водяная шахта Асора (по Ядину)

Выше уже говорилось о специфических (хотя иногда и имеющих корни в ханаанейских и финикийских традициях) формах кладки из обтесанных камней, получивших широкое распространение в израильской архитектуре, а также о применении протоэолийских капителей, прочно в ней утвердившемся.

Важна и показательна выработка стереотипов и бытовых — жилых и хозяйственных — построек (ведь сам факт такой выработки соответствует консолидации общества и унификации ряда направлений его производственной деятельности). Здесь должен быть отмечен «столбовой дом» —

четырехугольная конструкция с одним или двумя рядами монолитных каменных столбов в центральном дворе и комнатами по трем сторонам последнего, прежде всего на втором этаже. Наиболее типичен так называемый «четырёхкомнатный дом», появившийся еще в X в. до Р. Х. и широко распространившийся в XI в. до Р. Х. Размеры его варьируются, в X в. до Р. Х. обычный стандарт 10×12 м. В Тирзе такие равновеликие дома превалируют во всей застройке, еще раз подтверждая определенное организационное начало.

В наибольшей мере оно проявилось в создании отмеченных выше систем водоснабжения, характерных для ряда израильских городов (Иерусалим, Мегиддо, Асор, Гезер, Гибен, Арад, Беэр-Шева, Иокнеам, Ивлеам, Кадес-Варни), достигавших впоследствии грандиозных размеров и свидетельствующих как о высоком развитии инженерного искусства, так и о способности консолидации больших средств и масс населения, необходимых для этих акций.

В некоторых городах такие системы были реконструированы или сменены, что уже упоминалось в отношении Мегиддо. Близкая картина зарегистрирована в Иерусалиме. Первая система была сооружена здесь предположительно еще в Давидово время. При этом использовалась вертикальная карстовая трещина, шедшая до поверхности скалы. К ней вел крутой подземный проход из города, далее горизонтальный тоннель подводил к источнику. Весьма значительным усовершенствованием системы явился огромный новый тоннель, сооруженный при Езекии (IX в. до Р. Х.). В Асоре глубина соответствующей системы достигала 40 м. Верхнюю ее часть составляла шахта размерами 13×16 м и глубиной 19 м (рис. 9.18), из нее круто спулся вниз двадцатипятиметровый канал вплоть до подземного резервуара (рис. 9.19). Входивший в систему спиральный спуск был достаточно широк для использования животных при доставке контейнеров с водой наверх. Более простые, но достаточно рациональные системы открыты в меньших горо-

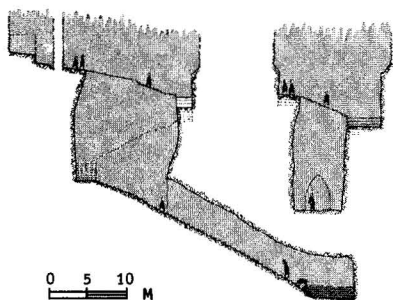

Рис. 9.19. Продольный и поперечный разрез водяной шахты и ведущего к источнику тоннеля в Асоре (по Ядину)

дах. В Гибее и Ивлеае подземные тоннели шли вдоль склона холма непосредственно к источнику. При этом в Гибее сам источник был соединен дополнительным тоннелем с водоносным слоем для увеличения поступления воды. Все эти сооружения сыграли самую существенную роль во время тяжких осад, которым подвергались палестинские города в ходе непрерывных войн первой половины I тыс. до Р. Х. И еще раз подчеркну, что начало свое сооружение этих поразительных конструкций берет еще в периоде Единого царства, что относится и к освоению достаточно сложных форм фортификационной, храмовой, дворцовой, жилой, хозяйственной строительной техники и архитектуры и к урбанизационному процессу в целом. Здесь значительный прогресс несомненен.

Прочие виды ремесел

Естественно, осваивались и развивались и прочие ремесла, но их показатели значительно более скромны. Очень нелегко выделить специфически израильскую продукцию, поскольку ханаанейские, филистимлянские, а более всего финикийские ремесленные традиции сохранялись и продолжали решительно воздействовать на израильское ремесло, собственных традиций фактически не имевшее. При этом значительную долю изделий составлял прямой импорт.

Керамика

Одним из основных традиционных индикаторов ремесленного развития считается керамика.

Сразу же отмечу, что отсутствие как технологических, так и художественных традиций, определяющих уровень керамического производства, стало причиной крайней бедности репертуара форм, технической отсталости (вплоть до сохранения ручной лепки) и малохудожественности израильской керамики догосударственного периода. Функционально она была явлением чисто бытового порядка, производилась для практического использования. Эстетическая сторона здесь оставалась в забвении, что резко контрастировало с замечательными изделиями ханаанейских, египетских, филистимлянских мастерских. И в этой области формирование Единого царства привело к заметным сдвигам. Резкая активизация связей, соприкосновение с рядом развитых культурных групп, включение их в состав государства, аккумуляция их традиций и производственного опыта обусловили уже при Давиде значительное развитие керамической

технологии с широким применением глиняного и каменного гончарного круга, обогащение репертуара форм, особое внимание к оформлению поверхности сосудов, их орнаментации, общему эстетическому аспекту производства. Уже в период Единого царства отмечается большое многообразие горшков (вплоть до пифосов и тарных амфор), мисок, тарелок, чаш, кувшинов, флаконов, кубков и т.д. Характерно широкое применение красного ангоба и лощения — вначале грубого, далее все более совершенствующегося.

Все эти формы, приемы оформления поверхности и орнаментации оказались достаточно долговременными и сохранялись, естественно, эволюционируя, обогащаясь, испытывая определенные воздействия со стороны высокоразвитых центров (прежде всего Финикии), на протяжении нескольких веков существования отдельных царств — Израиля и Иудеи.

Вместе с тем в этот период наряду с общими чертами возникают и специфические для каждого из этих двух царств традиции керамического производства. Общим можно считать все более четкую доминанту круговой техники, что нашло отражение в Библии (Иер 18:3: «И сошел я в дом горшечника, и вот, он работал свою работу на кружале»). Каменные гончарные круги известны в Мегиддо, Лахише, Гезере, Асоре. Можно говорить о заметном расширении и стандартизации ке-

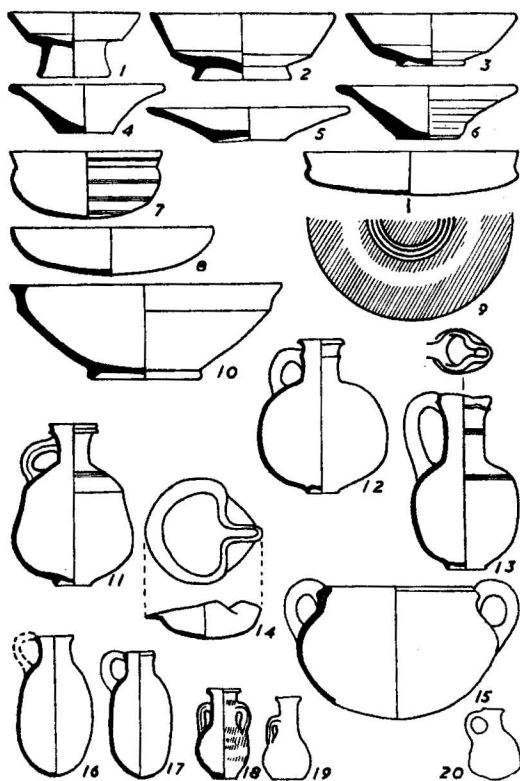

Рис. 9.20. Керамика из Самарии IX–VIII вв. до Р. Х.

рамического производства, создании сети мастерских, выполнении царских заказов (1 Пар 4:23: «Они были горшечники, и жили при садах и в огородах; у царя для работ его жили они там»). Вырабатывались единые приемы подготовки глиняной массы (Ис 41:25), очистки ее, формовки сосудов, обработки поверхности, обжига. Обжигательные печи, слабо сохранившиеся в самой Палестине, хорошо известны в Сирии, начиная с раннего бронзового века, к началу железного века они представлены весьма совершенными и многообразными формами, в том числе «двухэтажными»: с углубленной в землю топкой и обжигательной камерой. Использовались местные сорта глины. В качестве примеси применялся толченый известняк. Поверхность сосудов часто ангобировалась и залащивалась, а иногда расписывалась черной или красной краской. В росписи доминировали геометрические мотивы, изобразительные (птицы) редки.

Специфика различных территориальных групп проявляется в формах, характере поверхности, росписи сосудов IX–VII вв. до Р. Х. (рис. 9.20–9.22).

В Израиле характерны лощенные красные и черные чаши, кувшины и прочие формы, обильно представленные в Асоре, Самарии, Телль эль-Фаре (сев.). А. Мазар выделяет здесь две группы. Первая — толстостенные чаши на высоких ножках с красным или чер-

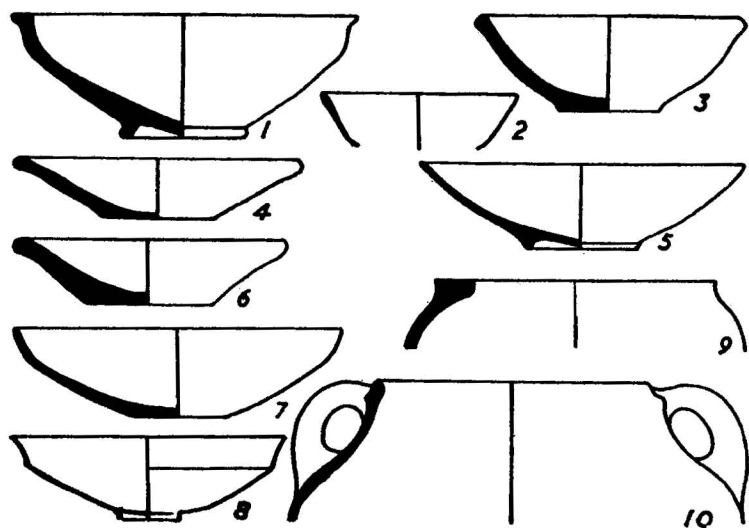

Рис. 9.21. Керамика из Самарии

ным ангобом и лощением — характерна только для Самарии и ближайшей ее округи. Вторая — тонкостенные широкие чаши из хорошо отмученной глины, лощеные и орнаментированные концентрическими красными или желтоватыми полосами. Подчеркивается финикийское происхождение второй группы (во всяком случае, ее прототипов) (Mazar, 1990, p. 508).

Для Иудеи этим же автором подчеркиваются чрезвычайная долговременность форм, медленный темп и последовательность их развития (Ibid.). Вместе с тем выделяются два хронологически различных комплекса, границы которых соотнесены с двумя разрушитель-

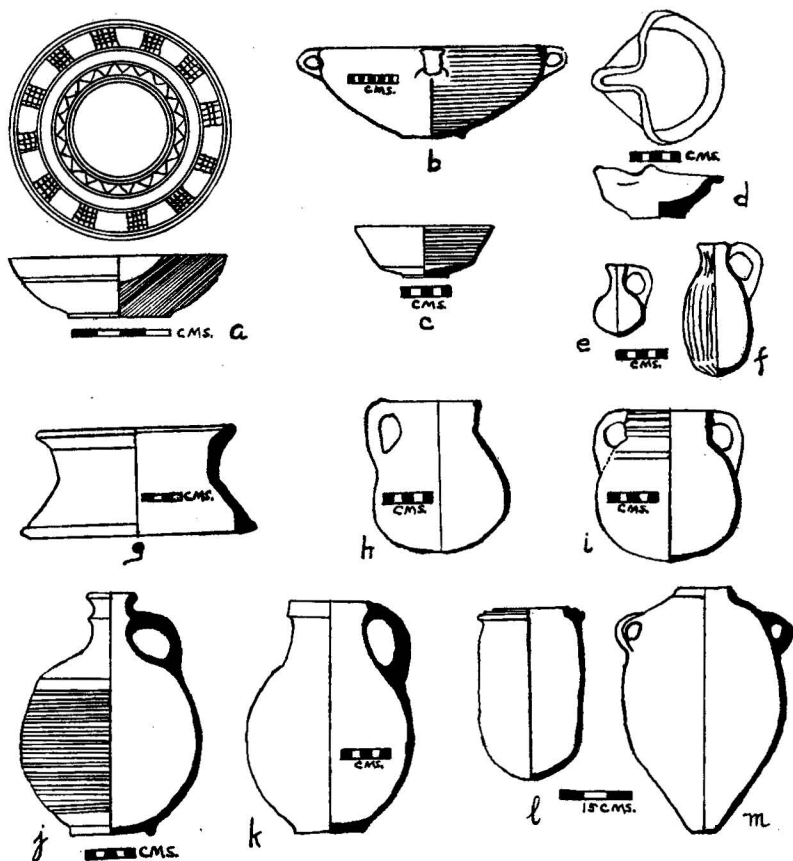

Рис. 9.22. Иудейская керамика VIII–VII вв. до Р. Х. из Дебира (по Райту)

ными акциями — ассирийским нашествием 701 г. до Р. Х. и вавилонским — 586 г. до Р. Х. Отмечается качественное отличие керамики Иерусалима и его окружения, что связывается с массовой продукцией специальных мастерских, пользовавшейся широким спросом. Нейтронный анализ подтвердил, что типичные изделия их сделаны из одной глины и, возможно, в одной мастерской, что предполагает оптовое производство (Ibid., p. 508).

Завершая этот беглый обзор, замечу, что и при всех сдвигах на протяжении Единого и Раздельных царств художественная сторона израильской керамики оставалась чрезвычайно скромной.

Металлургия

В предшествующих главах мы sporadически и весьма кратко касались вопросов металлургии Палестины и возникновения в ней металлических изделий начиная с энеолита, с первых разработок медных месторождений Синайского полуострова (Rothenberg, 1972), первых кладов, включавших металлические изделия (Bar-Adon, 1980; Tadmor, Kedem, Begemann, Hauptmann, Pernicka, Schmitt-Strecker, 1955), развития металлообработки меди и появления древнейшего золота Восточного Средиземноморья (Avi Gopher (ed.), 1997; Shalev, 1995).

Дальнейший прогресс в Палестине этой важнейшей отрасли производства носил такой же пульсирующий характер, как и общие судьбы ее культуры. Рудные богатства южных областей — между Мертвым морем и Акабским заливом Красного моря — всегда сохраняли свое значение, однако не только позитивное — как весьма существенный ресурс ремесленной и торговой деятельности, но и негативное — как фактор, вызывавший периодические вражеские — прежде всего египетские — вторжения. Во всяком случае, начиная с развитого периода раннего бронзового века медеплавильные мастерские получают определенное распространение в Палестине. Оно значительно активизировалось, когда искусственная приплавка олова привела к появлению бронзы — металла более прочного и твердого, снизив вместе с тем температуру плавки и упростив процесс литья. Бронза была уже пригодна для массового производства крупных образцов оружия и орудий — кинжалов, мечей, топоров, плужных лемехов, тесел, долот, чаш, ведер и пр. Целая сеть медеплавильных мастерских покрывает в среднем и позднем бронзовом веке ряд районов страны, прежде всего вблизи самих выработок, достигающих значительного размера: в Тимне открыты штольни длиной в сотни

метров на различных уровнях и в разных направлениях. В мастерских найдены плавильные печи различной формы: круглые, квадратные, прямоугольные, иногда двучастные. Должная температура достигалась с помощью мехов и глиняных трубок для вдувания воздуха. Но все мастерские оставались небольшими, попытки видеть в некоторых массивных сооружениях (Эцион-Гезер у Акабского залива) остатки масштабных металлургических предприятий, выплавлявших руду на экспорт, не подтвердились, а сооружения эти оказались зернохранилищами или караван-сараями на торговых путях (БЭ, с. 228; Kenyon, 1979, p. 254).

Бронза сохраняет у израильтян свое значение и даже приоритет и в первый период железного века, хотя у ханаанеян и филистимлян железное оружие появилось, очевидно, раньше: в Книге Исуса Навина упоминаются даже ханаанейские железные колесницы времени прихода израильтян в Палестину (Нав 17:16). Преимущества железа, прежде всего при производстве оружия, были уже достаточно ясны их противникам: согласно библейскому свидетельству, филистимляне запрещали евреям иметь собственных кузнецов-оружейников. «Кузнецов не было во всей земле Израильской, ибо Филистимляне опасались, чтобы Евреи не сделали меча или копья. И должны были ходить все Израильтяне к Филистимлянам оттачивать свои сошники, и свои заступы, и свои топоры, и свои кирки» (1 Пар 13:19–20). И дело, очевидно, не только в запретах, но и в контрасте между развитием металлургии двух народов. Железо, повторяю, входило в обиход у израильтян очень медленно. Объемная плавильная печь, открытая в Вefсамисе и относящаяся ко времени Судей, предназначалась для получения меди. Большие же заготовки железа фиксируются лишь в связи с деятельностью Давида, хотя то же подчеркивается и для меди (1 Пар 22:3). Наряду с железом медь упоминается в Ветхом Завете и позже, при описании тяжелого труда рудокопов (Иов 28:2–4): «Железо получается из земли; из камня выплавляется медь. Человек полагает предел тьме, и тщательно разыскивает камень во мраке и тени смертной. Вырывают рудокопный колодезь в местах, забытых ногою, спускаются в глубь, висят и зыблются вдали от людей».

К сожалению, в отличие от достаточно многочисленных медеплавильных мастерских, железоделательные мастерские как X в., так и всей первой половины I тыс. до Р. Х. в Палестине фактически почти неизвестны. Выходы железных руд зафиксированы в ряде мест Заиорданья, но прямых свидетельств их добычи и использования пока не

найденно. О выработке соответствующих железоделательных навыков и преобладании железа в металлообработке еврейских царств в основном приходится судить по готовым изделиям (Waldbaum, 1978). Последние, в частности, позволяют предполагать единичные попытки изготовления стальных изделий; первым образцом такого рода является клевец из цитадели Хар Адира в Верхней Галилее (Mazar, 1990, р. 360, fig. 8:32), датированный XI в. до Р. Х. Но подлинное распространение железа и совершенствование технологии его обработки начались не ранее X в. до Р. Х. Однако и тогда, да и в последующие века первой половины I тыс. до Р. Х. нет оснований говорить о масштабности этого процесса (в отличие, например, от финикийского или ассирийского ремесла), о способности местных железоделательных мастерских своими силами удовлетворить потребности царства (а далее и двух царств) в железе и изделиях из него. Потребности же эти непрестанно возрастали. Одной из основных причин этого было вновь резко обострившееся после смерти Соломона военное напряжение, требовавшее постоянного наращивания вооружения, львиная доля которого производилась из металла, а конкретнее — из железа. Совершенно очевидно, что ни местные ресурсы, ни местная индустрия не были достаточны для решения этой проблемы. Насущно необходимой стала регулярная поддержка извне, которую могли обеспечить только широкие международные, и прежде всего торговые, связи. К ним мы вернемся ниже. Сейчас же очень коротко коснемся только что упомянутого вооружения израильтян, в значительной мере зависевшего от уровня металлургии и прочих названных факторов.

Металлическое вооружение Сиро-Палестинского региона прошло уже ко времени Единого царства длительный путь развития, отражая как общие традиции Ближнего Востока (прежде всего Месопотамии, далее египетские, ханаанейские, финикийские), так и привнесенные — кипрские, эгейские, анатолийские (рис. 9.23). Путь этот с предельной полнотой прослежен в ряде специальных работ, среди которых особо выделяются превосходные исследования Й. Ядина (1963) и М. В. Горелика (1993). Это позволяет мне ограничиться лишь самыми общими замечаниями.

К древнейшим формам наступательного металлического оружия, известным в указанном регионе с энеолита (IV тыс. до Р. Х.), должны быть отнесены кинжалы, боевые топоры, булавы и копья. В Палестине это прежде всего еще медные кинжалы из клада Кфар Монаш, медные топоры из того же клада, булавы из Беэр-Шевы, кладов

Кфар Монаш и Нахал Мишмар, копье из клада Кфар Монаш (Горелик, 1993, табл. III, 3,4; XIX, 48; XXX, 1,2–13; XXXIII, 9). Важно отметить, что эти древнейшие находки представляют прототипы форм, сохраняющихся и эволюционирующих на протяжении чрезвычайно длительных периодов раннего и среднего бронзового века — то есть III тыс. и первой половины II тыс. до Р. Х. Вместе с тем происходили и заметные, а иногда и принципиальные изменения. Медь к середине III тыс. до Р. Х. была сменена бронзой, что обусловило совершенствование имевшихся и появление новых — значительно более крупных и прочных форм. Возрастают длина и многообразие кинжалов. Простейшие формы плоских, без проуха, топоров сменяются целым рядом типов этого важнейшего оружия, в большинстве своем уже снабженных проухами различной конструкции — вплоть до высоких трубчатых. Еще более многообразны лезвия топоров, различающиеся не только по форме, но и по характеру действия: широкие, секирообразные, рассчитанные на режущий эффект наряду с основным раскалывающим, и узкие, только раскалывающие, предназначенные, вероятно, для пробивания существующих в Палестине к концу III тыс. до Р. Х. шлемов и щитов. То же предназначение имели и чеканы (клепцы), появившиеся в Месопотамии уже в середине III тыс. до Р. Х. и пришедшие оттуда в Сирию и Палестину. Как всегда, возникновение оборонительного вооружения обуславливает совершенствование наступательного и создание новых его видов.

Возможно, производной формой от секир явились так называемые очковидные топоры, получившие широкое распространение как в Месопотамии, так и в Сиро-Палестинском регионе на грани III и II тыс. до Р. Х. (Там же, табл. XX, 61,63,64, 65, 70 и др.). В начале II тыс. до Р. Х. из Месопотамии Сирия и Палестина воспринимают совершенно новый вид рубящего оружия — двояковыгнутые секачи (или серповидные мечи) с лезвием на вогнутой стороне — впрочем, некоторые его типы имели два изгиба, при этом лезвие продолжалось и на внешнюю сторону. Это оружие было, очевидно, весьма эффективным, оно получило значительное распространение и существовало долго: в Палестине древнейший экземпляр секача, найденный в Сихеме, отнесен к XIX в. до Р. Х., ряд других, почти идентичных ему (в том числе из Гезера), — к XIV в. до Р. Х., позднейший — несколько видоизмененный, из Беф-Шана, — к XIII–XII вв. до Р. Х. По предположению М. В. Горелика, это оружие было принесено на запад от Месопотамии сугийскими племенами (Там же, с. 38,

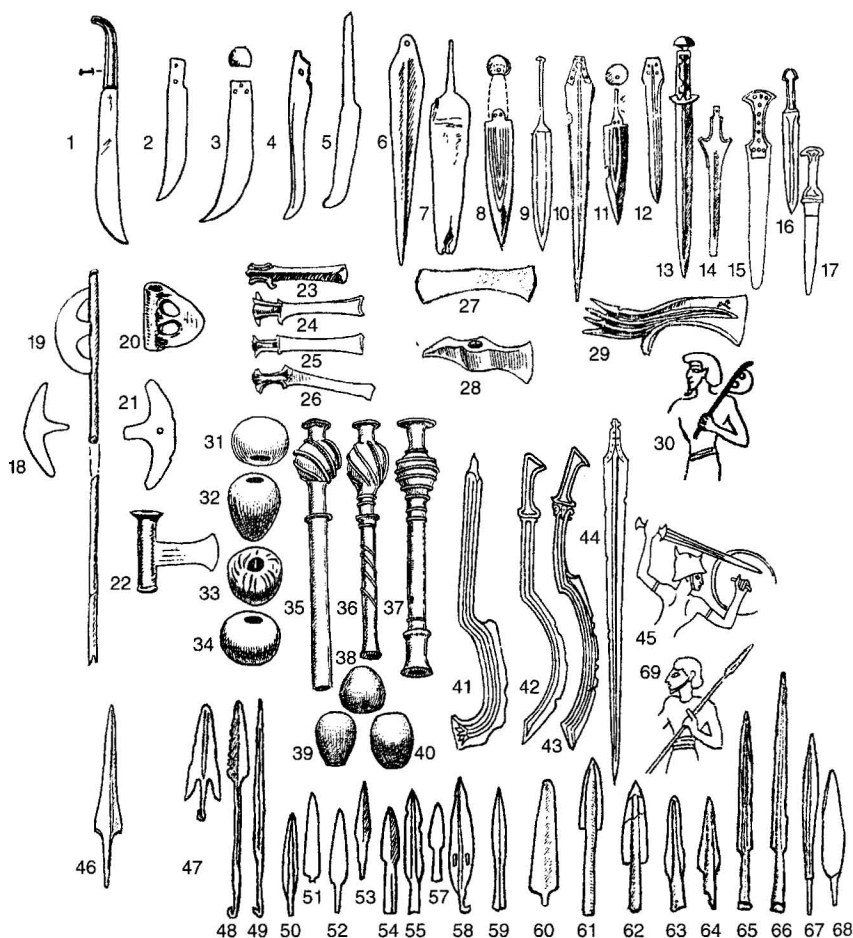

Рис. 9.23. Избранные предметы вооружения древней Палестины (по материалам Горелика).

1–17 — кинжалы и боевые ножи (медь, бронза).

1. Газа (Телль Аджуль), XVIII–XVII вв. до Р. Х.; 2. Телль Йехудие, XVIII–XVI вв. до Р. Х.; 3. Иерихон, XVIII–XVII вв. до Р. Х.; 4. Шарухен (Бет-Пелет, Телль эль-Фара), XVI–XV вв. до Р. Х.; 5. Лахиш, XVI–XV вв. до Р. Х.; 6–7. Клад в Кфар Монаш, конец IV тыс. до Р. Х.; 8–10. Газа (Телль Аджуль) XVIII–XVII вв. до Р. Х.; 11. Мегиддо, XVIII–XVII вв. до Р. Х.; 12. Иерихон, XIX–XVII вв. до Р. Х.; 13–14. Телль эс-Сайдийе, XVI–XV вв. до Р. Х.; 15. Газа (Телль Аджуль), XVII–XVI вв. до Р. Х.; 16–17. Шарухен (Бет-Пелет, Телль эль-Фара) XIV–XII вв. до Р. Х.

табл. XVIII, 19, 20, 30, 31, 32, 48) — они уже упоминались выше как племенной массив, с которым связано движение древних евреев из Южной Месопотамии в Палестину.

Подлинные же прямые двулезвийные мечи, появившиеся в Восточном Средиземноморье (Анатолия, Эгейя, Крит) в конце III — начале II тыс. до Р. Х., в Сирии и Палестине зафиксированы около середины XIII в. до Р. Х., скорее всего, вследствие вторжения Народов моря, в руках воинов которых подобные мечи эгейского типа изображены на египетских фресках в Мединет-Абу (XII в. до Р. Х.). Сами мечи XIII–XII вв. до Р. Х., найденные в Сирии (Угарит, Хама) и Палестине (Телль Аджуль), бронзовые (Там же, табл. XIV, 5, 6, 12, 13, 13а). С рубежа I тыс. до Р. Х. начинается широкое внедрение уже железных мечей, обусловленное распространением самого железа, что облегчило вес клинков, а также применением металлических доспехов (Там же, с. 30).

18–30 — боевые топоры.

18. Клад Кфар Монаш, конец IV—начало III тыс. до Р. Х.;
19–20. Мегиддо, XIX в. до Р. Х.; 21. Телль эль-Хеси, середина III тыс. до Р. Х.; 22. Клад Нахал Мишмар, конец IV тыс. до Р. Х.;
23. Некрополь у Телль Авива, XVIII–XVII вв. до Р. Х.; 24. Телль эль-Даба, XVIII–XVII вв. до Р. Х.; 25. Иерихон, XVII–XVI вв. до Р. Х.;
26. Шарухен (Бет-Пелет, Телль эль-Фара), XVIII–XVII вв. до Р. Х.;
27. Мегиддо, XVIII–XVII вв. до Р. Х.; 29. Беф-Шан, XIV в. до Р. Х.;
30. Азиатский воин. Роспись в Бени Хасане, Египет, XIX в. до Р. Х.

31–40 — булавы.

31. Безр-Шева, середина IV тыс. до Р. Х.; 32–37. Клад в Нахал Мишмар, конец IV тыс. до Р. Х.; 38–40. Мегиддо, XVIII–XVI вв. до Р. Х.

41–45 — мечи и секачи (серповидные мечи).

41. Сихем, XIX в. до Р. Х.; 42. Гезер, XIV в. до Р. Х.; 43. Палестина, XIV в. до Р. Х.; 44. Газа (Телль Аджуль), XIII–XII вв. до Р. Х.;
45. Меченосец Народов моря — деталь рельефа из Мединет-Абу, XII в. до Р. Х.

46–68 — копья и дротики.

46. Клад из Кфар Монаш, конец IV тыс. до Р. Х.; 47. Телль эль-Хеси, вторая половина III тыс. до Р. Х.; 48. Телль эль-Хеси, XXVI–XXIII вв. до Р. Х.; 49. Телль эль-Хеси, вторая половина III — начало II тыс. до Р. Х.; 50–53. Газа (Телль Аджуль), XVIII–XII вв. до Р. Х.;
54–58. Мегиддо, XVIII–XVII вв. до Р. Х.; 59. Лахиш, середина II тыс. до Р. Х.; 60. Гезер, XIV в. до Р. Х.; 61. Боркай, XIX–XVIII вв. до Р. Х.;
62. Мегиддо, конец III — начало II тыс. до Р. Х.; 63. Мегиддо, начало II тыс. до Р. Х.; 64. Мегиддо, около XVII в. до Р. Х.; 65–66. Мегиддо, XII в. до Р. Х.; 67. Мегиддо, XV в. до Р. Х.; 68. Мегиддо, XVI–XV вв. до Р. Х.; 69. Изображение копейщика на костяной пластине, Мегиддо, XIII–XII вв. до Р. Х.

Совершенствовались и копья. Если в III — первой половине II тыс. до Р. Х. доминировал черешковый насад их бронзовых наконечников, то далее полностью господствовал втульчатый (Горелик, 1993, с. 61, табл. XXXIV), гораздо более простой при сочленении наконечника с древком и надежный при использовании оружия. Это в полной мере касалось и дротиков, которым в палестинском арсенале принадлежала достаточно существенная роль как метательному оружию дальнего боя наряду с пращами и различными видами луков — простых, сложных, составных (Там же, с. 66, табл. XL, XLI).

Археологические и в значительно большей мере изобразительные свидетельства (граффити, статуи, египетские фрески и рельефы, финикийские терракотовые статуэтки, изображения на серебряных сосудах, резная слоновая кость) позволяют в общих чертах судить и об оборонительном вооружении населения Палестины начиная с конца III тыс. до Р. Х. Традиционной формой щитов вплоть до второй половины II тыс. до Р. Х. были короткий прямоугольник или квадрат (Там же, с. 179, табл. XVIII) с отдельными исключениями: на фреске в Бени Хасане (Египет, XIX в. до Р. Х.) семитские наемники изображены с узкими прямоугольными щитами с раздвоенными короткими сторонами. О материалах судить трудно: здесь свидетельства только изобразительные. Наиболее вероятны деревянные рамы с натянутой кожей, лыковое плетение и при любом варианте металлические умбоны, ленты, бляшки, оковка, не только укреплявшие, но и украшавшие щит.

В XIII в. до Р. Х. прямоугольные щиты сменяются круглыми, что не без основания связывается с вторжениями Народов моря, щиты которых традиционной для эгейско-анатолийского региона круглой формы изображены на фресках в Мединет-Абу и на рельефах последней четверти II тыс. до Р. Х. Подобные щиты широко применялись ханаанеями. Далее — с X по VII в. до Р. Х. — эта форма становится господствующей в Сирии и Палестине, что документируется фактически всеми названными выше видами изобразительных свидетельств (Там же, табл. LXIII, 65–75; LXIV, 15–31). Основным материалом и здесь были дерево, кожа, иногда в несколько слоев, лыко и бронза — бляхи, умбоны, канты. Появляются и небольшие цельнометаллические щиты, как боевые, так и декоративные — золотые или из золоченой бронзы. Но в VII в. до Р. Х. наряду с круглыми в Сиро-Палестинском регионе известны и очень крупные щиты с прямоугольной нижней и дугообразной верхней частью, — так-

же с деревянной основой, кожей или плетением и, конечно, металлом (Там же, табл. LXIII, 15–31), таковы, в частности, и иудейские щиты на рельефах ассирийского царя Сенаххериба (704–681 гг. до Р. Х.) в Ниневии.

Тяжелые металлические шлемы, появившись в Месопотамии в середине III тыс. до Р. Х., в интересующем нас регионе нашли не только широкое распространение начиная с первой половины II тыс. до Р. Х., но и выработку новых эффективных форм — сфероконической (шишаки) и яйцеобразной; шлемы первой формы — цельнометаллические, второй — кожаные с бронзовым кантом и бляхами (Там же, табл. LXI, 1–21; из них 19–20 — шлемы иудейских воинов на тех же рельефах Сенаххериба).

Наконец, оборонительные доспехи, прежде всего панцири из твердых материалов — кожи и металла, с мягкой основой и без нее, встречаются в Сирии и Палестине со второй четверти II тыс. до Р. Х., причем и здесь постулируется особо заметная роль этого региона в возникновении новых эффективных форм. Если пластинчатый панцирь, зафиксированный находками пластин в слоях Лахиша середины II тыс. до Р. Х. (Там же, табл. L, 14, 15), связывают с египетской традицией, то формирование более рационального ламеллярного доспеха (с пластинами, соединенными одна с другой непосредственно, без мягкой основы) допускается в самом Сиро-Палестинском регионе (Там же, с. 115). Во всяком случае, здесь они появляются в XVIII–XVII вв. до Р. Х. и, широко распространившись, функционируют вплоть до падения обоих еврейских царств в середине I тыс. до Р. Х. Составлявшие их пластинки (чешуйки) на протяжении II тыс. были бронзовыми, далее — как бронзовыми, так и железными (Там же, табл. LIV, 1, 19; LV, 1 — 14; LVI, 6, 7).

Есть все основания считать, что в Палестине и Сирии представлены все основные ступени развития ближневосточного вооружения. Более того, здесь аккумулировались соответствующие достижения ряда уже названных выше иноземных производственных центров. Вполне закономерно появление в Сиро-Палестинском регионе и собственных подобных центров. Оправдана и высказанная М. В. Гореликом мысль об особой их активности в выработке новых прогрессивных форм вооружения в силу самого расположения на ближней периферии могучих централизованных монархий, где возможность использования передовой производственной базы городов сочеталась «с подвижной массой свободного, «полуварварского» пастуше-

ского населения», что обусловило «громадный скачок в развитии вооружения...» (Там же, с. 195).

Наследуя результаты этого (и дальнейшего) развития, израильтяне к моменту формирования своей государственности, очевидно, уже обладали достаточно рациональным комплексом как наступательного, так и оборонительного вооружения, победоносные войны Давида определенное тому свидетельство. Но в условиях почти постоянного военного напряжения, вновь обострившегося вскоре после смерти Соломона (928 г. до Р. Х.), при справедливо подчеркнутой М. В. Гореликом перманентной угрозе со стороны неизмеримо более мощных огромных деспотий, требовалось непрестанное наращивание и совершенствование вооружения. И следует повторить, что ни местные ресурсы (прежде всего масштабы добычи железной руды), ни местная железная индустрия не были достаточны для этого. Поэтому особую роль в обеспечении еврейского государства (а позже и государств) и сырьем для производства оружия, и самими изделиями играли, как отмечалось выше, торговые связи.

Украшения и произведения искусства

И касалось это далеко не только оружия. Ввозились украшения, предметы роскоши, каменные и металлические чаши, гравированные раковины, по меньшей мере часть гравированных печатей с изображениями реальных и фантастических животных, растений, людей (иногда целых сцен), произведения искусства. Среди последних особый интерес представляет замечательная финикийская резьба по слоновой кости. Огромная коллекция ее — около 200 изделий — найдена в царском акрополе Самарии (Crowfoot, 1938), преимущественно — в доме, который может быть идентифицирован как дом из слоновой кости, построенный Ахавом (3 Цар 22:39). Большинство изде-

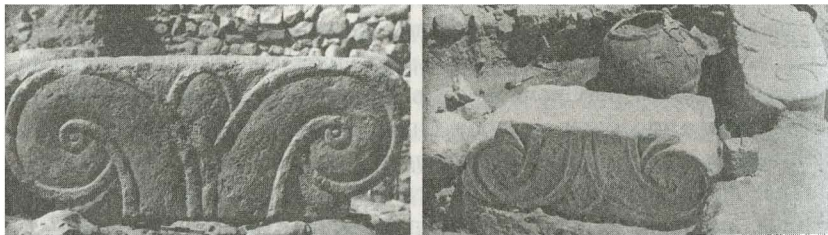

Рис. 9.24. Протоэолийские капители. Асор, слой VIII (IX в. до Р. Х.) (по Ядину)

лий — мелкие плакетки с барельефами, сочетающимися с инкрустацией цветными камнями, пастой, золотой фольгой, ляпис-лазурью, наконец, разделяющими эти украшения узкими перегородками («перегородчатая техника»). Среди изобразительных мотивов — стилизованные растения (пальметки, волюты, «древо жизни», розетки), сфинкс, лев, набрасывающийся на быка, корова с теленком, наиболее сложные — египетские мифологические сцены. Дата — IX–VIII вв. до Р. Х.

Прочие произведения искусства крайне редки (известная фигура льва из Телль Бейт Мирсима, рельефы львиных голов в погребальной пещере в Телль Эйтуне) и грубо выполнены. А. Мазар справедливо подчеркивает, что лишь очень немногие из них подлинно израильские; почти единственным видом архитектурного орнамента могут быть признаны протоэолийские капители (Mazar, 1990, p. 502) (рис. 9.24, 9.25), что резко контрастирует с монументальной скульптурой и стенными рельефами железного века Сирии. В целом искусство невыразительно и глубоко провинциально, отдельные же яркие произведения его, подобно самарийской слоновой кости и единичным образцам глиняной пластики (статуэтки Астарты из Асора — рис. 9.26), имеют инозем-

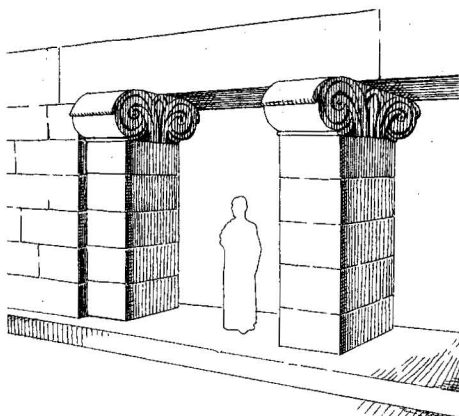

Рис. 9.25. Реконструкция входа в цитадель Асора, украшенного протоэолийскими капителями (по Ядину)

Рис. 9.26. Глиняная головка богини плодородия Астарты. Асор. Конец VIII в. до Р. Х. (по Ядину)

ное происхождение и появились в Палестине в результате той же торговли или работы пришлых мастеров.

Весь этот обширный импорт — и сырья, и изделий, и оружия, и украшений — требовал оплаты, постоянного пополнения царской казны, что зависело от торговой активности, в том числе от морских торговых предприятий.

Торговые связи

Значительнейшая роль в экономическом и культурном развитии Израиля начиная с периода Единого царства принадлежит формированию обширной и регулярно функционировавшей торговой сети, что осуществимо лишь при наличии централизованных социальных структур. К. Кеньон справедливо подчеркивает, что «Соломоново богатство должно было возникнуть благодаря искусному использованию им географического положения Палестины, дабы занять позицию князя торговли» (Kenyon, 1979, p. 254). Наиболее тесными были связи с финикийскими городами — Тиром и Сидоном. Этим А. Мазар убедительно объясняет восстановление старых — филистимлянских — и создание новых поселков вдоль средиземноморского побережья и сохранение в них части населения — моряков, необходимых для морских связей, опыта которых у израильтян не было (Mazar, 1990, p. 399). Но собственных портов на этом побережье у них тоже не было, и результативность морской торговли зависела здесь от тех же финикийцев. Понятно то значение, специально подчеркнутое библейским повествованием, которое придавалось контролю Соломона совместно с упоминавшимся уже царем Тира Хирамом над гаванью в Акабском заливе — основной базой экспедиций в южные районы Аравийского полуострова. «И был мир между Хирамом и Соломоном, и они заключили между собою союз» (3 Цар 5:12). Свидетельства активного, в том числе и монументального, строительства в районе Эйлата могут быть связаны с этой гаванью и крупным торговым центром. Особо мощные укрепления в Телль Келейфе (район Эйлата), датированные по керамике X в. до Р. Х. (Glueck, 1959, и др.), считают возможным хранилищем для товаров, доставляемых торговыми судами из богатых золотом, серебром, слоновой костью и прочим районов Южной Аравии. Здесь же могли строиться корабли Соломона (Kenyon, 1979, pp. 255–256), что засвидетельствовано Ветхим Заветом: «Царь Соломон также сделал корабль в Ецион-Гавере, что при Ела-

фе, на берегу Черного моря, в земле Идумейской. И послал Хирам на корабле своих подданных корабельщиков, знающих море, с подданными Соломоновыми; и отправились они в Офир, и взяли оттуда золота чetyреста двадцать талантов, и привезли царю Соломону» (3 Цар 9:26–28).

Судя по приведенному тексту и прочим показателям, это направление торговли и центр ее у вершины Акабского залива играли весьма значительную роль в платежеспособности Соломонова двора и экономике Израиля в целом. Важность же указанного региона усугублялась наличием здесь — в Вади Араба и близ того же Акабского залива — медных разработок и плавильных сооружений, которые являлись существенным фактором развития Палестины еще со времен энеолита. Особые меры были приняты для обороны подступов к региону.

Поселки на Негевском плоскогорье

В этом плане большой интерес представляет быстрое и широкое распространение поселков периода Единого царства, в том числе около 50 укрепленных, на Негевском плоскогорье, где — в силу значительной аридности — основным населением всегда были кочевые скотоводы. Новые поселки возникали в различных районах плоскогорья, но прежде всего у водных источников, где было возможно земледелие. Крепости различной формы — круглой, овальной, прямоугольной и пр. (рис. 9.27) диаметром до 70 м со стенами казематного типа и свободным центром. Дома вне крепостей либо примыкают к их стенам, либо отстоят от них и располагаются группами или изолированно вдоль русел рек и вадии. Они простого плана и включают до трех комнат, некоторые близки упоминавшимся выше «столбовым домам», обычным для прочих регионов царства.

Очень показателен состав керамики, представленной двумя группами. Первая — обычные для периода Единого царства (главным образом Иудеи) круговые орнаментированные сосуды достаточно совершенного производства. Вторая — так называемая негевская керамика — грубые сосуды ручной лепки, архаичные и по формам и по технике производства, подобные бытовавшим в среде негевских номадов (кочевников) еще в позднем бронзовом веке. Обе же группы — четкий симбиоз традиций пришлого оседлоземледельческого и местного скотоводческого — кочевого или полукоочевого — населения (Mazar, 1960, pp. 390–395).

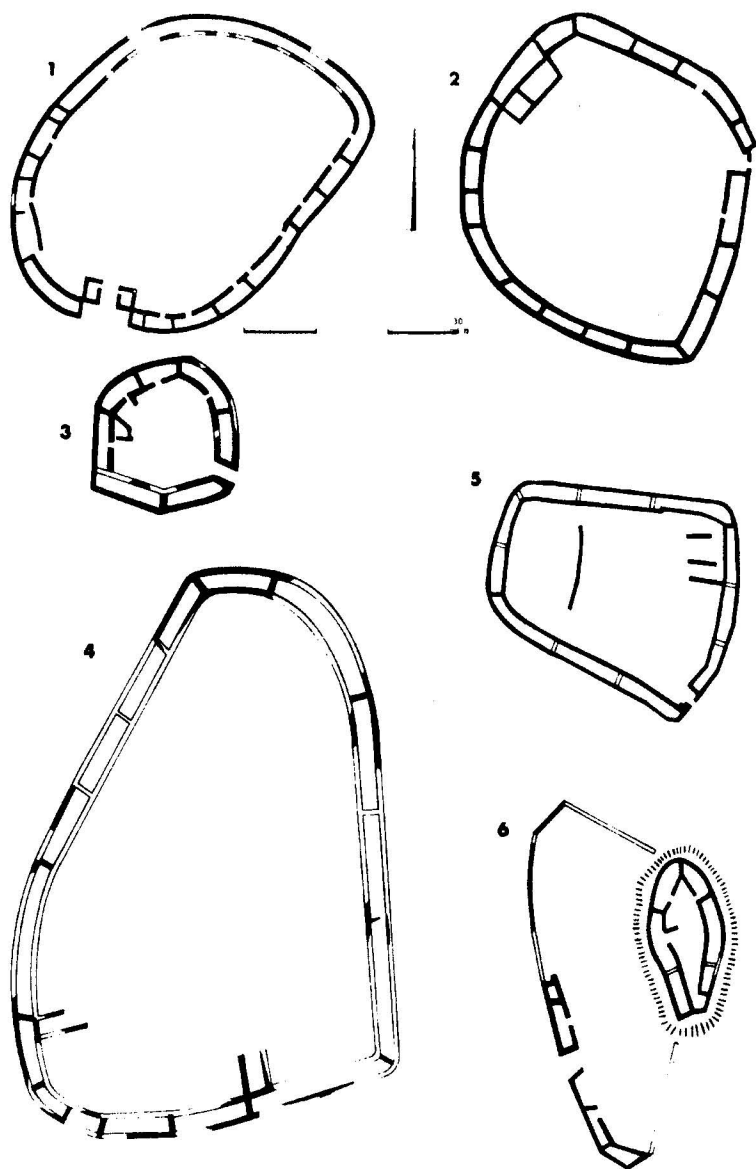

Рис. 9.27. Укрепленные поселки X в. до Р. Х. на Центральном Негевском плоскогорье. 1. Эн Кадеш. 2. Атар. 3. Хурват Халуким. 4. Хурват Рахба. 5. Хурват Кетеф Шивта. 6. Рамат Матред (по Мазару)

Вопросы, касающиеся состава этих групп — прежде всего земледельческой, — и механики их расселения на Негевском плоскогорье, стали предметом острой дискуссии. Наиболее вероятной представляется гипотеза Р. Кохена, датировавшего расселение временем Давида и Соломона и связавшего его с контролем над безопасностью путей через Негев к Акабскому заливу — то есть к отмеченным центрам торговых связей с Южной Аравией (Cohen, 1980; 1985).

Это подтверждается и последующими событиями.

Вскоре после смерти Соломона Палестина подверглась очередному египетскому нашествию, на сей раз фараона учрежденной в середине X в. до Р. Х. XXII династии Шешонка I (библ. Сусахим). «Новый царь, — пишет о нем академик Б. А. Тураев, — был крупной личностью, подобных которой давно не было на престоле фараонов, и он на один момент даже напомнил Египту бывшее величие. Он следит за палестинскими делами, роднится с Соломоном и даже дарит ему вновь завоеванный египетскими войсками Гезер, но в то же время готовит ему Адада и Иероваама, а когда с его смертью призрачность еврейского великодержавия обнаружилась, Шешонк немедленно решил воспользоваться временем как для того, чтобы напомнить в Сирии об египетском владычестве, так и для того, чтобы пополнить свою казну за счет сокровищ, накопленных Соломоном. Библия повествует, что... Сусахим с несметным войском напал на Иудею, взял Иерусалим, разграбил храм и дворец, унеся золотые украшения, устроенные Соломоном» (Тураев, 1935, т. II, с. 23). В сохранившемся в Карнакском храме Амона списке разгромленных в ходе этих событий палестинских городов многие, по определению А. Мазара, находились на Негевском плоскогорье, более того, он допускает возможность прямого указания в списке на стены казематной конструкции. «Целью Шешонка, — заключает он, — могло быть нарушение израильской и финикийской торговли с Южной Аравией и реставрация египетской гегемонии над торговлей... Тем самым предполагается, что египетская инвазия в Негев может рассматриваться как косвенное свидетельство значения негевских поселений в Соломоновом царстве» (Mazar, 1990, pp. 395–396).

Погребальный обряд

Характеризуя погребальный обряд периодов Единого и Раздельных царств, А. Мазар отмечает, что наиболее распространенный вид его — массовые захоронения в семейных пещерах — унасле-

дован у ханаанеев, но отличен от их аморфных склепов преднамеренным и в ряде случаев достаточно тщательным оформлением (Mazar, 1990, pp. 500–521). Более того, этот вид погребений можно считать традиционным для Палестины, мы уже упоминали захоронения в пещерах и гротах, начиная с энеолита, и далее в отдельных периодах как бронзового, так и железного веков. Но там этот вид обряда существовал наряду с прочими, иногда достаточно многообразными и по характеру погребальных сооружений, и по характеру самого ритуала. Ныне же можно говорить о доминанте вырубленных в скале квадратных камер со скамьями по трем сторонам для погребенных и дополнительными вместилищами — ямами и боковыми комнатами, куда позднее перемещались кости, дабы освободить места для новых членов клана. И здесь напомним подобное перемещение костей или изначальное погребение их разрозненными и собранными после исчезновения мягких тканей уже в энеолите. Напомним и пещеры бронзового века, содержавшие иногда остатки сотни и даже нескольких сотен разрозненных скелетов.

В планах иудейских скальных камер А. Мазар видит имитацию выработанной в рассматриваемый период схемы «четырёхкомнатного дома», что, как он полагает, демонстрирует веру создателей камер в загробную жизнь (Ibid.). Им же отмечен ряд некрополей Иерусалима, каждый из них обладал определенной спецификой, в некоторых случаях особым оформлением мест погребений знати, возможно, вплоть до последних царей Иудеи. Фиксируется также наличие самостоятельных погребальных камер внутри архитектурно оформленного монолита с художественно выполненными карнизами и пирамидальной или двускатной кровлей. В архитектурных украшениях усматриваются финикийские традиции. Да и в целом, в отличие от остальной Иудеи, где доминировал относительно единый обряд, некрополи Иерусалима имеют многообразие форм, «обусловленное, возможно, гетерогенностью населения, социальной иерархией и чуждыми влияниями на протяжении 400-летнего его статуса столицы Иудеи» (Ibid., p. 525). Многообразны и богаты и приношения, сопровождавшие погребенных. Помимо большого количества сосудов с пищей и питьем, они включали оружие, украшения, печати, все необходимое вплоть до ламп для освещения пути в загробный мир.

Я преднамеренно вышел за хронологические рамки, предусматриваемые названием данной главы, и бегло рассмотрел отдельные фе-

номены израильской материальной культуры вплоть до падения Раздельных царств. При этом я исходил из того, что основы израильской цивилизации были заложены в период Единого царства, дальнейшее же ее развитие происходило чрезвычайно медленно и в основном гомогенно. Насколько динамична политическая история еврейских государств в последующие четыре столетия, настолько же монотонна и маловыразительна история их материальной культуры. Дробить ее представляется нерациональным.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ПЕРИОДА РАЗДЕЛЬНЫХ ЦАРСТВ

Почти сразу же после смерти Соломона Единое царство распалось в результате восстания северных израильских племен (925 г. до Р. Х.). Причины его дискутируются по сей день. Обсуждаются различные версии: налоговый гнет и принудительные работы, концентрация богатств страны в Иерусалиме, предельная роскошь царского двора, известный религиозный космополитизм Соломона и отход его от цементировавших единство религиозных догм. К. Кеньон предполагала даже определенные этнические различия между населением северного и южного регионов Палестины. Во всяком случае, сын Соломона Ровоам сохранить единство не смог, хотя и остался царить над южным регионом — Иудой — в Иерусалиме. Десять же колен отпали от него и основали самостоятельное царство — Израиль, первым царем которого стал Иеровоам I, сын Наватов. «И в то же время, — пишет К. Кеньон, — именно северное царство Израиль явилось фактическим наследником цивилизации, впервые сложившейся в Палестине при Соломоне, тогда как Иуда в своей реакции против былой роскоши Иерусалима и попытке противостоять последствиям раскола доходила до простоты и даже варварства ранних периодов» (Кеньон, 1979, р. 258).

Становление Израйля происходило динамично. С самого начала сложилась конфликтная ситуация с Иудой. «Между Ровоамом и Иеровоамом была война во все дни жизни их» (3 Цар 14:30). Трижды на протяжении одного царствования менялась израильская столица: вначале Иеровоам учредил ее в Сихеме, затем в Пенуэле, оттуда перенес в Тирзу (Тель эль-Фару (сев.)). Стремясь к духовному обособлению от Иерусалима и его храма, он создал два сакральных центра в Вефиле и в Дане, установил там жертвенники и возродил идолопоклонничество, которое, впрочем, распространилось и в Иудее при Ровоаме, сыне Соломона. Решительная борьба с ним приписывается Библией Асе, царю Иудейскому и внуку Ровоама (3 Цар 15:12–13). В Израиле же при царе Амврии вновь была перемещена столица. «И купил Амврий гору Семерон у Семира за два таланта серебра, и застроил гору, и назвал построенный им город Самарию, по имени Семира, владельца горы» (3 Цар 16:24).

Израиль, Самария

Начатое Амврием строительство было завершено его сыном Ахавом. Это был первый город, построенный самими израильтянами на месте, не заселенном по меньшей мере с III тыс. до Р. Х., что еще раз, и с наибольшей убедительностью, доказывает освоение ими градостроительства. Достаточно удачно было избрано и место новой столицы; она располагалась на возвышавшемся над окружающей долиной холме и господствовала над двумя важнейшими путями: север — юг, ведущем к Финикии, и запад — восток — от прибрежной средиземноморской долины к Иордану. Особое значение имели активные связи с Финикией, которые К. Кеньон справедливо рассматривала как «последний всплеск финикийской цивилизации в Палестине», связанный прежде всего с Самарией (Ibid.).

Раскопки города хотя и велись в значительном масштабе, охватили лишь часть царского акрополя (рис. 10.1). Остальной город, занимавший площадь в «несколько дюжин акров» (Kenyon, 1971), затронут ими лишь в незначительной мере. Но и эта вскрытая площадь (Crowfoot, Kenyon, Sukenik, 1942) дала возможность заключить, что

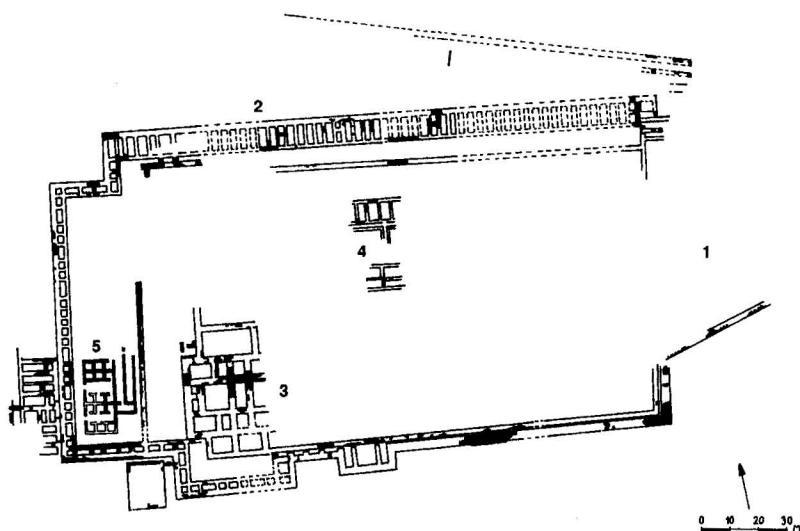

Рис. 10.1. Самария. Сооружения на вершине холма. Первоначальная небольшая стена обведена мощной казематной конструкцией. У западного края между стенами найдены остраконы (по Райту)

«степень планирования и строительной активности на акрополе беспрецедентны в архитектурной истории страны за исключением, может быть, Соломонова строительства в Иерусалиме» (Mazar, 1990, р. 406). Для строительства был избран холм с пологим склоном от 430 до 350 м над уровнем моря. Наиболее благоприятной была верхняя площадка размерами 250 (В-З)×160 (С-Ю) м, но первоначально застроили лишь часть ее шириной 90 м, и вся она вошла в состав царской резиденции. К. Кеньон видит в этом «новую концепцию палестинской городской планировки, предполагая, однако, что подобная же могла быть и в Соломоновом Иерусалиме, но первые конкретные ее свидетельства получены в Самарии...» (Kenyon, 1979, р. 260). Исследовательница подчеркивает, что только в определенной мере эта выделенная верхняя площадка может ассоциироваться с акрополями греческих городов: она была не цитаделью, не гражданским центром, а специальной царской резиденцией. Весьма интересно предположение А. Мазара, согласно которому «план (акрополя. — Н. М.), возможно, брал начало в финикийской модели, следовавшей более плоскостной топографии, нежели округлым очертаниям холма Самарии. Чтобы использовать прямоугольный план, архитектор должен был создать плоскую платформу для поддержки массивной опорной стены» (Mazar, 1990, р. 408).

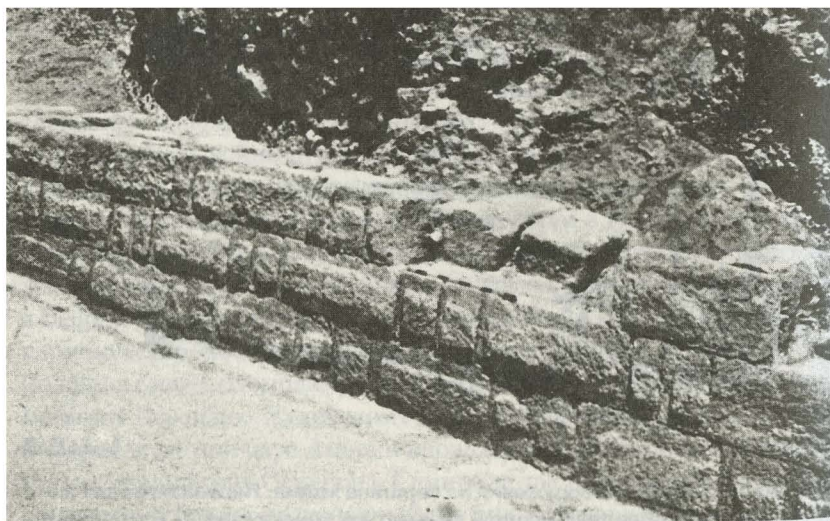

Рис. 10.2. Основание городской стены Самарии IX в. до Р. Х.

Внутри царской резиденции выделены две строительных фазы. Первую исследователи осторожно относят ко времени основателя города Амврия. В это время большая часть акрополя была ограждена стеной толщиной до 1,6 м, не имевшей чисто фортификационного характера, но именно ограждавшей царский квартал и исполнявшей в то же время крепящую функцию: она несколько распирала верхнюю площадку (рис. 10.2). Внутри ограды вымощенный битым известняком пол на 4 м превышал уровень окружающих участков. Стена очень сильно разрушена, но и остатки ее свидетельствуют о чрезвычайно высоком качестве кладки. Сами постройки за стеной разрушены полностью, и лишь следы фундаментов позволяют судить о регулярности и масштабности застройки, обрамлявшей обширный центральный двор.

Вторую фазу застройки акрополя связывают со строительной деятельностью наследовавшего Амврию сына его Ахава. Верхняя площадка была заметно расширена, а ограждавшая и крепившая ее стена с северной и западной сторон сменена новой, уже безусловно оборонительной стеной казематного типа, общая толщина которой на северном участке достигала 10 м. В некоторых же местах продолжала функционировать старая стена. Царская резиденция превратилась теперь в подлинную крепость (рис. 10.1). Но остатки построек и здесь

Рис. 10.3. Пластина слоновой кости из Самарии (по Райту)

сохранились очень слабо. Это прежде всего касается воздвигнутого на укрепленной и замощенной площадке дворца. План его остается неясным. Можно говорить только о наличии большого прямоугольного двора, фланкированного несколькими крыльями. Сохранилось лишь южное крыло, состоящее из прямоугольных комнат, расположенных по сторонам двора. Несмотря на определение лишь отдельных элементов плана, А. Мазар считает его реминисценцией планов дворцов ханаанейско-финикийской архитектурной традиции (Ibid.).

В одной из меньших построек акрополя найден уже упоминавшийся выше клад резной слоновой кости — самый большой из ее скоплений, известных в железном веке Палестины, чудом сохранившийся после ассирийского разгрома города в 720 г. до Р. Х. Большинство изделий — пластины с низким рельефом (рис. 10.3). Круглая скульптура встречается значительно реже. Резьба обогащена золотой фольгой, инкрустацией стеклом, пастой и пр. Несмотря на ряд египетских сюжетов, основной стиль изображений финикийский, что подтверждается и наличием на нескольких пластинах букв еврейско-финикийского алфавита.

Находками первостепенной важности должны быть признаны самарийские остраконы, открытые между ранней и поздней стенами акрополя, внутри царского административного центра. Здесь найдено 63 остракона — надписи чернилами на фрагментах глиняных сосудов. Надписи фиксируют поступление продуктов (вина и масла) в столицу из других городов. Они освещают административные и фискальные процедуры того времени, а также содержат важные сведения лингвистического, ономастического, наконец, хронологического характера (Crowfoot, Kenyon, Sukenik, 1942; Mazar, 1990, p. 410). Датируются остраконы IX в. до Р. Х.

Широкое использование достижений высокоразвитой финикийской культуры, начатое, как мы видели, еще при Соломоне, достигло теперь своего апогея. Женатый на дочери сидонского царя Иезавели Ахав сам находился под сильным финикийским влиянием, вплоть до религиозного, допуская поклонение Ваалу и усиливая тем самым тенденции, также появившиеся при Соломоне. «И делал Ахав, сын Амврия, неугодное пред очами Господа более всех, бывших прежде него» (3 Цар 16:30). «Самария, — пишет К. Кенйон, — была обустроена как новый город, над которым доминировал царский квартал, изукрашенный мастерством финикийских ремесленников. Археология дает лишь дразняще отрывочные представления о нем, поскольку

ку последующие постройки уничтожили его почти полностью, но мы можем мысленно реконструировать картину двора Ахава и Изавели, роскошь и вредоносность которого возбуждали такой гнев пророков» (Кенуон, 1979, р. 265). Расположенные на другом участке холма ординарные жилые кварталы, повторяю, почти не исследовались, судить о степени их совершенства трудно. Но город быстро рос. Согласно переписи Ахава, в нем, не считая иноплеменников, было 7 тыс. жителей. А через полтора столетия, в 720 г. до Р. Х., Саргон Ассирийский (если верить его надписи) депортировал из Самарии 27 290 человек (Ibid.). Впрочем, неясно, относится ли эта цифра к плененным жителям одной лишь Самарии или всей ее округи.

Прочие города Израиля

Выше отмечалось, что в процессе становления Израиля как отдельного, обособленного от Иерусалимского храма, царства, еще Иеровоамом I были учреждены два культовых центра его — Дан на севере и Вефиль на юге. И уже, вероятно, ко времени, непосредственно следовавшему за этим, может быть отнесено активное строительство в Дани, показателями которого служат грандиозные ворота и церемониальная дорога, ведущая к вершине телля, образовавшегося на месте города среднего бронзового века. Позднее, при Амврии или Ахаве, была сооружена платформа — «Бама» (наивысшее место), к которой вели специальные ступени, причем каменная кладка этих построек близка самарийской, да и в целом здесь был воспринят архитектурный стиль Самарии (Ibid.; Biran, BA, p. 37). Город был густо заселен и четко распланирован. Его окружали массивные оборонительные стены, за ними находились общественные здания (на высоких и наиболее благоприятных участках) и многочисленные жилые дома, стоявшие по сторонам улиц с галечным покрытием. Основными сооружениями оставались ворота и культовый центр.

Активная строительная деятельность велась в IX в. до Р. Х. и в трех других основных городах Северного царства (Израиля): Мегиддо, Асоре и Тирзе.

О Мегиддо этого периода мы уже писали выше в связи со стенами и воротами, дворцовым комплексом и так называемыми конюшнями Соломона, использованием обтесанных каменных блоков, древнейшей системой водоснабжения и ее реконструкцией. Подчеркнем еще раз безусловное наличие планового начала в израильской застройке

этого древнейшего, пережившего целую серию вторжений и разгромов и постоянно возрождавшегося палестинского города (Yadin, 1972, 1975) (рис. 10.4–10.5).

Не менее активная строительная деятельность IX–VII вв. до Р. Х. документирована раскопками Асора (Ibid.). Значительные перестройки, коснувшиеся прежде всего царского и административного кварталов, обусловили накопление здесь пяти фаз (строительных уровней) между распадом Единого царства и ассирийским вторжением 701 г. до Р. Х. Они отражают серию разрушений города, связанных с локальными войнами как с иноплеменными группами (арамейцами Дамасского царства), так и с царями Иудеи, а далее и с катастрофическим нашествием ассирийских войск.

Несмотря на это, территория города в период Ахава резко возросла и к середине IX в. до Р. Х. вдвое превысила Асор Соломонова времени. И здесь казематная стена была сменена более мощной цельной стеной с выступами и углублениями. Внутри нее особая оборонительная система отделяла от остального города правительственную цитадель, ворота которой украшали полупилястры с про-

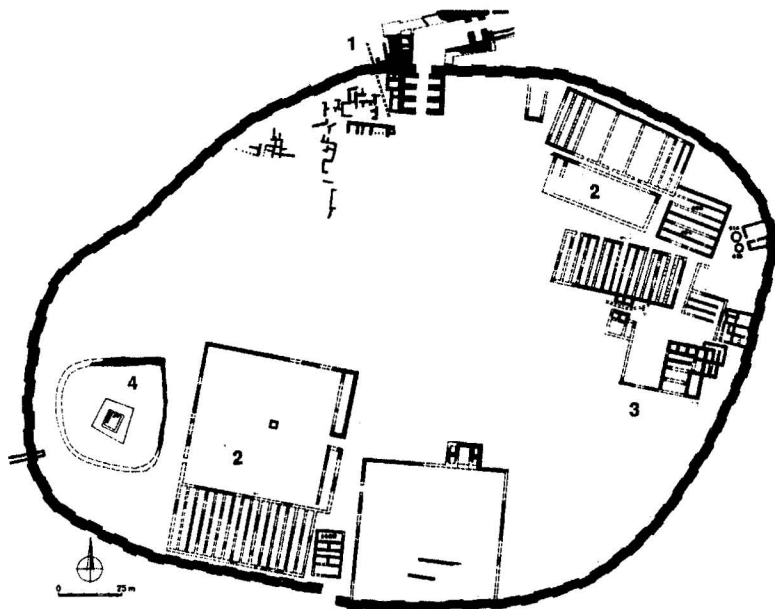

Рис. 10.4. Мегиддо периода Раздельных царств. 1. Ворота. 2. Комплекс конюшен. 3. Общественная постройка. 4. Водяная шахта (по Мазару)

тоэолийскими капителями. В цитадели находился ряд общественных построек, предназначенных (как и в Самарии) для царской администрации.

Цитадель располагалась в западной части холма (рис. 10.6). В восточной же открыты большие общественные склады и хранилища. Обширный комплекс с двумя рядами столбов в одной из построек по плану близок конюшням Мегиддо, но обилие каменных полок и камер для помещения сосудов и множество сосудов в смежных помещениях свидетельствуют о существовании здесь крупного хранилища (Керуоп, 1979, р. 271) (рис. 10.7). Жилые дома различных планов густо располагались вдоль улиц. В ходе перестроек VIII в. до Р. Х. в них были превращены и некоторые хранилища.

Грандиозная система водоснабжения Асора с общей глубиной до 40 м уже упоминалась выше. Это сооружение, прорезавшее как слои Соломонова периода, так и подстилающую их скалу, поражает своими масштабами даже на фоне подобных систем других городов обоих царств рассматриваемого периода.

Исследователи согласно подчеркивают особую роль Асора как центра царской продовольственной администрации, чему подчинены и специфика планировки, и наличие специальной административной

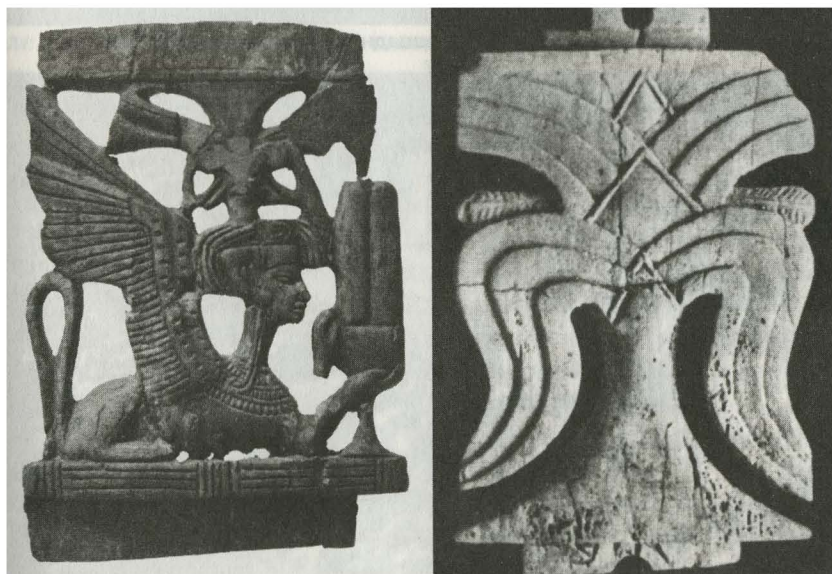

Рис. 10.5. Сфинкс и пальма Палестины из слоновой кости. Мегиддо

цитадели, и доля складских помещений в общей застройке города (Yadin, 1975; Kenyon, 1979, p. 271; Mazar, 1990, p. 412). Прямым подтверждением этого служат найденные в этом городе остраконы, надписи на сосудах и т.п. По словам К. Кеньон, за счет значительных за-

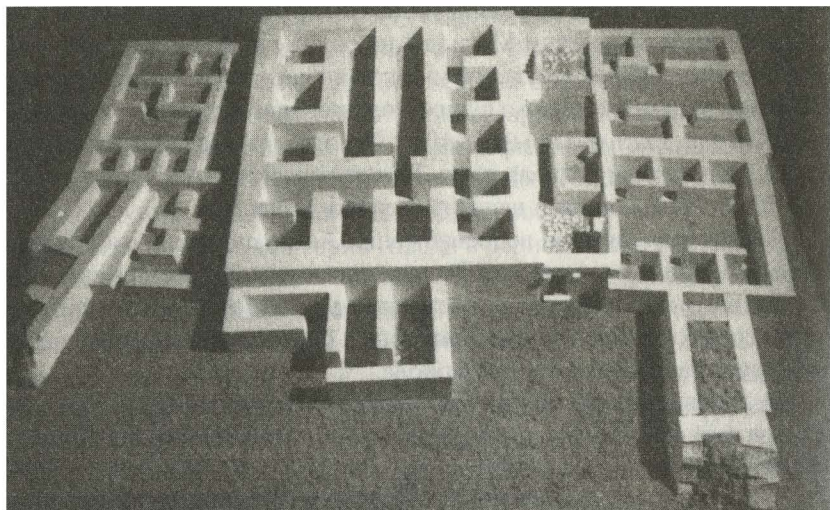

Рис.10.6. Асор. Модель цитадели в западной части города (по Мазару)

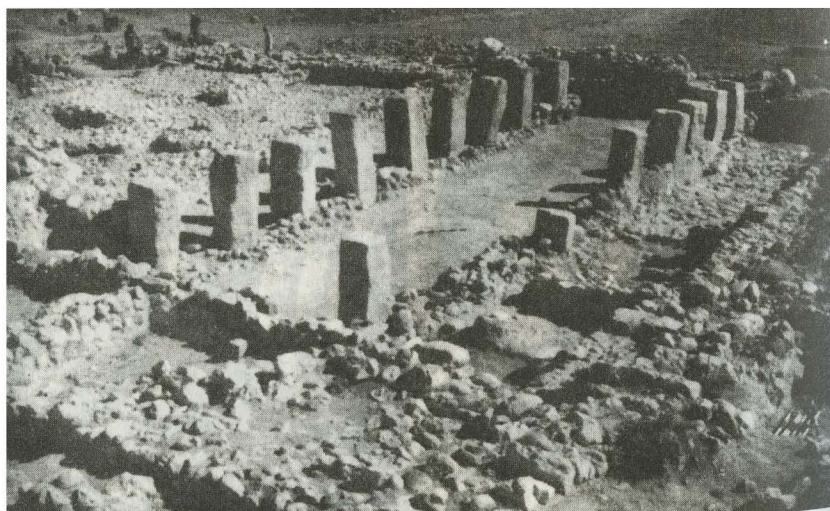

Рис.10.7. Асор. Большое складское помещение

готовок царь поддерживал администрацию и армию, а при стрессовых ситуациях и кормил население (Кенуон, 1979, р. 273).

С археологической же точки зрения особую важность имеет упомянутое выделение в культурном слое Асора пяти строительных фаз. Это позволяет, с одной стороны, проследить эволюцию архитектуры и общие судьбы городской застройки, с другой — верифицировать известные по нарративным источникам (в том числе и Библии) ключевые моменты истории города. К ним могут быть отнесены: землетрясение, возможно, отмеченное пророками Амосом (Ам 1:1) и Захарией (Зах 14:5) и вызвавшее значительные разрушения, фиксированные в VI слое, и реставрацию застройки на тех же линиях; распространение фортификаций на новые участки с охватом административных зданий перед угрозой ассирийского нашествия (слой V A); наконец, осада и разгром города Тиглатпаласаром III в третьей четверти VIII в. до Р. Х. Документированное раскопками опустошение (слой IV — Mazar, 1990, р. 413) соответствует библейскому сообщению о взятии царем Ассирийским Феглафелласаром (Тиглатпаласаром III) целого ряда городов, включая и Асор, и о переселении жителей их в Ассирию (4 Цар 15:29).

Наконец, Тирза — недолговременная столица Северного царства между Пенуэлом и Самарией. Разрушенная еще до этого при разделе Единого царства, она была частично, а далее и полностью восстановлена, перестроена и укреплена. Были сооружены комплекс ворот, а перед ним площадь со святилищем. За ними блоки жилых домов располагались по сторонам параллельных улиц, в основном повторяя план предшествующего периода. А. Мазар отмечает, что в IX в. до Р. Х. дома по плану и размерам стереотипны, в VIII в. — более многообразны и даже территориально разделены на более богатые и более бедные группы, в чем он видит усиление социального ранжирования (Mazar, 1990, р. 415), а К. Кеньон отмечает, что «административные постройки и кварталы богатых частных домов с большими дворами и расположенными по трем сторонам их комнатами были отделены длинными стенами от кварталов, где теснились маленькие жилища» (Кенуон, 1979, р. 273). Столь резкие социальные контрасты вызывали гневные обличения пророков.

Число укрепленных городов Северного царства могло бы быть значительно умножено. К ним следует добавить отдельные, в ряде случаев достаточно мощные, крепости с массивными стенами и круглыми или квадратными башнями, господствовавшие, как и го-

рода, над важнейшими путями, наконец, многочисленные неукрепленные сельские поселения. Многие города, крепости и поселки разделили судьбу Асора при ассирийском нашествии. Другие избежали разгрома или были восстановлены и перестроены. Некоторые из них составили целые оборонительные системы на главных торговых путях и на подступах к большим городам. В определенных случаях можно даже говорить о новом периоде процветания городов. Но процветание это было крайне недолговременным и зыбким. Лишь короткие передышки разделяли рецидивы военной напряженности, включавшие как внутренние распри между двумя частями недавно еще единого царства и локальные войны со смежными небольшими государствами и племенными объединениями (Эдомом и др.), так и катастрофические по своим последствиям для обоих еврейских царств масштабные войны с могущественными соседями, прежде всего с Ассирией. Уже в 732 г. до Р. Х. ассирийский царь Тиглатпаласар III захватил Галилею и угнал в плен ее жителей. Тогда Самария на несколько десятилетий еще сохранила самостоятельность. Но нашествие Саргона Ассирийского в 720 г. до Р. Х. и разгром Самарии положили конец самостоятельности не только последней, но и всего Израильского царства, превращенного в покоренную провинцию. Восстановленной Самарии оставалось лишь довольствоваться положением столицы этой провинции, а в Мегиддо и Асоре, судя по обилию специфической ассирийской керамики, были поставлены гарнизоны оккупантов.

Но прежде чем перейти к этим событиям, рассмотрим некоторые археологические показатели и общую специфику развития второго из раздельных царств — Иуды (Иудеи).

Южное царство — Иудея

Южное царство просуществовало заметно дольше Северного. Оно тоже не избегло ассирийских вторжений 732, 720 и 701 гг. до Р. Х., но вторжения эти были для него не столь фатальными, как для Израиля. Государство сохранило независимость, и VII век до Р. Х. явился для него временем относительной стабильности и активного строительства. Но начало самостоятельного существования царства было отнюдь не спокойным: за упоминавшимся уже вторжением фараона XXII династии Шешонка I, разграбившего Иерусалим и прорвавшегося далеко на север, последовали фактически перманентная конфронтация с Израилем и цепь локальных

войн. В этой связи появился ряд сильно укрепленных опорных пунктов Южного царства на границе с Северным, таких как Телль эн-Насбех и Телль эль-Фул.

Иерусалим

А. Мазар особо подчеркивает концентрацию населения в столице царства Иерусалиме, который, оправившись от разгрома Шешонком, резко вырос на протяжении IX–VII вв. до Р. Х., охватив площадь до 60 га, тогда как второй по размерам город Лахиш занимал 8 га, а все прочие не превышали 2–3 га с населением от 10 до 20 тыс. человек. Сельская периферия составляла довольно густую сеть маленьких, хотя иногда и укрепленных, городков, деревень и хуторов (Mazar, 1990, p. 416).

В VIII в. до Р. Х. Иерусалим был заметно расширен к востоку, в VII в. до Р. Х. — к западу (рис. 10.8). Новая мощная оборонительная стена на восточном склоне была построена значительно ниже первоначальной, существовавшей с XVIII в. до Р. Х. и неоднократно подвергавшейся перестройкам (рис. 10.9). Тем самым значительно увеличилась площадь застройки укрепленного города за счет южных участков склона. При этом созданная в X в. до Р. Х. ступенчатая структура была упразднена и перекрыта новой густой застройкой, в ходе которой крыши массивов смежных домов определяли уровень полов верхнего ряда (Mazar, 1990, p. 417). Но и это не решило вопроса площадей для нового строительства. Началась застройка и восточного склона Давидова города за пределами городской стены (рис. 10.10), что засвидетельствовано как скоплениями строительных остатков, так и следами использования естественных пещер. В других направлениях стены, как и на восточном склоне, заметно отошли от первоначальных своих линий, что, помимо расширения площадей застройки, диктовалось и необходимостью контроля над источником Гихоном. К рассматриваемому периоду относится сооружение двух новых отходящих от него систем водоснабжения — «Шахты Уоррена» (названной в честь автора первых попыток раскопок Иерусалима) и тоннеля Езекии.

Остатки старых построек в пределах Офела между Давидовым городом и Храмовой горой были разобраны, дабы освободить место для новых. Сохранилась лишь часть большого общественного сооружения в нижней части склона холма (рис. 10.11). Оно было прикрыто мощной боевой башней и включало остатки четырехкамерных ворот

и обширного хранилища, внутри которого найдены многочисленные пифосы, один из которых помечен титулом официального лица.

Застройка VIII–VII вв. до Р. Х. охватила и находившийся ранее за пределами города так называемый Западный холм, расположенный к западу от долины Терапеон и ограниченный с юга долиной Енном. На восточном его склоне с IX в. до Р. Х. находился пещерный некрополь, в конструкциях которого заметны финикийские влияния, достаточно

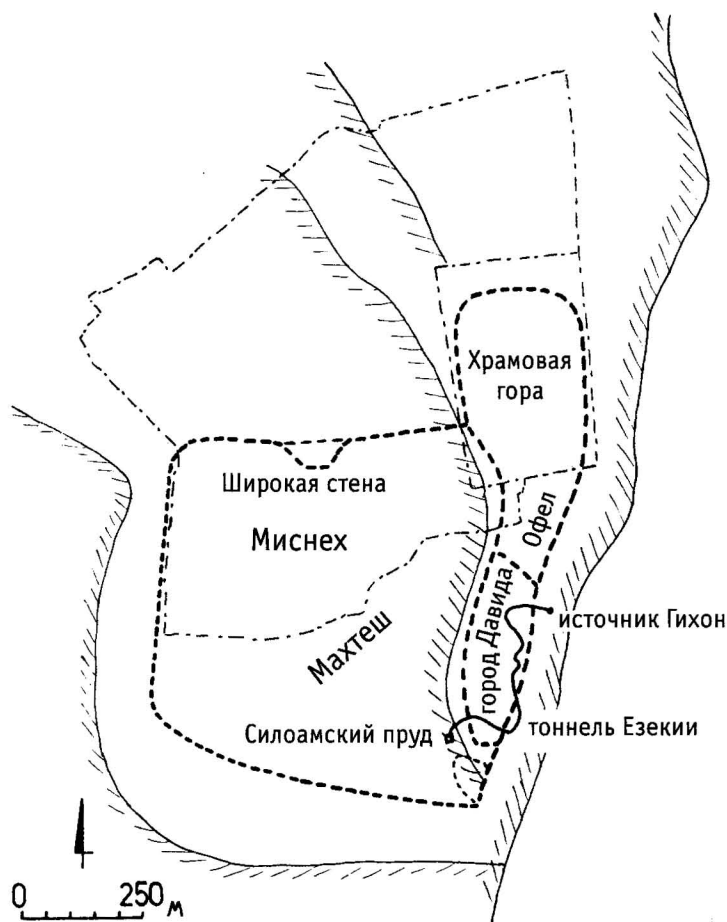

Рис. 10.8. Иерусалим: топографический план (по Мазару) с линией фортификаций в Еврейском квартале и предполагаемым контуром городской стены позднего VIII и VII вв. до Р. Х.

характерные для этого времени. На вершине холма были найдены остатки мощных фортификаций. Особенно примечательна здесь стена, которая имела толщину 7 м, то есть была наибольшей из всех сооружений подобного рода, известных в железном веке Палестины

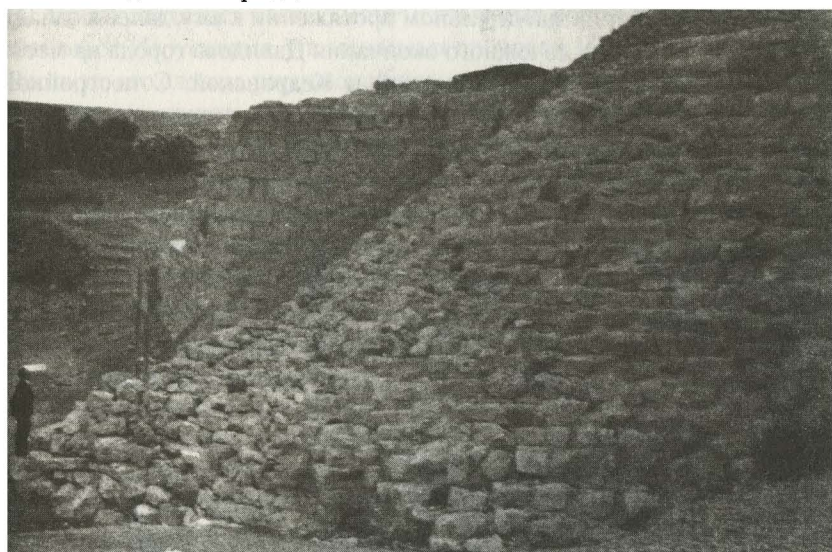

Рис.10.9. Фортификации на горе Офел в Иерусалиме (по Райту)

Рис.10.10. Восточный склон холма Иерусалима (по Райту)

(рис. 10.12). Н. Авигад видит в ней одно из оборонительных сооружений Езекии при подготовке к очередному ассирийскому нашествию (на сей раз Сенаххериба), а толщина стены определена необходимостью противостоять ассирийским стенобитным орудиям (Mazar, 1990, р. 420). Стена идет на значительном протяжении к югу, далее к западу и вновь к югу вплоть до южного окончания Давидова города на месте слияния долин Енном, Центральной и Кедронской. С постройкой этой стены между ней и старой стеной Давидова города оказывались важные водные источники, такие как библейский «нижний пруд» (Ис 22:9) и вновь созданное «между двумя стенами хранилище для вод старого пруда» (Ис 22:11). Общая же площадь, огражденная фортификационными сооружениями города, достигла почти 60 га. Причем последние охватили оба главных компонента Иерусалима — Восточный и Западный холмы. Фортификационное строительство конца VIII в. до Р. Х., осуществлявшееся царем Езекией прежде всего в связи с ассирийской угрозой, засвидетельствовано и рядом других мас-

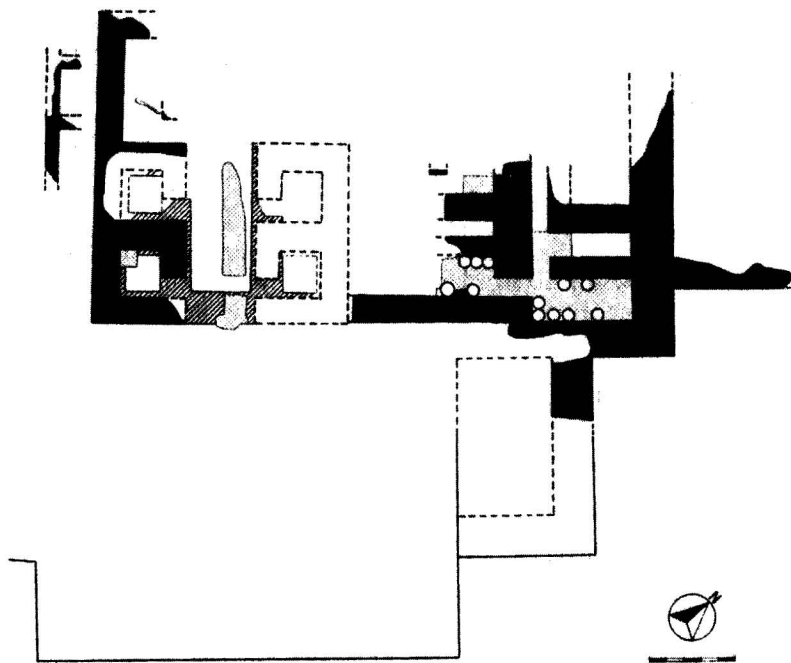

Рис. 10.11. Иерусалим. Общественная постройка, включающая склад с пифосами, и ворота акрополя (по Мазару)

сивных сооружений. Таково северо-западное укрепление, запиравшее спускавшийся к долине овраг. От него сохранились остатки стены и восьмиметровая башня с четырехметровыми стенами из грубо обтесанных камней. Эта башня, как полагает исследователь укрепления Н. Авигад, являлась частью монументальных ворот, возможно, Средних ворот Иерусалима, упоминаемых пророком Иеремией (Иер 39:3). В них, по его словам, расположились «все князья царя Вавилонского», через сто с лишним лет после Езекии ворвавшегося в Иерусалим. И именно у этих ворот засвидетельствованы последствия тотальных разрушений, значительные скопления золы и обгоревших строительных остатков, среди которых найдены наконечники стрел VI в. до Р. Х. вавилонского типа (Mazar, 1990, p. 422).

Но эти события, повторяю, произошли позже. Пока же, в ходе опустошительного для Иудеи вторжения Сенаххериба конца VIII в. до Р. Х., оборонительные мероприятия Езекии оказались спасительными для города: в отличие от Лахиша, Тимны, Гезера и многих прочих городов страны (ассирийская надпись повествует о выселении из нее 200150 человек), Иерусалим устоял. Езекия уплатил дань, но уже после снятия осады и возвращения Сенаххериба в столицу Ассирии Ниневию. И в таком, относительно благополучном для столицы, исходе ассирийской

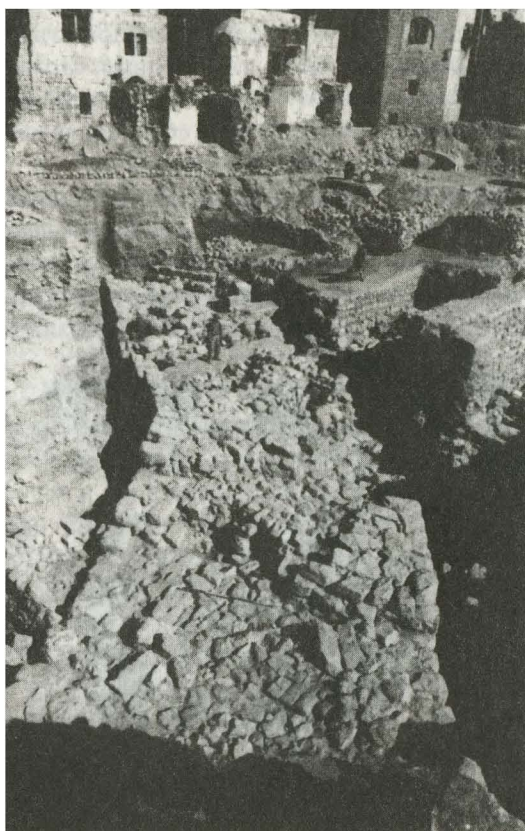

Рис. 10.12. Стена толщиной 7 м. Предполагается, что построена Езекией перед 701 г. до Р. Х.

осады значительную роль, наряду с новой системой фортификаций, сыграла и решительно усовершенствованная Езекией система водоснабжения, сменившая предшествующую, созданную еще при хананеях, шахту, ведущую к источнику Гихону и малопригодную в условиях длительного окружения и серии штурмов. Ныне же была сооружена беспримерная по масштабам и сложности система, основную часть которой составлял полностью подземный туннель, отводивший воду из Гихона в подземный же резервуар, расположенный в 500 м от него, на противоположном склоне холма. По всей его длине высота туннеля превышала человеческий рост, а маршрут его был сложен и извилист. Специально пробитые колодцы обеспечивали поступление в него воздуха. Длина туннеля — 538 м. Сооружение его велось с двух сторон, о чем повествует «Силоамская надпись», оставленная на скале строителями. Можно лишь поражаться высокому инженерному искусству последних, сумевших рассчитать и практически осуществить сочленение фактически двух туннелей столь значительной протяженности.

С честью выйдя из страшных испытаний 701 г. до Р. Х., Иерусалим продолжал развиваться, решительно способствуя восстановлению и ряда прочих городов Иудеи. А. Мазар пишет, что VII век до Р. Х. был временем ее процветания, и особо подчеркивает, что Иерусалим именно в этот период достиг пика своего развития (Mazar, 1990, p. 438).

Лахиш и прочие города Иудеи

Помимо Иерусалима значительный интерес представляет еще ряд городов Южного царства. И прежде всего это Лахиш, к краткому рассмотрению судьбы которого мы и перейдем.

Лахиш был включен в библейский список городов, укрепленных Ровоамом в период разделения Соломонова царства (2 Пар 11:9) и очередного усиления угрозы со стороны Египта. Впрочем, К. Кеньон, Д. Уссишкин и другие допускают, что Ровоаму приписываются укрепления и более поздние, сохранявшиеся вплоть до «конца израильского периода» (Kenyon, 1979, p. 281).

Но начало этого иудейского города уходит еще во времена Единого царства, когда он был застроен лишь частично и не имел укреплений (слой V). Далее расположение в Нижней Шепеле, на важнейшем пути из южной приморской долины решало способствовало его развитию в IX–VIII в. до Р. Х. вплоть до захвата его Сенаххерибом в 701 г. до Р. Х. (слои IV–III). Город был окружен двумя стена-

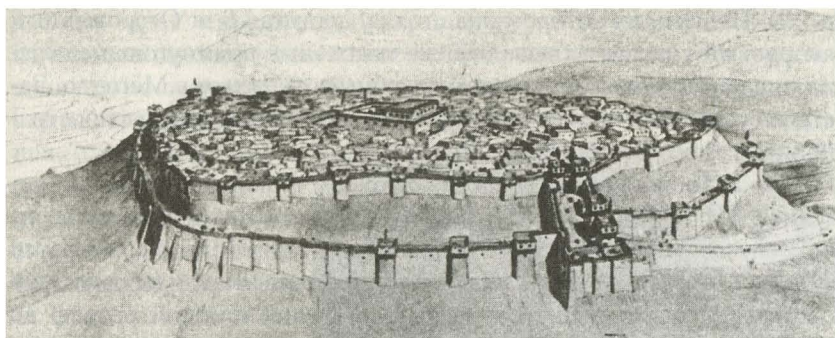

Рис.10.13. Лахиш IX–VIII вв. до Р. Х. Реставрация (по Олбрайту)

ми. Внешняя шла в центральной части склона холма, внутренняя, достигавшая шестиметровой толщины и состоявшая из кирпичной кладки на каменном основании, ограждала его вершину (рис. 10.13). Сложный комплекс ворот включал соответствующие сооружения, связанные как с внешней, так и с внутренней стенами (рис. 10.14). Особой мощностью отличались шестикамерные внутренние ворота, превосходившие по размерам подобные конструкции Мегиддо, Асора и Гезера. Улицы дренажировались особым каналом. В северной части города располагался район административных построек, отделенный от остального города специальной стеной. Большой интерес представляет здесь

дворец-форт, стоявший на высоком подиуме и неоднократно перестраивавшийся: были выделены три фазы этого сооружения, отмеченные последовательным его увеличением от квадрата 32×32 м до прямоугольника 36×76 м, явившегося самой большой конструкцией железного века, известной пока в Палестине (Mazar, 1990,

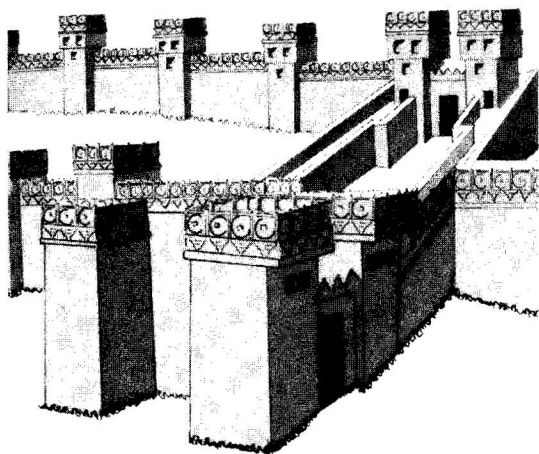

Рис.10.14. Реконструкция комплекса внешних и внутренних ворот (по Ядину)

р. 42). Подиум, на котором она стояла, достигал 6 м. Огороженный дворцовый участок включал также массивные прямоугольные хранилища и, возможно, конюшни, подобные открытым в Мегиддо. Застроен город был чрезвычайно густо, и жилые кварталы распространялись за пределы укреплений.

Уникальной информативностью обладает слой, связанный с трагедией 701 г. до Р. Х. — штурмом и разгромом Лахиша Сенаххерибом: здесь прямые археологические показатели III слоя сочетаются с библейскими текстами, а также с письменными и изобразительными свидетельствами ассирийцев. Большой стеной рельеф во дворце Сенаххериба в Ниневии поразительно подробно и последовательно представляет ход осады и штурма городских укреплений, вторжение, захват города, разгром и угон плененного населения (рис. 10.15–10.18). Мы видим обе стены с воротами и башнями, заполненными защитниками города, забрасывающими осаждавших стрелами, камнями, горящими факелами; ассирийцы отвечают им

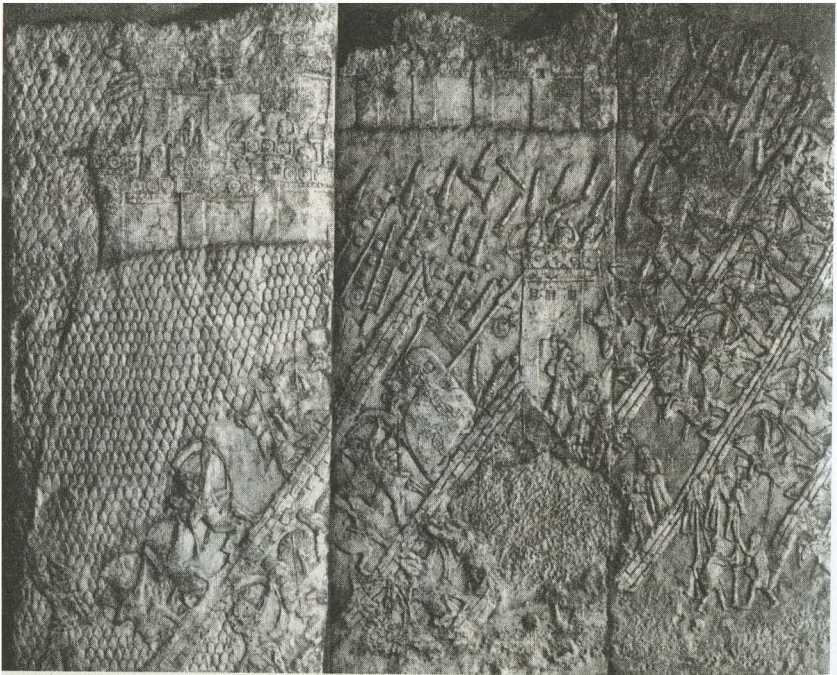

Рис. 10.15. Осада Лахиша Сенаххерибом. Рельеф во дворце в Ниневии (по Райту)

дождем стрел и пращевых пуль, подтянутые по специально насыпанному пандусу тараны мощными ударами долбят стены, осаждающие по многочисленным приставным лестницам карабкаются на стены, преодолевая отчаянное сопротивление осажденных, наконец, изображена выходящая из ворот вереница пленных со своим скарбом на запряженных волами повозках. И прямые археологические свидетельства верифицируют эту картину: реальный осадный пандус, построенный у юго-западного угла города из огромного числа камней, наваленных перпендикулярно стене и по высоте сравнявшийся с

Рис. 10.16. Штурм Лахиша и изгнание его жителей. Рельеф во дворце в Ниневии (по Мазару)

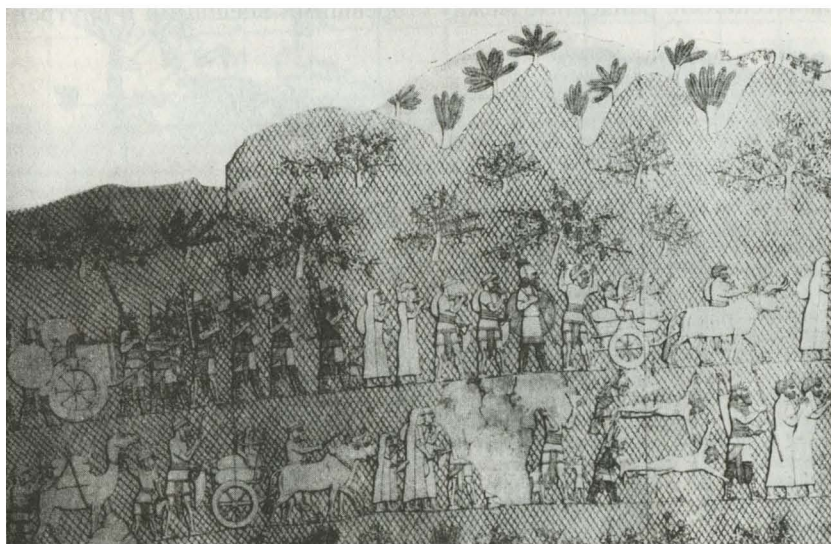

Рис. 10.17. Угон жителей Лахиша Сенахерибом. Рельеф во дворце в Ниневии (по Райту)

вершиной последней, скопления здесь пращевых пуль и железных наконечников стрел, мощные слои золы и обгоревших строительных остатков, «тяжелые каменные глыбы, низвергнутые из города на врагов, обугленное дерево... фрагментированная цепь, предназначенная, по предположению Й. Ядина, для улавливания и остановки тарана... сооруженный защитниками города контрпандус на одной линии с ассирийским пандусом для укрепления стены против тарана и перекрытия возможного ее пролома» (Mazar, 1990, р. 433). И, наконец, массовые захоронения жертв штурма в пещере за пределами города...

И все же удар не был смертельным. Лахиш в полном смысле слова встал из пепла: восстановленный в VII в. до Р. Х. он прожил еще более столетия вплоть до окончательного разгрома Иудеи вавилонским царем Навуходоносором в 586 г. до Р. Х. Прежнего своего величия в этот период Лахиш не достиг, фортификации его после восстановления были слабее и проще, они ограждали жилые кварталы и хранилища, точных сведений о реконструкции дворца-форта нет, хотя подиум его сохранился и использовался в более поздние периоды (Ibid., р. 435). С финальным периодом жизни города связаны так называемые лахишские письма — остраконы с боевыми приказами и донесениями, найденные между сгоревшими внешними и внутрен-

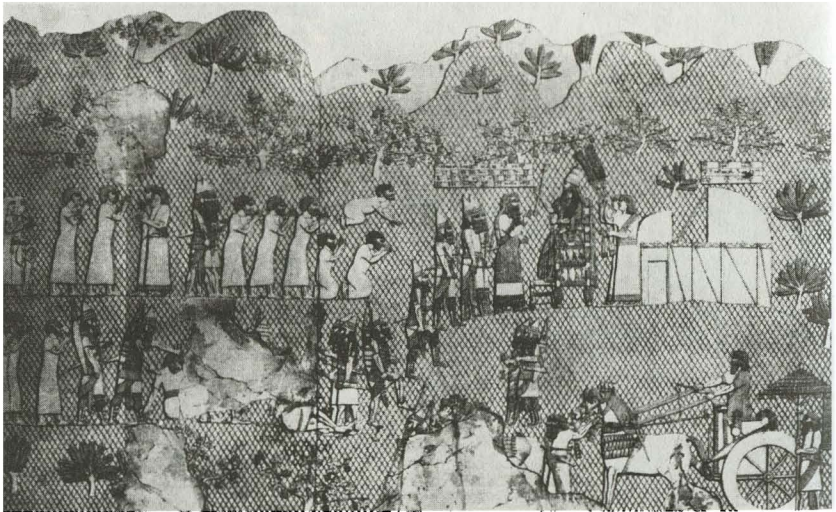

Рис. 10. 18. Сенахериб на троне принимает знаки покорности старейшин Лахиша. Рельеф во дворце в Ниневии (по Райту)

ними воротами, в слое золы, на полу караульного помещения (Ibid.). К ним мы еще вернемся несколько позже.

Сейчас же в нескольких словах остановлюсь на общих чертах городов рассматриваемого — фактически последнего — периода существования самостоятельных еврейских царств. В различных аспектах эти черты определяются и К. Кеньон и А. Мазаром. Последний останавливается на формальных показателях городов (Mazar, 1990, p. 435), К. Кеньон — на функциональной их специфике (Кеньон, 1979, pp. 281–282).

В планировке городов круглые и овальные очертания фортификаций и радиальное (а иногда и циркулярное) расположение улиц безусловно господствовали (рис. 10.19), ортогональный принцип, некогда выработанный в ханаанейских городах, напоминает о себе лишь в единичных случаях. Обычны дренажные системы и уличные каналы — открытые и закрытые, выводящие сточные воды за пределы города (Mazar, 1990, p. 437).

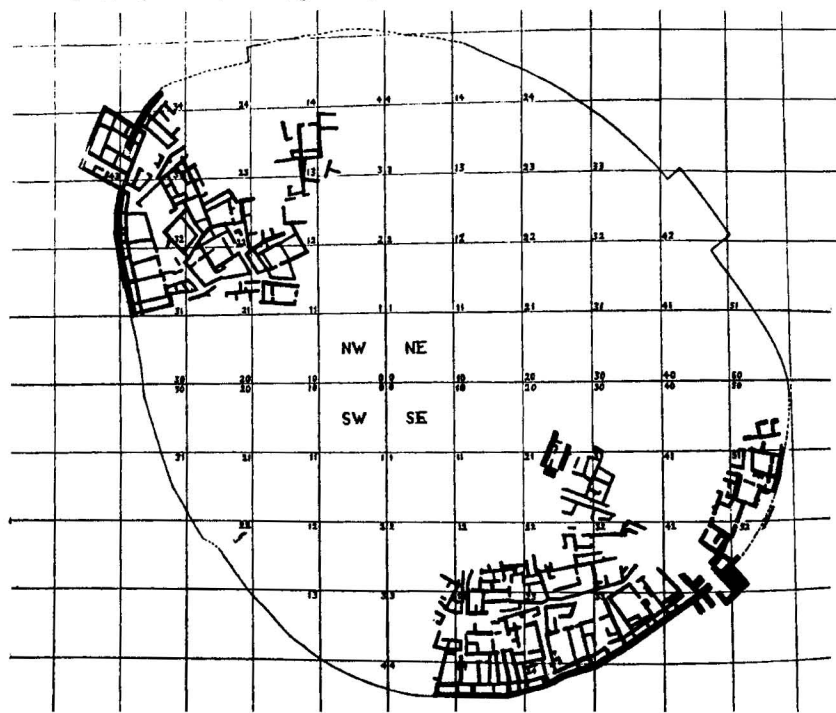

Рис. 10.19. Телль Бейт Мирсим. План раскопанной части города (по Мазару)

По своему социальному характеру города делятся на два основных типа. Лишь наиболее значительные из них — напрямую связанные с царской администрацией и являвшиеся центрами крупных округов — имели официальные кварталы, доминировавшие над остальным городом, что подчеркнуто и специальным их ограждением и характером застройки (рис. 10.20). Ко второму типу, менее монументальному, отнесены города, состоявшие из жилых и хозяйственных частных построек, нередко близких по плану, размерам и характеру кладки. Подчеркивается общее развитие урбанизации в период Раздельных царств и выработка производственной специализации ряда городов: концентрация текстильного ремесла в Телль Бейт Мирсима, изготовление оливкового масла и виноделие в Вефсамисе и т.п. (Керуоп, 1979, р. 281). Особо выделены городки сельской зоны, характер которых определялся прежде всего земледелием, но в целом они представляли собой «комбинацию сельского поселка и укрепленного города с правящими, военными, торговыми и индустриальными функциями при отсутствии четкой дифференциации между городом и деревней. В их окрестностях находились отдельные

Рис. 10.20. Интерьер дома VIII–VII вв. до Р. Х. в Телль Бейт Мирсима (по Олбрайту)

фермы, в Библии названные «дочерьми городов»... но число их ограничено и представляется, что в основном фермеры были горожанами» (Mazar, 1990, p. 437).

Значительный интерес представляют сформировавшиеся в этот период города Северного Негева — одного из важнейших районов Иудеи и в аспекте обороны ее от кочевых скотоводов пустыни и резко усилившегося в Заиорданье Эдома (2 Пар 21:8–10; 28:17), и в аспекте контроля над торговыми путями к Акабскому заливу и Красному морю. Напомню, что с последней проблемой связывалось создание в Негеве укрепленных поселений уже в период Единого царства, сметенных нашествием Шешонка I в конце X в. до Р. Х. Ныне, в IX–VII вв. до Р. Х., новые системы крепостей были созданы прежде всего в Северном Негеве, систематически исследованном И. Ахарони.

Одним из наиболее информативных памятников района стал Арад — мощная квадратная крепость IX в. до Р. Х. со стороной 50 м, сменившая скромную деревню X в. до Р. Х. и превратившаяся далее — в VIII в. до Р. Х. — в важнейший оплот Иудеи на путях к Вадии Араба, Моаву и Эдому (рис. 10.21). Крепость занимала вершину

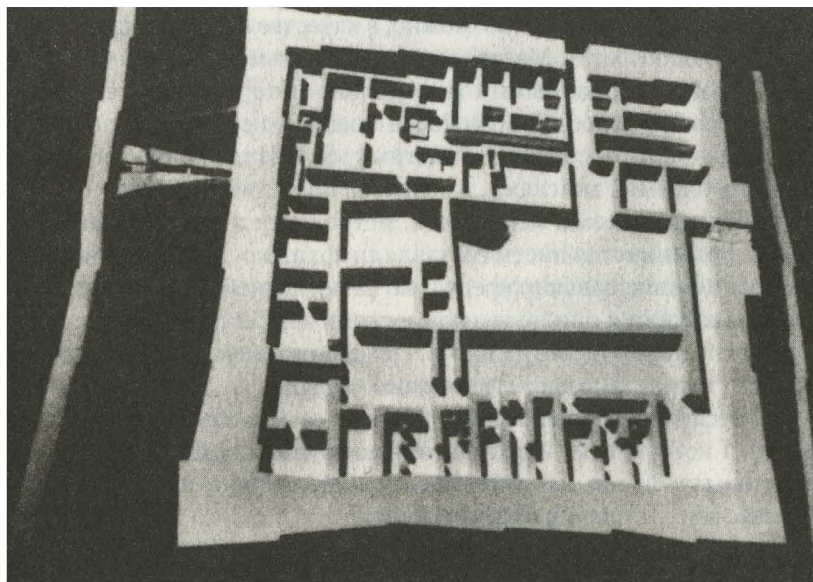

Рис. 10.21. Арад. Модель крепости. Слой VIII (около 700 г. до Р. Х.)

холма, на котором вырос город со сплошной стеной, воротами и башнями, жилыми постройками, хранилищами, большими центральными дворами и святилищем. Жертвенник последнего располагался в центре двора, в глубине которого был обнаружен вход в длинное узкое помещение со следами скамей вдоль стен. Во втором — очень небольшом — помещении (не более 2 кв. м) с приподнятым полом и ступенями, ведущими к нему, найдены крупные сосуды ритуального назначения и — на специальной мощеной платформе — каменный красный столб высотой до 1 м, в котором можно видеть рецидив культа камней, существовавшего уже многие тысячи лет. Вода из облицованного камнем глубокого колодца у подножья холма доставлялась в канал, а далее к вырубленным в скале бассейнам (Mazar, 1990, p. 439).

В слое Арада найдены остраконы — многочисленные, многообразные по содержанию, но в большинстве своем относящиеся к политическим и военным событиям последнего периода существования Иудеи (Aharoni, 1981): конфликту с Эдомом и соответствующим военным мероприятиям — перемещениям войск, усилению крепостных гарнизонов, инструктированию кипрских и греческих наемников, распределению продовольствия — муки, масла и вина, присланных из смежных районов (возможно, в качестве царского налога). «В целом, — заключает А. Мазар, — арадские письма чрезвычайно богаты различными данными относительно исторической географии региона, роли крепостей, иудейской военной иерархии, лингвистической специфики, структуры частных имен Иудеи, количества пищи, потребляемой войсками, и аспектов повседневной жизни, таких как чиновная система, меры весов, метрология и пр.» (Mazar, 1990, p. 441). Большинство писем составляли архив крупного военного сановника, командовавшего крепостью на последней фазе ее существования. И касаются они не только местных дел. Есть письмо от одного из последних иудейских царей, связанное с международными событиями и упоминающее египетского фараона.

Эти бесценные находки представляют самую большую, многообразную и исторически информативную группу прямых письменных свидетельств Иудеи, да и еврейских царств вообще, на последнем — трагическом — этапе их существования.

Помимо Арада (но в безусловной исторической связи с ним) в Северном Негеве в рассматриваемый период возник или развился целый ряд укрепленных поселений, таких как Беэр-Шева (Вирсавия),

Ароер, Харват Уза (в последнем также найдена ценнейшая группа остраконов, в том числе эдомитская надпись исторического содержания) и многих других. Они охраняли пути на юг, безусловно доказывая особую роль Северного Негева в международной торговле: здесь интересы Иудеи сплетались даже с интересами таких ее противников, как Ассирия и Эдом. Об активности торговли свидетельствуют находки эдомских, ассирийских, кипрских, эгейских, греческих изделий — прежде всего керамики (Ibid., p. 444).

В отличие от Северного Негева центральная и южная его части после разгрома поселенческих систем конца X в. до Р. Х. оставались слабо заселенными: здесь известны лишь единичные поселки (Кадеш-Барнеа и др.), сохранившиеся от упомянутых систем или восстановленные после определенного — иногда достаточно длительного — перерыва. В их материальной культуре отмечается комбинация традиций обоих царств. Судьба же их была предельно изменчивой: они разрушались в ходе войн с эдомитами и кочевниками IX–VII вв. до Р. Х., возрождались и, наконец, были окончательно уничтожены вавилонским нашествием 586 г. до Р. Х.

ПАДЕНИЕ ЕВРЕЙСКИХ ЦАРСТВ

Выше уже подчеркивалось, что период Раздельных царств был очень далек от спокойствия и стабильности. Лишь короткие передышки разделяли вспышки напряженности, междоусобиц, внутренних распрей, столкновений между обоими родственными, казалось бы, царствами, наконец, катастрофическими как для Израиля, так и для Иудеи войнами с могущественнейшими ближневосточными деспотиями. Археологические свидетельства этих бурных и трагических событий ярки и многочисленны. Часть их уже отмечена в предшествующей главе. Укажем еще несколько.

К. Кеньон убедительно связывает возведение мощных фортификаций царского квартала Самарии с осадой города царем арамейского Дамаска Венададом II. Междоусобица, приведшая к свержению династии Амврия, привела также к разрушению обводной стены города и перемещению ряда массивных построек. Анархия, последовавшая за смертью Иеровоама II, нашла археологическое отражение в заметных перестройках Самарии в VIII в. до Р. Х., а разрушительный след ассирийского нашествия 734 г. до Р. Х. предельно четко представлен в целом ряде городов, прежде всего Мегиддо (IV слой) и Асоре (V слой). «Начиная с Ашур-назир-пала, в течение двух с половиной веков (Ассирия. — Н. М.) была основным виновником экспансий и завоеваний на Ближнем Востоке» (Кенуон, 1979, р. 286). Между тем иудейский царь Ахаз обращался к Тиглатпаласару III за помощью против Израиля, что стимулировало захват ассирийцами Галилеи и Заиорданья с массовой депортацией их населения. Дальнейшие походы Салманасара V (724 г. до Р. Х.) и Саргона II (722 г. до Р. Х.) фактически положили конец Израильскому царству, поставив его территорию и города вместе со столицей Самарией под ассирийский контроль.

Формально сохранившая независимость Иудея была в значительной своей части опустошена походом Сенаххериба 705 г. до Р. Х., а царь ее Езекия превратился, по словам той же К. Кеньон, в полуvasсала Ассирии.

Предельная разрушенность городских слоев подтверждает повествования Библии и прочих нарративных источников об этих событиях. Археологические свидетельства здесь весьма выразительны.

Сопротивлявшаяся два года и павшая при Саргоне II в 720 г. Самария была не только разграблена, но и на отдельных участках полностью разрушена: документируется даже выборка камней фундаментов фортификаций и построек царского квартала, которые, очевидно, сравнивались с землей. Лишь вокруг вершины сохранились казематные стены, что связывается с превращением города в один из центров подчиненной Ассирии области. Находившиеся за ними массивные постройки были уничтожены полностью, и возникшие на их месте позднейшие сооружения строились уже по совсем иным планам. Столь же резка смена керамики. «Разрыв в ходе культурного процесса был полнейшим. Гомогенное развитие было пресечено. В перекрывавших разгром слоях появляются новые формы, не имеющие корней в Палестине и принадлежащие ассирийскому стилю, представленному в Нимруде» (Kenyon, 1979, p. 289). Такая же смена и в планировке, и в архитектурном стиле, и в керамике фиксируется и в Мегиддо, и в Телль эль-Фаре (сев.), и в ряде других городов.

Не менее выразительные археологические свидетельства разрушительных ассирийских вторжений в Южное царство — Иудею, и прежде всего разгрома Лахиша и осады Иерусалима Сенаххерибом в последние годы VIII в. до Р. Х., уже кратко рассмотрены выше. Еще раз подчеркнем значение для судьбы Иерусалима созданного при Езекии Силоамского тоннеля и всей связанной с ним системы водоснабжения города, включая и специальные меры по ее маскировке. Уже отмечалось и относящееся к этому периоду распространение Иерусалима на Восточный холм. Но все же материалы, касающиеся его застройки в период, последовавший за ассирийскими походами и падением Северного царства, достаточно ограничены.

Таким образом, VII в. до Р. Х. отмечен фактическим господством Ассирии над Палестиной в целом. Это документируется и названными археологическими показателями ее городов, и письменными свидетельствами, и стелами Саргона II, фрагменты которых найдены в Самарии и Ашдоде, наконец ассирийскими рельефами с изображениями взятия Екрона, Гезера, Асора, Гиверона, Рафияха, и прежде всего Лахиша. Для аннексированного Израиля это повлекло за собой изменения как административного, так политического характера. Он был разделен на несколько непосредственно подчиненных Ассирии территориальных единиц со своими главными городами, в том числе со значительно редуцированными и обедненными Мегиддо и Самарией.

провинции учреждены в северной части прибрежной долины

и в Заиорданье. Значительные массы населения были депортированы, их место заняли переселенцы из других оккупированных ассирийцами регионов. В вассальной зависимости от Ассирии оказались и финикийские города-государства. Археологические исследования освещают эти изменения, хотя и далеко не равномерно, а в ряде аспектов лишь ориентировочно (Mazar, 1990, pp.543–547).

Последовавший за ассирийским завоеванием период в Мегиддо документируется III слоем, показатели которого, по словам А. Мазара, типичны для рядового центра ассирийской провинции. Характерная для израильских городов круговая планировка с радиальными улицами заменена ортогональным планом с параллельными улицами, разделявшими блоки домов. Мощные шестикамерные ворота сменены двухкамерными, хотя сплошная стена с выступами и впадинами сохранилась. Жилые и административные кварталы резиденции ассирийского наместника располагались вблизи ворот. В планировке этих официальных сооружений А. Мазар подчеркивает сочетание ассирийских и сирийских традиций с определенной доминантой первых: в основу положен открытый двор, по всем четырем сторонам которого находились ряды помещений. Вместе с тем в архитектуре крупных приемных помещений им отмечены реминисценции собственных сиро-палестинских форм: в них вели также обширные вестибюли с входными портиками.

В Асоре найдены два ассирийских сооружения. Первое — административный комплекс, перекрывший разрушенную израильскую цитадель на вершине холма, оставшегося незастроенным после вторжений. Второе — большой дворец у подножья холма, построенный в типично ассирийском стиле и принадлежавший, возможно, ассирийскому наместнику (Reich, 1975).

Массовое присутствие ассирийцев фиксируется археологически находками в южных районах Палестины, особый интерес которых как для торговых связей, так и для вторжений в Египет неоднократно подчеркивался выше. Архитектурные остатки, группы керамики и прочих находок, наконец, два документа административного характера свидетельствуют о превращении Гезера в ассирийскую крепость. В северо-восточном Синае и в южной прибрежной долине многочисленные ассирийские находки в ряде пунктов подтверждают контроль Ассирии над этими районами. А. Мазар отмечает значительные их местонахождения в Тел Сера, где среди остатков цитадели VII в. до Р. Х. найдены ассирийские металлические изделия,

включая тип скипетра, известный по украшениям ассирийских колесниц; в Телль Еммахе — с сырцовыми постройками и специфическими ассирийскими сводчатыми потолками и не менее характерной «дворцовой керамикой»; в Кватифе в районе Газы и в Телль Абу Салиме, на основном пути в Египет. Среди находок он особо выделяет цилиндрические печати, в том числе с именами ассирийских чиновников, высококачественные металлические сосуды, стеклянные изделия, наконец, «дворцовую керамику», вызвавшую широко распространенные местные имитации (Mazar, 1990, p. 547).

Свидетельства VII в. до Р. Х. в Иерусалиме весьма ограничены. К. Кеньон относит к ним немногочисленные дома на восточном склоне над источником Гихоном. Они стояли на последовательных террасах, созданных еще в иевусейском Иерусалиме и в дальнейшем неоднократно укреплявшихся Давидом и его преемниками, но оставались конструкциями ненадежными. Время и многочисленные катастрофы привели к значительным их разрушениям, и лишь отдельные, в основном хозяйственные или торговые, постройки сохранились на них в рассматриваемый период. Указанное назначение их документируется печами со сводами и находкой в одном из помещений 41 каменной гири.

В нижней части восточного склона, уже за линией городских стен, обнаружена небольшая пещера, огражденная массивной стеной и содержащая многочисленные сосуды. Выше ее располагалось небольшое помещение с двумя вертикально поставленными камнями — культовыми символами. Этот комплекс с уверенностью можно интерпретировать как святилище: пещера была хранилищем приношений, малое помещение — алтарем. В состав святилища следует включить и еще одну — заметно большую — пещеру, расположенную в 10 м южнее и отмеченную еще более значительным скоплением находок — сосудов, курильниц, статуэток, как антропоморфных (прежде всего фигурок богини-матери), так и зооморфных (лошадей с дисками на лбу — может быть, «солнечных коней»). В обеих пещерах можно видеть хранилища священных сосудов (*favissae*), а во всем комплексе — вынесенное за пределы города неортодоксальное святилище. При этом число находок в большой пещере превышало 1300. Возникает предположение о связи ее с очисткой всех неортодоксальных святилищ города иудейским царем Иосией около 750 г. до Р. Х., но точная хронологическая позиция ее пока проблематична (Kenyon, 1979, p. 295).

Первые три четверти VII в. до Р. Х. протекали для Иудеи относительно спокойно: локальные войны случались, но тотальных разгромов, подобных вторжению Сенаххериба 705 г. до Р. Х., не было. Ряд разрушенных тогда городов был полностью или частично восстановлен, иногда в той или иной мере повторяя существовавший ранее план. Пример тому Вефсамис слоя II С, построенный на руинах города слоя II В и примерно по тому же плану. Восстановили и Лахиш (слой III), разрушение которого в 701 г. до Р. Х., очевидно, не было тотальным: прямых показателей его сожжения нет. В других городах, избежавших ассирийского разгрома, таких как Телль Бейт Мирсим, Телль эн-Насбех и многочисленные небольшие городки, продолжалось гомогенное развитие с преемственностью между основными культурными показателями. К. Кеньон заключает, что керамика VII в. до Р. Х. является прямым продолжением предшествующей по основным характеристикам, отличаясь от нее лишь упрощением и огрубением: «Керамика этого периода тусклая и неинтересная, хотя и технически совершенная. Она как бы отражает упадок политической жизни царства» (Кеньон, 1979, р. 299).

Но в последней четверти VII в. до Р. Х. политическая ситуация резко изменилась. Начался резкий упадок Ассирии. В 612 г. до Р. Х. пала казавшаяся неприступной ее столица Ниневия. Длившееся несколько столетий военное господство Ассирии на всем Ближнем Востоке рухнуло и было сменено доминантой Ново-Вавилонского царства, которое по отношению к Палестине явилось прямым восприемником действий своего грозного предшественника. Вавилонский царь Навуходоносор вторгся в Палестину и в результате кампаний 598 и 589–586 гг. до Р. Х. окончательно аннексировал Иудею. Если походы ассирийцев Саргона II положили конец Северному — Израильскому — царству, то на сей раз пресечено было развитие самостоятельной еврейской государственности в целом. Это оказало самое решительное воздействие на все стороны жизни народа: экологию, культуру, психологию...

Но пока вернемся к последним, трагическим годам существования Иудеи. Последствия кампаний Навуходоносора были для нее катастрофичными. Это засвидетельствовано как нарративными источниками, прежде всего библейским повествованием, так и прямыми археологическими показателями. Разгрому подверглись многочисленные города, некоторые никогда уже не возвратились к жизни (среди них Телль Бейт Мирсим и Вефсамис). «Были разрывы в их

заселении и ранее, — пишет К. Кенъон, — но ни в один другой период столь значительное число поселений не утратило городского характера. Это ясно показывает, сколь разрушительной для экономики страны была вавилонская политика. Лишь часть населения, возможно четверть, была угнана в плен, но департированы были все лидеры, что полностью разрушило торговую систему. Экономика не могла более поддерживать густо населенные города еврейских царств» (Кенъон, 1979, р. 299).

Лахиш

Восстановленный, как уже отмечалось, после нашествия Сенаххе-риба Лахиш снова подвергся разгрому — на сей раз с сожжением — в ходе вавилонского вторжения 598 г. до Р. Х., а далее — вторично — и 588 г. до Р. Х. К. Кенъон с этими разгромами связывает соответственно III и II слои развалин города (Телль Дувейра). Первый из них перекрыт прокаленными строительными остатками, толщина которых у ворот достигает 2,43 м. Дворец-форт разрушен полностью: масса кальцированных кирпичей покрывает его каменное основание. Расположенные вблизи дворца хранилища (лавки?) заполнены самыми различными товарами — сосудами с зерном, ткацким оборудованием, прочими ремесленными инструментами и изделиями, брошенными после штурма, который пресек работы по сооружению грандиозной четырехугольной шахты со стороной 24,38 м, доведенной до глубины 21,34 м и предназначавшейся, очевидно, для системы водоснабжения. За пределами города найдено огромное скопление человеческих скелетов — свыше 2 тыс. Они были помещены в древнюю пещерную гробницу. Очевидно, это было вызвано очисткой остатков города после вавилонского погрома. Часть черепов носит следы травм и — что особенно интересно — трепанаций, связанных, возможно, с попытками спасти раненых, с полевой хирургической практикой (Ibid., р. 301).

И вновь — после разгрома 598 г. до Р. Х. — последовало частичное восстановление Лахиша, а в 588 г. до Р. Х. — новый штурм, новый погром, вторичное сожжение. И здесь уместно вернуться к упоминавшимся уже «лахишским письмам» — скоплению остраконов, найденных в слое пожарища внутри комнаты охраны между внешними и внутренними воротами города. Всего остраконов 18, из них 7 содержат достаточно четкие и пространные тексты (рис. 11.1), остальные — лишь отдельные изречения и слова. Все документы являются

письмами. Часть их (а возможно, и все) направлены командиром укрепленного аванпоста близ Лахиша Хоша'яху (Hosha'yahu) губернатору Лахиша Я'ушу (Ya'ush'y). В письмах содержатся военные донесения, в частности о связи форта с Лахишем и прекращении связи с Азеком, который, видимо, к этому времени уже пал. Важно отметить, что в период финального вторжения вавилонян пророк Иеремия видел в Азеке один из трех последних городов — вместе с Иерусалимом и Лахишем, — являвшихся оплотом Иудеи (Иер 34:7).

Но наряду с безусловно значительным военным аспектом информации, содержащейся в остраконах, предполагается еще одна достаточно существенная тема, затронутая их текстами. Она касается конфронтации двух групп — приверженцев и категорических противников сопротивления вторгшемуся врагу. Первая была официальной, правительственной. Выразителем второй были пророки Иеремия и Урия, имевшие, очевидно, ряд сторонников в различных слоях общества, включая и армию.

Профессор Торчинер (H. Torczyner) выдвинул гипотезу, согласно которой «лахишские письма» связаны с перипетиями конфронтации, и прежде всего с судьбой Урии, который бежал в Египет, был насильственно возвращен оттуда и казнен (Torczyner, Harding, Lewis, Starkey, 1938). К. Кеньон видела в этой гипотезе «наиболее остроумную интерпретацию, основанную на определенном пассаже письма III, который представляется касающимся событий, освещенных в Книге Иеремии» (Kenyon, 1979, p. 302). И далее: «...упо-

Рис. 11.1. «Лахишское письмо» № 4 (по Райту)

требленные имена, язык и многие мелкие детали отражают условия, превалявшие в период деятельности Иеремии. Они... очень интересны по-человечески. Ведь большинство сохранившихся древних документов носят административный, религиозный или деловой характер. Здесь же отражаются дела определенных личностей. Сопрежение «писем» с последними днями еврейского государства прочно установлено: перекрывающий их зольный слой документирует финальное разрушение Лахиша, никогда более не возродившего свой статус большого города, хотя и использовавшегося впоследствии в качестве административного центра» (Ibid.).

Иерусалим

С падением Азека и Лахиша Иерусалим остался единственным из трех поименованных Иеремией «укрепленных городов». Обладавшая мощными фортификациями столица Иудеи (толщина ее стен достигала 7 м) упорно сопротивлялась. Начавшаяся в 588 г. до Р. Х. осада города длилась 18 месяцев. Укрепления долгие месяцы выдерживали вавилонские штурмы, более того, отдельные участки их подверглись реконструкции и дальнейшему усилению, как, например, восточная стена над долиной Кедрона. Вторжения египтян прорывали блокаду, позволяя пополнять продовольственные запасы Иерусалима. Но последние неизбежно иссякали, и голод в конце концов обусловил капитуляцию. К тому же проломы в нижних стенах, образовавшиеся в ходе финальных штурмов, привели к обвалу опиравшейся на них системы террас, а следовательно, и стоявших на этих террасах сооружений. Внешний край системы рухнул вместе с поддерживавшей его стеной. На некоторых участках свидетельства погрома в дальнейшем уничтожила эрозия: обрушившиеся камни были обнаружены у подножья склона; частично их использовал Неемия при строительстве новой стены по возвращении из вавилонского пленения. В других районах следы трагедии 586 г. до Р. Х. стерты возникшей на этом месте каменоломней. Многие прочие города Иудеи постигла та же судьба: они были полностью разграблены и сожжены (4 Цар 25:13–14). Значительная часть населения была депортирована. Остатки его продолжали жить в немногих сохранившихся районах больших городов, фактически превратившихся в деревни. Да и остатки эти, по справедливому замечанию К. Кеньон, составляло прежде всего избежавшее депортации отсталое крестьянство, перемешавшееся с иммигрантами из прочих оккупированных ассирий-

цами и вавилонянами регионов. В полной мере коснулось это и города Мицпы (Телль эн-Насбеха), куда временно был перенесен центр Иудеи, превращенной в вавилонскую провинцию (рис. 11.2). «Тем самым гомогенная израильская культура была разгромлена, и не было объединяющей силы, способной создать новую на ее месте» (Кенyon, 1979, р. 479).

Это определение может быть распространено на всю Палестину. Выше очень бегло было прослежено ее культурное развитие на протяжении нескольких тысячелетий. При этом достаточно четко выявлялся пульсирующий его характер. Периоды взлетов — иногда уникальных и поразительных, подобных Иерихону и Гхассулу, городским системам раннего бронзового века, ханаанейской цивилизации и Единому Израильскому царству, — сменялись периодами глубокого падения, запустения городов, культурного регресса. И все же сохранялась определенная преемственность последовательных культур, сохранялись в памяти многих поколений мифологические сюжеты, корни которых уходят в глубочайшую древность, на много тысячелетий предшествуя отражению их в библейских текстах. При всей революционности Авраамова монотеизма и в его оформление — как духовное, так и материальное — внесли вклад многие века поисков, борьбы, культовой практики различных, но в большинстве своем родственных групп населения Святой земли. Основное русло ее уникального развития сохранялось при всех исторических и культурных перипетиях. Новые включения вливались здесь в общий поток, новые группы и традиции адаптировались в общем процессе и обогащали его. Именно в этом смысле К. Кенйон пишет о гомогенно-

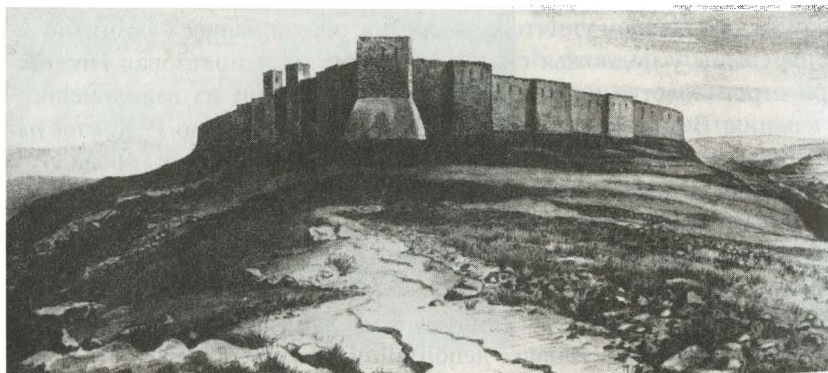

Рис. 11.2. Реконструкция укреплений Телль эн-Насбеха (Мицпы) (по Райту)

сти развития культуры Святой земли до трагических событий первой четверти VI в. до Р. Х.

Естественно, исторический процесс в Палестине продолжался и позже. Но многое в нем изменилось коренным образом. Независимость развития еврейских государственных образований и — еще раз повторю — гомогенность их культуры были пресечены, хотя вавилонская депортация коснулась лишь меньшей части населения и длилась всего несколько десятилетий — до 539 г. до Р. Х., когда Кир Великий сокрушил Вавилон и основал Персидскую империю. И даже в этот короткий период, несмотря на разгром многих городов Филистии (Ашдод, Екрон, Тимна) и Иудеи, там сохранялись очаги городской жизни (Мицпа, Гива, Вефиль и др.). Избежали уничтожения и некоторые финикийские города Средиземноморского побережья и ряд поселений Трансиордании. Не полностью угасла жизнь и в самом Иерусалиме: А. Мазар отмечает найденные здесь Г. Баркаем богатые иудейские погребения вавилонского периода (Mazar, 1990, p. 548). Значительному оживлению жизни здесь способствовало, конечно, возвращение части «изгнанников» из Вавилона и лояльное отношение к евреям и их религии персидской администрации, допустившей восстановление и храма Зоровавелем и даже оборонительных стен Неемией (с разрешения Артаксеркса). Но все это происходило уже на оккупированной земле, при чуждых властителях и все возрастающей доминанте чуждых культур — персидской, а далее эллинистической и римской. «Исторически и археологически, — заключает А. Мазар, — началась новая эра» (Ibid., p. 549). С этим остается лишь согласиться.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БЭ – Библейская энциклопедия. М., 1993.
ППС – Православный Палестинский сборник.
РА – Российская археология.
СА – Советская археология.
AAAS – Annales Archéologiques Arabes Syriennes.
AASOR – Annual of American School of Oriental Researches.
BA – Biblical Archaeologist.
BAR – Biblical Archaeology Review.
BASOR – Bulletin of American School of Oriental Researches.
BSPF – Bulletin de la Société Préhistorique de France.
BBSA – Bulletin of British School of Archaeology in Jerusalem.
CA – Current Anthropology.
CAH – Cambridge Ancient History.
HUCBASJ – Hebrew Union College Biblical and Archaeological School in Jerusalem.
IEJ – Israel Exploration Journal.
JIPS – Journal of Israel Prehistoric Society.
JNES – Journal of Near Eastern Studies. Chicago.
MIO – Mitteilungen des Instituts für Orientforschung.
OIP – Oriental Institute Publications. Chicago.
PEQ – Palestine Exploration Quarterly.
PPS – Proceedings of the Prehistoric Society.
PIASH – Publications of the Israel Academy of Sciences and Humanities.

- Августин (Никитин), архимандрит.* Русская библейская археология в Палестине. «Мир Библии», вып. 5. М., 1998.
- Антонин (Капустин), архимандрит.* Раскопки на русском месте близ храма Вознесения в Иерусалиме в 1883 г. Православный Палестинский сборник, вып. 7. СПб., 1884.
- Андреев Ю. В.* Древнегреческий полис. Л., 1976.
- Антонова Е. В.* Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1977.
- Антонова Е. В.* Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984.
- Антонова Е. В.* Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М., 1990.
- Антонова Е. В.* Месопотамия на пути к первым государствам. М., 1998.
- Амусин И. Д.* Раскопки у Мертвого моря. М., 1960.
- Бадер Н. О.* Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М., 1989.
- Бар-Иосиф О.* Нижнепалеолитические стоянки Юго-Западной Азии — свидетельства расселения человека из Африки. В кн.: *Величко А. А., Софер О. А. (ред.).* Человек заселяет планету Земля. М., 1997.
- Башилов В. А.* Неолитическая революция в Центральном Андах. М., 1998.
- Вавилов Н. И.* Центры происхождения культурных растений. Избранные сочинения, т. I. Л., 1967.
- Горелик М. В.* Оружие Древнего Востока. М., 1993.
- Гуляев В. И.* Города-государства майя. Л., 1979.
- Дмитриевский А. А.* Начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин. Труды Киевской духовной академии. 1904, ноябрь.
- Дьяконов И. М. (ред.)* История Древнего Востока. Зарождение классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Часть 1. Л., 1983.
- Зубов А. Б.* История религий. Книга 1. М., 1997.

- Киприан (Керн), архимандрит.* О. Антонин Капустин. Архимандрит и начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме (1817–1894). М., 1997.
- Кондаков Н. П.* Археологические путешествия по Сирии и Палестине. СПб., 1904.
- Коробков И. И.* Палеолит Восточного Средиземноморья. В кн.: *Борисковский П. И., Абрамова З. А., Гурина Н. Н.* (ред.). Палеолит Ближнего и Среднего Востока. «Палеолит мира». Л., 1978.
- Ламберг-Карловский К., Саблов Дж.* Древние цивилизации. Древний Восток и Мезоамерика. М., 1992.
- Мазар А.* Археология библейской земли. Иерусалим, 1996.
- Массон В. М.* Юго-Западная Азия. В кн.: *Мерперт Н. Я.* (ред.) Археология зарубежной Азии. М., 1986.
- Мень А., протоиерей.* История религии. В поисках пути истины и жизни. Том I. Истоки религии. М., 1991.
- Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М.* Поселение убейдской культуры Ярым Тепе III в Северной Месопотамии. СА, 1982, № 4.
- Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981.
- Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Древнейший культовый центр в долине Хабура. РА, 1997, № 2.
- Немировский А. А.* Древнееврейский этногенез в свете патриархальной традиции Книги Бытия и политической истории Ближнего Востока (автореферат диссерт.). М., 1996.
- Никольский М.* Задачи русской археологической и исторической науки в Палестине и Месопотамии в связи с современными мировыми событиями. М., 1915.
- Олесницкий А. А.* Ветхозаветный храм. ППС, вып. 5. СПб., 1889.
- Олесницкий А. А.* Мегалитические памятники Святой земли. ППС, вып. 41. СПб., 1895.
- Ростовцев М. И.* Русская археология в Палестине. «Христианский Восток», т. 1, вып. III. СПб., 1913.
- Рындина Н. В.* Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы (истоки и развитие в неолите — энеолите). М., 1998.
- Тураев Б. А.* История Древнего Востока. Л., 1935.
- Тураев Б. А.* Библейская археология. «Христианство», т. I. М., 1993.
- Троицкий И. Г.* Библейская археология. СПб., 1913.

- Хитрово В. М.* Раскопки на русском месте близ храма Вознесения. ППС, вып. 7. СПб., 1884.
- Христианство, т. I–III. М., 1991.
- Шифман И. Ш.* Развитие городской организации в древнем азиатском Средиземноморье. В кн.: «Древние города». Л., 1977.
- Шнирельман В. А.* Происхождение производящего хозяйства. М., 1989.
- Abu es-Soof B.* Tell es-Sawwan excavations of the forth Season (Spring 1967). Interim report. «Sumer», XXIV, Baghdad, 1968.
- Al-A'dami K. A.* Excavation at Tell es-Sawwan (second Season). «Sumer», XXIV, Baghdad, 1968.
- Adams R.* The Origins of Cities. «Scientific American», 1960, September.
- Adams R. McC.* Heartland of Cities. Survey of Ancient Settlement and land use in the Central Floodplain of the Euphrates. Chicago–London, 1981.
- Adams R. McC., Nissen H. J.* The Uruk Countryside. Chicago–London, 1972.
- Aharoni Y. and Amiran R.* A New Scheme for the Subdivision of the Iron Age in Palestine. IEJ, 8, 1958.
- Aharoni Y.* Arad Incriptions. Jerusalem, 1981.
- Aharoni Y.* The Archaeology of the Land of Israel. Philadelphia, 1982.
- Albright W. F.* Tell Beit Mirsim, vol. I, Ia. AASOR, 1932–1933, №№ 12, 13.
- Albright W. F.* The Chalcolithic Age in Palestine. BASOR, 1932, № 48.
- Albright W. F.* Tell Beit Mirsim, vol. III. AASOR, 1943, № 21–22.
- Albright W. F.* Archaeology of Palestine. «Penguin Books». 1960.
- Albright W. F.* BASOR, 1961, № 163.
- Alon D., Bar-Yosef O.* Nahal Hemar Cave. «Antiqot», 1988, № 8. Jerusalem.
- Amiran R. and Aharoni Y.* Ancient Arad. Catalogue of the Israel Museum. 1967.
- Amiran R.* Ancient Pottery of the Holy Land. Jerusalem, 1969.
- Amiran R.* Early Arad. Jerusalem, 1978.
- Anati E.* Palestine Before the Hebrews. New York, 1963.
- Arensburg B., Bar-Yosef O.* Human Remains from Ein Gev I, Jordan valley. «Paléorient», t. 1. 1975, № 2.
- Aurenche O.* La maison orientale. L'architecture der Proche Orient Ancien des origines au milieu du Quatrième Millenaire, t. I. Paris, 1981.

- Avi Gopher* (ed). The Nachal Qanach Cave. Earliest Gold in the Southern Levant. Tell Aviv, 1997.
- Bar-Adon P.* The Cave of the Treasure. Jerusalem, 1980.
- Bar-Yosef O., Tchernov E.* On the Paleoeological history of the site Ubeidiya. P., 1972.
- Bar-Yosef O.* Early man in the Jordan valley. The Excavations at Ubeidiya. «Arhaeology», vol. 28. № 1. New York, 1975.
- Bar-Yosef O.* Les gisements «Kebarien geometriques» d'Haon, vallée du Jordan. BSPF. Comptes Rendus Seances Mensuelles, t. 72. 1975a. № 1. Paris.
- Bar-Yosef O.* A Cave in Desert: Nahal Hemar. «Jsrael Museum Catalogue». 1985. № 258. Jerusalem.
- Bar-Yosef O.* The Walls of Jericho. Alternative Interpretation. «Current Antropology», vol. 27. 1986.
- Biran A.* Tel Dan. BA. V. 37, № 2. Cambridge Mass.
- Boissevain E.* Tentative Typology, Chronology and Distribution Study of the Human Figurines of Eastern Europe and the Near East in Early Farming Levels. «Actes du VII-e Congres International des Sciences Prehistoriques and Protohistoriques». 1966.
- Bliss F.J.* A Mound of Many Cities. London, 1894.
- Brug J. F.* A literary and Arhaeological Study of the Palestine. BAR. International Series. № 265, Oxford, 1985.
- Busin Th. A.* Der Tempel von Jerusalem. Vol.1. London, 1970.
- Blaiklock E. M., Harrison R. K.* The New International Dictionary of Biblical Archaeology. Michigan, 1983.
- Calloway J. A.* The Early Bronze Age Sanctuary at Ai (et Tell). London, 1972.
- Calloway J. A.* The Early Bronze Age Citadel and Lower City at Ai. Cambridge Mass, 1980.
- Calloway J. A. and Wagner N. E.* A re-examination of the Lower City at Ai (et Tellel) in 1971, 1972. PEQ, 1974, London.
- Cauvin J.* Les Premiers Villages de Syrie-Palestine du IX-eme au VII-eme millenaire av. J. C. Lyon, 1978.
- Cauvin J.* Naissance des divinites. Naissance de l'agryculture. Paris, 1994.
- Cauvin J. et Sanlaville P.* (eds.). Prehistoire du Levant. 1981.
- Chambon A.* Tell el Far'ah I: L'Age du Fer. Paris, 1984.
- Childe V. G.* Man Makes Himself. London, 1936.
- Childe V. G.* What Happened in History. London, 1939.

- Childe V. G.* The Urban Revolution. In: «Town Planning Review», 1950, 21.
- Clark J. D.* The Middle Acheullian occupation site at Latamne, Northern Syria (first paper). «Quaternaria», vol. 9, Roma, 1967.
- Clark J. D.* The Middle Acheullian occupation site at Latamne, Northern Syria (second paper) (further excavations — 1965 — general results, definition and interpretation). «Quaternaria», vol. 10, Roma, 1969.
- Contenson H. de.* In: «Archaeology», vol. 24. London, 1971.
- Crowfoot J. W. and G. M.* Samaria Sebaste II: Early Ivories from Samaria. London, 1938.
- Crowfoot J. W., Kenyon K. M., Sukenik E. L.* Samaria-Sebaste I: the Buildings. London, 1942.
- Cohen R.* 1980. In: BASOR, 286, 61–79.
- Cohen R.* 1985. In: BAR 11: 3, 56–70.
- Dewar W. G. et al.* Gezer I (HUCBAS). Jerusalem, 1970.
Gezer II (HUCBAS). Jerusalem, 1974.
- Dothan M., Freedman D. N.* Ashdod I. «Antiqot», № 7. Jerusalem, 1967.
- Dothan M.* Ashdod II–III. «Antiqot», № 9–10. Jerusalem, 1971.
- Dunand M.* Fouilles de Byblos. T. 1–2. Paris, 1937–1954.
- El-Wailly F. and Abu es-Souf B.* Excavations at Tell es-Sawwan. «Sumer», XXI. Baghdad, 1965.
- Elliot C.* The Religions Beliefs of the Ghassulians c. 4000–3100 B.C. PEQ, 1977, January–June.
- Epstein C.* An interpretation of the Megiddo Sacred Area during Middle Bronze II. IEJ, v. 15, № 4. Jerusalem.
- Epstein C.* The Chalcolithic Culture of the Golan. BA, vol. 40, № 2, 1977.
- Ferembach D. and Lechevallier M.* In: «Paléorient», pp. 223–30, 1973.
- Garrod D. A. E., Bate D. B. A.* The Stone Age of Mount Carmel. I. Oxford, 1937.
- Garrod D. A. E.* Excavations at the Mugharet Kebara, Mount Carmel, 1931. The Aurignacian industries. PPS, vol. 20, pt. 2. London, 1954.
- Garstang J.* L'art neolithique a Jericho. «Syria», t. 16, № 4. Paris, 1935.
- Gates M. H.* In: «Levant», 1986, № 18.
- Gerstenblith P.* The Levant at the Beginning of the Middle Bronze Age. AASOR, Dissertation Series, 5. 1983.
- Glueck N.* Rivers in the Desert. New York, 1959.
- Glueck N.* In: AASOR, XIV, XV, XVIII–XIX.
- Grafman R.* IEJ, 1972, № 22.

- Hachmann R.* Die Befestigungen des akkeramischen Jericho. In: «Neolithic of Southeastern Europe and its Near Eastern Connections» — *Varia Archaeologica Hungarica*, IV. Budapest, 1989.
- Harlan J. R.* Wild Wheat Harvest in Turkey. «*Archaeology*», vol. 24, № 3. London, 1967.
- Hennessy J. B.* Teleilat Ghassul. Sydney, 1977.
- Herzog Z.* Beer Sheba II: The Early Iron Age Settlement. Tell Aviv, 1984.
- Hours F.* The Lower Paleolithic of Lebanon and Syria. In: *Problems in Prehistory: North Africa and The Levant* (South Methodist. Univer. Press Contribution in Anthropology, № 13). Dallas, 1975.
- Jaritz K.* Quellen zur Geschichte der Kassû Dinastie. «*Mitteilungen des Instituts für Orientforschung*», 1958, № 6.
- Kantor H.* In: *JNES*, vol. 15, 1956, Chicago.
- Kaplan J.* Excavations at Benci Beraq. 1951. 1963.
- Keith A.* New discoveries relating to the antiquity of man. London, 1931.
- Kenyon K. M.* Digging up Jericho. London, 1957.
- Kenyon K. M.* Royal Cities of the Old Testament. London–New-York, 1971.
- Kenyon K. M.* Palestine in the Middle Bronze Age. In: «*Cambridge Ancient History*». Cambridge, 1973.
- Kenyon K. M.* Digging up Jerusalem. London and New-York, 1974.
- Kenyon K. M.* Archaeology in the Holy Land. New-York, 1979.
- Kenyon K. M.* Eretz Israel V. Some notes on the Early and Middle Bronze Age Strata of Megiddo. Jerusalem.
- Kenyon K. M. and Holland T. A.* Excavations at Jericho. London, 1983.
- Kirkbride D.* Five seasons at the Pre-Pottery neolithic village of Beidha in Jordan. *PEQ*, № 98, pp. 8-72. London, 1966.
- Kirkbride D.* Beidha: Early Neolithic Village Life South of Dead Sea. «*Antiquity*», vol. 42, 1968.
- Kirkbride D.* «Iraq», 1972–1974, №№ 34–37. London.
- Koeppel R.* Telleilat Ghassul. Rome, 1940.
- Koldewey R.* Das Wiederestehende Babylon. Leipzig, 1925.
- Lemon R. S., Shipton G. M.* Megiddo I: Season of 1925–34. Strata I–V. OIP, vol. XLII. Chicago, 1939.
- Lapp P.* In: *BASOR*, 1968, V.189.
- Lechevallier M.* Abu Ghosh et Beisamon. Paris, 1978.
- Lenzen H. J.* Die Entwicklung der Zikkurat von ihren Anfängen bis zur Zeit der III Dynastie von Ur. Leipzig, 1941.
- Loud G.* Megiddo II: season 1935–1939. OIP. Chicago, 1948.

- Lloyd S., Safar F.* Tell Hassuna... JNES, 1945, October, vol. IV, № 4. Chicago.
- Lloyd S., Safar F., Mustafa M. A.* Eridu. Baghdad, 1981.
- Lloyd S.* Foundation in the Dust. London, 1984.
- Machsman S.* In: International Journal of Nautical Archaeology, 1981–1982, №№ 10–11.
- Marquet-Krause J.* Les Fouilles de 'Ai (et Tell, 1933–1935); t. 1–2. Institut Français d'Archéologie de Beyrouth, 1949.
- Martin G., Bar-Yosef O.* Ein Gev III, Israel. «Paléorient», t. 5, 1979.
- Matthiae P.* New discoveries at Ebla. BA, 1984, 47/1 (March).
- Matthiae P.* Ebla: un impero ritrovato. Torino, 1989.
- Mazar A.* Archaeology of the Land of the Bible, 10 000–586 B.C.E. Cambridge, 1990.
- Mazar B.* The Middle Bronze Age in Palestine. IEJ, 1968, № 18.
- May H. G.* Material Remains of the Megiddo Cult. OIP, Chicago, 1935.
- Mayani Z.* Les Hyksos et le monde de la Bible. Paris, 1956.
- Mellaart J.* The Neolithic of the Near East. London, 1975.
- Miroschedji P. de.* Yarmouth I. Paris, 1988.
- Munchaev R. M., Merpert N. Y.* Tell Hazna 1 — The Most Ancient Cult Centre in North-East Syria. In: «Light on Top of the Black Hill». Studies presented to Halet Çambel. Istanbul, 1997.
- Neustupny I.* Studie o neolitické plastice. Praha, 1956.
- Neuville R.* Le paléolithique et mésolithique du désert de Judée. In: «Archives de l'Institut de Paléontologie Humaine», Mem. 24. Paris, 1951.
- Perrot J.* The Excavations at Tell Abu Matar near Beersheba. IEJ, 1955, № 5.
- Perrot J.* Une tombe à ossuaires du IV millénaire à Azr, près Tell Aviv. «Antiqot», 1961, № 3, Jerusalem.
- Perrot J.* Syrien-Palästina. München, 1979.
- Perrot J. et Ladiray D.* Tombes à ossuaires de la région cotière Palestinienne ou IV millénaire avant l'ère chrétienne. Paris, 1980.
- Petrie W. F.* Tell el Hes (Lachish). London, 1891.
- Petrie W. F.* Ancient Gaza. I–IV. London, 1931–1934.
- Reich R.* IEJ, 1975, № 25.
- Reisner G. A., Fisher C. S. and Lyon D. C.* Harvard Excavations at Samaria, vol. I. Cambridge, 1924.
- Rollefson O. G. and Simons A. H.* In: BASOR, 1985, Supplement 23, p. 35.
- Rothenberg B.* Timna. London, 1972.

- Rowe A. Beth-shan I: the Topography and History of Beth-shan. University of Pennsylvania Press. 1930.
- Rowe A. Beth-shan II: The Four Canaanite Temples of Beth-shan. University of Pennsylvania Press. 1940.
- Schaeffer Cl. F. A. Ugaritica I–IV. Paris, 1939–1962.
- Shalev S. Metals in Ancient Israel. Archaeological Interpretation of Chemical Analysis. «Israel Journal of Chemistry», vol. 35. 1995. № 2.
- Smith P. E. L. Reflections on Four Seasons of Excavations at Tappeh Ganj Darch. Proceedings of the IV-th Annual Symposium of Archaeological Research in Iran. Teheran, 1976.
- Solecki R. L. An Early Village Site at Zawi Chemi Chanidar. Maliby, 1980.
- Stekelis M. Preliminary report on soundings in prehistoric caves in Palestine. BASOR, vol. 86. New Haven, 1942.
- Stekelis M. Archaeological excavations at Ubeidiya 1960–1963. PIASH. Jerusalem, 1966.
- Tadmor M., Kedem D., Begemann F., Hauptmann A., Pernicka E., Schmitt-Strecker. Tell Michmar Hoard from the Judean Desert. Technology, Composition and Provenance. «Antiqot», vol. XXII. Jerusalem, 1955.
- Le Tensorer J. M., Muhasen S. Le premier hommes du desert Syrien. Paris, 1997.
- Torczyner H., Harding G. L., Lewis A., Starkey J. L. Lachish I: The Lachish Letters. Oxford, 1938.
- Trigger B. Determinants of Urban Growth in Preindustrial Societies. In: Ucko P. J., Tringhaem R., Dimpleby G. W., eds. Man, Settlement, Urbanism. London, 1972.
- Tufnell O. Lachish IV: The Bronze Age. Oxford, 1957.
- Turville-Petre F. Researches in prehistoric Galilee 1925–1926. BBSA, № 14. London, 1927.
- Ussishkin D. King Solomon's Palace and Building 1723 in Megiddo. IEJ, 1966, № 16.
- Ussishkin D. Lachish. In: «Bible et Terre Sainte», 1977, № 194.
- Vandermeersch B. Ce que révèlent les sépultures moustériennes de Qafzeh. «Archaeologia», 1972, № 45.
- Van Liere W. J. The pléistocene and Stone age Orientes rivers. AAAS, t. 16, pt. 2. Damaskus, 1966.
- Vincent L. H. et Stève A. M., Jérusalem de l'Ancien Testament. Paris, 1954.

- Wahida G.* The excavations at Tell es-Sawwan 1966. «Sumer», XXIII. Baghdad, 1967.
- Waldbaum J.* From Bronze to Iron. Göteborg, 1978.
- Wright G. E.* The Pottery of Palestine from Earliest Times to the End of the Early Bronze Age. New Hawen, 1937.
- Wright G. E.* The Problem of the Transition between the Chalcolithic and the Bronze Age. New York, 1958.
- Wright G. E.* Shechem. The Biography of a City. New York, 1964.
- Wright G. E.* Social Differentiation in Early Natufian. «Social Archaeology». New York., 1978.
- Zhenovich V. G.* The Oldest Gold in the World. «Journal of the Israel Prehistoric Society». 1994–1995, № 26.
- Yadin Y.* The Art of Warfare in Biblical Lands. Vol. I–II. Jerusalem, 1963.
- Yadin Y.* In: IEJ, 1971, № 21.
- Yadin Y.* The Schweich Lectures. London, 1972.
- Yadin Y. Hazor.* The rediscovery of greatcitadel of the Bible. New York, 1975.
- Yadin Y.(ed.)* Jerusalem Revealed. Jerusalem, 1975^a.
- Yasin W.* Excavation at Tell es-Sawwan, 1969, (6-th Season). «Sumer», XXVI, Baghdad, 1970.
- Yevin Z.* In: IEJ, 1971, № 21.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абу-Гхош 78
 Абу-Салабих 131, 133
 Абу-Хаван 189
 Абу-Хурейра 29, 81, 82
 Аварис 168
 Адаб 127
 Адейма 107
 Адер 152
 Адма 149
 Азек 312, 313
 Айн-Гхасал 29, 76, 77, 79
 Айн-Маллаха 29, 52, 70
 Айн-Самийя 159
 Акаба 26
 Акабский залив 13, 94, 264, 265, 274, 275, 277, 303
 Акр 164, 167, 229
 Акр эль-Ахмар 54
 Алалах 25, 164, 166, 167, 175, 189, 200
 Алеппо 30, 131
 Али-Кош 70, 94
 Аль-эль-Харири 98
 Амарна 158
 Амман 195
 Амур 84, 145
 Анатолия 12, 29, 69, 73, 94, 113, 140, 145–147, 173, 185, 192, 269
 Апек 164, 166, 168, 174, 229
 Аравийская пустыня 12, 13, 91
 Арад 30, 118, 123, 133, 138, 143, 144, 148, 150, 219, 220, 259, 303, 304
 Арвад 186
 Ароер 305
 Аскалон 186, 204, 208, 210
 Асор 30, 108, 133, 152, 164, 166, 168, 169, 175, 186, 188–190, 193, 200, 217, 219, 221, 227, 230, 243, 247, 250, 252, 253, 259, 261, 273, 285, 286, 287, 289, 290, 297, 306–308
 Ассирия 289, 290, 295, 305–308, 310
 Атароф 186
 Ахзив 229, 230
 Ашдод 188, 208, 210, 211, 232, 250, 255, 307, 315
 Ашшур 24
 Баб эд-Дра 118, 120, 121, 133, 149, 156
 Бадахшан 132
 Балих 30, 113
 Безер 186
 Бейда 29, 31, 52, 53, 68, 70, 74, 75, 79, 81
 Бейрут 186
 Бейсамун 29, 76, 78
 Бени Хасан 158, 160, 179, 269, 270
 Бет-Пелет 268
 Беф-Джерах 118, 133, 140, 141
 Беф-Цур (Бет-Цур) 26, 188, 220, 221
 Беф-Шан (Беф-Сан) 25, 118, 127, 133, 136, 138, 140, 152, 185, 188, 193, 198, 200, 205, 207, 217, 229, 255, 267, 269
 Беэр Ресисим 152
 Беэр-Абу 100
 Беэр-Сафади 100
 Беэр-Шева (Вирсавия) 94, 97, 100, 110, 112, 114, 188, 220, 221, 227, 240, 259, 266, 269, 304
 Библ (Гевал) 84, 86, 123, 127, 147, 151, 173, 186, 187
 Бордт Киннерит 38
 Ваал Парацим 234
 Вавилон 18, 19, 24, 179, 183, 315
 Вади Араба 13, 78, 81, 94, 220, 275, 303
 Вефиль 26, 219, 227, 280, 285, 315
 Вефсамис 22, 26, 187, 230, 239, 255, 256, 265, 302, 310
 Вифлеем 33, 223, 232
 Гаванский пруд 234
 Газа 185, 208, 268, 269, 309
 Гай 30, 118, 141, 150, 219, 221
 Галаад 234
 Галилея 13, 156, 157, 211, 220
 Гандж-Даре 70
 Гевал 226
 Гезер 22, 30, 166, 167, 169, 173, 175, 176, 186, 188, 229, 247, 250, 253, 255, 256, 259, 261, 267, 269, 277, 295, 297, 307, 308
 Гелвуй (Гилбоа) 234
 Герар 97
 Геф (Гат) 208
 Гибсон 259, 260
 Гива 233, 234, 315
 Гивефон 30
 Гиверон 307
 Гилат 110

- Гилид 13
 Гилох 221, 223
 Гильгул 66, 70
 Гирсу (Нгирсу) 24, 27
 Гихон 237–239, 291, 296, 309
 Голанские высоты 97–99, 114, 153, 154, 156
 Голгофа 23
 Гоморра 149
- Дамаск 29, 40, 76, 79, 186, 286, 306
 Дан 164, 188, 197, 211, 221, 225, 227, 230, 280, 285
 Дашашех 148
 Дебир 26, 263
 Джармо 70
 Джемдет-Наср 127
 Диала 30
 Дивон 31
- Евфрат 10, 12, 27, 30, 38, 51, 52, 60, 79, 81, 87, 131, 167, 179, 182, 183
 Экрон (Экрон) 208, 210–212, 232, 307, 315
 Енном 292, 294
 Ецион-Гавер (Эцион-Гезер) 265, 274
- Загрос 29, 51, 70, 87, 177
 Заиорданье 24, 26, 51, 52, 76, 78, 118, 164, 186, 189, 195, 200, 205, 220, 221, 265, 303, 306, 308
 Зуттиех 41
- Иавнеил 164
 Иармуф 118, 219
 Ивлеам 259, 260
 Иерихон 15, 21, 22, 25, 29, 30, 58, 64–72, 74–78, 80–83, 85–87, 89, 95, 98, 107, 118, 120, 121, 133–137, 141, 146, 152, 164, 188, 219, 236, 268, 269, 314
 Иерусалим 5, 18, 20–23, 25, 30, 141, 169, 186, 223, 224, 227, 229, 233, 234, 236–238, 240, 241, 244, 245, 247, 252, 258, 259, 264, 277, 278, 280, 282, 285, 290, 291, 294–296, 307, 309, 312, 313, 315
 Избет Сартах 231, 232
 Израиль 28, 163, 236, 261, 262, 280, 281
 Изреель 229
 Иифтахель 78, 118, 119
 Иктану 152
 Иокнеам 259
 Иордан 13, 32, 34, 38, 40, 52, 60, 63, 72, 76, 78, 85, 95, 97, 133, 135, 140, 145, 149, 152, 163, 188, 236, 281
- Иуда (Иудея) 13, 20, 22, 220, 234, 236, 261, 263, 275, 277, 278, 280, 286, 290, 295, 296, 303–307, 310, 312–315
 Иудейская пустыня 41, 78, 91, 97, 101, 109, 114
 Йавнех 166, 167
 Йам 166, 167
- Кабри 166
 Кадеш 186
 Кадеш-Барнеа (Кадес-Варни) 305
 Каркемиш 164, 247
 Кармел 29, 41, 44, 45, 51, 52, 229
 Карнак 204, 277
 Катна 164, 186
 Кафзех 44–46
 Кватиф 309
 Кебара 48
 Кедрон 237, 294, 313
 Кенаф 186
 Кипр 171, 196, 197, 199, 208, 209, 214, 230
 Кирбет-Керак 140
 Киш 27, 131
 Коби Фора 32
 Красное море 13, 94, 124, 134, 264, 303
 Крит 269
 Куинджик 27
 Кумран 31
 Кфар Монаш 143, 146, 265–269
- Ларса 179
 Латамна 36, 37, 41
 Лахиш 25, 30, 133, 143, 166, 186, 188, 189, 193, 195, 200, 205, 214, 219, 239, 242, 247, 250, 255, 261, 268, 269, 271, 291, 295, 296–300, 307, 310–313
 Ливан 13, 28, 33, 38, 40, 51, 118, 147, 173, 186
- Манхатта 78
 Мари 27, 167, 179
 Маунт-Табор 187
 Мегиддо 22, 30, 118, 127, 133, 137, 138, 146, 152, 164, 166, 169, 173, 185, 186, 188–190, 193, 200, 205, 229, 230, 239, 242, 247, 248, 251, 253, 259, 261, 285, 287, 290, 297, 298, 306–308
 Мединет-Абу 208, 209, 215, 269, 270
 Мейра 38
 Мертвое море 13, 31, 34, 40, 81, 94, 101, 102, 121, 124, 133, 134, 138, 149, 152, 161, 189, 220, 264

- Месопотамия 91, 94, 99, 113–115, 123, 125,
127, 129–131, 133, 137, 140, 146, 147,
151, 160, 167, 177, 179, 180–183, 185,
187, 200, 228, 230, 240, 266, 267, 269,
271
- Милло 245, 247
- Минет эль-Бейда 187
- Михмаш 240
- Мицпа (Телль эн-Насбех) 26, 221, 227, 291,
310, 314, 315
- Моав 13, 21, 30, 187, 188, 303
- Мугарет Кабара 51
- Мугарет эль-Вад 51, 54
- Мюрейбит 29, 53, 60, 70, 79, 81, 82
- Надауйе 38–40
- Назарет 44
- Нахал Дившон 78
- Нахал Иеарон 78
- Нахал Квана 102, 104
- Нахал Мишмар 102–104, 110, 112, 116, 267,
269
- Нахал Орен 29, 52, 60, 66, 70, 78
- Нахал Хемар 76, 78
- Негев 13, 51, 52, 78, 91, 107, 124, 133, 134,
152, 154, 155, 160, 161, 162, 164, 178,
220, 221, 275–277, 303–305
- Нильская дельта 168, 171
- Нимруд 24, 307
- Ниневия 24, 27, 271, 295, 298–300, 310
- Ниппур 24
- Нитсана 78
- Нумейра 133, 149
- Олдувей (Олдувай) 32, 34
- Оронт 25, 32, 36, 38, 40
- Офел 237, 241, 245, 291, 293
- Офир 275
- Пальмирский оазис 40
- Пелла 186
- Пенуэл 223, 280, 289
- Пунон 230
- Рамат Рахель 244, 252
- Рас-Шамра (Угарит) 27, 68, 79, 81, 84, 127,
151, 161, 163, 168, 169, 175, 177, 186,
187, 227, 269
- Рафиях 307
- Рефаим (Рафаим) 223, 234
- Рехов 186
- Рош Зин 29, 52, 60
- Рош Хореша 29, 52
- Самария 13, 22, 25, 30, 244, 252, 261, 262,
263, 272, 280–285, 287, 289, 290, 306, 307
- Самарра 25
- Сардиния 208
- Сарды 208
- Севоим 149
- Семерон 280
- Сефила (Шепел) 22, 220, 296
- Сигор 149
- Сидон 186, 229, 247, 274
- Силоам 296, 307
- Силом (Шило) 188, 221, 225–227
- Синай 24, 73, 91, 94, 146, 147, 264
- Синджарская долина 79
- Сион 238
- Сиппар 127
- Сихем 30, 164, 166, 168, 186, 192, 193, 223,
229, 241, 242, 267, 269, 280
- Содом 149
- Схул 44–46
- Таанах 22, 186, 247
- Табун 37, 41, 44, 45
- Тебез 223
- Тел Ездар 220, 221
- Тел Зерор 164, 217, 230
- Тел Китан 168
- Тел Масос 220, 221, 223, 230
- Тел Мор 205, 230
- Тел Сера 205, 308
- Телейлат-Гхассул 31, 95, 97, 99–102, 107,
109, 114
- Телль Абу Матар 94, 100, 101
- Телль Абу Салим 309
- Телль Абу Хавам 229
- Телль Аджуль 156, 166, 173, 176, 188, 268,
269
- Телль Асвад 70
- Телль Асор 15
- Телль Атчана 25
- Телль Батас 164
- Телль Бейт Мирсим 26, 188, 199, 220, 221,
239, 255, 256, 273, 301, 302, 310
- Телль Брак 27
- Телль Букрас 82
- Телль Вурги 164
- Телль Дейр Алла 230
- Телль Джудейда 84
- Телль Дувейр 143, 311
- Телль Еммаха 309
- Телль Квазиль 208, 211–213, 215–217, 230,
239, 240, 242
- Телль Кейсан 229

- Телль Келейфа 274
 Телль Коум 70
 Телль Магзалия 68, 79, 94
 Телль Мардих 132
 Телль Михал 189
 Телль Мумбакат 243, 244
 Телль Нагила 166, 197
 Телль Нами 189
 Телль Рамад 29, 76, 79, 81, 82
 Телль Сотто 87, 89
 Телль Тайнат 242–244
 Телль Хазна 160
 Телль Халаф 25
 Телль Халиф 118
 Телль Харашим 230
 Телль Эйгун 208, 210, 216, 217, 273
 Телль эль-Амарна 185
 Телль эль-Балах 203
 Телль эль-Даба 269
 Телль эль-Фара 30, 118, 133, 135, 137, 148, 200, 205, 209, 217, 243, 244, 256, 262, 268, 269, 280, 307
 Телль эль-Фул 21, 234, 291
 Телль эль-Хайат 168
 Телль эль-Хеси (Хези) 22, 142, 247, 269
 Телль эн-Насбех — см. Мицпа
 Телль эс-Савван 90
 Телль эс-Сайдийе 230, 268
 Телль эс-Султан 15, 63, 64
 Терапеон 237, 292
 Тивериада 24
 Тивериадское озеро 13, 34, 49, 140, 145, 185
 Тигр 12, 25, 30, 87, 89, 90, 113
 Тимна 30, 94, 230, 239, 264, 295, 315
 Тир 186, 229, 240, 243, 247, 274
 Тирза 118, 127, 240, 256, 259, 280, 285, 289
 Убейдия 34–38, 40
 Угарит — см. Рас-Шамра
 Укайр 127
 Умм Дабагия 87, 88, 99
 Умм Катафа 41
 Умма 127
 Ур 10, 27, 127, 178
 Урук 24, 27, 127
 Фаран 163
 Фейна 94
 Филистия 232, 236, 315
 Финикия 244, 247, 261, 281
 Хабур 30, 89, 160
 Хабурский треугольник 27
 Хазория 40
 Хайоним 29, 52, 84
 Хама 38, 84, 157, 269
 Ханаан 164, 185, 200, 201, 223, 224, 226, 242
 Хар Адир 231, 266
 Харам эс-Шериф 245
 Харват Уза 305
 Харран 178
 Хартув 118
 Хеврон 76, 78, 175, 188, 219–221, 234
 Хелуан 51
 Хиллале 38
 Хирбет Давар 240
 Хирбет Искандер 152
 Хомс 38
 Хурват Минхах 82, 84
 Чагар-Базар 27
 Чайоню Тепеси 70, 94
 Чатал-Хююк 94, 99
 Шария 38
 Шарон 108
 Шарухен 268
 Шефела 236
 Шикмим 97, 107
 Шило — см. Силом
 Шимрон 186
 Шуруппак 27, 133
 Эбла 30, 132, 133, 151, 157, 164, 166–169, 175, 200, 242–244
 Эгейя 25, 214, 269
 Эдом 30, 290, 303–305
 Эдомская пустыня 13
 Эзраэлон 13, 40, 138
 Эйлат 94, 274
 Эйн Гев 49
 Эйн Хиям 60, 70
 Эйнан 52, 53, 58
 Эль Вад 29, 48, 52
 Эль Коум 29, 38, 41, 81
 Эль Марук 133
 Эн Геди (Ен-Геди) 98, 101, 102, 114, 116, 118
 Эр Растан 38
 Эреду 127
 Эцион-Гезер — см. Ецион-Гавер
 Эшнунна 127
 Ябруд 40
 Ярмук 85, 134, 135, 138
 Ярым Тепе 89
 Яффа 185

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА	5
-----------------	---

ВВЕДЕНИЕ

Постижение истории и его основные источники	8
Археология библейских стран и ее хронологические рамки	9
Историческая и географическая специфика Палестины	12
О характере археологических памятников Палестины	14

ГЛАВА 1

ИЗ ИСТОРИИ ПОЗНАНИЯ ДРЕВНОСТЕЙ ПАЛЕСТИНЫ И СМЕЖНЫХ РЕГИОНОВ	18
--	----

ГЛАВА 2

ЗАСЕЛЕНИЕ СИРО-ПАЛЕСТИНСКОГО РЕГИОНА ЧЕЛОВЕКОМ. ПАЛЕОЛИТ	32
---	----

ГЛАВА 3

ДРЕВНЕЙШИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ ПАЛЕСТИНЫ. ФЕНОМЕН ИЕРИХОНА	50
---	----

ГЛАВА 4

КЕРАМИЧЕСКИЙ НЕОЛИТ	81
---------------------------	----

ГЛАВА 5

ЭНЕОЛИТ ПАЛЕСТИНЫ	93
-------------------------	----

ГЛАВА 6

РАННИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК	115
----------------------------	-----

ГЛАВА 7

СРЕДНИЙ И ПОЗДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК	151
Ранняя фаза среднего бронзового века (2300–2000 гг. до Р. Х.)	151
Развитая фаза среднего бронзового века (2000–1550 гг. до Р. Х.)	164
О патриархальной традиции Книги Бытия	177
Поздний бронзовый век	184

ГЛАВА 8

НАЧАЛО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА	205
Появление Народов моря	205
Распространение и консолидация израильских групп в Палестине ..	218

ГЛАВА 9

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ	
ПЕРИОДА ЕДИНОГО ЦАРСТВА	233
О постройках, относимых ко времени Давида	234
Строительная деятельность в период царствования Соломона	241
Начало формирования израильской цивилизации	257
Прочие виды ремесел	260
<i>Керамика</i>	260
<i>Металлургия</i>	264
<i>Украшения и произведения искусства</i>	272
Торговые связи	274
Поселки на Негевском плоскогорье	275
Погребальный обряд	277

ГЛАВА 10

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА	
ПЕРИОДА РАЗДЕЛЬНЫХ ЦАРСТВ	280
<i>Израиль, Самария</i>	281
<i>Прочие города Израиля</i>	285
<i>Южное царство — Иудея</i>	292
<i>Иерусалим</i>	292
<i>Лахиш и прочие города Иудеи</i>	296

ГЛАВА 11

ПАДЕНИЕ ЕВРЕЙСКИХ ЦАРСТВ	306
<i>Лахиш</i>	311
<i>Иерусалим</i>	313

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	316
-------------------------	-----

БИБЛИОГРАФИЯ	317
--------------------	-----

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	326
---	-----

БИБЛЕЙСКО-БОГОСЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ СВЯТОГО АПОСТОЛА АНДРЕЯ

сочетает в себе черты конфессионального и светского учебных заведений, ориентирован на мирян, открыт межконфессиональному диалогу и свободным дискуссиям. Помимо библейско-богословских предметов студенты ББИ изучают широкий спектр общегуманитарных дисциплин. На конкурсной основе лучшим студентам выплачивается стипендия и предоставляется общежитие (для иногородних).

Сегодня ББИ — это:

- *высшее гуманитарно-богословское образование по библеистике, христианской культуре, библейским языкам, богословию, философии, истории Церкви, литургике и социальным дисциплинам,*
- *второе высшее образование, индивидуальные программы для специалистов и повышение квалификации преподавателей и катехизаторов,*
- *начальное и заочное богословское образование,*
- *научные программы (семинары, конференции, исследовательские проекты),*
- *издательская деятельность (учебники, монографии, материалы конференций, журнал «Страницы» и альманах «Мир Библии»),*
- *радиопрограмма «Мост к истине».*

- ☒ СБОРНИК УЧЕБНЫХ ПРОГРАММ ББИ, 2000
 - ☒ РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВНОСТЬ: Вторая половина XX века.
Архиепископ Михаил (Мудьюгин).
 - ☒ ВВЕДЕНИЕ В ОСНОВНОЕ БОГОСЛОВИЕ.
Архиепископ Михаил (Мудьюгин).
 - ☒ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ РУСИ, РОССИИ И СССР.
Д. В. Поспеловский.
 - ☒ РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО. Документы и фотоматериалы 1917–1941 гг.
Составитель: О. Ю. Васильева.
 - ☒ МИР МЕГАЛИТОВ И МИР КЕРАМИКИ. Две художественные традиции в искусстве доантичной Европы.
Э. Л. Лаевская.
 - ☒ ЗОВ ПУСТЫНИ.
Биография малой сестры Магдалены Иисуса.
Катрин Спинк.
Перевод с английского.
 - ☒ ПОСЛУШАЙТЕ ДЕТЕЙ. ПРИСЛУШАЙТЕСЬ, НАКОНЕЦ.
Аньет Кемпбелл.
Перевод с английского.
 - ☒ РУКОПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.
Епископ Каллист Уэр.
Элизабет Бер-Сижель.
Перевод с французского и английского.
 - ☒ НЕЗРИМОЕ ПРИСУТСТВИЕ.
Элен Гизан-Деметриадес.
Перевод с французского.
 - ☒ УРОКИ РАЗДУМЬЯ.
Педагогика нравственного развития.
Филипп Лобстейн
Перевод с французского.
 - ☐ ЭТОТ НЕИСПРАВИМЫЙ ИНДИВИДУАЛИСТ.
История жизни одного финна.
Пол Гундерсен.
Перевод с английского
 - ☐ РЕЛИГИЯ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА.
Хрестоматия
 - ☒ ПРАВОСЛАВНАЯ ЛИТУРГИЯ.
Развитие евхаристического богослужения на православном Востоке.
Хью Уайбру.
Перевод с английского.
 - ☐ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ.
Епископ Каллист (Уэр).
Перевод с английского.
 - ☒ УСЛЫШАТЬ ЧЕЛОВЕКА.
Пол Турнье.
Перевод с английского.
-
- Серия *Современная библистика*.**
- ☒ ТЕКСТОЛОГИЯ НОВОГО ЗАВЕТА.
Рукописная традиция, возникновение искажений и реконструкция оригинала.
Брюс М. Мецгер.
Перевод с английского.
 - ☒ КАНОН НОВОГО ЗАВЕТА.
Происхождение, развитие, значение.
Брюс М. Мецгер.
Перевод с английского.
 - ☐ РАННИЕ РУКОПИСИ НОВОГО ЗАВЕТА.
Брюс М. Мецгер.
Перевод с английского.
 - ☒ ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ В НОВОМ ЗАВЕТЕ. Исследование природы первоначального христианства.
Джеймс Данн.
Перевод с английского.
 - ☒ ДЕЯНИЯ АПОСТОЛОВ. Историко-филологический комментарий.
Гл. 1-8.
И. А. Левинская.

- ☐ ТЕКСТОЛОГИЯ ВЕТХОГО ЗАВЕТА.
Эмануел Тов.
Перевод с английского.

- ☒ ОЧЕРКИ АРХЕОЛОГИИ И
БИБЛЕЙСКИХ СТРАН.
Н. Я. Мерперт.

- ☐ ИИСУС И ЕВАНГЕЛИЯ.
Словарь. Перевод с английского.

- ☐ ВВЕДЕНИЕ В ТЕКСТОЛОГИЮ
ВЕТХОГО ЗАВЕТА.
Дж. Вайнгрин.
Перевод с английского

Серия Богословие и наука.

- ☒ ВЕРА ГЛАЗАМИ ФИЗИКА.
Джон Полкинхорн.
Перевод с английского.

- ☒ РЕЛИГИЯ И НАУКА.
История и современность.
Иен Барбур.
Перевод с английского.

- ☐ ЭТИКА В ВЕК ТЕХНОЛОГИИ.
Иен Барбур.
Перевод с английского.

Серия Диалог.

- ☒ ХРИСТИАНСКО-ИУДЕЙСКИЙ
ДИАЛОГ. Хрестоматия.
Составитель Хелен Фрай.
Перевод с английского.

- ☐ ХРИСТИАНЕ И МУСУЛЬМАНЕ:
проблемы диалога.
Хрестоматия.
Составитель А. В. Журавский

- ☐ ПРАВОСЛАВИЕ И КАТОЛИЧЕСТВО:
от конфронтации к диалогу.
Хрестоматия.

- ☒ ПО НАПРАВЛЕНИЮ К ЕДИНСТВУ.
Богословский диалог между
православной церковью и
восточными православными
церквями
Кристин Шайо.
Перевод с английского.

МИР БИБЛИИ. №№ 1–7
Иллюстрированный альманах.

СТРАНИЦЫ: богословие, культура,
образование.
Ежеквартальный журнал.

Приложения к журналу Страницы.

- ☒ ПРИМИРЕНИЕ. Сборник
материалов Коллоквиума в
Крестовоздвиженском монастыре.
Шеветонь, Бельгия, 1995

- ☐ КРЕЩЕНИЕ И ОБЩЕНИЕ
ЦЕРКВЕЙ. Сборник материалов
Коллоквиума в Крестовоздвижен-
ском монастыре. Шеветонь,
Бельгия, 1998

- ☒ ПОИСКИ ЕДИНСТВА: проблемы
религиозного диалога в прошлом
и настоящем. Сборник статей.

- ☒ 400 ЛЕТ БРЕСТСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ
УНИИ (1596–1996). Критическая
переоценка. Сборник материалов
международной конференции.
Голландия, 1996

- ☒ СОБОРНОСТЬ. Избранные статьи
из журнала англикано-
православного Содружества
св. Албания и преп. Сергия
(Оксфорд).

- ☒ КНИГА БЫТИЯ.
Новый перевод.
Цветные иллюстрации

ИЗДАНИЯ ББИ МОЖНО ПРИОБРЕСТИ В МАГАЗИНАХ:

— Эйдос —

Москва, Чистый пер., 6.

Тел.: (095)201-26-09

— Библия для всех —

С.-Петербург, ул. Лебедева, 31.

Тел./ф.: (812)541-86-88

— Руфь —

Киев, ул. Мильчакова, 5а.

Тел./ф.: (044)516-84-87

ИЗДАНИЯ ББИ МОЖНО ЗАКАЗАТЬ ПО ПОЧТЕ:

Библейско-богословский институт св. апостола Андрея
ул. Волхонка, д. 18/2, Москва, 121019, Россия

Тел./факс: (095) 135-8292

Пейджер: (095) 788-0088 для аб. «апостол Андрей»

E-mail: standrews@standrews.ru

Web-site: <http://www.standrews.ru>

Наш расчетный счет: Мещанское ОСБ № 7811/096,
р/с 40702810538090102063, БИК 044525342
к/с 30101810600000000342
в МБ АК СБ РФ, ИНН 7707094849

ИД № 04479 от 09.04.2001 г.
Подписано в печать 19.06.2001. Формат 60×90/16
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Таймс».
Усл. п. л. 21. Уч.-изд. л. 21,67
Тираж 3 000 экз. Заказ № 3912

ООО «Северный Город – 7»
113186 Москва, ул. Нагорная, д. 26, корп. 1

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных
диапозитивов в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

Израиль в эпоху Ветхого Завета

Большая башня докерамического Иерихона. IX–VIII тыс. до Р. Х.
(по Ядину)

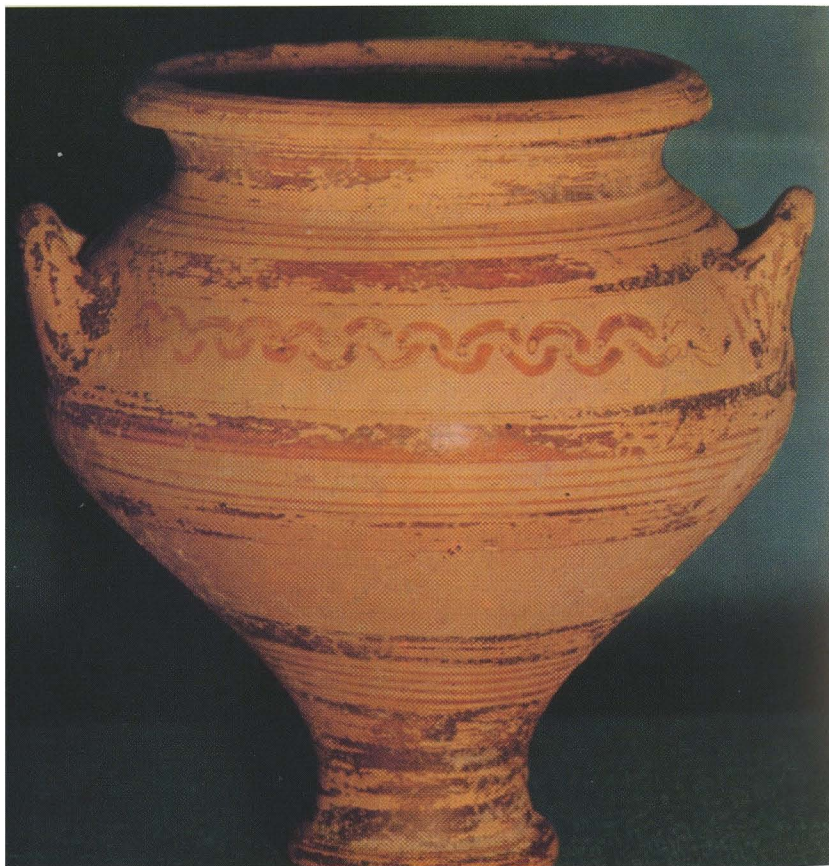

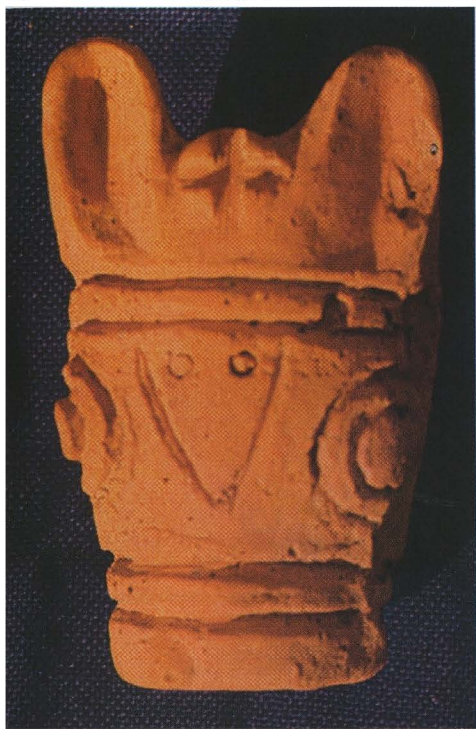
Асор. Храм. Рельеф льва с головой, выполненный в технике круглой скульптуры. XVI–XV вв. до Р. Х. Длина 1,9 м, высота 0,9 м (по Ядину)

Асор. Пробка из слоновой кости в виде головки египетской богини Хатхар с солнечным диском из погребения XV–XIV вв. до Р. Х. Высота 4-5 см. (по Ядину)

Асор. Микенский сосуд типа III А-В. XIV в. до Р. Х. (по Ядину)

Асор. Глиняная стилизованная головка животного с диском и крестом на лбу. Высота 8 см. X в. до Р. Х. (по Ядину)

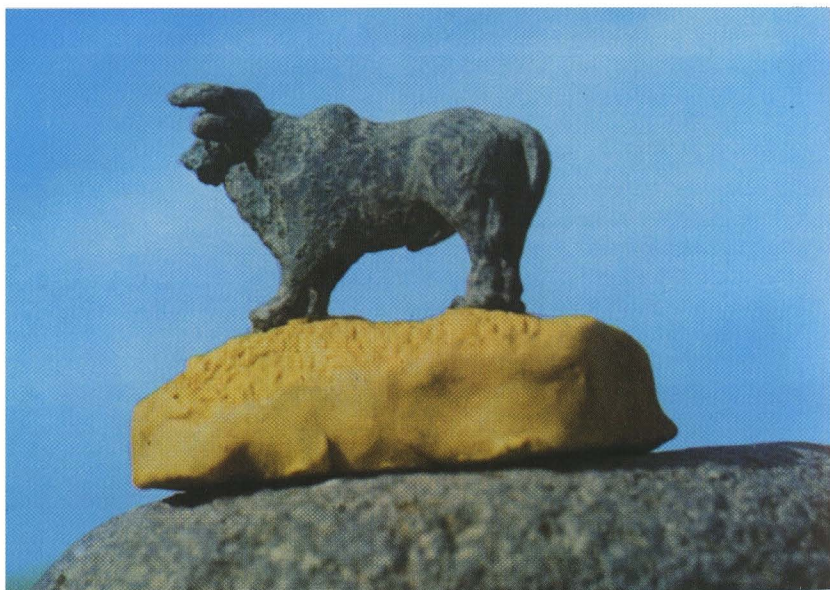

Асор. Базальтовый сосуд из храма IV (XIII в. до Р. Х.) (по Ядину)

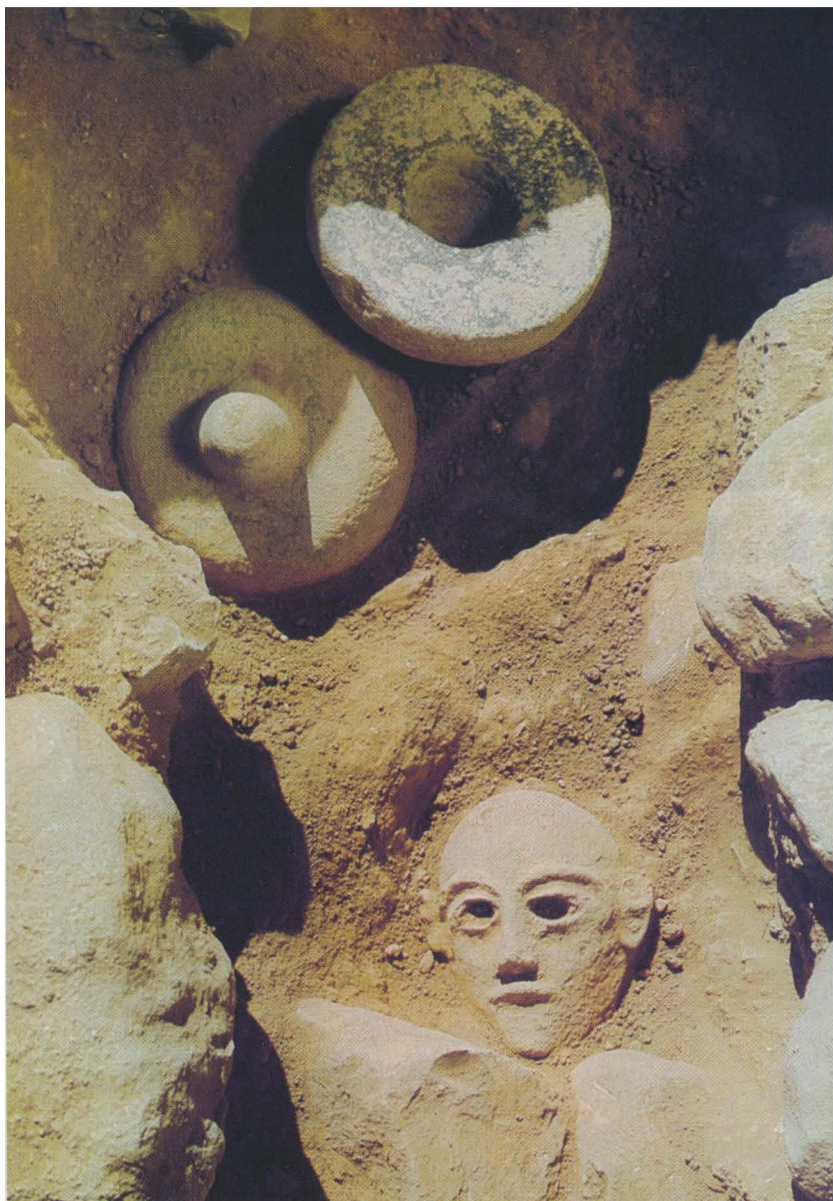

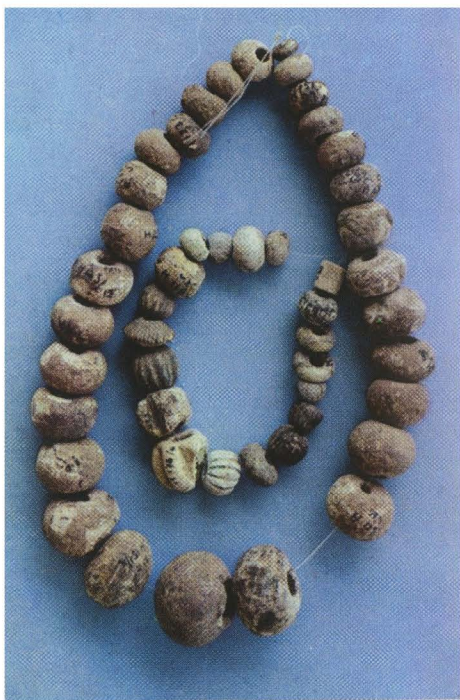
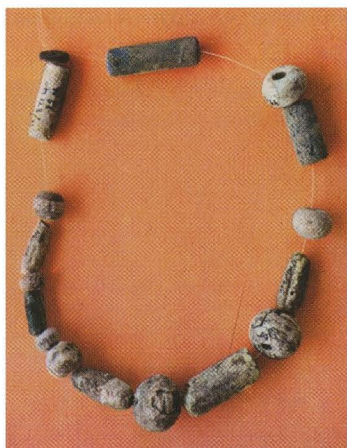
Асор. Храм IV. Столпообразный алтарь для сожжения благовоний с эмблемой бога погоды. XIII в. до Р. Х. (по Ядину)

Асор. Бронзовый бык из храма IV (XIII в. до Р. Х.) (по Ядину)

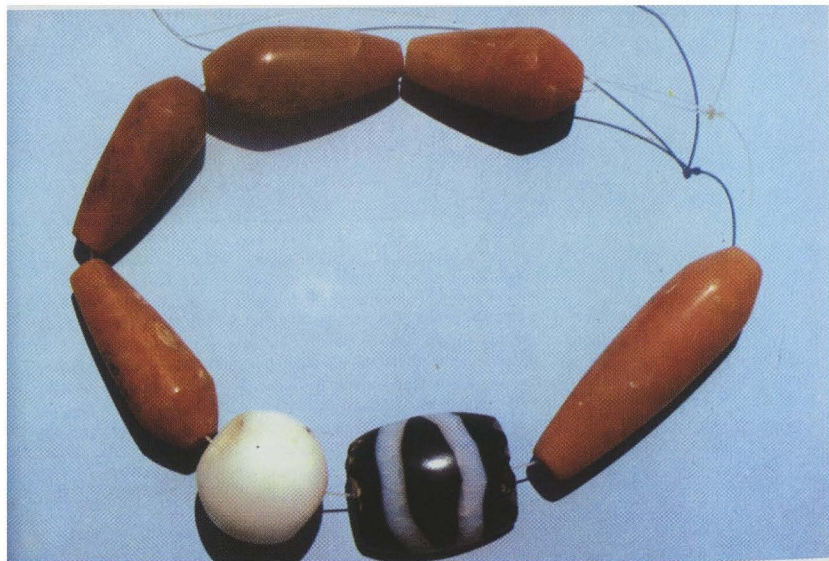

Асор. Район храма XIII в. до Р. Х. Базальтовые гончарные круги и глиняная ритуальная маска (по Ядину)

**Бусы из «святое святых»
храма IV в Асоре.
XIII в. до Р. Х.
(по Ядину)**

b

a

Асор. Клад бронзовых изделий в большом сосуде. XI в. до Р. Х. (а — сосуд с кладом; б, с — вещи из клада) (по Ядину)

c

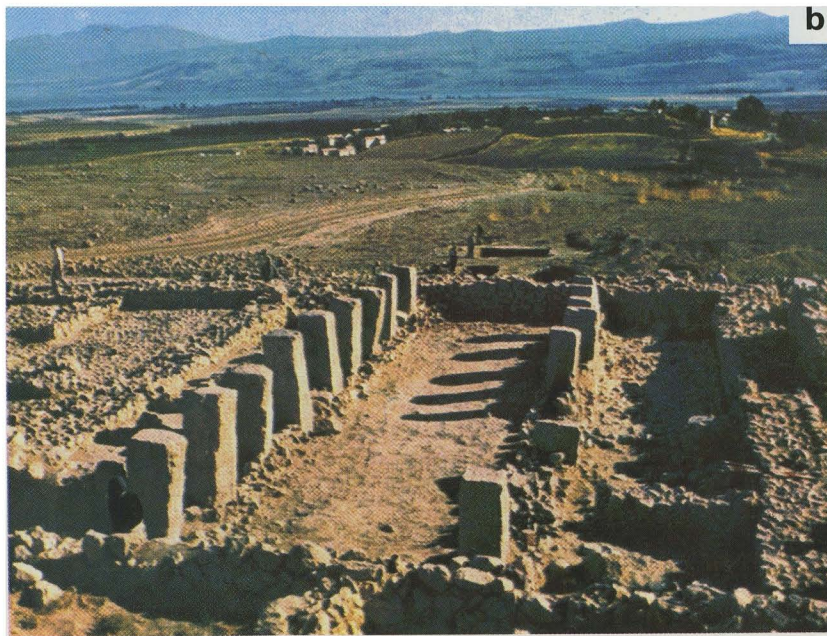
Миниатюрные бронзовые статуэтки из «туалетной сумочки», найденной в VI слое Мегиддо (XI в. до Р. Х.): а. Коза; в-с. Обезьяна с яблоком (по Ядину)

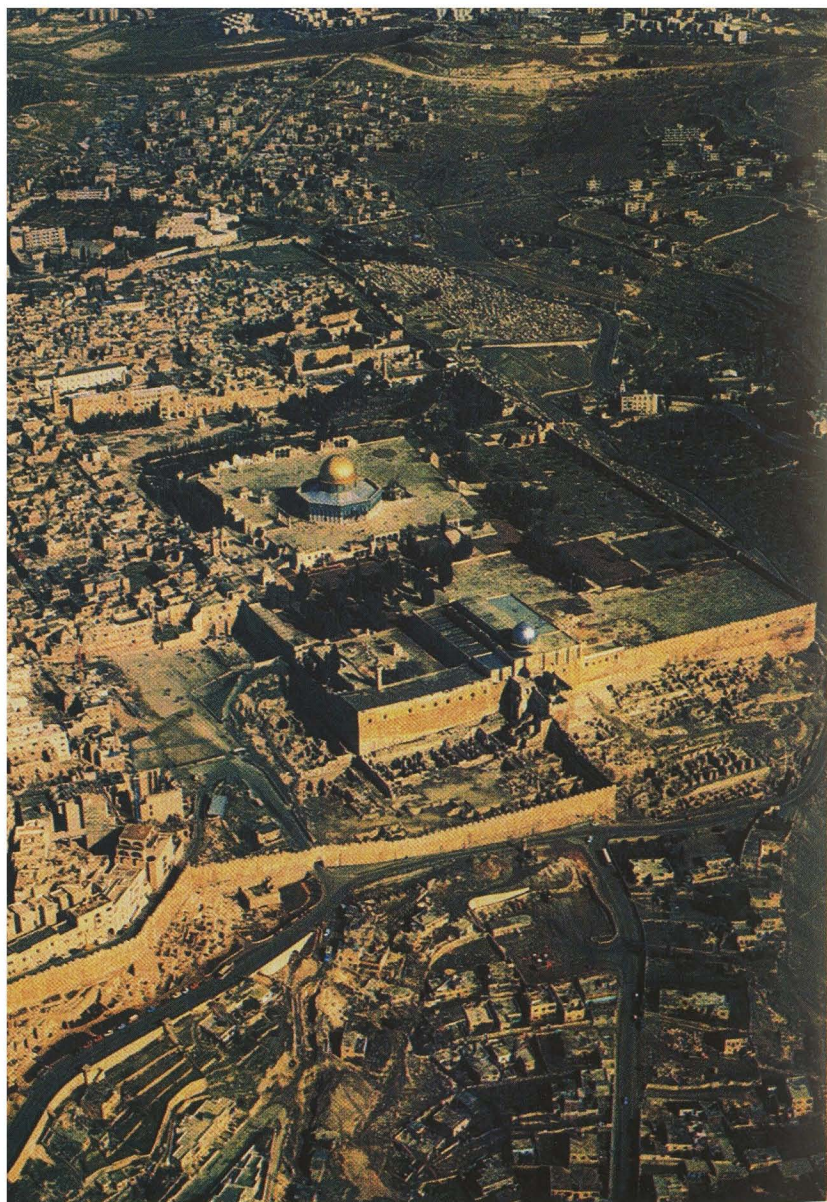

a

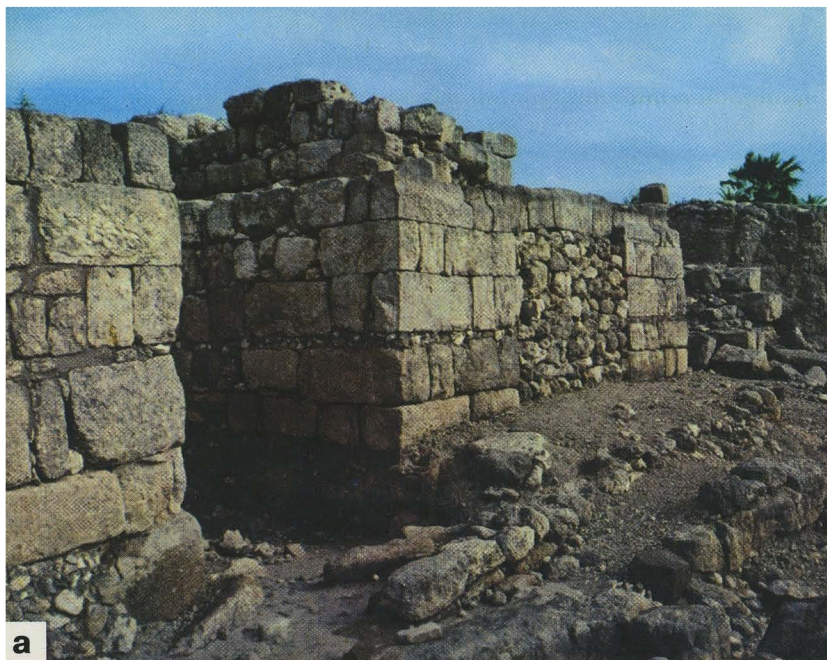
Асор: а. Остатки дворца среднего бронзового века (XVIII–XVII вв. до Р. Х.), перекрытые «столбовым» домом IX в. до Р. Х.; б. «Столбовой» дом IX в. до Р. Х. (по Ядину)

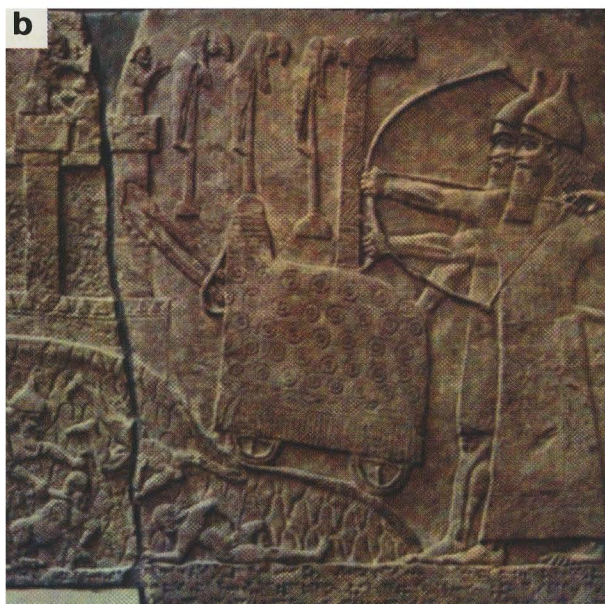
b

Иерусалим. Аэрофотосъемка. Вид с северо-востока (по Блейклоку и Харрисону)

a

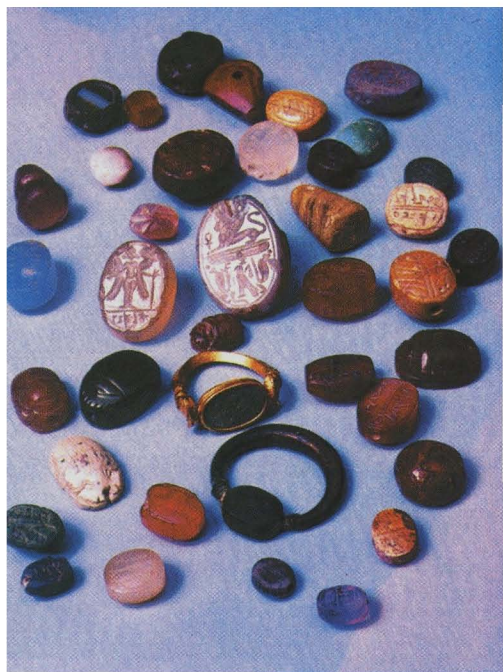

b

Фортификации городов и осадная техника:
а. Городские ворота в Мегиддо, X в. до Р. Х.;
б. Разрушение фортификаций осажденного города тараном ассирийского царя Тиглатпаласара III (ассирийский рельеф) (по Ядину)

а

**Печати и украшения
Палестины:**
**а. Печати второй четверти
I тыс. до Р. Х;**
**б. Клад драгоценностей —
бус, колец, скарабеев
(золото, серебро,
сердолик, яшма) первой
четверти I тыс. до Р. Х.
(по Блейклоку
и Харрисону)**

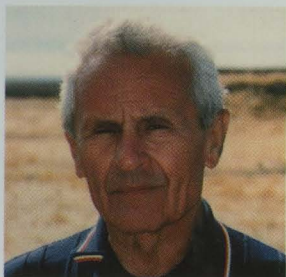
б

Николай МЕРПЕРТ

ОЧЕРКИ АРХЕОЛОГИИ БИБЛЕЙСКИХ СТРАН

Книга посвящена основным результатам археологических исследований в Палестине и смежных ей областях. Последовательно рассматривается история этих исследований, их главные достижения и соотношение с письменными источниками, прежде всего со Священным Писанием. Книга носит характер очерков, поскольку автор касается ключевых проблем полуторавекового изучения памятников Палестины. Подчеркивается огромная информативность раскопок в Палестине для всех периодов ее развития от древнейшего каменного века до падения Раздельных царств и вавилонского пленения. В ряде случаев автор останавливается на общих вопросах истории Святой земли, характере исторического процесса на этой важнейшей территории и сопоставлении археологических заключений с библейскими текстами. Автор стоит на точке зрения реальности основных исторических информации Библии и наличия глубоких корней ее мифологии.

Николай Яковлевич Мерперт родился в 1922 г. в Москве. Участник Великой Отечественной войны. Окончил МГУ в 1945 г. и аспирантуру Института археологии Российской Академии Наук в 1949 г. Доктор исторических наук (1969), профессор (1974). Член-корреспондент Центрального германского археологического института, заслуженный деятель науки Российской Федерации, лауреат Государственной премии. Специалист по первобытной археологии Восточной Европы и Средиземноморья. Автор 320 печатных работ, в том числе 8 монографий. Участник и руководитель полевых археологических исследований в степной полосе юга России, Монголии, Болгарии, Египте, Ираке и Сирии. Основные монографии: «Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья», «Древнемонгольские города» (в соавт.), «Раннединастическое поселение Хор-Дауд в Северной Нубии», «Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии» (в соавт.) и др.

Окончил МГУ в 1945 г. и аспирантуру Института археологии Российской Академии Наук в 1949 г. Доктор исторических наук (1969), профессор (1974). Член-корреспондент Центрального германского археологического института, заслуженный деятель науки Российской Федерации, лауреат Государственной премии. Специалист по первобытной археологии Восточной Европы и Средиземноморья. Автор 320 печатных работ, в том числе 8 монографий. Участник и руководитель полевых археологических исследований в степной полосе юга России, Монголии, Болгарии, Египте, Ираке и Сирии. Основные монографии: «Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья», «Древнемонгольские города» (в соавт.), «Раннединастическое поселение Хор-Дауд в Северной Нубии», «Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии» (в соавт.) и др.

**БИБЛЕЙСКО-БОГОСЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ
СВЯТОГО АПОСТОЛА АНДРЕЯ**